

*Семен
Раткин*

ТАЙНЫ

ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

СЕРИЯ «БЕСПРЕДЕЛ».

Семен Раткин

ТАЙНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ФАКТЫ, ДОКУМЕНТЫ, ВЕРСИИ

МИНСК
СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
1995

ББК 63.3(2)6

P25

УДК 947

Серия основана в 1994 году

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Раткин С. И.

Р 25 Тайны Второй мировой: Факты, документы, версии.— Мн.: Современ. лит., 1995.— 480 с.— (Беспредел).

ISBN 985-6202-71-X.

Основу документального повествования «Тайны Второй мировой» составили факты и документы, открывающие истинную подоплеку военных событий и неизвестные лица известных людей, стоящих за этими событиями.

Невероятные тайны, впервые становятся достоянием широкой читающей публики.

Р 9470000000

ББК 63.3(2)6

ISBN 985-6202-71-X

© С. И. Раткин, 1995

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Документальный сборник Семена Раткина посвящен событиям II Мировой войны.

Когда началась II Мировая война?

После подписания в 1919 году Версальского мирного договора, подводившего итоги I Мировой войны, главнокомандующий союзными войсками маршал Фердинанд Фош сказал: «Это не мир, а перемирие на двадцать лет».

В. И. Ленин, личность, роль которой в истории XX века не стоит недооценивать, назвал Версальскую систему договоров «порядком, построенным на вулкане».

Претендовавшая на господство в Европе Германия после поражения в I Мировой войне была разорена и унижена.

В это же время Советская Россия, оказавшаяся в международной изоляции, стремилась найти слабое звено во враждебном европейском окружении. Таким слабым звеном стала униженная Германия.

Именно Германия стала первой крупной европейской страной, которая установила с Советской Россией дипломатические отношения.

По Версальскому мирному договору Германии было запрещено иметь танковые соединения и военно-воздушный флот. Но очень скоро в мире заговорили о том, что на заводах бывшего пушечного короля Германии Круппа производят «детские колясочки, которые при желании можно быстро превратить в пулемет», а в конструкторских бюро вместо моделей тракторов разрабатываются новые конструкции танков.

В подготовке квалифицированных летчиков и танкистов Германии помогал СССР. Летчиков готовили в Липецке, а танкисты обучались в Казани. В то же время один из первых маршалов СССР М. Н. Тухачевский повышал свою военную квалификацию в Германии.

Гитлер шел к власти под лозунгом: «Долой Версальские оковы!»

Перемирие было хрупким. Уже в начале 30 годов перед миром встал призрак Второй Мировой войны, который мир упорно не хотел замечать. Появились первые очаги войны: Япония завоевывала Китай, Италия захватила Эфиопию...

В 1936 году Гитлер и Муссолини приняли участие в Испанской гражданской войне. Именно в Испании впервые в открытую столкнулись интересы Гитлера и Сталина. Война 1936—1939 гг. в Испании явилась в некотором роде испытанием боевой мощи, смотром новейшей техники двух великих держав.

На этом фоне возникала шпиономания. Газета «Правда» от 11 июня 1937 года писала: «Тысячи и десятки тысяч шпионов и разведчиков засылают капиталистические государства друг к другу.

На ярчайших исторических примерах товарищ Сталин в докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года показал и доказал: есть все основания, с точки зрения марксизма, предположить, что в «тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое, втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства».

Воссоздание истории войны — процесс многосторонний.

Для моего друга Семена Раткина II Мировая война началась в ноябре 1939 года, когда он, приняв командование танковым дивизионом, отправился на финскую войну, которую сейчас часто называют «неизвестной войной».

30 ноября 1939 года при переходе главного опорного рубежа, получившего название «линия Маннергейма» боевое орудие моего друга попало на мину. Семен Раткин остался в живых, получив открытый перелом бедра и повреждения локтевых суставов.

Два месяца провел в Ленинградском госпитале, куда постоянно прибывали все новые и новые раненые. Госпиталь был переполнен, поэтому было решено его «разгрузить» — часть раненых была перевезена в город Сердобск Пензенской области. Из Сердобска капитана Семена Раткина отправили для поправки здоровья в Сочи.

После возвращения из Сочи он вновь вернулся в свой дивизион, который был направлен в Бессарабию, кото-

рая по секретному протоколу, приложенному к пакту Молотова — Рибентропа, перешла Советскому Союзу. Великая Отечественная война застала Семена Раткина в имении князя Сапеги Бильче Золотая.

Попал в окружение... Добирался до своих... Партизанил...

В 1944 году принимал участие в операции «Багратион». За короткое лето 1944 года успел получить два ордена Боевого Красного Знамени.

Вновь был ранен, на этот раз — снайпером. Потерял глаз.

Мои встречи с Семеном Раткиным были продолжительными. Мы были соседями, я часто навещал его по вечерам. Мой друг был интересным собеседником и рассказчиком, обладал удивительным чувством юмора. При этом его трудно было назвать многословным.

На многие темы он принципиально не хотел разговаривать. Это чувствовалось по затягивающимся паузам, которые возникали, когда я начинал расспрашивать его о войне.

Говорить о пережитом лично не всегда хочется...

И все же, по словам Л. Лазарева, «наверное, и две тысячи лет назад римские легионеры — участники Гальской войны — зачитывались только что появившимися записками Цезаря и до хрипоты спорили, верно ли, скажем, описан переход через Рубикон, посулил ли автор тогда всем воинам золотые кольца всадников или это им померещилось, воздал ли он по заслугам, в соответствии с совершенными подвигами их любимым центурионам».

Воспоминания очевидцев и участников всегда вызывали интерес. Но во времена, когда история умышленно фальсифицируется, судьба мемуаров трагична, их заменяет официальная пропаганда.

Когда вскоре после войны маршал А. М. Василевский доложил Сталину, что подготовлены два сборника военных воспоминаний — «Штурм Берлина» и «От Сталинграда до Вены», то ответ был кратким и предельно ясным: «Не пришло время для мемуаров». Так была решена судьба литературы о войне... А разве можно было рассказать в то время о поражениях 1941—1942 годов и их причинах, о репрессиях, от которых высший командный состав понес потери в три раза большие, чем на войне?

Лжеистория насаждалась, пропагандировалась и насаждалась не без помощи карательных органов.

Публикации о войне начались после XX съезда партии. Воениздат стал выпускать серию «Военных мемуаров», книги из этой серии способствовали постижению подлинной истории и пользовались широкой популярностью. И я, и мой друг Семен Раткин читали книги из этой серии, обменивались ими.

Семен Раткин не воспринимал официальную пропаганду, никогда не смотрел фильмов о войне, исключение составляла только мемуарная литература.

Однажды, когда жизнерадостная пионерка в отглаженном галстуке клялась по телевизору «свято хранить память о тех, кто отдал свои жизни ради будущих поколений», он раздраженно выключил телевизор.

— Почему вы сделали это? — спросил я.

— Потому что на войне никто не думал о «будущих поколениях», каждый воевал за себя, чтобы выжить...

Мой друг не дожид до публикации этого документального сборника, не дожид до торжеств, посвященных 50-летию Великой Победы. Надежды, что Вторая Мировая война будет последней войной на нашей земле, не оправдались. И сейчас люди продолжают воевать — «каждый за себя».

Сергей Васильевич Щербаков, историк.

«НЕИЗВЕСТНЫЕ» ВОЙНЫ

СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА. КОЛИЧЕСТВО ЖЕРТВ

Твардовский назвал советско-финскую войну «незнаменитой».

В душах и памяти старших поколений, несмотря на усилия последующей полувековой отечественной пропаганды, она оставила не «героический след», а лишь смешанное чувство горечи, больших сомнений, ощущение какой-то вины и неудовлетворенности.

В краткой советской энциклопедии, выпущенной в 1943 году, говорится:

«...Советские войска потеряли 48.745 человек убитыми и 158.863 человек ранеными». Однако в ходе научно-практической конференции на тему: «Документы государственного архивного фонда СССР об укреплении обороноспособности страны накануне Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 гг.» названы другие данные. За 105 дней советско-финляндской войны Красная Армия потеряла 289.510 человек, из них 74 тыс. убитыми и 17 тыс. пропавшими без вести. Остальные — раненые и обмороженные.

С просьбой обсудить проблему безопасности Ленинграда, а финская граница проходила от него всего в 35 километрах, советская сторона обратилась в Хельсинки еще в 1937 г.

В 1938 году, после поглощения Австрии Германией, Москва вступила с Хельсинки в секретные переговоры по вопросу безопасности. Советский Союз добивался от Финляндии твердых гарантий, что та будет защищать свой нейтралитет, если Германия решит вторгнуться в Советский Союз с севера, то есть с финской территории. Москва не верила, что Финляндия сможет и даже пожелает защитить свою территорию, если Германия решит напасть на Советский Союз через нее. Москва

добивалась участия Советского Союза в создании оборонительных объектов на Аландских островах и на принадлежащем Финляндии Сурсаари в Финском заливе. Финляндия должна была согласиться принять помощь Советского Союза в отражении нападения Германии. Финляндия отклонила эти предложения, поскольку они расценивались как противоречащие принципам суверенитета и скандинавского нейтралитета. Макс Якобсон прекрасно охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Финляндия испытывала страх перед Советским Союзом; Дания — перед Германией, Швеция — никак не могла решить, кого ей следует бояться в достаточной безопасности, чтобы не бояться никого».

После первого переговора правительства обеих стран решили действовать по параллельным направлениям: не отказываясь от политических переговоров, они начали предпринимать опасные меры, причем военного характера. Советский Союз — наступательные, а Финляндия — оборонительные. Строительство оборонных сооружений в Финляндии началось еще в 30-х годах, в чем ей активно помогали западные страны. С участием немецких специалистов была сооружена аэродромная сеть, способная принять в 10 раз больше самолетов, чем насчитывал воздушный флот страны. Англия, Франция, Германия, Бельгия оказали Финляндии существенную помощь в сооружении на Карельском перешейке линии Маннергейма — системы укреплений общей глубиной почти 90 километров.

В эти годы Маннергейм был командующим вооруженными силами Финляндии.

Карл Маннергейм родился в 1867 году в Финляндии в семье выходцев из Швеции. Он получил образование в кадетском корпусе, Гельсингфорсекском лицее и в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге, знал шведский, финский и русский языки. Впоследствии овладел еще языками: кроме немецкого, английского, французского, мог изъясняться на китайском.

Карл Маннергейм верой и правдой служил русскому царю. Участвовал в войне с Японией, отличился в сражении под Мукденом и был досрочно произведен в полковники.

После войны Маннергейм был направлен Генеральным штабом в военно-научную экспедицию по странам Центральной Азии. Он путешествовал по русскому и ки-

тайскому Туркестану, был в Пекине, добрался до Японии.

Маннергейм первым из европейцев встретился с таинственным дала й-ламой. Сделал фотоснимки сцен была и богослужения буддийских монахов. Дневники путешественника были изданы в 1909 году, а в 1940 году на их основе в Финляндии появилась увлекательная книга.

После экспедиции Маннергейм был произведен в генерал-майоры свиты Его Величества.

Затем он командовал дивизией в Польше. Участвовал в 1-й мировой войне.

После Октябрьской революции Маннергейм, будучи уже генерал-лейтенантом, ушел в отставку и уехал в Финляндию.

После достижения Финляндией независимости в ней не было первоначально собственной системы управления. Крупная буржуазия пригласила на финляндский трон немецкого принца Фридриха Карла Гессенского. Но тот даже не успел добраться до места царствования: отречение кайзера после ноябрьской революции в Германии сорвало эти планы.

Судьбу страны вручили Маннергейму. Ему присвоили звание правителя Финляндии. В этом ранге он разработал основы государственного управления, занимался дипломатической деятельностью: вел успешные переговоры о признании Англией и Францией независимости Финляндии.

Но на президентских выборах летом 1919 года Маннергейм потерпел поражение.

Верный «белой идее», он написал в октябре 1919 года письмо правительству, в котором призвал организовать военный поход против России. Широкая общественность страны негативно восприняла этот призыв. Маннергейм надолго отошел от политической жизни.

Генерал много путешествовал. Заседая в правлении банков, создал Союз защиты детей, возглавил финский Красный Крест.

В 1931 году Маннергейма пригласили председательствовать в только что созданном Совете обороны и присвоили ему звание маршала.

Когда вспыхнула «зимняя война», маршал взял на себя командование войсками.

Возвращаясь к отношениям Финляндии и Советского

Союза в 1939 году, необходимо отметить, что новую ситуацию создало заключение советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 года. В секретном приложении к этому договору Финляндия была отнесена к сфере советского влияния.

Командующему ЛВО было приказано срочно подготовить план «прикрытия контрудара», тайно форсировать подготовку войск и ускорить военное строительство. Расчет строился на том, что «контрудар» должен быть осуществлен в максимально короткие сроки. (Странно лишь, почему эти действия назывались «контрударом». Ведь никто серьезно не рассчитывал на опасность «удара» с финской стороны).

Справедливости ради следует сказать: стороны не теряли надежды на политическое урегулирование возникшего спора. Свидетельством тому стало решение о возобновлении переговоров представителей обеих стран с 12 октября 1939 года.

Правительство Финляндии получило приглашение вызвать своего представителя в Москву для обсуждения «конкретных политических вопросов».

Финляндское правительство попросило Ю. К. Паасикиви стать этим представителем. Он возглавлял финскую делегацию, которая заключила мирный договор в Тарту в 1920 году — правовая основа последующих отношений между Финляндией и Советской Россией. Этот договор был дополнен пактом о ненападении, подписанным в 1932 году, который должен был оставаться в силе до 1945 года.

Врученные Паасикиви инструкции разъясняли, что финляндское правительство не может вести переговоры о каком-либо пакте о взаимной помощи, территориальных уступках или создании баз на финляндской границе. Утверждалось, что это было бы несовместимо с провозглашенной Финляндией политикой нейтралитета. Самое большое, на что Финляндия была теперь готова, это согласиться с русскими просьбами при условии получения соответствующей компенсации. Таким образом, не могло быть и речи о заключении соглашения того сорта, которые были достигнуты с Прибалтийскими республиками. Чтобы подкрепить свою позицию, правительство Финляндии мобилизовало армию и начало эвакуацию крупных городов и пограничных районов.

Переговоры открылись в Москве между Сталиным

и Молотовым с одной стороны, и Паасикиви — с другой. Советский Союз предложил пакт о взаимной помощи либо общего характера, либо относящийся только к зоне Финского залива СССР, далее, потребовал передать ему в аренду полуостров Ханко для создания военной базы, с гарнизоном численностью 5 тысяч человек, уступить все внешние острова, включая самый крупный и самый западный остров — Сурсари; отодвинуть государственную границу на Карельском перешейке примерно на 40 миль дальше от Ленинграда.

Сталин сказал: «Мы не можем ничего поделать с географией. Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется передвинуть от него подальше границу».

Далее предлагалось ликвидировать все укрепления по обеим сторонам новой границы; передать СССР финскую половину полуострова Рыбачьего на севере страны и заключить соглашение, что ни одна из сторон не будет вступать в какие-либо пакты, направленные против другой стороны. В свою очередь СССР предлагал в качестве компенсации территорию в Советской Карелии в два раза большую, чем та, которую уступала Финляндия, и выражал готовность разрешить Финляндии построить укрепления на Аландских островах, которые в то время были демилитаризованы, но вооружения которых Финляндия добивалась с 1938 года.

Паасикиви имел строгие инструкции придерживаться существовавших договоров и не принимать никаких предложений, которые могли бы поставить под вопрос нейтралитет страны. Позиция Хельсинки состояла в том, что у Москвы нет законных оснований выдвигать требования, которые сделали бы для Финляндии невозможным придерживаться принципов скандинавской политики нейтралитета. Финляндия могла и стала бы защищаться: от нее или от другого государства с ее территории не исходило никакой угрозы для Советского Союза. Существовали сильные опасения, что территориальные уступки, особенно предоставление военно-морской базы в западной части Финского залива, будут первым шагом к потере независимости. Занимая эту твердую позицию, правительство могло рассчитывать на поддержку общественного мнения, которое всецело выступало за сохранение территориальной целостности.

Несмотря на уступки с обеих сторон, соглашение так и не было достигнуто и переговоры были прерваны

в середине ноября 1939 года. Камнем преткновения оказалась военно-морская база на Ханко.

Следует подчеркнуть, что в Хельсинки предавались опасному заблуждению юридического порядка, полагая, что Сталин не пойдет на объявление войны, чтобы добиться своего; что Советский Союз, который неоднократно подчеркивал свое стремление к миру, не поставит под угрозу свою международную репутацию, развязав войну против крошечного северо-западного соседа. Угрозы и предостережения Молотова принимались за блеф, испытание нервов, приемы; с помощью которых русские хотели запугать финнов. Ведь не объявлялось никаких ультиматумов. Считали, что либо все останется по-прежнему, либо будут продолжены переговоры.

И только два влиятельных лица — сам Паасикиви и Маннергейм, главнокомандующий вооруженными силами Финляндии на время войны, — выступили в пользу далеко идущих уступок. Эти двое были готовы принять большинство русских требований, касающихся Карельского перешейка, и предложить некоторые прибрежные острова в качестве баз вместо полуострова Ханко, ибо ни один из них не имел иллюзий относительно намерений СССР и других стран мира. Оба они верили, что, если Финляндия позволит войне разразиться, ей придется сражаться в одиночку и она потерпит быстрое поражение.

Маннергейм писал: «Я говорил, что Финляндии было бы гораздо выгоднее передвинуть, за компенсацию, разумеется, государственную границу от Петербурга на несколько миль западнее...»

После прекращения переговоров наступило временное затишье. Правительство Финляндии было уверено в том, что оно избрало правильный путь. Никаких шагов по возобновлению переговоров не делали. Эвакуированные жители стали возвращаться домой, планировали возобновление занятий в школах.

26 ноября в Майниле на Карельском перешейке произошел странный инцидент — в результате артобстрела погибли несколько советских солдат. Финляндскому правительству была направлена нота, обвинявшая финских артиллеристов в ответственности за это событие и требовавшая отвода от границы финских войск. В ноте говорилось, что СССР не хочет раздувать этот инцидент: это, по-видимому, подразумевало, что даже

теперь Финляндия может отказаться от своей позиции.

Этот инцидент был предметом долгих споров среди политиков и исследователей. Сейчас существуют источники, указывающие на то, что артобстрел этот был делом ведомства Берия.

Вот что писал Н. С. Хрущев: «Однажды, когда я приехал в Москву — это, по-моему, уже была поздняя осень 1939 года, Сталин меня пригласил к себе на квартиру: «Приезжайте ко мне, покушаем. Будут Молотов и Куусинен».

Куусинен тогда работал в Коминтерне.

Я приехал в Кремль, на квартиру к Сталину. Начался разговор, и по ходу его я почувствовал, что это продолжение предыдущего разговора. Собственно, уже реализация принятого решения о том, чтобы предъявить ультиматум Финляндии. Уже договорились с Куусиненом, что он возглавит правительство создающейся Карело-Финской ССР.

Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина. Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями.

Я опять повторяю, какие конкретные территориальные претензии были выдвинуты, какие политические требования, какие взаимоотношения должны были сложиться, я сейчас не помню, но, видимо, какие-то условия были выдвинуты с тем, чтобы Финляндия стала дружеской страной. Эта цель преследовалась, но в чем это выражалось, как формулировалось, я не знаю. Я эти документы не читал и не видел.

Тогда Сталин говорил: «Ну вот, сегодня будет начато дело».

Мы сидели довольно долго, потому что был уже назначен час. Ожидали. Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши предложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель — это обезопасить нас с севера.

Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически, началась война. Я говорю это потому, что существует другая

трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить.

Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения, желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах».

28 ноября Советский Союз заявил о денонсации Договора о ненападении и отзыве своих дипломатических представителей из Финляндии.

Войска Ленинградского военного округа получили приказ путем активных боевых действий отодвинуть границы на Карельском перешейке. Целью последующих военных мер ставился выход на линию Кексгольм — Выборг, что, по замыслам советского командования, должно было решить исход войны. 3 ноября части Красной Армии перешли границу Финляндии.

Численность населения Финляндии в 1939 году не превышала 4 миллионов человек. Финская армия в период между 10 и 23 октября была дислоцирована на территории, предусмотренной планами на случай оборонительных действий. Там войска занимались строительством фортификационных сооружений, по возможности знакомились с местностью будущих боев.

Общая численность армии к тому времени составляла 337 тысяч человек. Она имела на вооружении 500 полевых орудий, 118 самолетов. Отсутствие противотанковых орудий, довольно устаревшая полевая артиллерия, недостаточное количество к ней снарядов, а также плохая авиационная техника снижали ударную мощь армии. Сталин, однако, сильно недооценивал боевой дух финских солдат.

Маршал А. М. Василевский в беседе с К. Симоновым поделился следующими воспоминаниями: «Военный совет, поставил вопрос о том, что, раз так, то нам придется воевать с Финляндией. Шапошников, как начальник генерального штаба, был вызван для обсуждения плана войны. Оперативный план войны с Финляндией, разумеется, существовал, и Шапошников доложил его. Этот план исходил из реальной оценки финской армии и реальной оценки построенных финнами укрепленных районов. И в соответствии с этим он предполагал сосредоточить больше сил и средств, необходимых для решительного успеха этой операции.

Когда Шапошников назвал все эти запланированные Генеральным штабом силы и средства, которые до начала этой операции надо было сосредоточить, то Сталин поднял его на смех. Было сказано что-то вроде того, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой... Финляндией, требуете огромных сил и средств. В таких масштабах в них нет никакой необходимости.

После этого Сталин обратился к Мерецкому, командовавшему тогда Ленинградским военным округом, и спросил его: «Что, вам в самом деле нужна такая огромная помощь для того, чтобы справиться с Финляндией? В таких размерах вам это нужно?»

Мерецков ответил: товарищ Сталин, надо подсчитать, подумать. А помощь нужна, но, возможно, что и не в таких размерах, какие были названы.

После этого Сталин принял решение: «Поручить всю операцию против Финляндии целиком Ленинградскому фронту. Генеральному штабу этим не заниматься, заниматься другими делами».

Он таким образом заранее отключил Генеральный штаб от руководства предстоящей операцией. Более того, сказал Шапошникову, что ему надо отдохнуть, предложил ему дачу в Сочи и отправил его на отдых. Сотрудники Шапошникова были тоже разогнаны кто куда, в разные инспекционные поездки. Меня, например, загнал для чего-то на демаркацию границ с Литвой».

Войну начинали силами Ленинградского военного округа.

Правда, военный округ получил подкрепления, однако они так и не успели дойти до границы Финляндии к началу войны. Тогда в распряжении командования Ленинградского военного округа было 19 дивизий, то есть около 450 тысяч человек, свыше 2 тысяч танков и около тысячи самолетов.

Ленинградский фронт начал действовать рано утром 30 ноября 1939 года; советские войска перешли в наступление на суше, на море и в воздухе. Основной удар наносился на Карельском перешейке, где действовала 7-я армия под руководством командира 2-го ранга Яковлева. В ее составе было 190 тысяч бойцов, 900 пушек и гранатометов, почти тысяча танков. «Карельский перешеек» находился под командованием генерал-лейтенанта Хюго Эстермана. В его подчинении находилось

приблизительно 133 тысячи солдат и офицеров, 330 единиц полевой артиллерии.

Севернее Ладоги действовали 8-я армия и базировавшаяся в Мурманске 14-я армия.

Первый период боев на перешейке развивался согласно финскому плану. Отступление сил прикрытия усилилось до 5 декабря, когда советские войска подошли к «линии Маннергейма».

Финны утверждают, что в этих боях они добились значительных успехов и нанесли тяжелые потери наступавшим. Но главное — финские войска приобрели боевой опыт, особенно в борьбе с танками, в которой они широко использовали бутылки с горючей жидкостью. Другой характерной чертой этих боев была тактическая неповоротливость Красной Армии. Массированные атаки велись в плотных боевых порядках, в результате их легко и с большими потерями для наступавших можно было отразить; танки и артиллерия никак не могли наладить эффективное взаимодействие с пехотой.

Советские войска оказались слабо подготовленными к боевым действиям в условиях бездорожья, что усугублялось к тому же необычно суровой зимой. Танки и тяжелая артиллерия увязли в глубоком снегу, снабжение многих частей и соединений оказалось прерванным; резко нарушилось управление войсками. К тому же начались массовые обморожения и простудные заболевания сравнительно легко экипированных бойцов и командиров Красной Армии.

Одной из серьезнейших причин провала сталинского блицкрига являлось состояние командного состава Вооруженных Сил СССР. Именно в «зимней» войне впервые пришлось пожинать горькие плоды беззаконий и репрессий предшествующих месяцев и лет, когда был уничтожен по существу весь цвет Красной Армии.

Но других методов, кроме репрессий, советское командование не знало.

Вот что писал, например, в конце декабря 1939 года Сталину и Молотову нарком и «первый маршал» Ворошилов, пытавшийся снять с себя всякую ответственность за провалы и общее состояние боеготовности войск: «Считаю необходимым провести радикальную чистку корпусов, дивизий и полков. Выдвигать вместо трусов и бездельников (сволочи тоже есть) честных и расторопных людей...»

В боевых частях и соединениях снова прокатилась волна репрессий. Широко практиковалось проведение ускоренных судов, а затем расстрелов осужденных перед личным составом войск. Вспомнили и о «положительном» опыте времен гражданской войны: на боевых участках ближайших тылов пяти действующих армий по приказу НКО и НКВД были учреждены контрольно-заградительные отряды НКВД.

К концу декабря советские наступления на Карельском перешейке было приостановлено. Когда началась война, Финляндия обратилась в Лигу Наций с просьбой о поддержке. Лига Наций, в свою очередь, призвала СССР прекратить военные действия, но получила ответ, что Советская страна не ведет никакой войны с Финляндией.

14 декабря Лига Наций приняла решение об исключении СССР из этой организации.

Газета «Правда» отреагировала следующим образом: «Лига Наций, по милости ее нынешних режиссеров, превратилась из кое-какого «инструмента мира», каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского военного блока по поддержке разжигательства войны в Европе.

При такой бесславной эволюции Лиги Наций становится вполне понятным ее решение об «исключении» СССР... Что же, тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета. В конечном счете, СССР может здесь остаться и в выйгрыше... СССР теперь не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь отныне свободные руки».

О реакции на войну крупнейших держав мира вспоминает советский посол в Англии И. М. Майский:

«За семь лет моей предшествовавшей работы в Лондоне в качестве посла СССР я переживал немало антисоветских бурь, но то, что последовало после 30 ноября 1939 года, побило всякие рекорды.

Начало буре положила речь Чемберлена 30 ноября в парламенте, где он резко выступил против СССР в поддержку Финляндии. Не менее резко выступил против СССР и Галифакс в палате лордов. Одновременно Рузвельт провозгласил «моральное эмбарго» в отношении Советской страны, а бывший президент Гувер потребовал даже отзыва американского посла из Москвы. Вслед за тем в США развернулась шумная антисовет-

ская кампания в печати, по радио и с церковных кафедр. Многие страны провели сбор средств в пользу Финляндии или предоставили займы, в частности США и Швеция. Больше всего оружия поставили Великобритания и Франция, но снаряжение в основном было устаревшим. Наиболее ценным был вклад Швеции: 80 тысяч винтовок, 85 противотанковых орудий, 104 зенитных орудия и 112 полевых орудий. Выражали недовольство действиями СССР и немцы. Эта война нанесла ощутимый удар по жизненно важным для Германии поставкам леса и никеля из Финляндии. Сильное сочувствие западных стран сделало реальным вмешательство в войну северной Норвегии и Швеции, что повлекло бы за собой ликвидацию ввоза железной руды в Германию из Норвегии. Но даже оказавшись перед такими затруднениями, немцы соблюдали условия пакта.

В связи с затишьем на Карельском перешейке центр военных действий сместился на север, где финны предприняли ряд успешных контратак. Все эти операции имеют общие черты. Советские войска, привязанные к дорогам, были вынуждены остановиться из-за сопротивления финнов, бездорожья, трудностей снабжения и тяжелых климатических условий. Затем финны, используя отряды лыжников, наносят удары во фланг и тыл русским. Русские колонны подчас оказываются окруженными, но вместо отступления окапываются и занимают круговую оборону — финны называли такие окруженные группировки «моти».

На северном берегу Ладоги 168-я советская дивизия была остановлена. Ее правый фланг прикрывала 128-я дивизия. Две первые попытки финнов 12 и 17 декабря атаковать их провалились. Но русские были то ли слишком измотанными, то ли непредприимчивыми, чтобы развить этот успех и перейти в наступление. 26 декабря финны начали третью попытку. Финские атаки достигли своего апогея 5 января, когда 18-я дивизия была расчленена на части, окружена и перешла к обороне, а 11 января финские лыжники достигли берега Ладоги в тылу 168-й дивизии, которая быстро заняла круговую оборону «моти» у Кителя.

Эта крупная группировка — целая дивизия — снабжалась по воздуху советской авиацией. И уничтожить ее финнам не удавалось, поэтому они старались не допустить к ней пробивавшиеся по льду Ладожского озера на

выручку советские части. 6 марта русские все же провалили финские заслоны и установили связь с окруженными войсками.

18-я дивизия фактически была уничтожена, и финны захватили большую часть ее тяжелого оружия. Две окруженные группы войск этой дивизии, однако, упорно оборонялись и выстояли до конца войны. Хотя 4-й армейский корпус финнов добился ощутимых успехов, эти успехи были неполными. Финны рассчитывали ликвидировать русские части, перебросить корпус на другие фронты, но эти расчеты сорвались из-за неожиданно затянувшегося сопротивления окруженных русских войск.

Трагической оказалась судьба 44 дивизии: сбив хилую финскую погранзаставу в Раате, она двинулась в направлении города Суомуссалми, чтобы там соединиться с 163-й дивизией, наступавшей с севера, а потом вместе выйти к побережью Ботнического залива и отрезать Финляндию от Швеции, которая снабжала ее военными материалами.

У наступавших было огромное преимущество. Но на пути от Раате до Суомуссалми было наспех устроено несколько линий обороны. Первая задержала 44-ю дивизию всего на сутки, вторая — уже на неделю. Русские войска продолжали двигаться вперед... Но потом к обороняющимся подошло подкрепление из двух неполных полков. И вот тогда отряды финских лыжников напали на растянувшуюся по дороге дивизию. Они рассекли ее на несколько частей и стали уничтожать...

Финская кинохроника запечатлела страшные кадры: на узкой дороге — столпотворение из горящих танков, машин, брошенных орудий, полевых кухонь, госпитального оборудования и множество трупов красноармейцев. Здесь через несколько часов после разгрома 44-й дивизии побывал финский фронтовой корреспондент, который на следующий день писал в своей газете:

«Целая дивизия заледенела в наших жестоких зимних холодах... Тысячи и тысячи солдат без ореола славы и геройских могил».

Профессор истории Хельсинского университета Охто Маннинен рассказывал корреспонденту газеты «Известия» Марату Зубко:

«Зимние леса действовали на советских солдат просто парализующе. Об этом стало известно из дневников

погибших. В одном из них командир роты, видимо, доведенный до полного отчаяния, писал: «Наши начальники совсем не знают, как вести бои в лесу». Две недели он с бойцами находился в снегах. «Зачем же нас сюда послали?» — вопрошал он...»

Разумеется, Сталин не мог простить разгрома. Перед строем были расстреляны оставшиеся в живых командир 44-й дивизии генерал Виноградов, командир полка Саров, комиссар полка Подхомотов и командир батальона капитан Чайковский.

В феврале советское командование попыталось, следуя примеру финнов, использовать лыжную бригаду. Но бригада под командованием полковника Долина формировалась в спешном порядке после начала войны, и, как оказалось, недостаточно было только научить солдат ходить на лыжах. Неудачное тактическое использование бригады привело к катастрофе. Финские патрули преследовали ее в глуши лесов, и к 15 февраля бригада распалась на отдельные мелкие группы.

Неудачи декабрьского наступления на Карельском перешейке привели советское командование к выводу, что только подготовленный штурм финских укреплений может иметь успех. Основная передислокация началась 26 декабря. 28 декабря издали новые оперативные приказы. От массированных атак отказались — вместо этого упор был сделан на постепенное, шаг за шагом, продвижение, после того как артиллерия разрушит железобетонные укрепления. Почти целый месяц шло обучение войск, в ходе которого отрабатывалась атака на доты, особое внимание уделялось взаимодействию пехоты, танков, и артиллерии.

Что произошло дальше — известно. Ленинградский фронт начал войну, не подготовившись к ней, с недостаточными силами и средствами и топтался на Карельском перешейке целый месяц, понес тяжелые потери и, по существу, преодолел только предполье. Лишь через месяц подошел к самой линии Маннергейма, но подошел выдохшийся, брать ее было уже нечем.

Вот тут-то Сталин и вызвал из отпуска Шапошникову, и на Военном совете обсуждался вопрос о дальнейшем ведении войны. Шапошников доложил, по существу, тот же самый план, который он докладывал месяц назад. Этот план был принят. Встал вопрос о том, кто будет командовать войсками на Карельском перешейке.

Сталин сказал, что Мерецкову мы это не поручим, он с этим не справится. Спросил: «Так кто готов взять на себя командование войсками на Карельском перешейке?»

Наступило молчание, довольно долгое. Наконец поднялся Тимошенко и сказал: «Если вы мне дадите все то, о чем здесь сказано, то я готов взять командование войсками на себя и надеюсь, что не подведу вас». Так был назначен Тимошенко.

На фронте наступила месячная пауза. По существу, военные действия заново начались только в феврале. Этот месяц ушел на детальную разработку плана операции, на подтягивание войск и техники, на обучение войск. Этим занимался там, на Карельском перешейке, Тимошенко и занимался, надо отдать ему должное, очень энергично — тренировал, обучал войска, готовил их. Были подброшены авиация, танки, тяжелая, сверхмощная артиллерия. В итоге, когда заново начали операцию с этими силами и средствами, которые были для этого необходимы, она увенчалась успехом — линия Маннергейма была довольно быстро прорвана.

Положение финнов резко ухудшалось после того, как советские войска крупными силами стали наступать через Выборгский залив. Финляндское командование, осознавая возможности броска по льду, укрепило оборону побережья, перебросив туда целую дивизию. Этот район был усеян многочисленными островами, а скалистый берег с глубокими заливами был удобен для обороны.

Наступление войск Красной Армии по льду залива было проведено решительно и смело. Лед мог выдержать только легкие танки, но они успешно блокировали удерживаемые финнами острова и поддержали наступление войск при выходе на побережье.

Северо-восточнее Выборга находился ключевой сектор Тали, который обороняла 23-я пехотная дивизия. Финны, открыв шлюзы, приступили к затоплению этого района, но лед быстро замерзал и мог выдержать пехотинцев. К 9 марта русские войска глубоко вклинились в полосу укреплений. Один отборный пехотный отряд форсировал затопленный район — по пояс в ледяной воде, несмотря на сильный мороз, — и вышел в тыл финского батальона, который оставил свои позиции и в панике разбежался. Таким образом, к 13 марта Красная

Армия фактически прорвала оборону финнов в секторе Тали.

13 марта Ставка отдала приказ о штурме Выборга, который начался утром.

Сражение было ожесточенным и кровопролитным. Об этом писал в сборнике «Бои в Финляндии» участник штурма батальонный комиссар П. Белоусов: «Наш славный полк одним из первых вступил в город Выборг, на улицах которого рвались снаряды и мины и с грохотом рушились стены горящих зданий. Вот он Выборг — узкие улицы, освещенные пламенем многочисленных пожаров».

Когда в начале марта финляндское правительство стало получать донесения о тяжелейшем положении на фронте, оно, наконец, согласилось на мирные переговоры.

Переговоры начались в Москве 7 марта. Советская делегация выдвинула в дополнение к прежним условиям договора новые требования о передаче части территории в районе Салла-Куусамо и о строительстве железнодорожной ветки от мурманской железной дороги к Ботническому заливу.

Правительство в Хельсинки было возмущено этим, как оно считало, нечестным приемом советской стороны, но 9 марта оно получило доклад о военной обстановке, который предсказывал возможность полного развала финской обороны в ближайшее время. На основе этого доклада Маннергейм решительно потребовал заключения мира, и правительство уполномочило делегацию — в случае единодушного согласия — подписать договор на русских условиях.

Вечером 12 марта 1940 года был подписан мирный договор. Военные действия должны быть прекращены 13 марта в 12 часов.

Согласно Московскому мирному договору 1940 года, в состав территории СССР включался весь Карельский перешеек, западное и северное побережье Ладожского озера, территория восточнее Меркярви с Куолоярви, часть полуострова Рыбачьего. Финляндия сдавала в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко и прилегающие к нему острова и морскую территорию «для создания там военно-морской базы», а также соглашалась на строительство на своей территории железной дороги Кандалакша — Кемиярви. Советский Союз снял

свое предложение о заключении пакта о взаимной помощи и обязательствах вывести свои войска из области Петсамо.

Вновь обращаясь к потерям в этой войне, необходимо отметить, что в Красной Армии они были значительно выше, чем в финской. Мы назвали цифру убитых 74 тысячи, но есть предположение, что их число достигало 131 тысячи. Раненых было 186 129 человек, обмороженных — 13 213, контуженных — 240.

Согласно данным Военного архива Финляндии и подсчетам финских коллег, финские войска потеряли: убитыми — 19567, ранеными — 43557, пропавшими во время войны без вести — 4101 и попавшими в плен — 825 человек (о количестве обмороженных и контуженных сведений не имеется).

По финским сведениям, они взяли в плен 5469 советских военнослужащих. Судьба их оказалась трагической. После освобождения из тяжелого плена они вместе с частями Красной Армии прошли по улицам Ленинграда, осыпаемые цветами. Затем их отделили от «воинов-победителей», погрузили в отдельный спецэшелон, и все они канули в безвестность...

Советско-финляндская война не преумножила славу русского оружия, вскрыв крупные недостатки в подготовке и боеспособности Красной Армии. После войны от обязанностей наркома обороны был освобожден К. Ворошилов, проявивший свою некомпетентность в руководстве вооруженной борьбой, этот пост занял С. Тимошенко. Был реорганизован Генштаб, расширилась сеть военных училищ.

Кардинальные меры принимались по укреплению дисциплины: в августе 1940 года в армии и на флоте было введено единоначалие. Совершилась штатная организация стрелковых соединений. Штат дивизии стал менее громоздким, при этом возросли огневые возможности. Вместо танковых и броневых бригад с 1940 года началось формирование танковых и моторизованных дивизий, как правило, входивших в состав вновь создаваемых механизированных корпусов.

Война с Финляндией ухудшила международное положение СССР. Она укрепила убежденность Гитлера в успехе предстоящей агрессии против СССР, в быстрой и легкой победе вермахта над Красной Армией, являв-

шейся, по его словам, «колосом на глиняных ногах и к тому же без головы».

Ошибочное мнение о крайней слабости СССР, особенно в военном отношении, сложилось и в правящих кругах Лондона и Парижа.

Словом, эта локальная война имела далеко идущие последствия.

УЧАСТИЕ ЯПОНИИ ВО 2-Й МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Вторая мировая война длилась шесть лет или 2194 дня. Она не имела себе равных по масштабам и ожесточенности, втянула в свою орбиту 61 страну.

Завершилась 2-я мировая война разгромом милитаристской Японии.

В 1927 году премьер-министр Танака подписал меморандум, ставший своего рода программой японской экспансии. «Чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай...», — говорилось в нем. — А чтобы взять в свои руки контроль над Китаем, мы должны сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы действовали в русско-японской войне». Тогда в Цусимском сражении на борту флагманского броненосца «Микаса» был ранен двадцатилетний лейтенант Ямамото. Став потом адмиралом, он, уже как главнокомандующий объединенным флотом империи, заявил: «Главный урок русско-японской войны я вижу в том, что наш флот начал ее с ночного нападения на Порт-Артур 9 февраля 1904 года. Считаю это выдающимся стратегическим достижением».

Захват Китая Япония начала еще в 1931 году.

А 7 июня 1937 года войска, ранее захватившие Северо-Восточный и часть Северного Китая, спровоцировали столкновение с китайскими частями у моста Лугоуцзяо близ Пекина. Эта провокация была использована японским милитаризмом в качестве предлога для начала давно планировавшейся войны против Китая, в ходе которой был захвачен Центральный и Южный Китай, были зверски уничтожены сотни и тысячи мирных жителей.

После нападения Германии на Советский Союз генералитет японской армии требовал немедленного захвата Сибири. Но флот доказывал, что сначала нужно овладеть колониями европейских держав в странах Южных морей и обеспечить империю ресурсами для длительной войны.

В середине лета 1941 года советский разведчик Зорге радировал из Токио: «Принят южный вариант». После начала войны в Европе американские корпорации продолжали снабжать Страну Восходящего Солнца стратегическими ресурсами. Как шутили на Уоллстрит, американцы слали свои симпатии Китаю, а горючее и металлом — Японии.

Но в июле 1941 года в отношениях между Японией и США произошли перемены.

Американцы ввели эмбарго на экспорт нефти в Японию, закрыли для ее судов Панамский канал, создали командование вооруженными силами США на Дальнем Востоке, направили в Китай группу американских военных советников.

Формальным поводом послужили попытки Японии прибрать к рукам «бесхозные» колонии Франции и Голландии после их капитуляции перед Германией.

Фактический повод стал известен после того, как в 1940 году были рассекречены документы Пентагона. В них подробно описан разработанный военным ведомством и одобренный администрацией США оперативный план «JB 355». Что бывает совсем нечасто, этот документ подписан лично президентом США, министром ВМС и министром обороны. За шифром же скрыта тщательно подготовленная операция по массированным бомбардировкам Японии американской авиацией. Самая пикантная деталь этого плана — дата его подписания, опережающая японскую атаку на Пёрл-Харбор на пять месяцев. Основная идея задумки состояла в том, чтобы спровоцировать Японию на крупномасштабную войну и нанести «превентивные удары» с воздуха. Главная роль в плане возлагалась на «летающих тигров» генерала Чэннолта. Его бомбардировщики базировались близ Чунцина, служившего тогда резиденцией китайского правительства.

15 ноября начальник генерального штаба армии США Маршалл собрал семь ведущих журналистов на секретный брифинг и заявил им: «На Филиппинах сосредоточено самое крупное в мире соединение тяжелых

бомбардировщиков. Они не только защитят острова, но и сожгут бумажные города Японии». На фоне всего этого становится понятной запись в дневнике Стимсона: «Как бы нам сманеврировать, чтобы Япония сделала первый выстрел, и в то же время не допустить больших опасностей для нас самих».

А тем временем между Токио и Вашингтоном вяло тянулись переговоры. Закончились они 26 ноября 1942 года. В этот день госсекретарь США Крделл Хэлл передал японским представителям «ноту Хэлла».

Хэлл изложил условия отмены эмбарго на поставки нефти: Япония должна уйти из Китая, прекратить поддержку Маньчжоу-Го, отказаться от притязаний на французский Индокитай. На другой день командующему тихоокеанским флотом США адмиралу Киммелю поступила шифровка: «Это послание следует рассматривать как предостережение о войне. Американско-японские переговоры прекращены. И в ближайшее время можно ожидать агрессивных действий со стороны Японии».

1 декабря в Токио состоялся вошедший в историю «годзанкайги» — совет с участием императора, — на котором было принято решение атаковать США. 2 декабря адмирал Ямамото направил шифровку на «Нитакаяма 1208». (Нитакаяма — это название горы на Тайване, бывшем в ту пору японской колонией).

В указанный день «восхождение», последовавшее за «нотой Хэлла», состоялось — Япония на ультиматум ответила в Пёрл-Харборе и на Гавайских островах.

«Пёрл-Харбор» переводится как «Жемчужная гавань». На рассвете 7 декабря 1941 года на розоватосерой, словно жемчужной, глади бухты четко вырисовывались 8 линкоров, 8 крейсеров, 29 эсминцев, 5 подводных лодок, десятки вспомогательных судов. Почти половина личного состава с субботы находилась на берегу. Но к торжественной церемонии подъема флага всюду готовились как обычно. Перед экипажами линкоров выстроились духовые оркестры, на кораблях поменьше появились горнисты.

Было без пяти восемь утра, когда японские торпедоносцы и пикирующие бомбардировщики внезапно атаковали хорошо знакомые им по макетам цели. А командир первой волны Футида впервые нарушил радиомолчание словами: «Тора! Тора! Тора!» Трижды повторяемое японски слово «тирг» означало, что рискованная опера-

ция удалась. Отряд особого назначения незаметно совершил двенадцатидневный переход по северной части Тихого океана от Курилов до Гавайев. И, застав американцев врасплох, вывел из строя все восемь находившихся в гавани линкоров, а также шесть крейсеров, эсминец, уничтожил на земле почти всю авиацию базы — около двухсот машин. Сами же японцы потеряли 29 самолетов.

Исходным пунктом нападения стал остров Итурул. От него отошел отряд особого назначения, состоявший из 32 кораблей. В его состав входили 6 авианосцев, 2 линкора, 4 крейсера, 9 эсминцев, 3 подводные лодки, 8 танкеров. Ямамото вручил командующему эскадрой реликвию императорского флота: флаг, под которым адмирал Того одержал победу над русской эскадрой в Цусимском сражении. Командовать авиацией был приглашен молодой офицер Ганда. Он, как и Ямамото, был ревностным поборником массированного применения палубной авиации. Япония имела в ту пору самое крупное в мире авианосное соединение, укомплектованное опытным летным составом.

«Вчера, 7 декабря 1941 года, — в День позора, Соединенные Штаты были внезапно и вероломно атакованы военно-морскими и военно-воздушными силами Японской империи», — заявил на следующий день президент Рузвельт, обращаясь к Конгрессу с просьбой официально объявить войну Японии.

Ранним утром 8 декабря 1941 года по японскому радио прозвучал взволнованный голос диктора.

«Передаем экстренный выпуск новостей. Передаем экстренный выпуск новостей. Сообщение Верховной ставки. Сегодня, 8 декабря, на рассвете императорская армия и военно-морской флот в западной части Тихого океана вступили в боевые действия с вооруженными силами Америки и Англии».

Для многих японцев эта новая война была полной неожиданностью. Тем не менее они восприняли сообщение с воодушевлением и подъемом. Ведь с детства их воспитывали в милитаристском духе.

С конца 1937 года, когда основные города Китая были уже заняты японской армией, в Японии стали проводиться торжественные шествия, посвященные ее победам в войне. Участники шествий несли на длинных бамбуковых палках зажженные бумажные фонарики

с изображением японского национального флага. Дети с радостью присоединялись к таким шествиям. Днем проводились такие же шествия, но с флажками. По радио часто передавали в исполнении известного певца следующую детскую песенку:

Сегодня я тоже в школу иду
Рядом со старшим братом.
Спасибо за это солдатам,
Спасибо за это нашим солдатам,
Ушедшим воевать за родину,
На фронте бить врага.

Обычно дети подхватывали ее и исполняли хором.

С сентября 1939 года в Японии стал отмечаться День служения процветанию Азии. Его праздновали первого числа каждого месяца под лозунгом: «Физическая закалка, скромность и воздержанность в повседневной жизни в условиях чрезвычайного времени». А дети в этот праздник приносили в школу завтрак, названный «хиномару бэнто». На утренней линейке они выслушивали поучительную речь директора школы и посещали храм для участия в «молебне о победе в войне». В то время почти в каждом японском доме имелись божница и домашний алтарь, украшенные фотографиями императора и императрицы. Все это должно было прививать детям веру в божественное происхождение Японии, в то, что само небо предназначало японцам господствовать не только над Азией, но и над всем миром, а, следовательно, война, которую ведет Япония, священная и японцы в ней обязательно одержат победу.

1940 год ознаменовался пышными празднествами по всей Японии. Согласно преданиям, в этом году исполнилось две тысячи шестьсот лет со времени восшествия на престол первого императора Японии Дзимму Тэнно. В те дни широкое распространение получил лозунг «Восемь углов под одной крышей», означавший подчинение японскому императору всего мира.

После вступления Японии в мировую войну ежедневно газеты и радио сообщали о новых крупных победах японской армии. Перед каждым сообщением о победах на море по радио исполняли «Военно-морской марш», а при победах сухопутных сил — «Марш отрядов обнаженного меча».

Зима и весна 1942 года были трудными для Соеди-

ненных Штатов и их союзников. Они терпели поражения на острове Гуам, на Филиппинских островах, в сражениях в Японском море и Индийском океане. 6 мая остатки войск, оборонявших военно-морскую базу Коррегидор на Филиппинских островах, капитулировали.

Двумя днями позже японские и американские авианосцы вступили в схватку в Коралловом море. Японцы потопили авианосец «Лексингтон» и нанесли тяжелые повреждения авианосцу «Йорктаун», который с трудом смог добраться до Пёрл-Харбора и стать на ремонт. Японцы потеряли один легкий авианосец и были вынуждены направить два крупных авианосца в Японию для ремонта и восполнения потерь в летном составе.

Некоторые возможности открылись перед американцами, когда военная разведка сумела разгадать японский военно-морской код.

К апрелю 1942 года разведка знала, что японское командование планирует какую-то важную операцию в районе АФ. АФ могло означать все, что угодно: Сан-Франциско, Алеутские острова, Оаху, но полагали, что речь идет об острове Мидуэй из группы Гавайских островов.

К середине мая американская разведка установила, что в районе этого острова для атаки, которая начнется 4 июня, сосредоточатся три японских флота: Ударное авианосное соединение, Группа поддержки и Транспортная группа с десантом.

Руководил операцией по захвату острова Мидуэй уже упомянутый нами Ямамото, главнокомандующий Объединенным флотом Японии. Его командирский пост находился на флагманском линкорне «Ямато», самом мощном супердредноуте в мире.

Ямамото был энергичным, смелым человеком.

Он учился в Гарвардском университете в США, служил в Вашингтоне как военно-морской атташе. Ямамото не питал иллюзий в отношении надежды добиться прочной победы в длительной вооруженной борьбе с США. Успех его первого удара по Пёрл-Харбору превзошел все ожидания, однако незадолго до него Ямамото предсказал: «Я буду жить припеваючи первые шесть месяцев, но у меня нет уверенности в конечном исходе».

Приближаясь на своем линкорне к крошечному острову Мидуэй, Ямамото знал, что базирующиеся на Гавайских островах американские силы полны решимости

взять реванш, однако он имел не совсем верное представление о мощи американской армии.

«Мы практически не имели никаких разведывательных данных о противнике,— заявил адмирал Нагумо после Мидуэя.— До самого конца мы так и не узнали, где находится противник и какова его численность».

Американцы лихорадочно готовили Мидуэй к обороне. Главнокомандующий Тихоокеанским флотом США адмирал Честер У. Нимид с середины мая посылал на Мидуэй «все подкрепления, которые остров был способен разместить».

Новые самолеты, летчики и механики прибывали ежедневно. Выносливые Б-17 («летающие крепости») были в то время лучшим воздушным оружием: четырехмоторные бомбардировщики с высокой живучестью, способные покрыть большое расстояние с крупным грузом бомб. Их ежедневно перегоняли на Мидуэй с Гавайских островов, куда их доставляли с материка. Тем не менее их явно не хватало. Беда в том, как писал Нимиц, что Мидуэй «мог принять ограниченное число самолетов, примерно столько, сколько имеет один авианосец».

Условия жизни на острове были почти невыносимы, а перегруженные взлетно-посадочные полосы на Истернайленде превращали ночные посадки и взлеты в крайне опасное занятие. Сэнд-Айленд почти тонул под тяжестью прибывавших подкреплений. Островок казался беспорядочным сборищем офицеров, вновь прибывших солдат, разнотипных самолетов, вечно жаждущих бензиновых цистерн, чаек и альбатросов.

Не обошлось и без неприятностей. Защитники Мидуэя заложили фугасы в ключевых пунктах на тот случай, если им придется взрывать различные сооружения, чтобы они не попали в руки японцев. Из-за роковой случайности группа моряков при проверке проводов, ведущих к фугасу, взорвала склад с горючим.

«Склад был надежно защищен от неумелых дураков, но не от неумелых моряков»,— саркастично комментировал офицер военно-морской пехоты. Тысячи галлонов авиационного бензина уничтожены взрывом.

Пришлось срочно направлять торговое судно с грузом бензина.

Японские корабли, идущие к атоллу Мидуэй, были обнаружены утром 3 июня. 4 июня рано утром в небе под атоллом начался воздушный бой.

Несмотря на ожесточенность воздушных схваток, они не оказали заметного влияния на бомбардировочный удар японцев. Американские морские пехотинцы с профессиональным восхищением отметили мастерство и дисциплину, с которыми японские пилоты сохраняли боевой строй. Если какой-то бомбардировщик бывал сбит, другие, перегруппировавшись, сохраняли строй, заданный курс и скорость.

Прежде, чем японские бомбардировщики сбросили свой смертоносный груз, два самолета стали жертвой зенитной артиллерии. Из первого загоревшегося и падающего самолета никто не выпрыгнул с парашютом: пилот отодвинул фонарь, помахал рукой своим товарищам, снова задвинул фонарь и перевел самолет в последнее пикирование. Затем с неба обрушился град бомб.

Мидуэю был нанесен значительный ущерб, тем не менее атолл оказался в лучшем состоянии, чем можно было ожидать. На острове погибло только 20 человек. Гарнизон дружно начал после налета ликвидировать ущерб.

Возвращаясь на поврежденном бомбардировщике, японский капитан Томонага не был удовлетворен результатами рейда. Не удалось застать американские бомбардировщики на земле. А поскольку взлетно-посадочные полосы не были выведены из строя и артиллерийские установки на Мидуэе не подавлены, японскому десанту могла быть уготована горячая встреча.

Поэтому Томонага передал по радио: «Необходима вторая атака!»

Тем временем американские бомбардировщики провели несколько атак на движущийся японский флот. Атаки эти не принесли значительных успехов.

Следующий налет на японские корабли был произведен с американских авианосцев.

Четырнадцать торпедоносцев сбросили торпеды на японские корабли, но не смогли попасть в цели, так как японцы искусно маневрировали. «Нам нечего бояться самолетов врага, сколько бы их ни было!» — ликовали японцы.

Но вот на японский флот начали атаку пикирующие бомбардировщики.

Три японских авианосца «Акаги», «Кага» и «Сорю» шли в строй, напомиравшем вытянутый треугольник,

четвертый авианосец «Хорю» — находился дальше от них на севере.

«Пикирующие бомбардировщики!» — воскликнули сигнальщики на «Каге». лейтенант-коммандор Сесу Митаоёя распластался на палубе, когда рев моторов перерос в пронзительный вой. Первые три бомбы упали рядом с кораблем. Четвертая врезалась в кормовую часть палубы среди выстроившихся для взлета самолетов. Мгновенно летная палуба «Каги» превратилась в бушующее море огня. Разбросанные взрывом самолеты, накренившиеся на нос или крыло, словно печные трубы, выбрасывали в воздух дым и пламя.

Бомбы продолжали падать, когда офицер пожарной части взбежал на мостик доложить, что все коридоры и переходы внизу охвачены огнем и большинство членов экипажа оказались изолированными внизу. Но капитан Окадад молча стоял на мостике и смотрел куда-то вдаль. Взволнованный офицер убеждал его спуститься на шлюпную палубу, чтобы спасти свою жизнь, поскольку авианосец кренился на борт. Окадад мотнул головой. «Я останусь на корабле», — меланхолично сказал он.

Для выведения со строя авианосца «Акаги» потребовалось только три пикирующих бомбардировки. Рулевой механизм «Акаги» вышел из строя. В последний момент находившийся на этом авианосце адмирал Нагумо спустился по канату и пересел на катер. «Сорю» получил серьезные повреждения трех бомб.

Последним был уничтожен авианосец «Хирю».

Из смертельно поврежденных японских авианосцев первым отправился на дно «Сорю». Тридцать коротких минут превратили этот некогда красивый гордый авианосец в сожженный крематорий, и его командир Янагимото приказал покинуть корабль. Пока эсминцы кружили вокруг, спасая оставшихся в живых, обнаружилось, что Янагимото остался на мостике. Он был одним из наиболее популярных и уважаемых капитанов японского флота, и члены команды поручили главному старшине Абэ, чемпиону японского флота по борьбе, спасти его любой ценой.

Абэ сделал все, что мог. Он вскарабкался на мостик, отдал честь и сказал: «Капитан, я пришел, чтобы спасти вас». Ответом было молчание. Абэ направился к командиру с твердым намерением силой унести его в шлюпку. Но командир взглядом остановил его. Матрос отдал

честь, затем повернул назад. Покидая мостик, Абэ слышал, как Янагимото тихо пел национальный гимн.

Когда закат окрасил в розовый цвет Тихий океан, страшный взрыв потряс «Сорю», и столб красного пламени высоко взметнулся в небо. Кто-то на борту эсминца крикнул: «Сорю, банзай!» — и все эхом повторили этот крик. Авианосец тихо шел под воду. Десять минут спустя море содрогнулось от огромного подводного взрыва.

«Кага», окутанный гигантским клубящимся облаком черного дыма, затонул в 19.25. Авианосец унес с собой на дно 800 членов команды — мертвых или замурованных под палубами.

Окончательный приказ покинуть «Хирию» был отдан ночью 5 июня. Адмирал Ямагути остался на корабле, но приказал всем другим покинуть его. Перед расставанием адмирал и офицеры его штаба произнесли прощальный тост — бокалы наполнили водой из бочонка. В 03.15 офицеры стали уходить с корабля, который к этому времени почти весь был охвачен пламенем. Вскоре, после того как личный состав был снят, «Хирию» был потоплен торпедами.

Ни один японский авианосец не был объектом таких серьезных усилий по его спасению, как «Акаги», — флагман, чемпион авианосцев, символ военно-морской мощи Японии. Но попытки потушить бушующий огонь ручными средствами оказались тщетными. В 13.38 4 июня с авианосца был снят портрет императора. К вечеру началась эвакуация команды.

Уверенные, что если покинутый авианосец останется на плаву, «он станет музейным экспонатом на реке Потомак», японцы тем не менее никак не могли решиться потопить его. Наконец в 05.00 5 июня по личному приказу Ямамото эсминцы торпедировали горящий флагман, и под крики «Акаги», банзай!» море сомкнулось над могучим кораблем.

5 июня Ямамото приказал всей японской армаде начать отход.

Для японцев легенда о непобедимости умерла при Мидуэе.

«Это сражение привело к необычно быстрой перемене фортуны, известной в военно-морской истории», — писал известный историк Бэзил Лиддел Гарт.

В августе американские морские пехотинцы высади-

лись на острове Гуадалканал из группы Соломоновых островов. Началась смертельная схватка между японскими и американскими войсками за Гуадалканал.

В этом бою Япония потерпела жестокое поражение, которое сильно подействовало на настроение внутри страны.

В феврале 1943 года японская армия отступила из Гуадалканала. Правда, в военных сводках слово «отступление» было заменено словами «изменили направления». Отныне на слово «отступление» был наложен запрет и верховная ставка вместо него придумала загадочное словосочетание «изменение направления». С 1943 года слабеет экономическая мощь Японии. Сокращается производство танков и бронемашин, уменьшились запасы нефти, угля и железной руды.

Война во все времена означала бессмысленную растрату колоссальных ресурсов. Лишенной природных ископаемых Японии пришлось резко сократить производство товаров первой необходимости, чтобы направить все ресурсы на производство самолетов, боеприпасов, танков. Это касалось также рабочей силы и станков; миллионы молодых людей были мобилизованы в армию, и сразу стала ощущаться нехватка рабочих рук в промышленности и сельском хозяйстве.

Предметы домашнего обихода, изготовленные из металла, реквизировались. На школьных спортивных площадках громоздились горы металлолома. Подлежали сдаче государству железные решетки, переносные печки, храмовые колокола и прочие металлические изделия. Вместо металла в ряде производств использовали фарфор и фаянс. Из фарфора делали пуговицы для школьной формы. Вместо воловьей кожи для изготовления обуви применяли свиную и акулю. Каблуки стали делать из заменителя каучука, но они снашивались буквально в течение недели.

В 1943 году японское военное руководство начало поиски методов борьбы, основанных на фанатизме, культе императора и самурайском духе. Создавались специальные отряды самоубийц «Кайтен» («Путь в рай») и «Камикадзе» («Божественный ветер»).

Официальная пропаганда усердно создавала образ настоящего японца, который без колебаний отдает свою жизнь за императора. Летчики-камикадзе были окруже-

ны почитанием и преклонением, пользовались всеми мыслимыми привилегиями.

Самолет «Камикадзе» представлял собой огромный снаряд, до отказа заполненный взрывчатым веществом. После сбрасывания обычных бомб и торпед японский летчик был обязан таранить цель, пикируя на нее с работающим мотором.

Большинство самолетов «Камикадзе» были устаревшими и едва могли удерживаться на прямом курсе. Летчики не могли ориентироваться в море самостоятельно, выводились на объекты только ведущим самолетом. При уничтожении ведущего вся группа обычно погибала в море.

Кроме самолетов «Камикадзе», японцы впервые применили у острова Окинава управляемые самолеты-бомбы, которые американцы называли «бака-бомб» («дура-бомба»): небольшой самолет с размахом крыльев около 5 метров, боевым зарядом около 1.000 килограммов в головной части. Он доставлялся к цели двухмоторным бомбардировщиком и отделялся от него при обнаружении объекта атаки на расстоянии 170 кабельтовых. Вел его тот же смертник. При пикировании самолет развивал скорость 800 — 1.000 км/час. Однако маневренность их была ничтожна, при малейшей ошибке в прицеливании самолеты рвались при ударе о воду. В боях за остров Окинава зафиксировано только четыре попадания таких бомб в корабли. Самолет-носитель также был весьма уязвим для истребителей противника.

Единственное преимущество самолетов-бомб состояло в их дешевизне: строились они в расчете на один полет, кое-как, из дешевых материалов.

21 октября 1944 года был осуществлен первый вылет «Камикадзе». Шесть самолетов атаковали корабль австрийских ВМС получивший серьезные повреждения. 25 октября группа «Камикадзе» атаковала американские корабли восточнее пролива Гуроигаои, вывела из строя три экспортных авианосца и несколько других кораблей. Десять дней спустя очередная группа «Камикадзе» нанесла удар по обнаруженной американской авианосной группе, потопив экспортный авианосец «Сент Ло» и повредив три других.

6 апреля начались операции крупного масштаба, получившие название «Кикусуи». Японцы в течение одного дня поднимали в воздух от сотни до трехсот

своих самолетов, управляемых летчиками-камикадзе. Они несли большие потери.

Отряды «Кайтен» состояли из человеко-торпед. Готовили их на небольшом острове.

Для поднятия духа среди курсантов командование усилило идеологическую обработку. Примером для подражания стал самурай Масасигэ Кусуноки, который в XIV веке помог японскому императору Годайго II захватить власть у военно-феодалных правителей. Для курсантов ввели специальные белые повязки (хатимаки), которые носили несколько столетий назад 40 японских самураев-ронинов, охранявших императорский дворец. Для убывающих на боевое задание был разработан специальный церемониал посвящения: вручение шашки под звуки марша императорского военно-морского флота. Торжественный ужин с множеством редких для того времени продуктов, сакэ (водка) и катикури (каштаны). После ужина посвященные упаковывали личные вещи, и посылки с надписью «Предан Его Величеству навечно» или «Япония — навечно страна богов» отправлялись родственникам.

К 1945 году было сформировано десять групп человеко-торпед. Тактика использования торпед «кайтен» сводилась к следующему: обнаружив корабль противника, лодка-носитель занимала определенное положение на пути его следования, водители садились в торпеды. Ориентируясь через перископ, командир лодки выпускал одну или несколько торпед, предварительно задав водителям курс. Пройдя определенное расстояние, водитель торпеды всплывал под перископ и быстро осматривал поверхность моря. Этот маневр рассчитывался так, чтобы торпеда оказалась на носовых курсовых углах корабля противника и на дистанции 400—500 метров от него. При таком положении корабль практически не мог уклониться от торпеды, даже обнаружив ее.

Но опыт показал, что подводные лодки-носители практически не могли беспрепятственно доставлять «кайтен» к хорошо охраняемым американским стоянкам и базам. В связи с этим японцы изменили тактику использования человеко-торпед и стали нападать на корабли и суда противника в открытом море во время перехода. Однако из-за сильной противолодочной обороны действия «Кайтен», как правило, успеха не имели.

Японцы применяли также отряды плавцов-смертни-

ков. Первое их подразделение было создано в начале 1944 года. Отряды эти назывались «фукуруй» (драконы счастья). Снаряжение подводных смертников включало специальный костюм, ласты, дыхательный аппарат с двумя баллонами сжатого кислорода. Пузырьки использованного воздуха не бурлили в воде за пловцом, так как циркуляция воздуха была замкнутой, что обеспечивало скрытность передвижений подводного диверсанта. Тренированный пловец в таком снаряжении мог плыть на глубине до 60 м со скоростью 2 км. в час. Задачей диверсантов-смертников было доставить к вражескому кораблю бомбу или другой заряд большой мощности. Пловцы транспортировали примитивные мины на обычной палке; чтобы тяжелые боеприпасы не тонули и не тянули на дно пловца, к ним стали привязывать надутый воздухом свиной пузырь.

Тактика была следующей: фукуруй подносил ко дну корабля и вспарывал свиной пузырь. Тяжесть бомбы тянула его вниз, он подплывал под судно и бил взрывателем по дну корабля. Большинство из фукуруй пропали бесследно; им так и не удалось потревожить океан страшными взрывами. Однако в ряде случаев фукуруи все же добивались своего; известны факты гибели или повреждения американских кораблей, которым не было найдено разумного объяснения в рамках обычных представлений о вооруженной борьбе на море. Уже после войны американские военные, исследовавшие японские документы, пришли к предположению, что странная гибель кораблей — дело рук японских боевых пловцов.

В 1945 году военный потенциал Японии оставался еще высоким. Ее вооруженные силы имели 7 млн. человек, свыше 10 тыс. самолетов, 500 боевых кораблей. Англо-американское командование полагало, что Японии нельзя победить до 1947 года или 1948 года, а высадка союзных войск в Японии может стоить не менее миллиона жизней солдат и офицеров. Свои надежды США и Англия связывали с вступлением в войну СССР. Об этом было достигнуто соглашение на Тегеранской конференции. 11 февраля 1945 года СССР в Ялте подписал соглашение трех держав, где было заявлено: о вступлении в войну с Японией Советского Союза «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе».

8 августа 1945 года нарком иностранных дел

СССР В. М. Молотов принял японского посла Сато и заявил, что СССР с 9 августа считает себя в состоянии войны с Японией.

Вступление в войну СССР привело бы к расширению его территории в Азии. Так считали США. Для того, чтобы этого не случилось, для того, чтобы сохранить свою руководящую роль в Азии США намеревались «в максимально короткий срок» сбросить на Японию атомную бомбу.

Правящие круги США рассчитывали сохранить свою монопольность на атомную бомбу, с тем, чтобы использовать это мощное оружие как средство давления на Советский Союз в послевоенный период.

В годы 2-й мировой войны военно-воздушные силы США и Англии вели тотальные бомбардировки городов Германии. Наиболее разрушительному удару подвергся Дрезден. Тотальные бомбардировки японских городов начались с 10 марта 1945 года, когда мощнейший бомбовый удар был обрушен на Токио. В 1943 году в Америке было завершено строительство бомбардировщиков «Бинг-29». Этот самолет с дальностью полета 5230 километров и бомбовой нагрузкой в четыре тонны получил название «Летающая крепость». В 1944 году, как только американская армия захватила Сайнан, Тиниан и другие острова Марианского архипелага, там были созданы авиабазы, способные принять бомбардировщиков Б-29. Поскольку расстояние от Марианских островов до Токио составляло около 2220 километров, открылась возможность для непосредственной бомбардировки Японии с помощью Б-29. С ноября 1944 года Б-29 некоторое время бомбили Японию. Причем объектами являлись «шесть городов и шесть видов предприятий» — Токио, Кавасаки, Иокогама, Нагоя, Осака, Кобэ, соответственно металлургические, авиастроительные, судостроительные, подшипниковые, электротехнические заводы, портовые сооружения.

Сразу после успешного испытания атомной бомбы Трумэн собрал совещание. На нем все участники высказывались за использование атомной бомбы против Японии. Выбраны были Хиросима и Нагасаки. Город Хиросима возник в дельте реки Отагава, в 17 веке. Он расположен веерообразно, как бы повторяя форму дельты, и расширяется к югу в сторону внутреннего моря Сэтонайкай. Хиросиму пересекают шесть рукавов Отагавы,

что вызвало необходимость возведения множества мостов. В районах, отдаленных от мостов, действовали паромные переправы.

Город, богатый водными артериями, особенно красив. До войны вода в потоках Отагавы отличалась чистотой и прозрачностью. Благодаря близости к морю, сюда по реке доходят морские приливы.

Но у Хиросимы было и другое лицо — чрезвычайно опасное! Еще в 1871 году, когда в Японии учредили четыре военных округа, в Хиросиме были расквартированы войска, подчинявшиеся округу Кокура. В 1890 году был издан указ о воинской повинности, число военных округов увеличилось до шести, и был создан самостоятельный Хиросимский военный округ. Тогда же на окраине Хиросимы, в Удзина, построили морской порт, который превратился в важнейшую военно-морскую гавань Японии. Во время японо-китайской войны 1894—1895 годов император Мэйдзи перенес верховную ставку в Хиросиму, прибыл туда самолично и из Хиросимы руководил военными действиями против Китая. Из гавани Удзина отплывали в Корею зафрактованные правительством суда с японскими солдатами на борту. Из этого же порта отправилась японская армия на подавление боксерского восстания в Китае в 1900 году, а также на русско-японскую войну 1904—1905 годов. При чем всякий раз первой шла воевать Хиросимская дивизия.

В Хиросиме находились многочисленные военные казармы, военные арсеналы, транспортные управления по перевозкам военных грузов. В разгар войны на Тихом океане пятую часть всей территории города передали в распоряжение армии. Все это было характерно и для многих других провинциальных столиц Японии, и все же Хиросима считалась важнейшим городом военного значения во всем районе Кансай.

Время основания Нагасаки восходит к 16 веку.

Довоенный Нагасаки во многом сохранил прежние традиции и специфику городского облика с характерными храмами в китайском стиле и многочисленными церквями. Но так же как и Хиросима, Нагасаки имел и другое, опасное лицо. Когда Япония вновь была открыта для внешних сношений, через это маленькое окошко — Нагасаки — хлынула новая цивилизация, новая наука и техника, которые содействовали созданию базы современной Японии.

Но вместе с ней в страну проникла и современная военная техника. Достаточно сказать, что японский военно-морской флот родился из морского училища, созданного в Нагасаки еще в период бакумацу. А сталелитейная, открытая при этом училище, впоследствии была поглощена концерном Мицубиси и превратилась в крупнейшую в Японии военную судостроительную верфь, на которой, в частности, был построен во время войны линкор «Мусаси». В порту Нагасаки была воздвигнута крепость. Причем сам порт выполнял роль одной из важнейших баз военного снабжения во время японо-китайской и русско-японской войн, а также проникновения на материк во время последней войны с Китаем.

Но Хиросиму и Нагасаки выбрали в качестве объектов бомбардировки не только потому, что в них находились важные военные объекты. Созданный в Вашингтоне весной 1945-го года тайный «комитет по определению мишеней» поставил такое условие для первого в истории ядерного удара:

Он «должен быть достаточно зрелищным, чтобы значение оружия получило международное признание, когда пресс-материалы о нем поступят в обращение».

Генерал Гровс говорил: «Чтобы нам со всех сторон хорошенько взвесить эффект бомбы, мишень не должна быть повреждена предшествующими воздушными атаками...» Гровс также настаивал на таких размерах мишени, когда бы все разрушения аккуратно уложились и сверху предстала бы идеальная схемка, позволяющая определить реальную мощность бомбы.

Бомбардировку Хиросимы было решено произвести 6 августа. Для бомбардировки выделили эскадрилью из семи бомбардировщиков Б-29: три для наблюдения, один резервный на острове Иводзима, два для транспортировки научной аппаратуры и наблюдателей и один — доставщик атомной бомбы.

Бомбардировщику, который должен был сбросить атомную бомбу на Хиросиму, присвоили название «Энола Гэй» — по имени матери пилота полковника Тиббетса. До этого Тиббетс совершал воздушные налеты на германские города на самолете Б-17 и неоднократно награждался орденами. Он был назначен командиром 509-го комплексного авиаполка, когда тот был сформирован.

6 августа в два часа сорок пять минут по тинианско-

му времени «Энола Гэй» с урановой бомбой — «малышом» — на борту стартовала в направлении Японии. Когда самолет миновал Иводзиму, поступила информация о погоде: в районе Хиросимы и Нагасаки — благоприятная. «Энола Гэй» вышла на Хиросиму на высоте десять тысяч метров. В небе над Хиросимой не было ни облачка. Чуть позже восьми часов по японскому времени «Малыш» был сброшен с высоты девять тысяч шестьсот метров. Вслед за ним были сброшены на парашютах измерительные приборы для определения эффективности бомбардировки.

9 августа перед рассветом Б-29, известный под названием «Бокс кар», стартовал в Тиниана, имея на борту плутониевую бомбу «Толстяк». В качестве цели первой очереди был намечен город Кокура (нынешний Китакюсю) и второй очереди — город Нагасаки. Самолет-доставщик сопровождали два самолета наблюдения. Вел «Бокс кар» пилот майор Суини. Приблизившись к городу Кокура, Суини обнаружил, что, вопреки сообщению самолета метеослужбы, небо над Кокурой покрыто толстым слоем облаков и визуальное бомбометание невозможно. Сделав над городом три захода в поисках «окна» и потратив на этом сорок пять минут и много горючего, Суини понял, что у него хватит бензина лишь на один заход на Нагасаки, с тем, чтобы на обратном пути сесть не на Тиниане, а на окинавском аэродроме. В районе Нагасаки тоже была сплошная облачность, но в последний момент экипаж самолета обронузил «окно» и сбросил плутониевую бомбу с высоты восемь тысяч восемьсот метров.

Когда «Энола Гэй» сбросила свой бомбовый груз на Хиросиму, пилоты увидели чудовищную шарообразную массу воздуха. Бомбардировщик подбросило. Потом отраженная волна ударила второй раз.

Тиббес выдал в микрофон: «Потрясен! Разрушений больше, чем я воображал!» И тут же радировал открытым текстом базе на острове Тиниан: «Мишень отбомбили визуально с хорошим результатом».

Учащийся первой Хиросимской школы вспоминает: «Утром 6 августа нас всех отправили на разборку домов. Было приказано разрушить и разобрать часть домов, которые мешали быстро прятаться в убежища во время воздушных налетов. Вдруг что-то ослепительно вспыхнуло... Не знаю, сколько прошло после этого времени.

Когда я открыл глаза, то почувствовал, что лежу чем-то придавленный. В нос ударил резкий запах, словно поблизости жгли серу. В рот набралась земля. Я стал звать на помощь, но никто не откликнулся. Потихоньку шевеля руками и ногами, я стал выбираться из-под придавивших меня досок и стропил. Наконец мне это удалось, и я пополз к видневшейся впереди полосе в стене.

Я выбрался наружу. Вокруг царила тьма. Временами становилось немного светлее, и тогда я видел солнце, напоминавшее просвечивающий сквозь облака диск луны. Вокруг громоздились груды черепицы и валялись осколки стекла. У бассейна толпилось множество пострадавших. Я обратил внимание на то, что у всех обгорели волосы. Они сохранились только под головными уборами. Рядом со мной оказался однокашник Сато. У него обгорели веки и кожа лоскутами свисала на глаза.

— Ничего не вижу, ничего не вижу,— без конца повторял он. К бассейну сбежались девочки из ближайшего женского колледжа. Вокруг бассейна да и в нем самом собиралось все больше людей. Потом я узнал, что в бассейне оказалось несколько трупов, что не было видно воды».

Свидетельство 16-летней жительницы Нагасаки Фусако Катаока. «Мы увидели самолет. Кажется, это был американский Б-29. В следующий миг меня ослепило... Во время учебной тревоги нам говорили, что надо ложиться на землю. Продолжая лежать, чуть-чуть приподнимаю голову. От подножия холма поднимается черный вал. Он во много раз выше, чем дом.

Оглядываюсь — и ничего не узнаю. Вместо зеленого картофельного поля вокруг черная земля. Небо тоже кажется черным. Кажется, будто неожиданно наступил вечер. Тишина. Ни человеческого голоса, ни звука. Может, мне это все снится? Вдалеке пляшут огненные языки. Конец света? Может, и вправду наступил конец света... Что это, кровь? Я провожу рукой по лицу. На ладони остается что-то липкое. Нет, это не кровь. Похоже на воду, но какой отвратительный запах. Куда-то исчезли рукава от платья, полосатые шаровары порваны в клочья. Пропали соломенные сандалии. На руках лопнула кожа и сочится гной. Ноги в ожогах. Я вся исхожу гноем, будто внутри не осталось крови — один гной! Может, тот самый самолет что-то страшное сбро-

сил? Как же я ободралась... Наверно, когда упала на землю. И все же это не конец света. Надо вставать и оглядеться. Сумею ли подняться? Встала. А где же тетя? Кричу: «Тетушка, отзовись!» Ее нигде нет. Пойду-ка к ней в дом, он здесь поблизости. Подобрала обломок бамбука и, опираясь на него, как на посох, побрела в сторону теткиного дома. Вскоре дорогу преградили развалины крупного здания. Вокруг ни живой души, ни человеческого голо́са. Вдали загорались дома. Голову пронзила мысль: а как там отец, мать, младшие братья и сестры — живы ли? Цел ли наш дом?

Пробираюсь босиком среди осколков черепицы и стекла. Внезапно хлынул странный черный дождь. Его крупные капли оставляли на земле черные пятна. Навстречу бежит человек в красной одежде. Наверное, арестант. Когда он приблизился, я с ужасом поняла, что никакой одежды на нем нет вообще, просто со всего тела слезла кожа, обнажив красные мышцы. Где-то заплакал ребенок. Вроде бы плач доносится из-под развалин дома, рядом с лавкой продавца тофу, наверно, родители его погибли. Я подошла поближе и поглядела на огромную грудку черепицы. «Прости, маленький, я не в силах тебе помочь», — прошептала я и пошла дальше. А по обочинам дороги валялись трупы людей, издохшие лошади. Прямо на шоссе я едва не споткнулась о труп, раздавленный буквально в лепешку. Невозможно было понять, мужчина то был или женщина».

По самым скромным подсчетам за первые недели Хиросимская бомба унесла 140 тысяч жизней, а та, что сбросили на Нагасаки — 70 тысяч. Число раненых превышало 100 тысяч. 400 тысяч человек страдали от последствий радиации. Только спустя неделю люди начали изучать признаки лучевой болезни.

Вот как описывает ее доктор Акицуки Синьитиро из Нагасаки, который оказывал в своей больнице первую помощь пострадавшим от атомной бомбы: «Сначала я ничего не знал ни о нейтронах, ни о радиации. Многие пострадавшие, хотя я не обнаруживал у них каких-либо ожогов и внешних травм, жаловались на тошноту и боли в полости рта. Я решил, что это последствия длительного пребывания в противоздушных щелях, где они скрывались от участвовавших бомбардировок. Потом у них появились следы крови в кале, кровоточили десны, возникали внутренние кровоизлияния, полость рта при-

обрела фиолетовую окраску. Неужели дизентерия? Тогда ни я, ни другие врачи не имели ни малейшего представления об истинном характере болезни».

Спустя месяц острая лучевая болезнь у некоторых проходила, но на месте ожогов появлялись келоиды.

В романе «Тень смерти» Накаяма Сиро писал: «Проходя мимо койки, на которой лежал мальчик, медсестра скосила глаза в его сторону, и ей показалось, будто близ его ушной раковины что-то шевелится. Медсестра нагнулась над мальчиком. В этот момент он повернул к ней свое распухшее лицо и сказал: «У меня в ухе что-то шевелится, а я даже не могу двинуть рукой. Снимите, пожалуйста». Медсестра принесла пинцет и сняла ползавших вокруг уха червей. Но из ушной раковины стали выползать новые. И сколько она их ни снимала, из уха появлялись все новые, словно бесконечные бусинки на четках.

Через несколько дней черви исчезли, кожа на местах ожогов сохла и лопалась, образуя красно-коричневые рубцы. Это и были келоиды».

С конца 1945 года в Хиросиму и Нагасаки постепенно стали возвращаться их жители, оставшиеся в живых. Со временем на пожарище стали разбивать огороды, возобновлять торговлю. И тем не менее в Хиросиме даже спустя год находили остатки людей — жертв атомной бомбы.

8 августа, на третий день после первой атомной бомбардировки, в Хиросиму направили инспекционную группу во главе с генерал-лейтенантом Арисуэ Сэдзо. В состав группы включили профессора Нисина и других ученых из научно-исследовательского физико-химического института. 10 августа инспекционная группа подтвердила, что была сброшена атомная бомба. Наряду с этим, утром 8 августа министр иностранных дел Того посетил императора и сообщил, что из информации, переданной по американскому радио, явствует, что на Японию сброшена атомная бомба. Затем Того информировал об этом и премьер-министра Судзуки. Император приказал вести дело к скорейшему окончанию войны. Одновременно 10 августа правительство Японии заявило Америке через швейцарское правительство протест, в котором предлагалось незамедлительно прекратить использование атомных бомб в войне с Японией, поскольку они представляют собой неслыханное мощное

тотальное бесчеловечное оружие и применение его является преступлением против человечества.

Вступление в войну СССР ускорило окончание войны с Японией.

10 августа министр иностранных дел Японии Того встретился с советским послом Я. А. Маликом и заявил, что Япония готова принять условия капитуляции. Но в Японии еще была сильна «партия войны». Она активно выступала против «партии мира». 14 августа в бомбоубежище императорского дворца состоялось совещание, после которого приняли решение в форме императорского раскрипта о согласии на безоговорочную капитуляцию.

Наиболее фанатичные военные во главе с майором Хатанака и с поддержкой военного министра Анама отвергли решение о капитуляции. Они подняли мятеж, 15 августа ворвались в императорский дворец. Мятежники пытались найти пленки с записью выступления императора, в котором он говорил о прекращении войны. Но пленки были надежно спрятаны.

Другая группа напала на дом премьер-министра Судзуки. Ему пришлось бежать. Тогда мятежники в бесильной ярости сожгли дом премьера.

Восставшие пытались отстранить от власти министров — «сторонников мира», помешать обнародовать сообщение о капитуляции Японии, поднять армию на продолжение войны.

Но к утру 15 августа мятеж был подавлен. Хатанака и Анама покончили жизнь в духе самурайского кодекса чести — сделали харакири. 15 августа император объявил о капитуляции Японии.

В этот день Япония прекратила военные действия против США и Англии, но армия продолжала военные действия против войск СССР.

Только в конце августа японские войска прекратили борьбу против Советской Армии.

Для принятия общей капитуляции Японии Верховным командующим союзных держав на дальнем Востоке был назначен генерал Дуглас Макартур.

28 августа авангардные части вооруженных сил США прибыли на аэродром Ацуги, а 30-го туда прилетел маршал Макартур. На пресс-конференции Макартур выступал перед журналистами с речью, которая начиналась известными словами: «Если подумать, не близок

был путь от Мельбурна до Токио». Когда началась война на Тихом океане, японская армия разгромила Макартура на Филиппинах, и он вынужден был бежать с Батаанского полуострова в Австралию. Именно тогда он сказал: «Я еще вернусь». И действительно, став главным командующим вооруженными силами союзников в юго-западной части Тихого океана, он с боями продвигался на север, занимая один остров за другим, захватил Манилу и наконец высадился в Японии.

Акт о капитуляции должны были подписать на палубе линкора «Миссури». То, что местом подписания был избран флагманский корабль, означало признание огромных жертв, понесенных флотом в войне на Тихом океане. «Миссури» был назван в честь родного штата президента Трумэна.

Министр иностранных дел Японии Мамору Сигемицу так описал церемонию подписания Акта о капитуляции: «На рассвете 2 сентября Умедзу, я и наша свита собрались в официальной резиденции премьер-министра. Поклонившись в направлении дворца, мы направились в Йокогаму. На улицах не было ни души. Насколько видел глаз, мы ехали по выжженной земле, кое-где были видны уцелевшие жители, рывшиеся в развалинах. Раны войны наглядно предстали перед нашими глазами.

С пристани Йокогамы мы сели на американский эсминец и в течение часа пробирались через американские и английские военные корабли, заполнившие Токийский залив, прежде чем подошли к флагманскому кораблю Нимица «Миссури». Накануне был день «210».

Но океан под лучами восходящего солнца был спокоен. Мы взошли на трап, и нас приветствовал караул. Когда мы поднимались на верхнюю палубу, где должна была состояться церемония, было как раз около десяти утра. Место подписания было окружено толпой глазевших врагов. Оно было переполнено корреспондентами газет и фотографами. Выделялись генерал Персиваль, сдавшийся в Сингапуре, и генерал Уэнрайт, капитулировавший на Батаане. Напротив нас, по другую сторону стола, были представители союзников. Появился Верховный командующий Макартур. В своей речи он объявил об окончании войны и потребовал от нас подписать Акт о капитуляции. Я подписал первым, за мной — Умезу. Затем подписал Макартур в знак признания нашей капитуляции, после него — представители союз-

ных держав. США представлял адмирал Нимиц, Великобританию — адмирал Фрейзер. Также были представлены Россия и Китай.

Это был мучительно прекрасный день. Когда мы стояли на палубе, появилась Фудзияма, возвышавшаяся над Токийским заливом и напоминая, что мы прощались с летом. Хотя английский линкор «Принц Уэльский» был потоплен у Сигнапура, однотипный с ним «Король Георг V» гордо стоял перед нами, сверкая в сияющем серебре.

Мы вернулись на пирс и поехали в Токио, чтобы доложить правительству и императору. Наша ответственная миссия была окончена. В этот день закончилась тысячелетняя история. В этот день занималась заря новой эпохи. Более того, только с помощью этого дня наша история могла продолжаться. Япония рождалась заново, хотя революция Сёва, которой предстояло перестроить Японию, все еще продолжалась. Будущее этой новой Японии зависит от способности и упорства японского народа.

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

НЕМЕЦКАЯ «ПЯТАЯ КОЛОННА» В ЕВРОПЕ

В середине июля 1936 года началась гражданская война в Испании. К концу сентября генералы, поднявшие мятеж против правительства республики, одержали значительные победы. Используя в качестве опорной базы Испанское Марокко, они заняли значительную территорию в южной части Испании, обеспечили себе прочные позиции вдоль португальской границы, а также на севере Испании. Наспех сформированные правительством войска и соединения терпели одно поражение за другим. Мятежники приближались к Мадриду, и испанская столица оказалась под угрозой окружения. 28 сентября мятежники выручили свой гарнизон в Толедском Алькасаре, продержавшийся семьдесят дней; казалось, что перед ними открыт свободный путь к столице. Генерал Франко бросил свои силы на Мадрид; войска двигались на город с юга, юго-запада, запада и северо-запада, в общей сложности, четырьмя колоннами.

Именно в эти дни, 1 или 2 октября, один из наиболее видных генералов, командовавших войсками мятежников, Эмилио Мола, выступил по радио. Угрожающе обрисовав боевые действия, развернутые четырьмя колоннами, он добавил, что наступление на правительственный центр будет начато пятой колонной, которая уже находится внутри Мадрида.

В ответ на это выступление орган компартии Испании газета «Мундо обреро» писала 3 октября 1936 года: «Предатель Мола говорит, что бросит против Мадрида четыре колонны, однако начнет наступление пятая колонна».

В августе и сентябре Мадрид уже был полон слухов о том, что в стране действуют предатели. Фактические или подозреваемые сторонники Франко арестовывались

тысячами; коммунисты, социалисты и анархисты систематически составляли и корректировали списки подозрительных лиц. Каждое утро на улицах можно было найти тела десятков жертв, убитых ночью. И все же казалось, что опасность, угрожающая изнутри, никогда не будет устранена полностью. В августе стояла сильная жара, однако никто не смел насладиться вечерней прохладой: выходить на улицы было слишком опасно. «В некоторых, чаще всего богатых, кварталах с крыш внезапно раздавались выстрелы; таинственные автомобили неожиданно появлялись из-за угла, звучали короткие очереди из автомата, и автомобили исчезали». Отовсюду ползли слухи, что дело республики гибнет; казалось, что кто-то систематически занимается их распространением. Вот почему случайное высказывание генерала Мола лишь подтверждало тревожные предположения: очевидно, Франко имел поддержку пятой колонны, организованной в самом Мадриде.

Во второй половине октября термин «пятая колонна» стал широко использоваться испанской республиканской печатью, в особенности газетами левого лагеря. Кто впервые произнес эти слова, об этом уже наполовину забыли; не прошло и двух недель со дня выступления генерала Мола по радио, как одна из Мадридских газет приписала авторство генералу Кейпо де Льяно, а корреспондент лондонской «Таймс» — генералу Франко. Содержание термина продолжало оставаться неопределенным, однако это не препятствовало, а скорее способствовало его широкому применению. Разве он не служил хорошим прозвищем для неуловимого противника? Страх перед таким противником был настолько велик, что неосторожно оброненное генералом Мола выражение немедленно приобрело эмоциональный оттенок и силу. Случайная словесная комбинация «пятая колонна» стала определенным понятием, словно народ только и дожидался появления подобного термина. Он применялся иногда наряду с другими терминами, такими, как «троянский конь», «нацинтерн». Потом о нем как будто забыли. Но в 1940 году, когда весь западный мир оказался охваченным пожаром, о нем вспомнили вновь. И это не случайно.

Еще до того, как этот термин получил широкое распространение, действия людей, причисляемых теперь к пятой колонне, вызывали тревогу в ряде стран. В госу-

дарствах, лежащих вокруг Германии, уже имели место случаи, когда немецкие агенты, нарушая границу, расправлялись с политическими противниками гитлеровского режима. Особое внимание привлекло убийство видного ученого Теодора Лессинга в Мариенбаде в августе 1933 года. В этот же период в Австрии, да и за ее пределами, большую тревогу вызывали насильственные акты австрийских национал-социалистов, направленные против австрийского государства. Здесь одно преступление следовало за другим; не проходило недели, чтобы какой-нибудь сбежавший из Австрии лидер национал-социалистической партии (в Австрии эта партия была запрещена) не выступал перед микрофоном одной из немецких радиостанций, призывая австрийский народ к восстанию против правительства Дольфуса. 25 июля 1934 года, через какой-нибудь месяц после того, как весь мир с отвращением наблюдал за расправой Гитлера над многими из его бывших сторонников и некоторыми старыми противниками, австрийские нацисты пытались осуществить путч в Вене. Мятежники потерпели неудачу; однако успели покончить с австрийским канцлером. Раненый Дольфус умер, истекая кровью. Ему не оказали никакой медицинской помощи и даже не допустили к нему священника.

Что же творилось в самом сердце Европы? Что за нравы джунглей там утверждались?

Многие за пределами Германии не слишком затрудняли себя выяснением вопроса о том, действовали ли венские мятежники (вроде Планетта и Хольцвебера) по прямому указу из Берлина и Мюнхена. Однако причастность германского рейха к мятежу была совершенно очевидной. Иностранные корреспонденты, находившиеся в немецкой столице накануне венского мятежа, слышали о том, что в Австрии что-то готовится. Через несколько дней после путча они показывали друг другу экземпляры немецкого пресс-бюллетеня («Deutsche Presseklischeedienst»), выпущенного 22 июля 1934 года, то есть за три дня до событий в Вене. В нем уже имелись снимки, изображавшие «народное восстание в Австрии». Там же сообщалось: «В ходе боев за дворец правительства канцлер Дольфус получил серьезные ранения, приведшие к смертельному исходу».

Скупулезная немецкая организованность! Еще не

успели зарядить револьверы, а текст к портрету жертвы уже был напечатан.

Мятеж в Австрии, — возможно, наиболее очевидный, но, безусловно, далеко не единственный показатель высокой степени развития, до которой немецкий национал-социализм сумел довести в других странах свои проникнутые агрессивным духом организации. Не было почти ни одной страны, где бы немцы после 1933 года не объединялись под знаком свастики. Это относилось в первую очередь к проживавшим за границей немецким подданным. Зарубежные национал-социалистические ассоциации, безусловно, поддерживали регулярные связи с центральным руководством (находившимся в самой Германии) заграничной организации немецкой нацистской партии, которое именовалось *Auslands-Organisation der NSDAR*.

Сущность этих связей оставалась тайной для широких кругов населения, хотя газеты нередко публиковали сообщения о высылке отдельных членов заграничной организации бдительным правительством той или иной страны; обычно такие меры принимались в связи с тем, что члены заграничной организации оказывали давление на своих соотечественников. Как видно, национал-социализм проводил в жизнь новый принцип, то есть требовал безоговорочного повиновения от любого немца, на чьей бы территории тот не находился.

Однако опасность грозила не только со стороны этих людей.

Во всех частях света проживали миллионы людей немецкого происхождения. Несмотря на то, что они были подданными, то есть гражданами других стран, эти люди говорили по-немецки и во многом сохраняли признаки национальной немецкой культуры. Как уже упоминалось выше, берлинские власти называли таких немцев «*VOLKSDEUTSCHE*». Нацизм доказал, что может быстро подчинить их своему влиянию. За пределами Германии издавалось свыше 1500 газет и журналов на немецком языке; многие из них с заметным сочувствием отзывались об «успехах» Гитлера в области внешней политики. В немецких школах вне Германии (в 1936 году таких школ насчитывалось около пяти тысяч) преподаватели прививали своим воспитанникам чувство уважения и преданности фюреру.

В приграничных районах, которые Германия была

вынуждена уступить по Версальскому договору, национал-социализм получил широкое распространение. В 1935 году в Саарской области так называемый Объединенный фронт, находившийся под руководством национал-социалистов, привлек на свою сторону подавляющее большинство избирателей, выступая под лозунгом: «Назад, в Германию». Это было неприятной неожиданностью для многих за пределами Германии. Однако еще раньше указанного события французы в Эльзасе, бельгийцы в Эйпен-Мальмеди, датчане в Северном Шлезвиге, поляки в «вольном городе Данциге» и литовцы в Мемеле (Клайпеде) уже выражали опасение в связи с ростом численности национал-социалистических организаций. В октябре 1933 года правительство Чехословакии запретило деятельность на территории своей страны немецкой национал-социалистической рабочей партии (DNSAP), которая отличалась от NSDAP, то есть нацистской партии в самой Германии, только порядком слов в своем названии. Однако вскоре чехи увидели, что три с половиной миллиона судетских немцев подпадают под влияние Кундрада Генлейна. Этот новоявленный лидер, хотя и протестовал против того, что его именуют национал-социалистом, возглавил движение, которое точно копировало нацистскую партию Германии в идеологическом и организационном отношении. Правительства Венгрии, Румынии и Югославии также замечали растущее влияние национал-социалистского движения на значительное по численности немецкое национальное меньшинство, имевшееся в указанных странах. Среди немецкого национального меньшинства в Румынии это движение одержало верх над старыми политическими группировками еще в 1933 году.

Подобная же линия развития наблюдалась и за пределами Европы.

Знак свастики всюду был притягательным для лиц немецкого происхождения. Так было в Юго-Западной Африке, бывшей германской колонии, где еще сохранилось к тому времени значительное количество немцев. Так случилось в Австралии и Новой Зеландии, где многие немецкие ассоциации преподнесли Гитлеру своеобразный подарок к первой годовщине его пребывания на посту рейхсканцлера, объединившись в «Союз немцев в Австралии и Новой Зеландии». Подобное же явление отмечалось и на территории Америки.

Третий рейх, словно магнит, притягивал к себе немцев, разбросанных по всему миру. Немецкая пресса в значительной мере способствовала этому. Горделиво подчеркивая положительные отклики своих соотечественников за строительство национал-социалистического государства — отклики людей, годами или целыми десятилетиями оторванных от своей родины (или же родины своих отцов), — эта пресса охотно публиковала восторженные статьи и стихи, восхвалявшие Гитлера:

Когда мы, немцы, распеваем свои песни под широким небосводом,

Наш призыв звучит и под звездным небом чужих земель.

Слава тебе, Гитлер — спаситель Германии, немецкая путеводная звезда,

Веди нас сквозь бури, пока снова не возродится наша Империя!

Такие песни звучали в бразильских джунглях в 1933 году.

Три года спустя, как раз накануне обращения генерала Мола с призывом к своей мадридской «пятой колонне», руководитель маленькой национал-социалистской группы одного из восточноафриканских поселений в Кайтале (Кения), выступая под гром аплодисментов на ежегодном конгрессе заграничной организации, выразил надежду, что эта операция «явится отборным инструментом в том императорском оркестре, которым когда-нибудь воспользуется фюрер, чтобы сыграть свою грозную симфонию».

Вообще говоря, до 1938 года повсеместному распространению национал-социализма среди немецких поданных и немецких меньшинств за границей не придавалось особого значения; однако то в одной, то в другой стране появлялись признаки смутного беспокойства и раздраженного изумления. Правда, в ряде стран немцы составляли лишь относительно небольшое меньшинство. Но ведь не только они угрожали общественному строю той или иной страны. Возможно, что рост национал-социалистских групп, состоящих только из немцев, прошел бы почти незамеченным, если бы одновременно не развертывали свою деятельность национал-социалистские и фашистские группы из коренного населения. Многие из таких групп были организованы еще в 20-х годах, но

в то время их появление не привлекло никакого внимания. Положение национал-социалистской партии на выборах 1930 года упрочилось, когда стены германского рейхстага услышали гулкий шаг более чем сотни вновь избранных депутатов нацистов. Разве до этого кто-нибудь слышал что-либо о Гитлере? Теперь же он оказался на пути к захвату власти в Германии.

Его пример вдохновил честолюбцев: ведь это то, что оказалось и в других странах. Еще до того, как Гитлер 30 января 1933 года занял резиденцию канцлера в Берлине, национал-социалистские группы были сформированы в десятке стран. Эти группы обуреваемо жгучее желание захватить в свои руки государственную власть; они были убеждены в своей способности разрушить шаткие крепости демократии, используя небольшие банды отобранных и верных последователей. Такие группы охотно воспринимали все атрибуты немецкой нацистской партии: высокие сапоги, рубашку и свастику. В Швеции под флагами со свастикой выступала шведская национал-социалистская рабочая партия; такое же рвение проявляли: в Голландии — национал-социалистская партия, во Франции — бретонские фашисты, в Англии — имперская фашистская лига, в Латвии — «громовые кресты», в Венгрии — венгерская национал-социалистская партия, в Румынии — «железная гвардия». Их объединенную силу никак нельзя было сбросить со счетов. В ряде случаев демократические правительства сами переходили в контратаку, налагая запрет на демонстрации и ношение формы, запрещая государственным служащим вступать в подобные организации, однако во многих странах тому или иному удачливому диктатору удавалось одержать верх над своими противниками. Зачастую, используя поддержку определенных кругов реакционно настроенной буржуазии, подобные личности быстро организовывали политическое движение. И никто не мог предсказать, скоро ли это движение удастся остановить. Конечно, всюду находились люди, недовольные своим положением, или же близорукие мечтатели; они пополняли ряды движения тысячами и даже сотнями тысяч. В середине 30-х годов в некоторых группах Голландии наблюдалось определенное беспокойство, вызванное успехами движения, возглавляемого Антоном Муссертом. В Бельгии отмечалось то же самое в связи с деятельностью сторонников Леона Дегреля, в Анг-

лии — сэра Освальда Мосли, во Франции — полковника де ля Рока.

Понятие «пятая колонна» тогда еще не приняло осязаемых форм, однако страх перед Гитлером и его сообщниками за пределами Германии уже был налицо. Люди глядели с опаской на активность немецких национал-социалистов в своих странах потому, что их агенты организовывали немцев в ассоциации послевоенного типа, подавая тем самым заразительный пример местным антидемократическим элементам. Не вызывало сомнений, что враги демократии из состава коренного населения поддерживают контакт с немецкими национал-социалистами, осуществляют с ними тесное взаимодействие. Правительства многих стран принимали меры против немецких подданных, злоупотреблявших оказанным им гостеприимством: таких лиц высылали. Предпринимались и другие попытки приостановить нарастание активности немецких национал-социалистов. Возникавшие на этой почве конфликты обычно улаживались в секретном дипломатическом порядке, чтобы не вызвать ненужного раздражения Германии. Однако уже в первые годы существования третьего рейха стало известно о ряде подобных инцидентов в различных и весьма отдаленных друг от друга странах. Они привлекли внимание широких кругов общественности, поскольку в подобных случаях обнаруживались внутренние связи Берлина с немцами, проживавшими за границей.

В Юго-Западной Африке, на подмандатной территории Южно-Африканского Союза, было замечено, что немецкие подданные, а также местные граждане немецкого происхождения были организованы по национал-социалистскому образцу. При этом они преследовали определенную цель: добиться возвращения Германии ее бывших колоний. Летом 1934 года подобной деятельности был положен конец. 11 июля наложили запрет на организацию гитлеровской молодежи, а на следующий день произвели обыск в помещениях отделений заграничной организации немецкой нацистской партии. При этом конфисковали значительное количество документов. Содержание последних оказалось весьма показательным.

Через 4 месяца деятельность немецкой нацистской партии на территории Юго-Западной Африки была объявлена незаконной. Власти заявили: «Немецкая наци-

сткая партия стремилась к объединению всех лиц, говорящих по-немецки, для борьбы за реализацию своей программы; ее целью был захват в свои руки безраздельного руководства политической и духовной жизнью той группы населения, которая пользуется в обиходе немецким языком. Немцы пытались посадить национал-социалистов на все ключевые посты в политических, церковных и просветительных органах. Они стремились подавить всякое сопротивление, применяя законные и незаконные формы борьбы. Этому во многом способствовала обширная система шпионажа.

В Литве также слышался шум надвигающейся грозы, пока еще неопределенной и отдаленной, но опасность которой многие уже сознавали.

В 1923 году район Мемеля (Клайпеды), населенный преимущественно немцами, был аннексирован Литвой. В 1933 году здесь возникли две соперничавшие друг с другом организации. Одна именовала себя организацией христианско-социалистического действия, сокращенно CSA, а другая — Социалистическим народным сообществом. Последняя была более сильной.

Обе организации, смертельно ненавидевшие друг друга, имели обособленные штурмовые отряды (SA), члены которых проходили подготовку в Германии. На территории Литвы они выполняли функции гестапо.

Дело этим не ограничивалось.

В ходе судебного процесса в Каунасе, было зачитано данное под присягой показание, датированное январем 1934 года. Оно изоблачало членов Sovog в том, что те получили в это время указание «быть в полной готовности присоединиться к штурмовым отрядам, прибытие которых в Литву с территории Германии ожидается через несколько дней». Было конфисковано оружие, принадлежавшее членам обеих организаций (CSA и Sovog).

Это дело привлекло к себе внимание международных кругов частично потому, что оно вызвало бурную реакцию в Германии. Однако многим Литва казалась странной слишком отдаленной (если не говорить об отношении к этому делу латышей, эстонцев и поляков, имевших подобные же неприятности со своими собственными немецкими национальными меньшинствами). К тому же в путаных наименованиях всех замешанных в данный инцидент организаций было так трудно разобраться!

Но в том же месяце, когда в маленькой прибалтийской стране развертывался судебный процесс, в Швейцарии был отмечен случай, привлекая к себе более широкое внимание. Эмигрировавший из Германии в Швейцарию известный политический деятель д-р Бертольд Якоб, в течение двух лет разоблачавший в газетах секретное перевооружение третьего рейха, внезапно исчез во время своей поездки в Базель. Его друзья заявили об этом в полицию. Якоб часто встречался в Базеле с другими немецкими эмигрантами, д-ром Гансом Веземаном. Последний был арестован и сознался, что организовал похищение Якоба во взаимодействии с органами немецкой государственной тайной полиции, или, коротко, гестапо, которая это разыграла на швейцарской территории. Сообщение об инциденте долго не сходило со страниц газет. Швейцарскому правительству в конце концов удалось добиться освобождения Якоба. Но кто окажется следующим? Название здания «Колумбия» в Берлине стало нарицательным, при упоминании о нем строились всякие ужасные догадки.

Быстрее чем через год после похищения Якоба действия нацистских организаций вне Германии снова привлекли внимание общественного мнения всех западных стран; речь шла опять-таки об инциденте на территории Швейцарии. 4 февраля 1936 года в Давосе студент еврей Давид Франкфуртер, выходец из Венгрии, выстрелил из пистолета и смертельно ранил Вильгельма Густолофа, руководившего в Швейцарии местной группой заграничной организации немецкой нацистской партии. Франкфуртер хотел своим поступком выразить публичный протест против усиливавшегося преследования евреев в Германии: в сентябре 1935 года там были провозглашены так называемые Нюрнбергские законы. Швейцарское правительство после данного покушения приняло соответствующие меры. Швейцарцам уже надоело вмешательство немцев в дела их страны. Через две недели после убийства Густолофа все организации немецкой нацистской партии, действовавшие на территории Швейцарии, были запрещены. Германское правительство заявило протест, швейцарские власти оставили демарш немцев без внимания.

В 1936—1937 годах многие еще не видели тесной внутренней связи между всеми фактами. К тому же в этот период в газетах печаталось так много других

интересных новостей. Сообщения о ходе Олимпийских игр в Берлине или об отречении наследника английского короля от престола были куда более сенсационными. Тем не менее, именно в 1933 году и в последовавшие за ним годы были посеяны семена постепенно нарастающего страха. Каждый из упомянутых выше инцидентов, каждая заносчивая демонстрация немецких или других национал-социалистов способствовали его распространению. Все настойчивее бросалась в глаза растущая угроза и связанная с этим неустойчивость жизни. Что же, в сущности, назревало в мире? Каким целям служили все эти заговоры?

Многие за пределами Германии не строили себе никаких иллюзий насчет того, что творилось внутри этой страны. Немецкое и переводные издания «Коричневой книги о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре» расходились в десятках тысяч экземпляров. Социалисты и коммунисты знали, что их немецкие партийные товарищи подвергались пыткам в концентрационных лагерях; с распространением новых форм идолопоклонства, т. е. преклонения перед Гитлером, увеличивались возможности оказания давления на религиозные организации — как протестанты, так и католики отдавали себе в этом ясный отчет. Со свидетельскими показаниями о тирании национал-социалистского государства мог выступить не только еврей, но и любой эмигрант. А число беженцев из Германии достигло в 1938 году 350 000 человек. Однако лишь немногие из воспользовавшихся правом на нормальную жизнь вне Германии сумели сделать для себя вывод, что их собственная жизнь продолжает находиться вне опасности. Кто отдавал себе отчет в том, что агрессивная политика национал-социалистов внутри страны должна почти неизбежно привести к внешней агрессии? Большинство людей не решалось на такой вывод или оказалось неспособным прийти к нему. Однако были и другие, более решительные люди.

Начиная с 1933 года в пустыне равнодушия и самобмана раздавались предостерегающие голоса, хотя далеко не все прислушивались к ним. Находились дипломаты, донесения которых были полны предупреждений. Появился целый ряд печатных материалов, разоблачавших не только агрессивную сущность национал-социалистов, но и интриги этого государства в других странах. В ноябре 1933 года французская газета «Пти паризьен»

вызвала сенсацию, опубликовав документы, тайно вывезенные из Германии коммунистами. Среди опубликованных материалов имелся план развертывания усиленной немецкой пропаганды в странах американского континента. Туда засылались тайные агенты. Им предлагалось, в частности, собирать данные о том, в какой мере те или иные газеты помещают сведения, исходящие из Германии. Намечалось открытие якобы нейтрального телеграфного агентства для распространения пронемецких новостей; антинемецки настроенным журналистам должны были подсовывать лживые сообщения. Немецкие агенты, имея в своем распоряжении ряд подготовленных статей, должны были добиваться их публикации в газетах всей Южной Америки, от реки Рио-Гранде до пролива Магеллана, не стесняясь применять подкуп, если это нужно. Таким путем рассчитывали влиять на общественное мнение, с тем, чтобы оно в свою очередь оказывало влияние на правительства стран Центральной и Южной Америки и не препятствовало Германии в ее попытках овладеть территориями с немецкими национальными меньшинствами.

Политические эмигранты также проявляли активность. Они выступали со своими предостережениями всюду, где можно было, — в Праге, и Амстердаме, Лондоне и Париже. Они собирали информацию из любых источников; с агентами гестапо велась борьба не на жизнь, а на смерть. Делались попытки пресекать немецкие интриги, своевременно разоблачая их. В 1935 году в Париже была опубликована книга с итоговым обзором всяческих происков Германии в Европе: «Коричневая сеть. Как работают гитлеровские агенты за границей, подготавливая войну».

В книге описывалась шпионская работа 48 тысяч агентов. В ней упоминалось о протоколах совещания, проведенного в марте 1935 года с участием Гимmlера. «Присутствовали все руководящие чиновники гестапо, связанные с работой за границей». В протоколах говорилось о наличии 2450 платных агентов и более 20 тысяч агентов, работающих по идейным убеждениям. Речь шла также о немецкой пропаганде и о работе нового типа, тогда еще малоизвестного органа — внешнеполитической службы немецкой нацистской партии. Этот орган, руководимый Альфредом Розенбергом, главным редактором газеты «Фелькишер Беобахтер», сотрудничал с

международными антисемитскими организациями и движениями национальных меньшинств, способными подорвать положение тех или иных правительств. В материалах упоминалось, что заграничная организация немецкой нацистской партии имеет 400 местных отделений, разбросанных по всему земному шару.

В книге указывалось об «Ассоциации для немцев за границей». В нее приглашали вступать немцев, проживавших в Германии и заинтересованных в судьбе своих соотечественников за границей. Ассоциация поддерживала регулярные связи с «более чем 8000 немецких заграничных школ и насчитывала в своем составе свыше 24 000 местных отделений». Подобной же работой занимались Немецкая академия и немецкий институт для иноземных стран. В книге указывалось, что третий рейх израсходовал более 250 000 000 марок на пропаганду и шпионаж за границей.

Там же описывались случаи «угроз, провокаций, похищений, убийств, незаконного ввоза оружия, саботажа и шпионажа». Говорилось и о подрывной деятельности немцев в отношении стран Северной, Восточной, Южной и Западной Европы; упоминалось об Австрии как о военном плацдарме немецкого рейха; указывалось, что «так называемые туристы, а также террористы» угрожают безопасности Югославии. В заключение приводился список 590 «нацистских пропагандистов, агентов, осведомителей и шпионов, действующих за пределами Германии»; при этом указывались их имена и функции.

Вся заграничная деятельность нацистов направлялась из единого центра. Составители книги приложили к ней внушительную схему организованного построения. Схема показывала, что Гитлер и центральное руководство немецкой нацистской партии поддерживали непосредственно или при помощи вспомогательного органа, возглавляемого Рудольфом Гессом, связь с двенадцатью подчиненными центрами; эти последние в свою очередь осуществляли руководство клубами, местными отделениями, школами, церквями и отдельными агентами».

«При первом же взгляде на деятельность нацистов за границей, на тот орган, который ее направляет, может показаться, что здесь происходит отчаянная борьба разноречивых интересов; более того, может создаться впечатление, что здесь царит неразбериха. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что

противоречивые на вид действия, в сущности, направленные к одной цели. Конечно, после прихода национал-социалистов к власти понадобилось немало времени, пока удалось наладить должное взаимодействие между различными учреждениями и организациями за границей, пока удалось координировать усилия всех подразделений этой огромной сети. Однако к середине 1935 года данная задача была уже полностью решена».

Немцы и в самом деле умели организовывать!

Через год после выхода из печати названной книги началась гражданская война в Испании. Пулеметы строчили теперь не в отдаленных долинах Хуанхэ или Янцзы, а на берегах реки Эбро; авиационные бомбы сбрасывались не на Нанкин, а на Гернику; артиллерийские снаряды рвались не в Шанхае, а в Альмерии. В Европе нарастал страх перед военным пожаром. Многие несколько не сомневались в том, что Гитлер и Муссолини осуществляют прямую интервенцию в Испании. Другие считали, что помощь, оказываемая Сталиным испанскому правительству, является еще большей опасностью. Эти другие, чаще всего принадлежавшие к правым партиям, были склонны считать угрозу коммунизма (по крайней мере в отношении Западной Европы) более серьезной по сравнению с угрозой со стороны национал-социалистов. Такие люди и слышать не хотели об опасности немецкой интервенции; между сторонниками и противниками оказания помощи республиканской Испании развернулась ожесточенная борьба, которая во Франции чуть было не приняла формы гражданской войны.

Доказательств немецкой интервенции в Испании было более чем достаточно. В первые же дни гражданской войны в Барселоне и других городах, находившихся в руках республиканцев, были конфискованы некоторые архивы заграничной организации немецкой нацистской партии, в которых хранились тысячи документов. Небольшая группа анархистов немецкого происхождения приступила к сортировке этих документов, и в 1937 году вышла «Черно-красная книга: документы о гитлеровском империализме».

В книге имелись фотокопии многих документов. Были еще раз разоблачены методы пропагандистской и шпионской деятельности официальных представителей заграничной организации. Приводились выдержки из

документов, полностью доказывавшие (по мнению составителей группы) участие многих официальных представителей во франкистском мятеже. А также вскрыты некоторые методы маскировки, которые при этом применялись. Указывалось, что немецкие нацисты организовали так называемую «портовую службу». В ее задачи входил нелегальный ввоз национал-социалистских пропагандистских материалов на территории Испании; кроме того, было установлено несколько фактов, когда та же портовая служба доставляла захваченных агентами гестапо пленников на борт немецких судов.

Опубликованные документы были подлинными и потому убедительными. Вскоре второе издание книги вышло на немецком языке в Париже; появилась книга и в Лондоне в переводе на английский язык. До широкой общественности все эти документы доходили с трудом; однако полицейские, юридические и разведывательные органы ряда стран изучали их со всей серьезностью. Не так часто случается, чтобы противнику пришлось раскрыть свои карты, а в данном случае раскрывалось большинство его ходов.

Заграничная деятельность национал-социалистов обнаруживалась все сильнее; этому способствовали разоблачения, содержащиеся в «Коричневой книге» и «Черно-красной книге»; люди во многих странах начали смотреть на всякую деятельность немцев с постепенно нараставшей подозрительностью. Разве мрачная работа по развертыванию террора и шпионажа смогла ограничиться пределами Испании? Имелась ли хоть одна страна, где агенты Гитлера не способствовали бы подготовке очередной агрессии? Признаки этого замечались повсюду. В Дании стало известно, что руководитель немецкого клуба в Копенгагене Шефер в марте 1936 года разослал членам своего клуба анкету. В ней, в частности, предлагалось ответить, сколькими легковыми и грузовыми автомобилями, а также сколькими мотоциклами располагает каждый из опрашиваемых. В числе других 37 вопросов анкеты были такие: «Есть ли у вас пишущая машинка? Умеете ли вы пользоваться стенографией?»

Подобные вопросы могут показаться безобидными для живущих по ту сторону Атлантики. Однако они предстанут в совершенно ином свете, если принять во внимание, что на установившемся у нацистов жаргоне «пишущая машинка» означает огнестрельное оружие,

а «пользоваться стенографией» — умение стрелять. В анкетах господина Шефера, разосланных своим сторонникам, имелись также вопросы о датских маяках, их расположении и количестве обслуживающего персонала, наиболее удобных путях подхода к этим маякам и т. п.».

Приведенная выше обвиняющая выдержка взята не из какой-нибудь бульварной газетки. Эти строки появились (через год после начала боевых действий в Испании) в авторитетном американском журнале «Форин афферс», занимающимся вопросами современной истории.

Примерно в тот же период общественное мнение Норвегии было взволновано разоблачениями, опубликованными одной из социалистических газет. В 1935 году немецкий нацист, большой любитель путешествовать по Северной Норвегии, получил разрешение фотографировать солдат «северного, нордического типа» в главном военном лагере, расположенном близ порта Нарвик, являющимся важным экономическим и стратегическим объектом. Чего добивался этот немец? Зачем подполковник Сундло, представитель военного командования, выдал ему соответствующие разрешения? Не является ли сам Сундло одним из сторонников национал-социалистского квислинговского движения? Была назначена комиссия для расследования, не сумевшая найти основания для подобных подозрений.

Ведь характерно, что международная печать впервые собралась на очередной конгресс заграничной организации немецкой нацистской партии лишь в августе 1937 года; между тем, открытые конгрессы такого рода созывались и ранее — 1934, 1935, и 1936 годах.

В начале 1937 года газета «Таймс» поместила комментарии по поводу «первого эффектного вторжения национал-социалистской партии в область деятельности министерства иностранных дел». Глава заграничной организации немецкой партии Эрнст Вильгельм Боле был назначен по совместительству главой заграничной организации при министерстве иностранных дел Германии. В своей новой должности Боле подчинялся непосредственно министру, пост которого занимал тогда барон фон Нейрат. К тому же, если вопросы, входившие в сферу деятельности Боле, обсуждались на заседаниях кабинета министров, он имел право лично при этом присутствовать.

В чем заключался смысл подобного продвижения Боле?

Для тех людей за пределами Германии, которые внимательно следили за работой заграничной организации, внутренний смысл состоявшегося назначения был достаточно ясен. Организатор пропаганды и шпионажа, запугиваний и похищений был введен в состав такого почтенного органа, как министерство иностранных дел. Это означало, что ему поручено навести порядок в центральном аппарате министерства и в подчиненных органах; вместе с тем расширялись возможности усиления подрывной работы за границей путем использования привилегированного положения лиц с дипломатическими паспортами.

В описываемый период в Германии была опубликована пропагандистская брошюра, посвященная работе заграничной организации. В ней говорилось как о совершенно естественном явлении, что в «центральном аппарате организации занято 700 человек»; «количество зарубежных отделений и секций доведено до 548». В связи с выходом в свет упомянутой брошюры виднейшая социалистическая газета в Голландии писала о том, что «в работу местных групп за пределами Германии вовлечено до 3 000 000 немцев».

Здесь мы снова хотим подчеркнуть то, о чем уже упоминалось выше: лишь немногие лица обращали серьезное внимание на эти и им подобные проблемы.

Большинство людей было просто неспособно понять, как бессловесно и ловко их водили за нос. Никакой другой авантюрист в мировой истории, кроме Гитлера, не сумел выкачать так много средств из того своеобразного банка, куда люди всех рангов и состояний вкладывали свою доверчивость и простодушную честность. Людей, пытавшихся поднять тревогу, старались оттеснить на задний план. Герман Раушнинг, несколько лет подряд вращавшийся в высших нацистских кругах, сумел понять всю порочность нацистских лидеров и их системы; в апреле 1937 года он подготовил большую рукопись под названием «Нигилистическая революция» (это было сделано после побега Раушнинга из Данцига). В течение целого года автор искал издателя, который согласился бы опубликовать его книгу. За это время многие из написанных Раушнингом отдельных статей «возвращались ему разными издательствами обратно с той мотиви-

ровкой, что содержащиеся в статьях разоблачения являются слишком фантастическими и не походят на правду».

Наконец в 1938 году одно из Швейцарских книжных издательств осмелилось опубликовать всю рукопись Раушнинга; такое решение не было случайным.

Международная обстановка к тому времени сильно изменилась. Гитлер уже вступил в Австрию.

Многие были сильно удивлены, когда в середине февраля 1938 года стало известно о визите австрийского канцлера Курта фон Шушнинга в Брехтесгаден, где он имел продолжительную беседу с Гитлером. О результатах встречи 13 февраля было опубликовано обычное, не вызывающее особого интереса коммюнике. Однако лица, хорошо знакомые с обстановкой в Австрии, сразу же насторожились, когда через несколько дней до них дошла новость о назначении д-ра Артура Зейсс-Инкварта на должность министра внутренних дел Австрии (в указанное министерство входило также ведомство полиции). Зейсс-Инкварт, венский адвокат, был известен как сторонник аншлюса (присоединения Австрии к Германии). Почти немедленно после своего назначения он направился с визитом в Берлин, где имел встречу с Гитлером. Напряженность обстановки в Австрии нарастала; национал-социалисты выступали все более открыто и вызывающе. За пределами Австрии лишь кое-где люди проявляли смутное беспокойство. 9 марта было опубликовано сообщение о том, что в ближайшее воскресенье Шушнинг проводит плебисцит, в ходе которого население должно высказаться за или против независимости Австрии. Даже и эта новость все еще не была воспринята общественным мнением как явное свидетельство того, что за кулисами политической сцены развернулась борьба не на жизнь, а на смерть.

События начались в пятницу 11 марта.

В 6 часов вечера венское радио передало сообщение об отмене плебисцита, а в 7 час. 45 мин. перед микрофоном выступил Шушнинг. «Перед лицом всего мира я сообщаю во всеуслышание, — звенел его голос, — что правительство Германии вручило сегодня федеральному канцлеру Микласу ультиматум. В нем предписывается, чтобы на пост канцлера Австрии было назначено лицо по выбору германского правительства; это лицо должно сформировать кабинет министров, угодный правитель-

ству, не то немецкие войска вступят на территорию Австрии».

Этого было достаточно, чтобы вызвать замешательство.

Поздно вечером ве ское радио передало сообщение, что сформировано новое правительство под председательством Зейсс-Инкварта. Одновременно Берлин сообщил, что Зейсс-Инкварт обратился со срочным телеграфным посланием к Гитлеру, именуя последнего фюрером; в телеграмме Зе йсс-Инкварт просил германское правительство помочь му в поддержании порядка и спокойствия, выслав для этого войска «как можно скорее».

Немецкие войска вступили в Австрию в субботу 12 марта. На следующий день аншлюс стал свершившимся фактом.

И на этот раз Гитлер добился своих целей! Еще раз восторжествовала свастика! Опять десятки тысяч противников нацизма, евреев и не евреев, оказались под угрозой! Вызванные этими событиями чувства негодования и презрения сосредоточились, словно в фокусе, на одном человеке — Зейсс-Инкварте. Его имя стало синонимом предателя. Вместе с тем, на примере Австрии можно было впервые увидеть механизм агрессии, когда нападение начинается в самом сердце страны.

Так вот как они действуют за границей, эти нацисты! Сначала они занимают ключевые позиции в правительственном аппарате, затем ведут в стране подрывную работу и наконец вызывают кризис, с тем, чтобы ввести немецкие войска по телеграмме, текст которой составляется заранее.

ВООБРАЖАЕМАЯ «ПЯТАЯ КОЛОННА»

В 1939—1941 годах, как только Германия начинала осуществлять очередную агрессию, чувства и поступки людей в странах, которые подверглись нападению или находились под непосредственной угрозой, отражали следующую основную мысль.

«В нашей стране много вражеских агентов. Некоторые из них живут среди нас уже долгое время; они могут,

не привлекая к себе внимания, посредством шпионажа и безобидных на вид действий расчистить дорогу агрессии, жертвами которой мы стали (или пожем стать). Другие агенты — это солдаты противника, которые с началом наступления надевают наше обмундирование, или штатское платье, или сутаны священников и монахов. И те и другие занимаются шпионажем; более того, они пытаются дезорганизовать оборону страны самыми разнообразными способами, вплоть до отравления продуктов питания. Наконец, они стараются наладить контакт с вторгающимися войсками путем невинных с виду действий, которые на самом деле являются условными сигналами или донесениями».

Можно отметить любопытнейший факт. В совершенно иной обстановке, когда ни о какой национал-социалистской немецкой пятой колонне не могло быть и речи, то же самое думали и чувствовали люди, проживавшие на другом континенте, но тоже подвергавшиеся нападению.

Морской министр США после удара японцев по Пёрл-Харбору (7 декабря 1941 года) выступил с утверждением, будто «наиболее эффектными за всю войну действиями пятой колонны (если не считать событий в Норвегии) оказались действия на Гавайских островах». Речь шла при этом о 160 000 проживавших на Гавайях японцев, большинство из которых являлось американскими гражданами. Многие в Америке утверждали, что эти люди стреляли по американским солдатам, воздвигали баррикады на дорогах, вырубали тростник на сахарных плантациях таким образом, что получались гигантские стрелы, указывающие направление на военные объекты.

Японцы, торговавшие овощами и фруктами, тщательно следили за закупками продовольствия для американского военно-морского флота, делая отсюда выводы о перемещениях его кораблей. Член палаты представителей американского конгресса Рэнкин, выступая (19 февраля 1942 года) на заседании, кричал: «Будь они прокляты, предатели!»

Вскоре после японского нападения на Пёрл-Харбор подобные же обвинения выдвигались против проживавших в Калифорнии американских граждан японского происхождения, так называемых нисэв. Говорили, будто эти люди каждую ночь либо подают световые сигналы японским подводным лодкам, либо держат с ними связь

при помощи тайных раций; будто они располагают цветочные клумбы, грядки помидоров или кормушки с сеном для скота таким образом, чтобы условно указывать расположение аэродромов и авиационных заводов; будто они отравляют овощи и фрукты, продаваемые американским домохозяйкам. Враждебные настроения против местных японцев усилились до такой степени, что весной 1942 года власти всех их интернировали, разместив в лагерях внутренних районов США.

Если внимательно рассмотреть периоды напряжений и конфликтов, предшествующие второй мировой войне, мы встретимся и с другими явлениями.

Когда в 1938 году в Чехословакии пришли к выводу, что война с Германией неизбежна, по Праге поползли слухи, будто врачи германской клиники подготовили тысячи пробирок с микробами брюшного тифа, чтобы отравить питьевую воду после начала военных действий. Говорили, что сторонники Генлейна написали светящимися красками название чехословацкой столицы на крыше немецкого университета, облегчая тем самым ориентировку немецким бомбардировщикам.

Во время гражданской войны в Испании один из приехавших туда иностранцев заметил близ Сарагосы, как из мест расположения правительственных войск подавались световые сигналы противнику. Как ему сказали, подобные явления происходили «каждую ночь». Незадолго до начала войны сотни женщин в Мадриде охватила паника: до них дошел слух о том, что «монахини раздают отравленные сладости детям и что больницы города переполнены пострадавшими малышами».

Нельзя обвинять японцев, проживавших на Гавайских островах, в шпионской, диверсионной или какой-либо иной деятельности, характерной для пятой колонны. Таких фактов не обнаружено ни в период до удара японцев по Пёрл-Харбору, ни в ходе самого нападения, ни в последующее время. Шпионская работа выполнялась только консульствами. Что касается американцев японского происхождения, проживавших в Калифорнии, то также не установлено никаких фактов, доказывающих, что они занимались шпионажем и диверсиями или же пытались организовать группы сопротивления.

Все лица, в чьих домах органы федерального бюро расследования обнаруживали «оружие» (зачастую простые охотничьи ружья) или взрывчатые вещества, ока-

зались в состоянии дать удовлетворительные объяснения, почему они имели их у себя. Расследование показало, что «все без исключения» слухи о подаче световых сигналов или использовании тайных радиопередатчиков оказались необоснованными. Наконец, нигде не удалось вскрыть факты, когда фермеры из числа американцев японского происхождения изображали бы на своих земельных участках какие-либо знаки или ориентиры для японской военной авиации. Установили лишь один случай, когда подобный «знак» действительно существовал. Как выяснилось, то было делом рук фермера совсем не японского происхождения. «Он так обрадовался сбору хорошего урожая, что вывел плугом на поле буквы JOE (видимо, свое собственное имя)».

Можно добавить, что подобные же слухи, распространяемые во время первой мировой войны, также не имели под собой достаточных оснований. В начальный период военных действий как немцы, так и их противники резко переоценивали размах и эффективность направленного против них шпионажа. До начала войны немецкая военная разведка располагала кредитами, не превышавшими 500 000 марок в год. Этих скромных средств оказалось достаточно, чтобы выявить ход русской и французской мобилизации. Проводился также тайный сбор данных об английском военно-морском флоте. Однако в день объявления войны (4 августа 1914 года) немецкая шпионская сеть в Англии оказалась ликвидированной: англичане вели за ней тщательное наблюдение в течение ряда лет. Никаких фактов совершения диверсий проживавшими в Англии немецкими подданными или другими лицами немецкого происхождения установлено не было.

Позволительно представить себе следующую картину.

Начало войны влечет за собой возникновение сильного страха у большинства людей. Никто в точности не знает, какие неожиданности может принести ему война. Сама жизнь человека находится под угрозой. Он может оказаться убитым в бою или серьезно раненным в ходе воздушного налета. Он может потерять родственников и друзей. Привычная повседневная жизнь внезапно и резко нарушается. Человек стоит перед угрозой неотвратимой и непостижимой катастрофы. Какое оружие применит противник? Все, что начиная с юных лет читал

или слышал человек об ужасах войны, о сражениях с применением огнеметов, о бактериях и «лучах смерти», — все это всплывает в памяти и грозит затопить сознание. Трудно справиться с таким страхом. Трудно представить, какое конкретное несчастье тебе угрожает, какое именно бедствие выпадет на твою голову.

С самого же начала в душу человека закрадывается не только страх.

Наступает враг, который развязал войну. По его вине расстроены весь порядок мирной жизни. Это он несет с собой разорение и разрушение. У людей возникает и нарастает чувство ненависти к агрессору. С какой охотой они схватили бы его, смяли, раздавили, уничтожили!

Наряду со страхом и ненавистью появляется и чувство беспомощности. Начинает работать гигантская военная машина, которая подчиняет себе деятельность простых людей. Продолжать заниматься тем, чем человек занимался в мирное время, кажется бесполезным. Ко всему примешивается неопределенность; никто не представляет себе, что происходит или уже произошло на фронтах: информации мало, а та, что имеется, сводится к несущественным деталям.

Под влиянием сильного, но безотчетного чувства страха, под влиянием раздражения, в обстановке беспомощности и неуверенности нарастает внутреннее напряжение. Возможность разрядить такое напряжение появляется в том случае, если люди могут найти в своей собственной среде тех, кого можно было бы заклеить словом «враги». Тогда страх обычно теряет свой таинственный и неопределенный характер; вместо беспомощности и неуверенности возникает непосредственная задача: бить врага в своих собственных рядах. Нанося такие удары, каждый начинает думать что он «что-то делает», что он «помогает довести войну до победного конца».

В подобной обстановке у очень многих людей появляется склонность найти отдушину, чтобы освободиться от внутреннего перенапряжения, воспринимая без особых рассуждений мысль о том, что надо искать врага в своих собственных рядах. Теперь дело лишь за тем, чтобы кто-то первым назвал мнимого врага «по имени». Возглас отдельного человека подхватывается тысячами и быстро передается из уст в уста. Пресса и радио забо-

тятся о том, чтобы он оказался доведенным до миллионов людей. В подобном процессе возбуждение, как искра, перескакивает от одного человека к другому. Однако значительно более важную роль играет то обстоятельство, что большинство людей находится (как оно и было в действительности) в состоянии такого напряжения, что достаточно малейшего толчка, чтобы вся их злоба и ненависть прорвалась наружу. В связи с этим искры возбуждения возникают во многих местах сразу, их распространение становится исключительно быстрым, и то, что один человек подозревает, следующий уже передает как достоверный факт. Когда о подобном предположении или подозрении сообщают на страницах газет или по радио, они приобретают черты неопровержимой истины. У большинства людей нет потребности в том, чтобы критически и хладнокровно оценить доходящие до них известия. К тому же проверка зачастую оказывается невозможной: связь прервана, и ни у одного человека нет правильных представлений о ходе боев.

«Назвать по имени», «найти (что часто означает создать) врагов в своей собственной среде» является одной из форм удовлетворения той внутренней потребности, о которой мы говорили выше. Это естественный процесс, точнее доступный способ, дающий людям возможность воспринять ту действительность, которая кажется невыносимой; в периоды особой напряженности подобные процессы почти неизбежны. С первого взгляда кажется, что подвергнувшийся нападению народ еще более затрудняет свое положение, высказывая подозрения о том, что в его среде имеются враги: на самом же деле происходит как раз обратное явление.

Характер выдвигаемых обвинений против выискиваемых врагов в своей собственной среде имеет второстепенное значение.

Поскольку, как мы выяснили, люди желают сами, чтобы их убедили в наличии сообщников врага внутри страны, разве не будет для них естественным предположить, что эти сообщники занимаются шпионажем и диверсиями, стреляют по войскам той страны, где они проживают? Конечно, рассуждают многие из них, такие шпионы жили в стране годами, только их никто не выявлял и они оставались незамеченными; такими же незамеченными остаются и вражеские агенты, появляющиеся с началом вторжения. В целях маскировки по-

следние, конечно, стараются применять такие приемы, как переодевание в штатское платье или в форменное обмундирование той страны, которая подвергается нападению.

Люди часто искали врагов в своей собственной стране среди священников, монахов и монахинь. Все эти лица носят одежды, словно специально приспособленные для укрытия оружия. По всей вероятности, сказывалось то обстоятельство, что представители церкви издавна окутаны некоторой тайной.

Какой-нибудь не имеющий серьезного значения пустяк может послужить поводом для зачисления человека в число врагов. В глазах некоторых людей становится подозрительным каждый, кто хоть чем-нибудь выделяется среди окружающих.

В 1914 году в Германии самых обычных людей принимали за шпионов, если их внешность хоть чуточку отличалась от внешности других немцев. В Англии в 1940 году необосновано задержали многих людей только потому, что они чем-то бросались в глаза, чем-то отличались от остальных, имели что-то странное в своей внешности.

В конце мая 1940 года одного французского лейтенанта избили свои же сограждане только потому, что «у него были рыжеватые волосы, и это вызвало подозрение». В Брюсселе в те же майские дни 1940 года перевозили на трамвае к вокзалу некоторое количество арестованных. Их сопровождали трое солдат и лейтенант. В это время вдоль улицы шел человек со своей беременной женой — оба брюнеты. Лейтенанту показалось что-то подозрительным. Наверное, иностранцы. Трамвай остановили. Лейтенант приказал привести этих людей к нему, а затем как иностранцев присоединить к остальным арестованным. Мужчина протестовал: «Я живу здесь уже длительное время, вот мои документы; они в полном порядке». «Документы?» — рассмеялся лейтенант. «К тому же моя жена должна скоро родить!» — «Все это вы объясните там, куда вас привезут!»

Не всех жителей стран, подвергшихся нападению, подобные настроения охватывают в одинаковой мере, так как сказывается влияние многих факторов индивидуального порядка. Господствующая атмосфера общего напряжения захватывает каждого человека в отдельности,

тем не менее некоторые люди все же сохраняют способность не терять здравого смысла и прислушиваться к голосу своей совести. В Польше, например, отмечался ряд случаев, когда офицеры не допускали расправы над местными немцами, которых подозревали в принадлежности к пятой колонне. Мужество подобных офицеров заслуживает восхищения: человек, вступающийся за «предателя» в момент величайшего возбуждения толпы, сам рискует оказаться зачисленным в категорию «предателя» и подвергнуться оскорблению, а то и избиению.

Опыт, приобретенный на государственной службе, и чувство долга также играют свою роль: полицейские зачастую защищали конвоируемых ими арестованных от разъяренной толпы, невзирая на трудности и опасности для них самих. Ведь в толпе могли найтись люди способные избивать и даже убивать. К поступкам таких людей в обстановке, когда страна находится под угрозой, многие относятся терпимо; некоторые даже восторгаются подобными действиями.

Так было во Франции в мае 1940 года после катастрофы на Севере; предполагали, что мосты через Маас оказались захваченными противником в результате преступной небрежности, иначе говоря предательства нескольких французских офицеров. О командующем 9-й армией генерале Кпае рассказывали, будто «в критический момент от выехал в роскошную виллу богатейшего промышленника, куда вызвал затем свою любовницу».

Ни у кого нет такой широкой спины, как у козла отпущения.

Многие нормальные явления мирного времени начинают вызывать подозрения в условиях военного времени или в тех случаях, когда над людьми нависает серьезная опасность. «Скрежет шестерен в коробке скоростей автомобиля кажется звуком сирены, а хлопанье двери — разрывом бомбы». Еще более подозрительными кажутся поведение и поступки людей, по отношению к которым заранее сложились предубеждение и некоторая враждебность, особенно когда за такими людьми наблюдают в обстановке надвигающейся войны. Каждый услышанный выстрел кажется тогда неприятельским, а если самого неприятеля поблизости нет, значит речь идет о его сообщниках. Впечатление обстрела со всех сторон становится особенно сильным, когда бои идут на улицах города и повсюду свистят пули.

Офицеры и солдаты возбуждены; они ведут беспорядочную стрельбу, чтобы подавить собственный страх. По существу, они стреляют друг в друга. В начале войны такие случаи имели место и во время боев вне населенных пунктов. Каждый услышанный выстрел кажется новым доказательством того, что где-то по соседству притаился враг из пятой колонны.

В результате подобной обстановки, в ходе вторжения немцев в мае 1940 года наблюдалась невероятная неразбериха, особенно в крупных городах на западе Голландии. Сумятица увеличилась под влиянием сообщений о широком использовании противником голландского обмундирования. Узнав о подобной хитрости немцев, некоторые голландские военнослужащие в Гааге сняли все знаки различия со своей форменной одежды в расчете на то, что таким образом можно перехитрить противника. В результате другие военнослужащие, не снявшие знаков, принимали первых за переодетых немцев. Порядок удалось восстановить только на четвертый день войны, когда войска вывели из города.

Для того, чтобы впервые назвать по имени внутреннего врага, достаточно бывает одному человеку выдвинуть обвинение, как все его подхватывают. Такое явление может наблюдаться в небольшой группе людей (кто заметил в руках человека немецкую газету. Значит, ее владелец немецкий шпион!). Оно может происходить и в масштабе страны в целом. В адрес военных и гражданских властей люди шлют донесения, написанные под влиянием возбуждения, без достаточной проверки, содержащие частично или полностью ошибочные выводы. В атмосфере общей нервозности такие донесения превращаются в сообщения для печати, коммюнике и военные сводки, что в свою очередь усиливает склонность к поискам новых «преступлений». Как только возникает подозрение, что вода отравлена, сразу же кажется странным ее вкус; это еще больше усиливает подозрение, и люди начинают верить в то, что вода действительно отравлена.

Общая атмосфера страха способствует появлению все новых и новых доказательств преступной деятельности скрытых врагов. В ходе боев за Роттердам одному немецкому офицеру химической службы показалось, что он слышит в здании занятой немцами школы запах отравляющего вещества. «Другие сразу же начали уве-

рять, что ощущали этот запах еще раньше. Кто-то, подобрав осколки снаряда, немедленно почувствовал, что у него зачесались пальцы — иприт! Слово «газы» вызвало большое смятение, послышалась команда: «Одеть противогазы!» Руки людей, у которых чесались пальцы, забинтовали огромными повязками. Однако тревога оказалась ложной.

В ходе боев в Гааге один высокопоставленный правительственный чиновник подарил солдатам военной охраны сотню сигарет, на которых имелась его личная монограмма. Солдаты охраняли правительственное здание, в котором находились министры, с беспокойством следившие за ходом событий в стране. Через несколько часов группа солдат явилась к этому же чиновнику и заявила, что ими обнаружены отравленные сигареты. Тот сказал: «Хотелось бы на них посмотреть». Тогда ему показали сигареты с его собственной монограммой!

На подобных примерах можно иногда продемонстрировать абсолютную абсурдность некоторых свидетельских показаний. При проведении расследования выясняется, что так называемые «световые сигналы» не что иное, как мерцание свечи, случайное многократное включение и выключение лампочки в какой-нибудь квартире или даже отражение солнечных лучей от стекол приоткрытого окна. Иногда приходили с обыском в дом, где мнимый пулемет оказывался простым флажтком; «полотнища для сигнализации самолетам» оказывались обыкновенными чехлами для мебели.

Зачастую бывает так, что люди, убедившись в необоснованности одной из улик, далеко не сразу признают подобную же необоснованность и абсурдность других выдвигаемых ими улик.

Очень часто любая мысль о критической проверке той или иной улики сразу же отбрасывается (это особенно относится к гражданским лицам и солдатам, в значительно меньшей мере — к чиновникам юстиции и полицейским). Против приговора, сложившегося у человека по внутреннему убеждению на основе немногочисленных и разрозненных наблюдений, нельзя подать никакой апелляционной жалобы. Иногда невозможна и защита. Более того, все довольны, оправдания, приводимые подозреваемым лицом в качестве доказательств своей невиновности, превращаются в дополнительные улики в интересах обвинения. Достаточно напомнить

случай с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» во Франции, где его приняли за немца и едва не пристрелили (у него были голубые глаза и светлые волосы). Он пытался рассказать, что награжден орденом «Почетного легиона», и указывал при этом на красную орденскую ленточку, но услышал в ответ, что трудно ожидать такой исключительной наглости даже от немца. Когда он начал показывать выданные ему в штабе генерала Гамелена документы с многочисленными официальными печатями, окружающие стали говорить, что это явно подозрительная личность, поскольку у него слишком уж много всевозможных удостоверений. Задержавшие его люди с большой неохотой отказывались от своих беспочвенных утверждений.

В Бельгии, где в мае 1940 года очень боялись парашютистов, молодой турист немец из Антверпена был подвергнут допросу французскими офицерами. Немец захватил с собой в дорогу спальный мешок.

«Теперь они его разоблачили! Вот и парашют!» Мешок подвергся тщательному исследованию; прилагались все усилия, чтобы доказать, что это парашют. В какой-то складке или в углу мешка нашли несколько кусочков шоколада. Версия сообщения о том, что немецкие парашютисты раздают детям отравленные сладости: офицеры приказали туристу съесть обнаруженный шоколад. Они напряженно следили за парнем, ожидая, что тот с минуты на минуту упадет мертвым. Однако ничего подобного не случилось; юноша с жадностью съел забытые им лакомства. Только после этого его, наградив пинками, отпустили».

Примерно в тот же самый период в районе севернее Парижа оказался арестованным военный корреспондент газеты «Фигаро» Морис Ноэль. Высокого роста, белокурый, он ехал на велосипеде через селение, на которое незадолго до этого упало несколько немецких бомб. Вокруг него мгновенно собралась толпа: вот человек из пятой колонны, подававший сигналы немцам, вот кто является причиной бомбардировки! Сопровождаемый улюлюканиями толпы, он был доставлен в полицейский участок.

Полиция приступила к тщательному обыску, а толпа кричала, что его нужно убить. Полицейские обнаружили у корреспондента коробочку с белым порошком, который он принимал против расстройства желудка.

«Это взрывчатка!» — закричали в толпе. «Глупости! — завопил Ноэль, — я докажу вам, что это не взрывчатое вещество».

Он чиркнул спичку, но не успел поднести ее к порошку. На него набросилось десяток мужчин и женщин, делая отчаянную попытку спасти полицейский участок от полного уничтожения.

В конечном итоге Ноэлю удалось доказать свою невиновность.

Однако в целом ряде случаев (особенно на фронте и вблизи него) с лицами, заподозренными в принадлежности к пятой колонне, справлялись довольно быстро.

Истинные мотивы выискивания и преследования воображаемой пятой колонны кроются в области эмоций, этот факт является причиной того, почему преследователи с таким трудом соглашались с предложениями проверить, достаточно ли обоснованы многие выдвигаемые обвинения. Правда, не всегда можно доказать ошибочность выдвинутых обвинений или же дать достаточное обоснование их достоверности. Когда требуется доказать беспочвенность утверждения, будто «колдунья ничего не весит», достаточно иметь хорошие весы. Однако обвинения, выдвигавшиеся против немецкой военной пятой колонны, были следствием бесконечного и запутанного комплекса фактов и явлений политического, военного, экономического, социального и культурного порядка, доходивших до сознания людей в форме слухов, рассказов, телеграмм, статей и книг.

Получался запутанный клубок внешних и внутренних факторов, взаимодействующих друг с другом и в конечном счете образующих «человеческую историю», в которой нелегко правильно разобраться даже в условиях мирного времени, не говоря уже о военном.

ДЕЛО «КРАСНОЙ КАПЕЛЛЫ»

«При расследовании дела «Красной капеллы» мы увидели, что с 1933 года враги засели повсюду», — сказал Гитлер 26 июня 1943 года.

В 1941 году немецкую радиоразведку крайне беспо-

коила возросшая активность непонятных радиосетей, явно не принадлежащих ни вермахту, ни СС.

Нигде не зарегистрированные радиостанции наполнили своими морзянками эфир. Пеленгаторные станции фиксировали, что некоторые из них связываются с Москвой.

В немецкой радиоразведке существовал обычай, согласно которому в служебном обиходе подобные подозрительные радиостанции обозначались, как «музыканты», а их группы — «оркестры» или «капеллы».

Так, одну из групп называли «капеллой цитр», другую — «арденской капеллой» (по дислокации), третью — «красной», поскольку по связям с Москвой был ясен ее «красный характер». На пеленгацию станции были брошены все силы. Передаваемые тексты записывались и передавались на расшифровку, что оказалось делом сложным.

«Красная капелла» применяла сложнейшую методику шифрования, не поддававшуюся раскрытию лучшими немецкими специалистами.

Прошел год, пока чистая случайность — находка обрывка незашифрованного текста на захваченной гестапо подозрительной вилле в Брюсселе — не помогла напасть на след.

Началась карательная акция...

Всего было арестовано 108 человек. Они были отправлены в печально известный дом 8 по Принц-Альбрехт-штрассе, в котором находилось Главное управление имперской безопасности СС и его четвертое управление, в просторечии гестапо.

Прокатилась волна казней...

В ставке Гитлера торжествовали — был нанесен удар по «руке Москвы».

На сегодняшний день опубликовано уже немало материалов о деятельности советской разведывательной сети, известной под названием «Красная Капелла». Сведения, содержащиеся в этих материалах, довольно часто разноречивы, опираются на недостаточную документальную базу.

Опубликовано значительное количество архивных документов разведки и контрразведки, содержание которых свидетельствует о том, что органы государственной безопасности, несмотря на понесенные потери в годы сталинских репрессий, в предвоенный период выявили

планы фашистской Германии о нападении на СССР и своевременно информировали об этом государственно-политическое и военное руководство страны. Такого характера документы поступали от различных подразделений органов государственной безопасности и от многочисленных проверенных источников. Однако И. В. Сталин, зная о неподготовленности Красной Армии и страны в целом к большой войне в 1941 году, раздраженно и болезненно реагировал на поступающую информацию о грядущем нападении Германии на СССР. При оценке предупреждающей информации он с особым недоверием воспринял разведанные, поступающие из резидентур, в которых основными источниками получения информации были лица немецкой национальности. Общеизвестно его недоверие к материалам Рихарда Зорге.

В документах берлинского звена резидентуры, руководимой Арвидом Харнаком («Корсиканцем»), хранящихся в архиве советской разведки, имеются материалы, на которых сохранились записи Сталина, отражающие его отрицательное отношение к разведанным, добытым ее участниками. Известно, что на одном из таких документов от 16 июня 1941 года с последним предупреждением берлинской резидентуры о том, что Германия полностью подготовилась к нападению на СССР и начала агрессии можно ожидать в любой момент, Сталин, в грубой форме, используя непечатную брань, выразил недоверие к этим данным и к источнику, добывшему информацию.

Появление предлагаемого читателям документа, по всей видимости, имеет непосредственное отношение к указанному факту и объясняется двумя причинами: с одной стороны, посредством подобранных в хронологическом порядке агентурных сообщений берлинской резидентуры руководство советской разведки пыталось подтвердить обоснованность данных, изложенных в сообщении агента от 16 июня, а с другой стороны — руководство разведки таким образом пыталось обезопасить себя от нежелательных последствий отрицательной реакции Сталина.

Документ был подготовлен 18—19 июня 1941 года и вместе с докладом о нависшей угрозе германского нападения на СССР был передан руководством внешней разведки наркому госбезопасности Меркулову для пред-

ставления Сталину. Однако, опасаясь отрицательной реакции Сталина, который накануне уже высказал свое отношение к содержанию одного из таких сообщений, Меркулов отказался подписать доклад и направить документ Сталину.

Необходима краткая справка, кто такие «Корсиканец» и «Старшина», о которых говорится в документе.

«КОРСИКАНЕЦ» — Арвид Харнак, доцент Гессенского университета, работавший в министерстве хозяйства Германии, один из ценных агентов советской внешней разведки. В 1940—1941 гг. сообщил обширные данные о военных приготовлениях Германии. 3 сентября 1942 года арестован гестапо. 22 декабря 1942 года казнен по приговору имперского военного суда фашистской Германии после ликвидации отдельных звеньев советской разведывательной сети в Европе, известной на Западе под названием «Красной Капеллы». Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

«СТАРШИНА» — Шульце-Бойзен Харро, обер-лейтенант, сотрудник генерального штаба ВВС. Один из ценных агентов советской внешней разведки. 31 августа 1942 года арестован гестапо. 22 декабря 1942 года Шульце-Бойзен Харро, его жена Либертас и несколько других членов ликвидированных звеньев советской разведывательной сети в Европе по приговору имперского военного суда в Германии были казнены. Причем по распоряжению Гитлера и Кейтеля в отношении пяти наиболее активных членов «Красной Капеллы», в том числе и Шульце-Бойзена Харро, приговор приведен в исполнение через повешение. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Календарь сообщений агентов берлинской резидентуры НКГБ СССР «Корсиканца» и «Старшины» о подготовке Германии к войне с СССР за период с 6 сентября 1940 года по 16 июня 1941 года.

06.09.40. «К о р с и к а н е ц» (со слов генерального директора фирмы «Лейзер» Тициенса). Офицер Верховного командования немецкой армии рассказал Тициенсу, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом к акции будет военная оккупация Румынии, намеченная в ближайшее время.

02.10.40. «К о р с и к а н е ц». В армии запрещены и

изъяты книги русских писателей, даже таких, как Л. Н. Толстой и Достоевский.

1. Геринг приблизительно две недели назад дал указание о прекращении поставок в СССР и только дней пять тому назад под нажимом фирм, требующих сырье, согласился на продолжительное время поставок.

07.01.41 г. «Корсиканец». В кругах, группирующихся вокруг «Херрен клуба», нарастает мнение, что Германия проиграет войну и в связи с этим нужно договориться с Англией и Америкой о том, чтобы повернуть оружие на восток.

«Корсиканец» (со слов «Старшины»). В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается также и Ленинград.

3. Позиции Геринга все более склоняются к заключению соглашения с Америкой и Англией.

09.01.41. «Корсиканец». Военно-хозяйственный отдел Имперского статистического управления получил от Верховного командования вооруженных сил (ОКВ) распоряжение о составлении карт промышленности СССР.

04.02.41. «Корсиканец» (со слов «Старшины»). Штаб авиации решил начать в марте с. г. балканскую акцию. О решении Гитлера по этому поводу неизвестно. За последние три недели немецкие войска перебрасываются в Болгарию.

06.02.41. «Корсиканец» (со слов сотрудника ОКВ Бляу). Предстоит немецкое наступление на Балканах, которое уже подготовлено. В связи с балканской акцией отношения между Германией и Советским Союзом обострятся.

01.03.41. «Корсиканец» (со слов сотрудника комитета по 4-летнему плану О. Доннера).

1. Комитет закончил составление расчетов об экономическом эффекте антисоветской акции с отрицательными выводами. По мнению «Корсиканца», распоряжение по разработке расчетов исходит не от военного командования, а от Риббентропа или даже Гитлера. Составление всех расчетов должно быть закончено к 1 мая.

«Корсиканец» (со слов Всегерманской хозяйственной палаты Зольмса).

2. Реальность антисоветских планов серьезно обсуждается в руководящих немецких инстанциях, подтверждением является концентрация германских войск на восточной границе. Построение и расположение германских войск на советской границе аналогично построению немецкой армии, подготовленной в свое время для вторжения в Голландию.

...03.41. «Корсиканец» (со слов «Старшины»).

1. Операция германской авиации по аэрофотосъемкам советской территории проводится полным ходом. Немецкие самолеты действуют с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и из Северной Норвегии — Киокинес. Съёмки производятся с высоты 6 000 м. В частности, немцами заснят Кронштадт.

2. Геринг является главной движущей силой в разработке и подготовке войны против Советского Союза.

«Корсиканец» (со слов Цехлина, журналиста, профессора Высшей политической школы в Берлине).

3. Решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года с расчетом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении еще зеленый хлеб и немцы воспользуются этим урожаем. Цехлину от двух германских генерал-фельдмаршалов известно, что выступление намечено на 1 мая.

...03.41. «Корсиканец» (со слов Руппа, экономиста химического концерна «И. Г. Фарбениндустрii»; со слов Лангелютке, зам. руководителя института по военно-хозяйственной статистике).

1. Военное выступление Германии против СССР является уже решенным вопросом.

2. По мнению германского штаба, Красная Армия будет в состоянии оказывать сопротивление только в течение первых 8 дней, после чего будет разгромлена. Оккупацией Украины немцы предполагают лишить Советский Союз его основной промышленной базы. Затем немцы продвинутся на восток и отторгнут Кавказ от Советского Союза. Урал, по их расчетам, может быть достигнут в течение 25 дней. Нападение на Советский Союз диктуется соображениями военного преимущества Германии над СССР в настоящее время.

20.03.41. «Корсиканец» (со слов Лангелютке).

1. Работы по вычислению экономической эффективности антисоветской акции продолжаются, особое вни-

мание уделяется вопросу о мощности нефтяных промыслов в Галиции.

«Корсиканец» (со слов Зольмса). В Бельгии помимо оккупационных войск находится только одна активная дивизия, что является подтверждением, что военные действия против Британских островов отложены. Немецкие войска концентрируются на востоке и юго-востоке. Подготовка удара против СССР стала очевидной. Об этом свидетельствует расположение сконцентрированных на границе Советского Союза немецких войск. Немцев очень интересует железная дорога Киев — Одесса, имеющая западноевропейскую колею.

23.03.41. «Корсиканец» (со слов «Старшины»). Германский генеральный штаб авиации ведет интенсивную подготовку против СССР. Составляются планы бомбардировки важнейших объектов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга, Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки городов и промышленных объектов. Германский авиационный атташе в Москве выясняет расположение советских электростанций, лично объезжает на машине районы расположения электростанций.

2. В генеральном штабе авиации среди офицеров существует мнение, что военное выступление Германии против СССР приурочено на конец апреля или начало мая. «Старшина» при этом считает, что имеется лишь 50 шансов за то, что выступление произойдет, все это вообще может оказаться блефом.

28.03.41. «Старшина» (из наблюдений в штабе авиации). Немецкое командование ведет подготовку клещеобразного удара с юга — из Румынии, с одной стороны, и через Прибалтику, а возможно, через Францию — с другой. Этот маневр будет предпринят с тем, чтобы отрезать Красную Армию, как это было сделано в свое время во Франции. К востоку, недалеко от Кракова, сосредоточены крупные авиасоединения, на востоке также создан новый авиационный корпус.

02.04.41. «Корсиканец» (со слов «Старшины» и из документов, прошедших через его руки).

1. Штаб германской авиации полностью разработал и подготовил план нападения на Советский Союз. Авиация концентрирует свой удар на железнодорожные узловые пункты центральной и западной части СССР, электростанции Донецкого бассейна, предприятия авиаци-

онной базы под Краковом являются основным исходным пунктом для нападения на СССР. Созданы две армейские группы, которые намечены для операций против СССР.

2. Геринг занимает явный курс на войну против СССР, и для него нежелательны сообщения, указывающие на рискованность и нецелесообразность этой авантюры. Геринг при последней встрече с Антонеску потребовал 20 дивизий для участия в антисоветской акции. В Румынии немецкие войска сконцентрированы на советской границе.

3. Немцы считают слабым местом обороны СССР наземную службу авиации и поэтому надеются путем интенсивной бомбардировки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действия.

Вторым несовершенным звеном обороны считают службу связи авиации Красной Армии в силу тяжести, лишнего радирования и сложности ключей.

«Корсиканец» (со слов Ехлина).

4. Референт Розенберга по СССР Лейббранд заявил Цихилину, что вопрос о вооруженном выступлении против СССР решен. 10 апреля будет опубликовано распоряжение о прекращении частных поставок по железным дорогам. Антисоветская кампания начнется 15 апреля. Прекращаются транзитные перевозки через СССР германского импорта.

07.04.41. «Корсиканец». Немцы эвакуировали Мемель. Познань и города Силезии объявлены зонами военной опасности первой очереди. Из генерал-губернаторства заканчивается эвакуация женщин и детей.

14.04.41. «Старшина» (со слов Грегора, офицера связи при Геринге).

1. Военная подготовка проводится Германией нарочито заметно в целях демонстрации своего военного могущества. Гитлер является инициатором плана нападения на Советский Союз, считая, что предупредительная война с Союзом необходима ввиду того, чтобы не оказаться перед лицом более сильного противника.

«Старшина» (со слов сотрудника штаба авиации Хольцхаузена, из наблюдения в МИД и других влиятельных кругах Германии).

2. Тотальная война Германии против Англии и США не может быть выиграна и поэтому необходимо заключение мира с ними. Чтобы сделать Англию сговорчивой,

необходимо отторгнуть Украину от Советского Союза. Захват Украины принудит Англию пойти на уступки. В случае необходимости возможно заключение мира с Англией даже ценой принесения в жертву нацизма, а при неудаче в войне с СССР — и самого Гитлера, чтобы «устранить» препятствия к объединению цивилизованного мира против большевизма. Япония и Италия якобы не посвящены в эти антисоветские планы.

17.04.41. «Старшина» (из наблюдений в штабе авиации).

1. В связи с успешным продвижением немецких войск в Ливии африканские победы стоят в центре внимания. Настроение кругов, ратующих за нападение на Советский Союз, несколько утихло, так как они получили новые надежды выиграть войну с Англией. Однако генеральный штаб с прежней интенсивностью проводит подготовительные работы для операций против СССР, выражающиеся в детальном определении объектов бомбардировок.

«В генштабе сухопутной армии часть генералов, по его мнению, являются зачинщиками и приверженцами антисоветской акции. К последним относится также Браухич. Племянник Браухича обер-лейтенант армии сказал, что пора кончать борьбу между народами Европы и надо объединить усилия против Советского Союза. Подобные идеи исходят от Браухича и заимствованы у него его молодым родственником.

24.04.41. «Старшина» (из документов, проходящих через его руки).

1. Немецкая разведка установила, что производство артиллерийской амуниции в основном сосредоточено в районе Ленинграда.

«Корсиканец» (со слов «Старшины»).

2. В настоящее время генштаб авиации почти полностью прекратил разработку русских объемов и интенсивно ведет подготовку к акции, направленной против Турции, Сирии и Ирака, в первую очередь против первой. Акция против СССР, кажется, отодвинута на задний план, в генштаб больше не поступают фотоснимки советской территории, сделанные с немецких самолетов.

30.04.41. «Старшина» (со слов Грегора, офицера связи при Геринге).

1. Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно, и начало его следует

ожидать со дня на день. Риббентроп, который до сих пор не являлся сторонником выступления против СССР, зная твердую решимость Гитлера в этом вопросе, занял позицию сторонников нападения на СССР.

«Старшина» (со слов референта по русским делам при внешнеполитическом отделе НСДАП Дейбрандта).

2. Подтверждается сообщение Грегора, что вопрос о выступлении против Советского Союза считается решенным.

«Старшина» (из документов).

3. В штабе авиации возросла активность сотрудничества между германским и финским генеральными штабами по разработке оперативных планов против СССР.

4. Румынский, венгерский и болгарский штабы обратились к немцам с просьбой о срочной доставке противотанковой и зенитной артиллерии, необходимой им в случае войны с Советским Союзом.

...04.41. «Корсиканец».

1. На совещании ответственных референтов министерства хозяйства референт прессы Кроль в докладе заявил: «... От СССР будет потребовано выступление против Англии на стороне «держав оси». В качестве гарантии будет оккупирована Украина, а, возможно, и Прибалтика».

«Старшина».

2. 29 апреля Гитлер в своей речи перед офицерами-выпускниками заявил: «... В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы начнем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой».

09.05.41. «Старшина». Необходимо серьезно предупредить Москву о всех данных, указывающих на то, что вопрос о нападении на Советский Союз является решенным, выступление намечено на ближайшее время, и немцы этой акцией хотят решить вопрос «фашизм или социализм», и, естественно, подготавливают максимум возможных сил и средств.

1. В штабе германской авиации подготовка операции против СССР проводится самым усиленным темпом. Все данные говорят о том, что выступление намечено на ближайшее время. В разговорах офицеров штаба часто называется дата 20 мая как дата начала войны. Другие полагают, что выступление намечено на июнь. Вначале

Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии этих требований в промышленные районы и хозяйственные центры и предприятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские области должны быть оккупированы немецкой армией. Предъявлению ультиматума будет предшествовать «война нервов» в целях деморализации Советского Союза. В последнее время подготовку войны с СССР немцы стараются сохранить в полном секрете. Соответствующие меры принимаются в этом направлении и германскими представителями в Москве.

2. Несмотря на ноту Советского правительства, германские самолеты продолжают полеты на советскую сторону с целью авиафотосъемки. Теперь фотографирование происходит с высоты 11 тыс. м., а сами полеты проводятся с большей осторожностью.

3. Недавно Антонеску направил меморандум Гитлеру и Герингу, в котором указывается, что Германии необходимо обеспечить за собой сырьевую и продовольственную базу, каковой является Украина.

11.05.41. «Старшина» (из документов). Флот № 1 германской авиации предназначен для действий против СССР в качестве основной единицы. Находится он пока еще на бумаге, за исключением соединений ночных истребителей, противозенитной артиллерии и отрядов, тренирующихся специально в «бреющих полетах». Однако это не значит, что он не готов к выступлению, так как по плану все налицо — организация подготовлена, самолеты могут быть переброшены в кратчайший срок. До сего времени центром расположения 1-го воздушного флота был Берлин. Сейчас центр перенесен в Кенигсберг, но место его нахождения тщательно конспирируется. Количество самолетов 1-го флота по планам неизвестно. Известно, что во флоте имеются три эскадрильи истребителей.

14.05.41. «Старшина» (из документов).

1. Планы в отношении Советского Союза откладываются, немецкими руководящими инстанциями принимаются меры для сохранения их последующей разработки в полной тайне.

2. Немецким военным атташе за границей, а также послам дано указание опровергать слухи о военном

столкновении между Германией и СССР.

3. В штабе авиации опубликован приказ Верховного командования вооруженными силами, датированный 7 мая. В приказе говорится, что германские стратегические планы и предварительные разведывательные мероприятия стали известны врагу («Старшина» этот приказ связывает с разведывательными полетами немецких самолетов над советской территорией и нотой Советского правительства).

«Корсиканец».

4. В министерстве хозяйства приказ Верховного командования связывается с антисоветскими планами Германии, которые стали известны русским.

«Старшина».

5. Затормаживание выполнения антисоветских планов Германии в штабе авиации объясняют трудностями и потерями в войне с англичанами на африканском фронте и на море. Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны.

6. Наряду с этим подготовительные работы против СССР в штабе авиации продолжаются.

09.06.41. «Старшина» (со слов начальника русского отдела штаба авиации Геймана).

1. На следующей неделе напряжение в русском вопросе достигнет наивысшей точки и вопрос о войне окончательно будет решен. Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине и об использовании советского военного флота против Англии.

«Старшина».

2. Все подготовительные военные мероприятия, составление карт расположения советских аэродромов, сосредоточение на балканских аэропортах германской авиации должны быть закончены к середине июня.

«Старшина» (со слов майора авиации Гертца).

3. Все начальники аэродромов в генерал-губернаторстве и в Восточной Пруссии получили задание подготовиться к принятию самолетов. Спешно оборудуется большой аэродром в Инстербурге.

11.06.41. «Старшина».

4. Сформировано будущее административное управление оккупированной территории СССР во главе с Розенбергом. В руководящих кругах германского мини-

стерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решен. Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина предположительно в Румынию. 19 июня Геринг должен выехать на новую штаб-квартиру.

16.06.41. «Старшина».

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время.

«Корсиканец».

2. В военных действиях на стороне Германии участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребители, находятся уже на венгерских аэродромах.

Произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений будущих округов оккупированной территории СССР. Для Кавказа — Вмони, один из руководящих работников НСДАП в Дюссельдорфе; для Киева — Бурант, бывший сотрудник министерства хозяйства; для Москвы — Бургер, руководитель хозяйственной палаты в Штутгардте. Все эти лица выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом. Для общего руководства хозяйственным управлением «оккупированных территорий СССР» назначен Шоттерер, начальник иностранного отдела министерства хозяйства.

Подлежащая оккупации территория должна быть разделена на три части, из которых одной должен заправлять гамбургский наместник Кауфман. В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, назначенных для «оккупированной территории СССР», выступил также Розенберг, который заявил, что «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».

Этот документ был подготовлен руководством внешней разведки НГКБ для доклада политическому руководству страны и должен был документально подтвердить выводы о нависшей угрозе военного нападения на СССР со стороны фашистской Германии. Однако нарком госбезопасности В. Меркулов отказался представить его для доклада Сталину.

Дело № 34118

Дело за № 34118 на Арвида Харнака, которому была присвоена условная кличка «Корсиканец», было заведе-

но в ИНО ОГПУ в 1935 году. Но сначала о своеобразии дел такого рода.

По условиям делопроизводства разведки и в соответствии с принципом конспирации шифротелеграммы, которыми обменивались Центр и резидентуры, хранились в особых делах ограниченное время. Затем они уничтожались. Чтобы не потерять нить и добиться преемственности дел, с шифротелеграмм снимались справки, которые довольно близки к оригиналам, но не являлись их зеркальным отражением. Только оперативные письма, а также копии документов, исполненные во внутриведомственной переписке или направленные высшему руководству страны, сохраняли свой первоначальный вид.

Часть материалов в результате приведения архивных дел в порядок и при их переоформлении, увы, утеряна. Наконец, оперативные работники разведки, фиксируя ее деятельность в документах, меньше всего думали об удобствах будущих историков, часто помещая документы не в хронологической последовательности, а по мере их исполнения. Тем не менее архив СВР РФ — это уникальная коллекция.

Что же содержалось в деле за номером 34118? В первую очередь данные, характеризующие «Корсиканца». Простим авторам документов их служебные «канцеляризмы» и воспроизведем их.

...Арвид Харнак, 1901 года рождения, сын известного ученого, получил высшее образование в Германии и США, доктор юридических наук, руководящий сотрудник министерства экономики. Женат на американке немецкого происхождения Милдред, уроженкой Фиш. Супруга Харнака руководила кружком по изучению трудов Маркса, Ленина, Троцкого, возглавляла колонию американских женщин в Берлине. Доктор филологических наук, она переводила классиков немецкой литературы на американский язык (так в документе).

В 1930 году Харнак примкнул к Союзу работников умственного труда, объединившего широкие круги немецкой интеллигенции, и скоро вошел в состав его правления. Союз был образован по инициативе компартии Германии с целью оказания влияния на круги немецких интеллектуалов и пропагандировать свои взгляды в легальной форме. Союз сохранился и после прихода фашистов к власти. Влияние Харнака в нем усиливалось, что объяснялось его морально-деловыми

качествами и умением находить общий язык с самыми разными людьми. В 1932 году Харнак занял пост генерального секретаря созданного при его активном участии Общества по изучению советского планового хозяйства — АРПЛАН. Председателем АРПЛАНА был профессор Иенского университета Фридрих Ленц, придерживавшийся левых взглядов. После прихода фашистов к власти Ленц эмигрировал в США. Харнак неофициально состоял в компартии Германии, как это было распространено в то время.

В деле отмечается, что еще в начале 30-х годов с Харнаком познакомился советский консул в Кенигсберге, затем сотрудник посольства в Берлине Александр Гиршфельд. Человек высокообразованный, давний член партии, владевший многими европейскими языками, Гиршфельд был тесно связан с военной разведкой, он рекомендовал Харнака как интересного человека не военным, а Артуру Артузову — главе ИНО, знаменитому автору операции «Трест». В 1935 году прибыл в Берлин в качестве резидента внешней разведки Борис Гордон — опытный партийный работник, участник гражданской войны. Гиршфельд познакомил Гордона с Харнаком. Они быстро нашли общий язык, так как Харнаку были ясны авантюрные планы Гитлера и он счел своим долгом информировать о них Гордона. В своих документах Гордон называл Харнака «Балтийцем» (позднее псевдоним был изменен на «Корсиканца»).

Широкий кругозор Харнака, для которого Гордон был не только интересным собеседником, но и представителем страны, бывшей в глазах Харнака и многих его друзей воплощением будущего страны, не создавал никаких препятствий для совместной работы. Впрочем, такого вопроса не возникало и для многих из тех в Германии, кто во имя антигитлеровских (совсем не коммунистических!) убеждений шел на тесное сотрудничество с разведками США и Англии. Назову лишь сотрудника немецкого консульства в Швейцарии Ганса Бернда Гизевиуса, ставшего «номером 512» в донесениях Аллена Даллеса или Пауля Тюммеля, доставлявшего ценнейшие сведения британской разведке.

В 1938 году сотрудничество Харнака и Гордона прекратилось: Гордон был отозван в Москву, арестован и приговорен к расстрелу. Вероятно, здесь сыграло роль близкое знакомство Гордона и Артузова. Оказывается,

когда Гордона назначили, то Артузов лично просил наркома иностранных дел М. М. Литвинова дать разведчику место в берлинском консульстве. Артузов был расстрелян, вслед за ним — Борис Гордон.

Связь с Харнаком стали осуществлять новые люди — Александр Белкин, затем Николай Агаянц.

По рекомендации разведки Харнак вступил в Союз нацистских юристов. Это подготовило почву для его приема в члены НСДАП. В глазах нацистов Харнак стал своим человеком и был продвинут по служебной лестнице: назначен государственным советником министерства экономики. На подпись к нему приносили документы, касавшиеся секретных экономических и торговых соглашений Германии и США, Польшей, Прибалтийскими странами, Ираном. В них были закрытые сведения о торгово-валютных операциях за рубежом, финансировании зарубежной партийной и разведывательной агентуры. Эти важные сведения Харнак сообщал своим русским друзьям.

Вокруг «Корсиканца» сложился круг лиц, с которыми он общался чаще, чем с другими. В него входили писатель и драматург Адам Кукхоф и его жена Грета. Грета познакомилась с Харнаками в США, где сама окончила университет как стипендиатка английской секты квакеров. С 30-х годов в число знакомых вошли Харро Шульце-Бойзен и его жена Либертас. Арвид и Милдред Харнаки установили с ними контакт в середине 30-х годов, но долго приглядывались друг к другу. Более тесное знакомство и деловые связи между ними установились позднее.

В дипломатические круги Берлина, прежде всего посольства США, супругов Харнак ввела дочь посла Додда — Марта, с которой Милдред Харнак была знакома и дружна еще в США.

Но как ни широки были связи «Корсиканца», в марте 1938 года его встречи с советскими собеседниками прекратились: Гордон был расстрелян, Белкина отослали в Испанию, а Агаянц неожиданно скончался. Были уничтожены органами безопасности и четверо сотрудников центрального аппарата разведки, знавших о деятельности «Корсиканца».

...17 сентября 1940 года в дверь дома № 18 по Вёршштрассе в Берлине постучал высокий молодой человек, представившийся удивленному хозяину как Александр

Эрдберг. Это был заместитель резидента советской разведки в Берлине, официально считавшийся сотрудником посольства. Александр Михайлович Коротков — человек интереснейший. За его плечами уже были годы нелегальной разведывательной деятельности в Центральной Европе, сложное и тяжелое задание во Франции, работа в Германии в 1936 году под вымышленным именем.

Арвид Харнак долго приглядывался к позднему визитеру. Чистая немецкая речь Эрдберга с легким австрийским акцентом только сбивала с толку «Корсиканца». Короткову пришлось приложить немало сил, чтобы убедить настороженного собеседника в том, что он именно тот, за кого себя выдает, — представитель Москвы. Начались регулярные встречи.

В 1939—1940 годах советская разведка лихорадочно искала возможности восстановить свои утраченные позиции — благо, что советско-германский договор от 23 августа 1939 года открывал благоприятные возможности для поездок в «дружественную» Германию.

Резидентура НКВД в Берлине стала восстанавливаться, для чего из архивов были извлечены старые дела. Связи надо было устанавливать заново — снова искать «Корсиканца» и некоторых других давних знакомых, — причем отнюдь не в духе «новой дружбы» с Германией.

Выполнение задач, поставленных Москвой, оказалось делом нелегким. Руководителем резидентуры в Берлине с 5 сентября 1939 года стал Амаяк Кобулов — человек в разведке неопытный, вздорный и кляузный, но имевший высокого покровителя в лице своего брата Богдана, ближайшего сподвижника Берия. О деловых качествах Амаяка в Москве иллюзий не питали: когда он пытался сам встретиться с Харнаком, Центр запретил такие встречи. Зато вторым человеком оказался Александр Коротков, разведчик «божьей милостью». К Короткову Кобулов относился терпимо, видимо, понимая, что без него не обойтись.

В конце октября 1940 года Коротков был вызван в Москву, получив приказание временно заморозить все свои связи. В Москве он пробыл около двух месяцев, где ему было дано задание разобраться в знакомствах Харнака и получить информацию по актуальным пробле-

мам. Задание гласило: выяснить положение и роль оппозиционных сил в стране, получить сведения, обеспечивающие безопасность командированных в Германию советских граждан. Короткову предлагалось проверить и в случае подтверждения детализировать ранее поступившую от «Корсиканца» информацию о военных планах Гитлера в отношении СССР. Выявить, что говорилось в пункте 4 плана, узнать структуру и организацию германского хозяйственного управления в военное время, экономические расчеты рейха в отношении средств ведения войны, особенно в случае ее затяжки и расширения, обеспечение Германии стратегическим сырьем и продовольствием; конкретные планы немцев, в частности хозяйственных обязательств перед Советским Союзом, лазейки и ухищрения для отсрочки выполнения подписанных договоров и соглашений.

Документ был составлен в духе своего времени. Как нетрудно понять, он обходил вопрос о возможности войны между СССР и Германией в ближайшее время. Говорилось лишь о необходимости выяснить, что будет делать Германия в случае «затяжки и расширения» войны. Затяжки военных действий против Англии или расширения за счет СССР — не уточнялось.

Коротков прочитал десятый пункт задания и потом расписался: «Коротков. 26 декабря 1940 г.». Выше было напечатано: «Читал, усвоил и принял к исполнению».

В первых числах января 1941 года Коротков снова был в Берлине, а 7 числа того же месяца встретился с «Корсиканцем». В кругах «Клуба господ», членом которого стал Харнак, складывается мнение, рассказывал «Корсиканец», что Германия проиграет войну. В этой связи немцам необходимо договориться с Англией и Америкой о том, чтобы повернуть оружие на восток. Как сообщил «Корсиканцу» Харро Шульце-Бойзен, служивший в штабе авиации Германии, штабу отдано распоряжение начать в широких масштабах разведывательные полеты над советской территорией с целью фотографирования всей пограничной полосы СССР. В сферу разведывательных полетов включен Ленинград. Геринг распорядился перевести «русский реферат» министерства авиации в так называемую активную часть штаба авиации, разрабатывающего и подготавливающего военные операции. Таковы были сведения Шульце-Бойзена.

Теперь приходит время обратиться к другому делу архива Службы внешней разведки, обозначенному псевдонимом «Старшина» и имевшему номер 34122. Оно было начато в марте 1941 года и закончено в 1948 году.

Этот псевдоним был дан обер-лейтенанту Харро Шульце-Бойзену, о котором в числе установочных данных сообщалось: внучатый племянник гросс-адмирала Тирпица, женат на родственнице князя Эйленбурга (в деле ошибочно — Оленбурга) Либертас Хаас-Хейе. Студентом издавал журнал «Дер гегнер» («Противник»), носивший антиправительственный характер. Журнал был закрыт, Шульце-Бойзен арестован на короткое время. Молодой аристократ поддерживал связь с КПГ, однако по рекомендации Харнака (с ним он познакомился в 1935 году) ее прекратил, тем не менее помогая партии в печатании и распространении антифашистской литературы.

Шульце-Бойзен служил референтом в министерстве авиации, затем в штабе ВВС, был вхож в партийные круги НСДАП (читал лекции для высших функционеров), собирая вокруг себя единомышленников. Как отмечалось в деле, Шульце-Бойзен и Харнак были с различными характерами: первый был человеком действий и порой безрассудных, второй — осторожным аналитиком. Харнак даже просил Короткова удерживать Шульце-Бойзена от «неосторожных поступков». В общем, между немецкими антифашистами и московским представителем складывалось равноправное сотрудничество, далекое от «агентурных связей». Не говоря уже о том, что оба не брали ни марки за свою информацию, считая (так написано в документах), что «их риск оправдан, если он способствует грядущему падению фашизма».

Из бесед со «Старшиной» Коротков узнал, что и вокруг Шульце-Бойзена образовался свой круг лиц, которых он притягивал как сильная и яркая личность. Вместе с тем они участвовали в Сопротивлении, вели антинацистскую пропаганду. Среди них выделялся прежде всего Курт Шумахер. Выходец из трудовой семьи, Шумахер был резчиком по дереву, скульптором. Его жена Элизабет — антифашистка по своим убеждениям, член КПГ, была помощником мужу в его борьбе. Мастерская Шумахера стала убежищем для скрывающихся антифашистов. Так по просьбе «Старшины» Шумахер неле-

гально переправил некоторых социал-демократов в Швейцарию.

Выполняя указания Центра, Коротков напрямую познакомился с Шульце-Бойзенем, что было воспринято последним с полным пониманием. В апреле 1941 года в резидентуру было отправлено указание об установлении Коротковым прямого контакта и с Адамом Кукхофом. Центр руководствовался теми же соображениями: необходимость непосредственного получения сведений от самих источников информации с тем, чтобы оперативно проверять и анализировать добытые данные. В донесении Центру резидентура сообщала, что «Степанов» (то есть Коротков) выполнил полученное указание. У него сложилось положительное впечатление о Кукхофе (ему был дан псевдоним «Старик») как об умном и интеллигентном человеке, считавшем себя коммунистом.

Сгруппировавшиеся вокруг Кукхофа интеллектуалы были одной из опор антифашистской деятельности Арвида Харнака и Харро Шульце-Бойнзена. В группе насчитывалось около двадцати пяти человек — писателей, артистов, художников, скульпторов, режиссеров. Кукхоф и его друзья, подчеркнул «Корсиканец», проверены годами антифашистского подполья, и это надежные люди. Что касается самого Кукхофа, то в нем «Корсиканец» уверен как ни в ком другом.

О том, как широки и порой неожиданны были интересы и связи Кукхофа, говорит Адольф Гримме. До прихода фашистов к власти он занимал пост министра культов в правительстве Пруссии. По вероисповеданию католик, по политическим взглядам социал-демократ. Фашистский переворот в стране подтолкнул его к сближению с оппозицией. В частности, как узнала наша берлинская резидентура, он поддерживал контакты с Карлом Фридрихом Герделером, будущим идейным руководителем заговора 20 июня 1944 года, напрямую связанные с Вильгельмом Канарисом.

Проникновение в круги немецкой оппозиции, выяснение ее положения и намерений было одной из задач внешней разведки. Она рассчитывала, что сумеет ее решить с помощью новых связей. Герделер в этих документах в целях конспирации был закодирован как «Голова». О своих планах резидентура доложила в Центр

15 мая 1941 года. Однако руководство внешней разведки посчитало их несколько поспешными.

В дальнейшем, утратив контакт с Москвой, группа «Корсиканца» и «Старшины» установила связь с группами, готовившими заговор против Гитлера. Однако нет данных о том, что «Корсиканец» или «Старшина» координировали свои действия с группой Герделера — Канариса. Достоверно установлено лишь одно: арестованные в конце 1942 года берлинские антифашисты, несмотря на жестокие пытки гестапо, не упомянули имен Гримме и Герделера.

КТО ВЫ, ДОКТОР ЗОРГЕ?

Сейчас мы обратимся к жизни и деятельности человека, который верно и до конца выполнил свой долг, но был ложно обвинен и имя его на многие годы было предано забвению. Сведения о нем были похоронены в пыльных архивных папках.

Послевоенное поколение узнало о прекрасной и горькой судьбе разведчика Зорге, посмотрев в 1964 году фильм французского режиссера Ива Чампе «Кто вы, доктор Зорге?». Это был документ о великом человеке.

Говорят, что этот фильм еще в 1962 году посмотрел Хрущев и узнав, что приведенные факты правдивы, возмутился: «Долго еще будете скрывать героя и таить его подвиг от советского народа?»

В ноябре 1964 года Рихард Зорге был удостоен звания Героя Советского Союза.

В книге Чарльза Уайтона «Величайшие разведчики мира» есть такие слова «Рихарда Зорге с полным на то основанием называют крупнейшим разведчиком периода 2-й мировой войны... Сведения, которые Зорге сообщал Советам в 1941 году, помогли им удержать столицу и, вероятно, сыграли первостепенную роль в победе Красной Армии на берегах Волги».

Рихард Зорге родился в 1895 году в азербайджанской деревне Сабунчи в семье немецкого мастера, а затем владельца нефтяного участка. Мать Рихарда была рус-

ской. У Рихарда было безмятежное детство мальчика из хорошей семьи. Затем Зорге уехали в Германию.

В начале 1-й мировой войны Зорге добровольцем ушел на фронт. Там он познакомился с людьми, придерживающимися социал-демократических взглядов и связал с ними свою судьбу. На его склонности повлияло и родство с Фридрихом Зорге — сподвижником К. Маркса и Ф. Энгельса, руководителем 1-го Интернационала.

После демобилизации Зорге учился в университете на факультете социологии и политэкономии. Он создал социал-демократическую организацию среди студентов.

После этого им была создана КПГ, Зорге вступили в ее ряды, а в 1925 году уехал в Советский Союз. Здесь Рихард женился на Кате Максимовой. Она была выпускницей Ленинградского института сценического искусства, ее считали способной актрисой.

Но в 1929 году Катя заявила, что хочет пойти на завод в «рабочую гущу». Работала вначале аппаратчицей, доросла до мастера цеха.

Зорге стал работать в ведомстве Я. Берзина — начальника разведывательного управления Генерального штаба.

В 1930 году Зорге отправили с заданием в Китай. Он прибыл туда как специальный корреспондент немецкого журнала и представитель некоторых американских газет. Именно во время этого первого задания с Зорге стал сотрудничать Макс Клаузен. Он собрал своими руками мощный коротковолновый передатчик и наладил связь с советской радиостанцией, находившейся во Владивостоке.

Зорге успешно справился со своим первым заданием. Его стали готовить для ответственной работы в Японии. Путь туда лежал через Берлин. Он прибыл в Германию не меняя фамилии.

Первой крупной у чей было заключение договора с «Франкфуртер цайтунг». Это была авторитетная либеральная газета, пользующаяся успехом у интеллигенции, хорошо читаемая за границей. Даже при нацистах она сохраняла свой к лтурный облик, избегая вульгарности нацистской прессы. В газете сотрудничали многие видные коррес онденты, писатели.

В сентябре 1935 год Зорге прибыл в Японию. Марка немецкого журналиста обеспечивала Рихарду довольно прочное положение, но иностранец в Токио не мог себя

чувствовать спокойно. Зорге сообщал:

«Трудность обстановки здесь состоит в том, что вообще не существует безопасности. Ни в какое время дня и ночи вы не гарантированы от полицейского вмешательства. В этом чрезвычайная трудность работы в данной стране, в этом причина того, что эта работа так напрягает и изнуряет».

Перед Рихардом Зорге стояла задача внедриться в немецкие круги. Это прежде всего германское посольство. В котором Зорге вскоре стал желанным гостем и своим человеком.

Наиболее важным для Зорге оказалось знакомство а затем и дружба с Эйгеном Оттом — военным атташе. О доверии, которым пользовался Рихард свидетельствовало следующее сообщение его группы в центр:

«Когда Отт получает интересный материал или собирается сам что-нибудь написать, он приглашает Зорге, знакомит его с материалами. Менее важные материалы он по просьбе Зорге передает ему на дом для ознакомления, более важные секретные материалы Зорге читает у него в кабинете».

В 1935 году Отт становится послом. Лучший друг и помощник теперь получил широкий доступ к секретной информации. Иногда Зорге оставался в посольстве на ночь, чтобы писать за Отта доклады берлинскому начальству.

В удивительно короткий срок Зорге создал в Японии разветвленную и хорошо замаскированную разведывательную организацию. Под его руководством работало две группы общей численностью в 35 человек. В нее входили японский журналист и общественный деятель Уодзуми Одзаки, корреспондент французского еженедельника «Ви» Бранко Вукелич, немецкий комерсант Макс Краузен, художник Мияги. Основную часть группы Зорге составляли японцы. Все противники войны, старавшиеся помешать милитаристской клике толкнуть страну на губительный путь. Около 1260 источников секретной информации использовал Рихард Зорге, имевший конспиративный псевдоним «Рамзай». Особенно большие возможности имел Одзаки. По воспоминаниям людей, близко знавших, Одзаки отличался тонким аналитическим умом, высокой культурой и образованностью. Все эти качества в июле 1935 года обеспечили ему пост неофициального советника при премьер-министре

принце Коньэ. Коньэ стал важнейшим источником информации.

Бранко Вукелич был близок к французскому посольству, много времени проводил в англо-американских кругах Токио. В 1938 году ему тоже удалось получить «повышение». Он становится председателем французского телеграфного агентства «Гавас». В этой квартире на улице Мапай-де была оборудована фотолаборатория, откуда велись передачи на Москву.

Известный к тому времени «официальный» художник Мияги широко использовал свои связи в кругах японского генералитета.

Клаузен по предложению Зорге возглавил фирму «Макс Клаузен и К°», с оборотным капиталом в сто тысяч иен. К услугам этой фирмы, выполнявшей фотоконии чертежей и документов, прибегали представители крупнейших в Японии концернов, государственные учреждения и армия. Все это не снимало с Клаузена главных обязанностей радиста.

К 1939 году положение Зорге в германском посольстве особенно упрочилось. Эйген Отт предложил ему пост пресс-атташе.

Это назначение лишало Зорге сотрудничества в газетах. Но на помощь ему пришел полковник Мейзингер, который добился через министерство внутренних дел, чтобы Зорге, помимо работы в посольстве, разрешили продолжать журналистскую деятельность.

7 октября 1938 года Зорге сообщал своему руководителю:

«Дорогой товарищ! О нас вы не беспокойтесь. И хотя мы страшно все устали и нанервничались, тем не менее мы дисциплинированные, послушные и решительные, преданные парни, готовые выполнить задачи нашего великого дела».

В Токио Зорге вел активную светскую жизнь.

Он, по свидетельству хорошо знавших его лиц, не прочь был выпить, любил женщин. Кэмпэйтай, японская контрразведка, бесстрастно зафиксировала в Японии — что за 8 лет — встречался с тремя десятками представительниц прекрасного пола. Начальство его за это журило. Но, может быть, Зорге надевал личину донжуана, выпивохи и рубахи-парня, чтобы надежней прикрыться? Вряд ли человек, имеющий такие слабости, мог бы стать серьезным разведчиком...

В Москву от Зорге шли не только донесения, но и нежные письма к жене.

Октябрь 1936 года:

«Моя милая К.!

Пользуюсь возможностью черкнуть тебе несколько строк. Я живу хорошо, и дела мои, дорогая, в порядке.

Если бы не одиночество, то все было бы совсем хорошо.

Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь, и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима по крайней мере внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти под открытым небом.

Когда я печатаю на своей машинке, то слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять, а детишки — плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить все увеличивающееся с каждым месяцем детское население по соседству.

Как видишь, обстановка довольно своеобразная. И вообще тут много своеобразия, я с удовольствием рассказал бы тебе. Над некоторыми вещами мы вместе бы посмеялись, ведь когда это переживаешь вдвоем, все выглядит совершенно иначе, а особенно при воспоминаниях.

Надеюсь, что у тебя будет скоро возможность порадоваться за меня и даже погордиться и убедиться, что «твой» является вполне полезным парнем. А если ты мне чаще и больше будешь писать, я смогу представить, что я к тому же еще и «милый» парень.

Итак, дорогая, пиши, твои письма меня радуют. Всего хорошего.

Люблю и шлю сердечный привет — *твой Ика.*»

1938 год:

«Дорогая Катя!

Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года, то был настолько уверен, что мы вместе лето проведем. Между тем уже миновали короткая весна и жаркое, изнуряющее лето, которое очень тяжело переносится, особенно при постоянно напряженной работе.

Да еще при такой неудаче, которая у меня была.

Со мной произошел несчастный случай, несколько месяцев после которого я лежал в больнице. Однако теперь уже все в порядке, и я снова работаю по-прежнему.

Правда, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов, и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные зубы. Все это результат падения с мотоцикла. Так что когда я вернусь домой, то большой красоты ты не увидишь. Я сейчас похожу на ободранного рыцаря-разбойника. Кроме пяти ран от времен войны, у меня куча поломанных костей и шрамов.

Бедная Катя, подумай обо всем этом получше. Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог и этого.

Ты ни разу не писала, получила ли мои подарки. Вообще, уже скоро год, как я от тебя ничего не слыхал.

Что ты делаешь? Где теперь работаешь?

Возможно, ты теперь уже крупный директор, который наймет меня к себе на фабрику в крайнем случае мальчишкой-рассыльным? Ну ладно, уж там посмотрим.

Будь здорова, дорогая Катя, самые наилучшие сердечные пожелания.

Не забывай меня, мне ведь и без того достаточно грустно.

Целую крепко и жму руку — *твой И.*»

Вскоре после отъезда мужа Екатерина Александровна переехала из подвальчика на Ниже-Кисловском в просторную комнату на четвертом этаже большого дома. Она перевезла туда вещи Рихарда, его книги. Книг было много, только немецкие издания заняли целый шкаф. Зорге не знал, что никогда не увидит своей новой московской квартиры.

«Очень часто я стараюсь представить ее себе, — писал он из своего далека, — но у меня это плохо получается».

Он мечтал о доме и по-прежнему ободрял жену надеждой на скорую встречу. К маленькой посылке, переданной Екатерине Александровне однажды, была приложена записка от людей, которые привезли вещи, но не смогли с ней встретиться: «Товарищ Катя!.. Автоматический карандаш сохраните для мужа».

Он не приехал, не приезжал больше.

«Нам довелось лично познакомиться с мужем старшей сестры, — вспоминает Мария Александровна Максимова, работающая в Госплане Карельской АССР, — но мне всегда казалось, что мы хорошо знаем его. Катя говорила, что он ученый, специалист по Востоку. Она считала мужа настоящим человеком, выдающимся революционером. Мы знали и о том, что он находится на трудной и опасной работе. Между прочим, однажды Рихард рассказал ей о неприятных минутах: проснувшись как-то в гостинице в чужом городе, он вдруг забыл, на каком языке должен говорить. Тут же, конечно, вспомнил, но осталась досада на себя, нервы сдают. Вообще-то, по словам сестры, он был очень спокойным, собранным, уравновешенным человеком. Перед отъездом Катя зашивала ему под подкладку большую пачку денег. «Вот какие большие деньги тебе доверяют», — заметила она. «Мне доверяют гораздо больше, чем деньги», — улыбнулся не без гордости Рихард. Катя никогда не сетовала на одиночество и ни на что не жаловалась...

Что еще сказать о Катюше? Жил человек и, казалось бы, не оставил о себе громкой памяти. Ее жизнь как будто не была так тесно, так значимо сплетена с эпохой, как жизнь Рихарда Зорге. Но и ее судьба, ее радости, печали несли на себе печать времени. Тяжело рассказывать грустную историю этих двух хороших людей. Тяжело говорить о женщине, что в самые мирные дни жила солдаткой. Она писала мужу и оставляла письма у себя, потому что Рихарду можно было передать о ней лишь самые короткие весточки.

«Милый Ика? Я так давно не получала от тебя никаких известий, что я не знаю, что и думать. Я потеряла надежду, что ты вообще существуешь.

Все это время для меня было очень тяжелым, трудным. Очень трудно и тяжело еще потому, что, повторяю, не знаю, что с тобой и как тебе. Я прихожу к мысли, что вряд ли мы встретимся еще с тобой в жизни. Я не верю больше в это, и я устала от одиночества. Если можешь, ответь мне.

Что тебе сказать о себе. Я здорова. Старею потихоньку. Много работаю и теряю надежду тебя когда-нибудь увидеть.

Обнимаю тебя крепко, твоя К.»

Жена Зорге ничем не выдавала тревоги. Работала,

училась. Когда на заводе ее спрашивали о муже, отвечала: «Работает на оборону». Ее мать, приезжавшая погостить, качала головой: «Несчастливая ты, Катя». Дочь улыбалась: «Ничего, мама, все устроится».

«Не печалься,— писал муж,— когда-нибудь я вернусь, и мы нагоним все, что упустили. Это будет так хорошо, что трудно себе представить. Будь здорова, любимая!»

И только наедине с подругой — Верой Избицкой — Екатерина Александровна сокрушалась: «Уж и не знаю, замужем я или нет. Встречи считаешь на дни, а не видимся годы».

Москва получала от Рамзая уникальную информацию. В феврале года он сообщил о заключении между Германией и Японией «антикоминтерновского пакта». В сентябре 1940 года Зорге доложил Центру о заключении тройственного пакта о военном союзе между Японией, Германией и Италией. Консолидации антикоммунистических сил свидетельствовали о приближении войны к советским границам.

Подготовка к нападению на СССР велась с немецкой точностью. 1 августа 1940 года генерал Маркс представил генералу Гальдеру первый уточненный вариант плана войны против СССР. В основе его была идея столь любимой немцами военными «молниеносной войны». К концу августа 1940 года был составлен основной вариант плана войны, получивший название «Барбаросса». План обсуждался на оперативном совещании с участием Гитлера.

В конце ноября — начале декабря 1940 года в генеральном штабе сухопутных сил была проведена большая оперативная работа.

И в том же ноябре 1940 года от Рамзая начинает поступать ценнейшая информация.

Справка Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии (РУ ГШКА) о радиogramмах «Рамзая» (Рихарда Зорге) из Японии:

1. 18 ноября 1940 года первое сообщение о возможности нападения Германии на СССР.

2. 28 декабря 1940 года. Сообщение о создании на базе г. Лейпцига новой резервной армии вермахта из 40 дивизий.

3. 1 марта 1941 года сообщение о переброске 320 не-

мецких дивизий из Франции к советским границам, где уже находится 80 дивизий.

4. 5 марта 1941 года. Прислана микропленка телеграммы Риббентропа послу Германии в Японии генералу Отту с уведомлением, что Германия начнет войну против СССР в середине июня 1941 года.

С усилением военной напряженности японская полиция усиливает слежку. Работа усложнилась, каждый шаг требовал значительных усилий. Радист был болен сердцем и работал лежа в постели. Но обстановка не позволяла сохранить интенсивность радиообмена с Центром.

1 июня 1941 года Рамзай докладывал:

«...Из Берлина послу Отту поступила информация, что нападение на СССР начнется во второй половине июня... Информация получена от немецкого военного дипломата, направляющегося из Берлина в Бангкок...»

Это были сведения, которые могли изменить многое в ходе событий, если бы к ним своевременно прислушались. Но, как известно, Сталин доверял Гитлеру после подписания пакта о ненападении, начисто игнорировал все сигналы, предупреждавшие о готовившейся агрессии. Решение чрезвычайной важности принималось Сталиным практически единолично в узком кругу ближайших соратников, которые всячески ему старались угодить. Начальник разведывательного управления Красной Армии генерал-лейтенант Голиков и Берия, имевший собственную разведку, ради поддержки и обоснования уверенности вождя в том, что нападение Германии последует не ранее середины 1942 года, искажали разведданные, противоречили сталинской идее фикс.

На телеграмме Зорге 1 июня 1941 года, сохранившейся в архиве, имеется пометка начальника Разведывательного управления РККА генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова следующего содержания: «В перечень сомнительных и дезинф. сообщений Рамзая».

Голиков доверял Сталину (что Зорге агент-двойник).

Берия грозил поставщикам таких «дез» «стереть в лагерной пыли как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией». Под этой резолюцией Берия на папке с донесениями агентов о готовящейся войне Германии против СССР ставил дату 27 ИЮНЯ 1941 ГОДА.

О том, что Сталин считал Зорге двойным агентом свидетельствуют и воспоминания маршала Жукова.

Он докладывал Сталину незадолго до начала гитлеровской агрессии свои материалы, и тот заметил: «Один человек передает нам очень важные сведения о замыслах гитлеровского правительства, однако на этот счет у нас имеются некоторые сомнения. Мы им не доверяем, потому что, по нашим данным, это двойник». Маршал высказывает вполне оправданное предположение: «Вероятно, он имел в виду Рихарда Зорге, о котором я узнал только после войны. Его фактически обвинили в том, что он работает и на нас и на Гитлера...» Сталин полагал, что Зорге работает и на третью — английскую или американскую — разведку.

Известно еще одно высказывание Сталина о Зорге: «Нашелся один наш, который в Японии уже обзавелся заводиками и публичными домами и соизволил сообщить даже дату германского нападения 22 июня. Прикажете ему верить?»

Информация «Рамзая» не использовалась. Были вдвое сокращены и без того скромные ассигнования на работу токийской резидентуры. Она отвлекалась на выполнение второстепенных заданий, бесконечные уточнения. В конце концов, руководство разведуправления приняло решение отозвать Зорге из Японии. Его информацию генерал Голиков перестал докладывать Сталину.

Зорге считал, что произошла чудовищная ошибка.

Вот что вспоминает Макс Кристиансен-Клаузен: «Ведь мы еще за несколько месяцев до этого (нападения гитлеровской Германии на СССР) сообщали, что у границы Советского Союза сосредоточено по меньшей мере 150 германских дивизий, и что война начнется в середине июня. Я пришел к Рихарду. Мы получили странную радиограмму — ее дословного содержания я уже не помню, — в которой говорилось, что возможность представляется Центру невероятной. Рихард был вне себя. Он вскочил, как всегда, когда сильно волновался, и воскликнул: «Это уж слишком!» Он прекрасно сознавал, какие огромные потери понесет Советский Союз, если своевременно не подготовится к отражению удара».

Рамзай шлет последнее предупреждение:

«13 июня. Повторяю, девять армий в составе 150 дивизий начнут наступление на широком фронте на рассвете 22 июня 1941 года».

22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны, без предъявления Советскому Союзу

каких-либо претензий внезапно обрушила на СССР удар огромной силы. Н. С. Хрущев писал в своих воспоминаниях: «Война началась, но каких-нибудь заявлений правительства или лично Сталина не было...

Сейчас я знаю, почему Сталин не выступил. Он, видимо, был совершенно парализован в своих действиях, не смог собраться с мыслями. Потом, после войны, я узнал, что в первые числа войны Сталин был в Кремле.

Берия рассказал следующее. Когда началась война, все у Сталина собрались члены Политбюро. Я не знаю, все ли или определенная часть, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин был совершенно подавлен морально. Он сделал примерно такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин нам оставил пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Он буквально так и выразился, по словам Берия. «Я,— говорит,— отказываюсь от руководства». И ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближайшую дачу.

«Мы,— говорит Берия,— остались. Что же дальше? После того, как Сталин так себя повел, прошло какое-то время. Мы посоветовались с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым. Посоветовались и решили поехать к Сталину и вернуть его к деятельности с тем, чтобы использовать его имя и его способности в организации обороны страны.

Когда мы стали его убеждать, что страна наша огромная, что мы еще имеем возможность организовать, мобилизовать промышленность, людей, одним словом, сделать все, чтобы поднять и поставить на ноги народ в борьбе против Гитлера, только тогда Сталин вроде опять немножко пришел в себя. Распределили, кто за что возьмется по организации обороны, промышленности и прочее».

Теперь Сталин вынужден был признать правоту Рамзая. И телеграммы, которые он продолжал посылать после 22 июня, немедленно шли в ход.

У Зорге была задача определить позиции Японии на Дальнем Востоке.

Под председательством императора Хирохито 2 июля состоялось секретное заседание тронного совета. Докладывали главнокомандующие армии и флота. Двумя днями позже Зорге узнал о принятых решениях: нападение

на Индокитай, сохранение пакта о нейтралитете с СССР, но приведение в готовность достаточного количества войск, чтобы при удобном случае все-таки осуществить нападение. В августе после беседы с германским военно-морским атташе Венеккером Зорге выяснил, что военно-морские силы Японии имеют двухгодичный запас горючего, а войска и промышленность — только на шесть месяцев. О больших сухопутных операциях в данный момент нечего и думать...

Значительная часть этой информации могла бы быть доступной и другому влиятельному корреспонденту. Нужно было не только знать факты, но и уметь их проанализировать, сделать выводы.

В сентябре 1941 года в Токио праздновалась годовщина антикоминтерновского пакта. Накануне вечером японское правительство устроило праздничный прием. Пресс-атташе германского посольства доктор Зорге присутствовал на этом приеме. На следующий день после обеда он был в числе трех тысяч гостей, собравшихся в самом большом зале Токио «Сибия». Во «Франкфуртер цайтунг» появилась очередная информация о торжествах, а в Москву было направлено тщательно проверенное донесение:

«Японское правительство решило не выступать против СССР».

Конец сентября 1941 года.

«Советский Дальний Восток можно считать гарантированным от нападения Японии».

Сообщение Рамзая о том, что Япония не вступит в войну против СССР, сыграло немалую роль в принятии Сталиным решения перебросить свежие, хорошо обученные дивизии с Дальнего Востока и Сибири под Москву.

Эти сообщения шли уже тогда, когда кольцо вокруг разведчика сужалось. Если бы Зорге затаился, ему, может быть, удалось бы уцелеть. Но он жертвовал собой до конца, выполняя долг.

Его арестовали 18 октября 1941 года. Взяли всю группу.

Арест Зорге и его помощников расценивался японской контрразведкой как самая большая удача. Тридцать два сотрудника тайной полиции получили высшие ордена.

Германское посольство было повержено в шоковое

состояние. Особенно сложно было выйти из этого положения Эйнгену Отту.

Следствие затянуло. На суде Зорге пытался взять всю вину на себя и доказать, что ни он, ни его друзья не нарушали ни один из законов Японии и не вели против нее подрывной деятельности.

«Я не применял никаких действий, которые могли бы быть наказуемы. Я никогда не прибегал к угрозам или насилию.

Я и моя группа прибыли в Японию вовсе не как враги Японии. К нам никак не относится тот смысл, который вкладывается в обычное понятие «шпион». Лица, ставшие шпионами таких стран, как Англия или Соединенные Штаты, выискивают слабые места Японии с точки зрения политики, экономики или военного дела и направляют против них удары. Мы же, собирая информацию в Японии, исходили отнюдь не из таких замыслов... Центр инструктировал нас в том смысле, что мы своей деятельностью должны отвести возможность войны между Японией и СССР. И я, находясь в Японии и посвятив себя разведывательной деятельности, с начала и до конца твердо придерживался этого указания?

Конечно, я вовсе не думаю, что мирные отношения между Японией и СССР были сохранены на долгие годы только благодаря деятельности нашей группы, но остается фактом, что она способствовала этому. Но судьи руководствовались политическими соображениями и исход процесса был предрешен.

Токийский суд приговорил Рихарда Зорге к смертной казни. Но смертный приговор привели в исполнение только через 2 года. Чего-то ждали? Возможно, предполагали обменять Рамзая на японских агентов. Но советское посольство в Токио молчало, не было попыток изменить судьбу Зорге, используя неофициальные каналы.

Берия, ненавидевший талантливую разведчика, подверг допросу его жену, а затем ее отправили в район Красноярска. Там она в 1943 году погибла якобы от несчастного случая.

7 ноября 1944 года Рихард Зорге был казнен в Токийской тюрьме. Его похоронили в общей тюремной могиле. Но японским друзьям после долгих лет хлопот разрешили предать его тело огню. В Токио на кладбище Таме над могилой Зорге возвышался гранитный камень.

На нем высечены слова: «Здесь покоится тот, кто всю свою жизнь отдал борьбе за мир».

В этой же тюрьме, что и Зорге, был казнен его ближайший сподвижник Ходзуми Одзаки.

Остальные члены группы были осуждены на разные сроки тюремного заключения.

Однако выйти на волю удалось только Клаузену. После поражения Японии его освободили американские оккупационные власти.

Когда был вынесен приговор, дни Мияги были уже сочтены: в тюрьме он предпринял попытку самоубийства, остальное довершили палачи, особенно рьяно пытавшие раненого...

Не намного пережил товарища Бранко Вукелич. Его бросили в один из самых страшных японских концлагерей на острове Кокандо. Впоследствии сотрудники разведывательного отделения штаба Макаргура, изучавшие японские архивы, писали, что Вукелич «проявил в заключении наибольшую храбрость, потому что, как явствует из заметок прокурора, последний не мог добиться от этого разведчика никакой информации... Он был тверд и потому подвергся страшным мучениям...» Скончался Вукелич в том же концентрационном лагере. Когда он умер, он весил тридцать два килограмма.

Одзаки, как и Зорге, был заключен в камеру смертников. Его последние письма из тюрьмы Сумаго — один из самых замечательных человеческих документов нашего века.

«Ведь если вдуматься, — писал Одзаки незадолго до казни, — я счастливый человек. Всегда и повсюду я сталкивался с проявлениями людской любви. Оглядываясь на прожитую жизнь, я думаю: ее освещала любовь, которая была как звезды, что сияют сейчас над землей, и дружба, сверкающая среди них звездой первой величины».

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Ивен Монтегю в период войны служил в разведывательном управлении английского Адмиралтейства. В

1953 году он получил возможность рассказать об одной из секретных операций, проведенных в 1942—1943 годах: «Я, естественно, не мог ни говорить, ни писать об операции «Минсмит», пока слухи о ней и ссылки в немецких военных мемуарах на некоторые документы, составляющие основу операции, не показали, что хранить тайну дальше уже невозможно. Это было приказано, и я получил официальное разрешение опубликовать известные мне подробности».

Ложные документы, составлявшие основу операции, хитроумным способом подброшенные гитлеровскому командованию, обеспечили внезапность высадки англо-американских войск в Сицилии и предопределили исход всей борьбы за остров.

Генерал лорд Исмен утверждал: «В самых фантастических мечтах нам не мог пригрезиться успех, которым увенчалась операция «Минсмит». Заставить немцев расплыть свои силы и даже отвести боевые корабли из района самой Сицилии — поразительное достижение! Десантники, высадившиеся в Сицилии, а также их семьи должны быть благодарны тем, кто разработал и осуществил операцию «Минсмит».

На кладбище испанского городка Уэльва похоронен английский гражданин. Умирая на родной земле поздней осенью 1942 года, он не подозревал, что после смерти ему отдадут воинские почести и навсегда оставят под солнечным небом Испании. Не думал он также, что уже мертвым окажет союзным войскам услугу, благодаря которой многие сотни англичан и американцев останутся в живых. Он был скромным гражданином своей страны и при жизни не сделал ничего выдающегося, но после смерти «совершил» то, что удается сделать лишь немногим за всю их трудовую жизнь.

Все началось с совершенно фантастической идеи Джорджа. Он и я были членами небольшого межведомственного комитета, который еженедельно собирался для обсуждения вопросов о сохранении в тайне намечаемых военных операций. Мы обменивались сведениями, полученными из различных источников — от наших собственных служб и других органов в Англии, из нейтральных государств, а также из донесений разведчиков, находившихся в неприятельских странах. Располагая,

кроме того, самой последней информацией о намерениях союзников, мы должны были предупреждать «утечку» военной тайны и предугадывать действия вражеской разведки. Это нелегкая задача.

Мы понимали: скрыть от противника, что затевается какая-то операция, невозможно. Во-первых, каждому было ясно, что союзники не будут сидеть сложа руки, ведь где-то вторжение должно начаться. Во-вторых, нельзя уберечься от иностранных дипломатов. Они ездят по всей стране, встречаются и разговаривают не только с лицами, посвященными в наши планы, но и с теми людьми, которые не могут не видеть скопления судов или войск перед отправкой. И какой бы ни была официальная точка зрения, наш комитет не питал иллюзий относительно «нейтральности» отдельных членов дипломатического корпуса. Кроме того, даже проанглийски настроенный дипломат должен делать свое дело — он обязан сообщать своему правительству обо всем происходящем здесь, в Англии. А когда этот доклад попадет в его страну, нет никаких сомнений, что там найдется хотя бы один чиновник или министр, уже подкупленный или по крайней мере идеологически подготовленный к передаче сведений немцам. В-третьих, имеются «нейтральные» бизнесмены и моряки, регулярно совершающие рейсы между Англией и континентом.

Поэтому мы не могли надеяться, что нам удастся скрыть от немцев сам факт подготовки операции. Зато в наших силах было скрыть самое важное — когда и где она начнется.

Сицилия, этот футбольный мяч на носке «итальянского сапога», находится посередине Средиземного моря. Это означало, что, до тех пор, пока мы не завладеем ею, наши конвои в Средиземном море будут нести колоссальные потери, причем даже тогда, когда аэродромы в Северной Африке окончательно перейдут в наши руки. Мы понимали, что, прежде чем начать новую операцию в бассейне Средиземного моря, союзникам предстоит захватить Сицилию. Наш комитет всегда приступал к работе задолго до проведения операции, и мы обсуждали план мероприятий по обеспечению скрытности удара по Сицилии еще до того, как началась «операция Торч».

Мы предвидели трудности. Ведь если нам было ясно, что после Северной Африки на очередь дня станет Сицилия, то и немцы понимали это. Как же помешать

противнику усилить оборону Сицилии, если он постарается сделать это по тем же стратегическим соображениям, которые заставляют готовиться к захвату острова?

— А что, если достать мертвое тело,— предложил я,— одеть его в форму штабного офицера и снабдить важными документами, из которых следовало бы, что мы собираемся высадиться не в Сицилии, а в другом месте? Нам не придется сбрасывать тело на землю, так как самолет может быть сбит над морем по пути в Африку. Труп вместе с документами прибьет к берегу либо во Франции, либо в Испании, лучше — в Испании: там немцам труднее будет произвести детальный осмотр тела, и в то же время из Испании они непременно получат документы или по крайней мере копии с них.

Возбужденные, мы взвешивали все возможности этого плана. Предстояло уточнить ряд деталей: в каком состоянии должен быть труп после авиационной катастрофы над морем; что обычно бывает причиной смерти в таких случаях; что может обнаружиться при вскрытии тела; можно ли достать подходящее тело. Вот те вопросы, которые требовали ответа в первую очередь. Если ответы будут удовлетворительными, план заслуживал того, чтобы заняться им вплотную. Никто из нас не сомневался, что испанцы, если только дать им возможность, сыграют предназначенную им роль, и тогда какие перспективы откроются перед нами!

Мы были уверены, что достанем тело, и в то же время прекрасно понимали, какие трудности нас здесь ожидают. Однако мы не представляли себе, как это будет трудно на самом деле. Честно говоря, к поискам трупа мы приступили без особой охоты, потому что даже в безжалостное время войны не уменьшается естественное чувство уважения к мертвому человеку. Но у нас это чувство было побеждено мыслью о том, сколько жизней можно спасти, если использовать с задуманной целью тело, которое — мы это знали — в конце концов будет погребено с почестями.

Трудность, с которой мы сразу же столкнулись, заключалась в сохранении тайны. Ведь не могли же мы пойти к родственникам умершего в час их горя и без всяких объяснений просить разрешения забрать останки сына, мужа или брата, которого они оплакивают. А если они потребуют объяснений, что мы им скажем? В романах встречаются такие персонажи, которые готовы от-

дать тело своего единственного только что умершего родственника, не спрашивая, зачем его берут. Но то в романе, а в жизни?!

Сначала требовалось точно установить, какой труп нам нужен. Если немцы, по нашему замыслу, должны принять его за жертву авиационной катастрофы над морем, то надо найти такое тело, которое не имело бы признаков смерти от других причин.

Мне казалось, что к этому вопросу надо подходить с точки зрения человека, который будет производить вскрытие. Чего может ожидать патолог-анатом, вскрывая труп, прибитый к берегу после того, как самолет, на борту которого находился погибший, упал в море?

Я сразу же вспомнил о Бернарде Спилзбери. Это был очень опытный патолог, и, кроме того, я был уверен, что он сохранит доверенную ему тайну. В этом смысле между сэром Бернардом и устрицей нет никакого различия. Спилзбери обладал и еще одним, более редким качеством: я твердо знал, что он не задаст ни одного вопроса, кроме тех, ответы на которые понадобятся ему для решения поставленной перед ним проблемы. Спилзбери просто примет к сведению тот факт, что мы хотим, чтобы плавающее тело было принято за жертву авиационной катастрофы, и не станет интересоваться подробностями.

Я позвонил Спилзбери, и мы договорились встретиться в клубе «Джуниор Карлтон». Там за рюмкой хереса я рассказал ему о своем деле. После минутного размышления он дал мне одно из тех кратких и полных толкований, которые не раз убеждали присяжных и даже судей. Его совет вселил в меня надежду. Если на тело надеть спасательный жилет, мы можем использовать труп человека, который либо утонул, либо умер от почти любой естественной причины. Жертвы авиационной катастрофы над морем умирают от повреждений, полученных во время удара самолета о воду, тонут или погибают просто от отсутствия помощи в море; имеют место и случаи шока. Итак, поле наших поисков сужалось.

Мое мнение о Бернарде Спилзбери полностью оправдалось. Этот удивительный человек отвечал на вопросы, ни на минуту не давая воли своему любопытству, которое он, должно быть, все-таки испытывал. Он задал мне несколько вопросов, имеющих отношение к патологиче-

ской проблеме, которую я перед ним поставил, но ни разу не спросил, почему я всем этим интересуюсь.

Теперь нам предстояло навести справки о недавно умерших людях. Мы не могли делать это открыто. При всех условиях нам следовало избегать всего того, что могло вызвать разговоры вроде: «Вы не слышали? Очень странно, такой-то спрашивал на днях такого-то, где можно достать труп». Мы приступили к поискам с чрезвычайной осторожностью. В общем, все это выглядело почти как у Пиранделло — «шесть офицеров в поисках трупа». Имеется в виду пьеса Луиджи Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора».

Одно время мы уже серьезно подумывали, что нам придется похитить труп на кладбище, но пока у нас оставались другие пути, мы хотели испробовать их. Нам удалось навести кое-какие справки у военных врачей, которым мы могли доверять. Но как только намечалась возможность заполучить труп, оказывалось, что либо родственники не дают согласия, либо нельзя доверять тем людям, которые, пожалуй, отдали бы нам труп своего близкого. Нередко нас не устраивала причина смерти.

Наконец, когда нам осталось только или обратиться в морги или расширить круг лиц, посвященных в тайну (а это, несомненно, вызвало бы всевозможные слухи), мы услышали о человеке, который только что скончался от воспаления легких после длительного пребывания на морозе. В патологическом отношении труп как будто отвечал нашим требованиям. С лихорадочной быстротой мы начали наводить справки о прошлом умершего и его семейном положении. Мы убедились, что родственники сохраняют в тайне тот минимум сведений, который придется им сообщить: мы могли сказать, что цель поистине благородная и что останки будут достойно погребены, хотя и под вымышленным именем.

Согласие, за которое мы по сей день чрезвычайно благодарны, было получено при условии, что никто никогда не узнает фамилии умершего. Поэтому я скажу здесь только одно: это было тело человека лет тридцати с небольшим.

Из предосторожности я еще раз посоветовался с Бернардом Спилзбери. Он был вполне удовлетворен: воспаление легких подходило как нельзя лучше, ибо при заболевании в легких скапливается такое же количество

жидкости, как и в том случае, если человек умер в морской волне. Патолог-анатом, заведомо предполагающий, что перед ним утопленник, вряд ли обнаружит во время вскрытия разницу между жидкостью в легких (которые уже начали разлагаться) и морской водой. Спилзбери закончил нашу беседу характерным для него уверенным заявлением:

— Вам нечего бояться вскрытия в Испании. Обнаружить, что этот молодой человек не утонул, сумеет лишь патолог-анатом с моим опытом, а такого в Испании нет.

Мы позаботились о том, чтобы тело хранили в подходящем холодильнике, пока мы не будем готовы использовать его.

Теперь требовалось получить одобрение начальства. Прежде всего, операции следовало дать условное наименование. За исключением названий крупных операций, которые придумывал сам премьер-министр, все наименования брались из списков, составляющихся для различных штабов. Я выяснил, какие названия значились в списке Адмиралтейства. Там я нашел «минсмит» (начинка). В списках оно было восстановлено недавно, после применения его в одной успешной операции. К этому времени мой юмор стал несколько мрачным, и я решил, что это слово подходит. Итак, операция получила название «Минсмит».

Я подготовил проект боевого приказа командиру подводной лодки, и адмирал Барри одобрил его. По его предположению, лейтенант Джуэлл явился в штаб подводных сил, и мы без помех обсуждали все детали предстоящей операции. После этого я вручил ему боевой приказ, который выглядел следующим образом:

ОПЕРАЦИЯ «МИНСМИТ»

1. Цель

Обеспечить доставку портфеля с документами на берег как можно ближе к Уэльве (Испания). Сделать это таким образом, чтобы создалось впечатление, будто портфель был в самолете, упавшем в море и его вез офицер из Англии в штаб союзников в Северной Африке.

2. Способ

Мертвое тело, одетое в полевую форму майора английской морской пехоты и спасательный жилет, вместе с портфелем и резиновой шлюпкой доставляется к побе-

режью Испании подводной лодкой.

Тело, полностью подготовленное к спуску на воду, будет помещено в воздухонепроницаемый контейнер с надписью: «Обращаться осторожно — оптические инструменты — особая отправка».

Контейнер имеет около 200 сантиметров в длину и около 60 сантиметров в диаметре, без всяких выступов с боков. С одной стороны он закрывается крышкой, которая плотно привинчивается болтами. К ней прикреплен цепочкой гаечный ключ. Как крышка, так и дно имеют ручки. Контейнер можно поднимать за обе ручки или пользуясь только ручкой на крышке, однако поднимать контейнер за одну ручку нежелательно, так как сталь, из которой сделан, очень тонкая. Общий вес контейнера около 150 килограммов.

Тело в контейнере окружено слоем сухого льда, поэтому контейнер следует открывать на палубе, а не внутри подводной лодки, так как сухой лед выделяет углекислый газ.

3. Место

Тело должно быть спущено на воду так близко к берегу, как только возможно, и как можно ближе к городу Уэльва, предпочтительно северо-западнее устья реки.

По данным гидрографического управления, течения в этом районе идут в основном вдоль побережья, поэтому для спуска тела на воду следует выбрать время, когда ветер дует в направлении берега. В это время года в указанном районе преобладают юго-западные ветры.

Последние сведения относительно приливно-отливных течений в этом районе, полученные от начальника гидрографического управления, прилагаются.

4. Доставка груза.

Груз будет доставлен в порт отхода по суше в любой указанный день, предпочтительно как можно ближе ко дню отплытия. Портфель будет передан командиру подводной лодки в это же время. Резиновая лодка находится в отдельной упаковке.

5. Спуск тела.

Вынув тело из контейнера, цепочку, прикрепленную к ручке портфеля, необходимо закрепить на поясе шинели, в которую одет труп. Эта цепочка точно такая же, какие обычно надевают под шинель на грудь и выпускают свободный конец через рукав. На одном конце цепочки имеется застежка-карабин, позволяющая прикре-

пить ее к ручке портфеля, на другом — такая же застежка, которая застегивается на груди. Именно этот конец цепочки следует закрепить на поясе шинели, будто офицер, находясь в самолете, снял цепочку из соображений удобства, но все же оставил ее прикрепленной к поясу, чтобы не забыть портфель или не выронить его в самолете.

Затем тело, а также резиновую лодку следует спустить в воду. Поскольку резиновая лодка будет плыть с иной скоростью, чем тело, место спуска лодки относительно тела не имеет большого значения, однако она не должна находиться слишком близко к телу.

6. Осведомленные лица в Гибралтаре.

Предприняты шаги с целью сообщить о намеченной операции начальнику гарнизона в Гибралтаре и начальнику разведывательного отдела его штаба. Кроме них, в Гибралтаре об операции никто не осведомлен.

7. Сигналы.

Если операция пройдет успешно, необходимо донести: «Минсмит окончен». В случае, если донесение будет отправляться из Гибралтара, следует предупредить начальника разведывательного отдела, чтобы он адресовал его начальнику разведывательного управления Адмиралтейства (лично). Если донесение можно будет послать раньше, оно передается в порядке, предусмотренном соответствующими приказами командующего подводными силами.

8. Отмена

Если операцию придется отменить, будет дан приказ «Отменить Минсмит». В этом случае тело и контейнер следует затопить в глубоководном районе. Поскольку контейнер может обладать положительной плавучестью, его следует либо чем-нибудь загрузить, либо заполнить водой. В последнем случае необходимо тщательно проследить, чтобы тело осталось в контейнере. Портфель должен быть передан начальнику разведывательного отдела в Гибралтаре с указанием сжечь его, не вскрывая (если не представится возможности сделать это раньше). Резиновую лодку передать для уничтожения начальнику разведывательного отдела.

9. Возможность проведения операции

Если проведение операции окажется невозможным, необходимо донести, и как можно скорее, «Минсмит не состоялся».

10. Маскировка

До начала операции достаточной маскировкой будет служить надпись «Оптические инструменты» на контейнере. После проведения операции экипажу подводной лодки можно будет сообщить, что наша цель — разоблачение очень активного немецкого агента в Уэльве и что благодаря операции будут получены данные, которые заставят испанцев выслать агента из страны. Одновременно необходимо внушить экипажу, что любая «утечка» сведений, когда бы она ни произошла, может лишить нас возможности заставлять испанцев поступать так, как это нам выгодно. Члены экипажа не должны впоследствии интересоваться достигнутыми результатами, так как операция требует полного сохранения тайны, иначе испанцы разгадают наш замысел.

Фактически, самое важное заключается в том, чтобы немцы и испанцы отнеслись к документам так, как это предусмотрено пунктом 1. Если они заподозрят, что документы подложные, то это будет иметь серьезные последствия.

И. Монтегю, капитан-лейтенант.
31.3.43 г.

Теперь требовалось решить, какой документ положить в портфель, чтобы заставить немцев изменить свои планы и диспозицию войск, и какими убедительными деталями придать документу видимость подлинного. Теперь, вспоминая прошлое, я вижу, что легче было обмануть германское верховное командование, чем убедить английское в успехе «операции Минсмит». К счастью, нашим планом заинтересовался сам Арчибальд Най. Он написал письмо, основываясь на моем проекте, который считал вполне реальным. Прочитав его, я не мог признать, что, хотя отвлекающий объект указывался очень удачно, письмо в целом получилось неубедительным и слишком прямолинейным. Такое письмо могло быть отправлено только официальной почтой, а не передано офицеру, чтобы он отвез его просто в кармане. Сэр Арчибальд принял мой вызов и написал другое, поистине великолепное письмо. На тот случай, если немцы слышали об «операции Хаски» (кодовое название операции по вторжению в Сицилию), он использовал слово «хаски» как кодовое название для операции против Греции, а ложное кодовое название «Бримстен» — для

ложной операции против южной Франции. Вот так выглядел проект письма:

Телефон: Уайтхолл 9400 Военное министерство,
Уайтхолл,
Начальник имперского Лондон, ЮЗ 1
23 апреля, 1943
генерального штаба

Лично и совершенно секретно

Дорогой Алекс,

пользуясь случаем, посылаю Вам лично письмо с одним из офицеров Маунтбэттена. Хочу сообщить Вам некоторые подробности недавнего обмена телеграммами относительно операций на средиземноморском театре и сопутствующих им обеспечивающих действий. Вы можете подумать, что наши решения несколько произвольны, но я спешу убедить вас, что Комитет начальников штабов самым тщательным образом рассмотрел Ваши рекомендации, так и рекомендации Джамбо.

Недавно мы получили информацию, что боши укрепляют свою оборону в Греции и на Крите, и начальник имперского генерального штаба считает, что наши силы для наступления недостаточны. Комитет начальников штабов решил усилить 5-ю дивизию для высадки южнее мыса Киллини и послать такое же подкрепление 56-й дивизии в Каламе. Сейчас мы изыскиваем необходимые силы и транспортные средства.

Джамбо Вильсон предложил Сицилию в качестве отвлекающего объекта для «операции Хаски», но мы уже выбрали ее для той же роли в «операции Брисмстен». Комитет начальников штабов очень внимательно пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что в связи с подготовкой в Алжире и учениями по высадке десанта, которые будут происходить на побережье Туниса, а также массированным использованием авиации в целях нейтрализации сицилийских аэродромов мы должны придерживаться нашего плана, согласно которому Сицилия явится отвлекающим объектом для «операции Бримстен». В самом деле, у нас есть очень хороший шанс заставить бошей поверить, будто мы нацелились на Сицилию, — это очевидный объект, и по поводу его они наверняка неспокойны. С другой стороны, начальники штабов понимают, что нет большой надежды убедить

бошей, будто широкая подготовка, ведущаяся в восточной части Средиземного моря, также имеет отношение к Сицилии. По этой причине они сказали Вильсону, что его отвлекающий объект должен быть ближе к фактическому, например, Додеканезыф. Поскольку наши взаимоотношения с Турцией улучшились, итальянцы должны испытывать беспокойство в отношении этих островов.

Думаю, Вы согласитесь с такими аргументами. Я знаю, Вы сейчас очень заняты и едва ли сможете обсудить будущее операции с Эйзенхауэром. Но если Вы намерены поддержать предположение Вильсона, я надеюсь, вы немедленно дадите нам знать об этом, так как мы не можем ждать долго.

Весьма сожалею, что мы не смогли удовлетворить Вашу просьбу относительно нового командира гвардейской бригады. Ваш кандидат тяжело заболел гриппом и придет в форму лишь через несколько недель. Но Вы, видимо, хорошо знаете и Фостера. Он отлично зарекомендовал себя, командуя бригадой здесь, в метрополии, и я думаю, он самый подходящий человек.

Вам, как и нам, наверное, надоела вся эта история с боевыми наградами и «Пурпурными сердцами». Мы все согласны с Вами, что не следует обижать наших американцев, но за этим кроется большее. Если наши солдаты, которые случайно попали на какой-то театр войны, получают лишнюю награду просто потому, что там воюют американцы, мы столкнемся с большим недовольством среди тех войск, которые сражаются где-нибудь в другом месте, и, возможно, с еще большим напряжением. Мне кажется, мы должны поблагодарить американцев за их любезные предположения, но твердо сказать, что это вызовет слишком много недовольства и мы, к сожалению, не можем пойти здесь им навстречу. Впрочем, этот вопрос включен в повестку дня следующего заседания парламентских представителей военных ведомств, и, я надеюсь, Вы скоро узнаете о принятом решении.

Желаю успеха

Всегда ваш

Арчи Най

Генералу сэру Гарольду Александеру,
Штаб 18-й группы армий».

Лучшего нельзя себе и представить. Сэр Арчибальд

Най выполнил свою задачу так, как ее мог выполнить только человек, хорошо знающий характер личных взаимоотношений между высшими офицерами. Походя, дабы немцы не заподозрили обмана, он дал понять, что состоится операция и в восточной части Средиземного моря, с высадкой в Греции, и что мы хотим заставить немцев поверить, будто наш удар в западной части Средиземного моря нацелен на Сицилию (поэтому Сицилия не может быть фактическим объектом).

Готовя документ, названный нами «важным письмом», мы много думали и о «человеке», который повезет его. Ведь контрразведчик в Берлине прежде всего захочет узнать, каким образом письмо попало в Уэльву? Правда, письма такого рода не полагается пересылать по почте. Обычно они доставляются адресату специально выделенным офицером, но тем не менее немецкий контрразведчик непременно спросит: «А его в самом деле вез офицер? Он был похож на настоящего офицера?»

Мы решили, что тело «поступит» не в армию, а в военно-морские силы. И сразу же перед нами стали новые проблемы. Не просто было сделать его морским офицером. В то время, как армейский офицер мог отправиться из Лондона в штаб в северную Африку в обычной полевой форме, морской офицер обязан надеть выходную форму, которая шьется по мерке и должна сидеть на офицере безупречно. Значит, необходимо найти закройщика, который снимет мерку с нашего трупа и оденет его! Представив себе столь страшную картину, мы тотчас отказались от этой идеи. Была еще одна возможность оставить «офицера» под контролем Адмиралтейства — «зачислить» его в морскую пехоту. Это облегчало проблему с формой, но создавало ряд других.

Во-первых, если армия в военное время настолько многочисленна, что армейские офицеры не выразят удивления, услышав о незнакомом офицере своей части, то королевская морская пехота — небольшой корпус, и даже в военное время его офицеры знали друг друга или по крайней мере слышали друг о друге.

Во-вторых, армейские офицеры не имеют при себе удостоверения с фотографией, когда едут за границу, а офицеры морской пехоты непременно берут его с собой. Между тем, родственники умершего не смогли пред-

ставить нам фотографию, которая бы подходила для удостоверения личности.

Мы довольно долго обсуждали эти проблемы. Все отлично понимали, что малочисленность офицерского состава в морской пехоте грозит нам неприятными последствиями. Допустим, испанцы отошлют тело для похорон в Гибралтар, и тогда опасность разглашения тайны (по сравнению с тем, если бы «погибший» был армейским офицером) возрастет во много раз, тем не менее, учитывая расстояние между Уэльвой и Гибралтаром, мы решили рискнуть. Мы надеялись также справиться с трудностью, возникшей из-за фотографии. Но никто не предполагал, сколько хлопот это будет стоить. Сначала мы попробовали сфотографировать труп. Полная неудача! Люди часто говорят, критикуя фотографию: «Я здесь похож на покойника!» Такое замечание, возможно, неоправданно, но я хотел бы посмотреть, как вам удастся сфотографировать покойника так, чтобы он выглядел живым! Невозможно описать, каким безнадежно мертвым выглядел этот человек на фотографии.

Начались лихорадочные поиски «двойника» или просто человека, который хоть отдаленно походил бы на нашего офицера. Нельзя сказать, что у нашего молодого человека была крайне своеобразная внешность, но тем не менее мы никак не могли найти подходящего человека. Целыми днями ходили мы по улицах, невежливо всматривались в лица прохожих.

Наконец, я решил попросить одного молодого офицера из военно-морского разведывательного управления надеть тужурку и позволить нам сфотографировать его. (Не помню уже, какой предлог я придумал для этого). Результат, как и следовало ожидать получился не очень хороший, но мы единодушно решили, что сходства достаточно, если учесть, какими скверными обычно бывают фотографии такого рода. Однако чувство неудовлетворенности не покидало нас.

Счастье улыбнулось совсем неожиданно: на одном заседании, где обсуждались вопросы, не имеющие отношения к нашей операции, я вдруг увидел напротив себя человека, который мог бы быть близнецом нашего покойника. Мы просто уговорили его сняться, и препятствие с фотографией было преодолено.

Теперь оставалось имя и звание. Я понимал, что младшему офицеру вряд ли доверят такое письмо, но

сделать его офицером очень высокого ранга мы не могли по нескольким причинам. Самая главная из них — человек был слишком молод, чтобы достичь высокого звания, если только он не обладал выдающимися способностями. Но тогда его коллеги-офицеры наверняка слышали бы о нем, поэтому я решил сделать его капитаном с временным званием майора. Затем я сел за списки личного состава военно-морских сил. Я тщательно изучил все списки офицеров морской пехоты и нашел сравнительно небольшую группу капитанов и майоров, носящих фамилию Мартин. Мне казалось, что наличие такой группы людей — преимущество. Если смерть «майора Мартина» вызовет разговоры в какой-нибудь кают-компании, знают всех Мартинов в морской пехоте. Возможно, это ничего не давало — в конце концов, все эти Мартин могли быть братьями, — но мы проявили дополнительную предосторожность на случай небольшого риска. А риск в выборе имени, разумеется, был. К фамилии я добавил обычное имя Уильям, и наш покойник, с ведома командующего морской пехоты, который зачислил его в списки офицеров корпуса, стал капитаном с временным званием майора Уильямом Мартином из королевской морской пехоты. И, наконец, я принял необходимые меры предосторожности на случай, если в штат командующего морской пехотой поступят какие-нибудь запросы.

Я достал незаполненное удостоверение личности и долго тер его о свои брюки, чтобы придать ему тот вид, который обычно бывает у старых документов, даже если их носят в бумажнике. Мне это неплохо удавалось, но я был обеспокоен длительностью процесса «искусственного постарения». Вдруг у меня блеснула мысль: майор Мартин недавно потерял свое удостоверение и получил дубликат. Я достал новый бланк, наклеил на него фотографию двойника, заполнил все графы и расписался. Соответствующее официальное лицо подписало, что это удостоверение выдано 2 февраля 1943 года взамен утерянного № 09650. 09650 — номер моего собственного удостоверения. Это должно было уменьшить осложнения, если поступят какие-нибудь запросы. Потом я приложил к удостоверению соответствующие печати и штампы.

Теперь нужно было снабдить майора Мартина форменной одеждой.

Один из нас, мужчина примерно такого же роста и сложения, как наш майор, достал подходящую полевую форму, и мы украсили ее нашивками морской пехоты, значком «коммандос» и майорской короной. Нашлась и старая шинель, к которой мы прикрепили такие же знаки различия, предварительно продырявив погоны в трех местах, чтобы указать на недавнее капитанское звание их владельца. Мы достали ботинки и обметки, а также верхнюю рубашку и белье. Оно не было новым, и метки разных прачечных мы спорили, а потом отдали все в одну прачечную, чтобы на белье поставили одинаковые метки.

Рубашку мы приобрели в военном магазине и помятый чек сунули в карман шинели. Вот здесь мы допустили по-настоящему серьезный ляпсус. Офицер, который по нашей просьбе покупал эту рубашку, не служил на флоте и поступил с точки зрения кадрового моряка совершенно непонятно — заплатил наличными. Впрочем, ему было трудно поступить иначе, так как Билл Мартин не имел своего счета в этом магазине. Мы не обратили никакого внимания на данное обстоятельство, и только когда тело уже было в Испании, меня внезапно осенило, что ни один флотский офицер, а тем более тот, у кого настойчиво требовали уплаты долга, никогда не заплатил бы наличными! Но я утешал себя мыслью, что обмануть-то нам надо немцев. А они не могли знать, как охотно шла эта многострадальная фирма на уступки офицерам. Но все же мы допустили ошибку, и здесь нам изменило чутье.

Итак, тело «человека, которого не было», стало телом майора Мартина из морской пехоты. И нашедший тело получит достаточно сведений о том, кем был этот человек и почему он очутился там, где его нашли. Но пока это было тело только офицера. Нам еще предстояло снабдить майора личными вещами и наделить человеческим характером.

Мы постоянно говорили о майоре Мартине, и это выглядело так, будто мы перемывали косточки другу за его спиной. По правде говоря, нам порой действительно казалось, что Мартин существует и мы его давно знаем. Тем не менее, мы стремились сделать его характер и наклонности такими, какие удовлетворяли бы нашим целям.

Но как сделать его по-настоящему живым человеком?

В нашем распоряжении был только один способ — положить в карманы Мартина письма, из которых можно будет узнать некоторые подробности его личной жизни. С другой стороны, остановите на улице любого прохожего и осмотрите его карманы — в них вряд ли найдутся письма о сколько-нибудь серьезных вещах. Рассматривая проблему с этой точки зрения, мы пришли к заключению, что человек хранит письма при себе, дающие яркое представление о его облике, только после обручения, когда он строит планы будущей семейной жизни. Поэтому мы решили обручить Билла перед его отъездом в Африку.

Итак, в конце марта майор Мартин познакомился с хорошенькой девушкой по имени Пэм и почти сразу обручился с ней. (Ох, уж эти романы военного времени!) Она подарила ему свою фотографию (любительскую, разумеется), а он ей — обручальное кольцо. У него было два письма от нее — одно, написанное во время загородной поездки, а другое — в конторе (когда хозяин вышел по делам), чрезвычайно взволнованное: жених намекнул ей, что его посылают куда-то за границу. У него имелся также счет за обручальное кольцо (неоплаченный, конечно, ведь его кредит в банке исчерпан). И, наконец, отец майора со старомодными взглядами на жизнь не одобряет свадьбы военного времени и настаивает, чтобы его сын незамедлительно составил завещание, если уж он окончательно решился на такой глупый и неосмотрительный шаг.

Теперь, когда все документы были готовы, требовалось найти «героиню».

Прежде всего, нам нужна была фотография Пэм — невесты майора Мартина. Мы попросили наиболее привлекательных девушек из различных отделов Адмиралтейства одолжить нам свои фотографии якобы для проведения опознания одной женщины. Это делают, смешав большое количество фотографий совершенно невиновных людей с двумя или тремя фотографиями подозреваемого лица, чтобы свидетель мог выбрать из них фото того человека, о котором идет речь. Девушки дали нам по несколько фотографий, и мы собрали довольно солидную коллекцию. Из нее мы выбрали одну, а остальные через неделю вернули. Девушка — владелица фотографии — имела доступ к совершенно секретным документам, и мы могли сказать ей, что хотим использовать

ее фотографию в качестве снимка вымышленной невесты в одной операции, которую мы проводим. Она дала согласие. Теперь встал вопрос о письмах.

Никто из нас не горел желанием написать любовные письма — в конце концов, мы не имели женской точки зрения на любовь. Просить же знакомую женщину написать первосортную «песню любви» — дело щепетильное. Поэтому мы попросили девушку, работавшую в одном из наших учреждений, уговорить кого-нибудь из своих приятельниц сделать это. Она согласилась, но так и не назвала нам имя той, которая написала два великолепных письма Мартину. Я решил, что первое письмо будет написано на почтовой бумаге моего шурина, ибо, на мой взгляд, ни один немец не устоит перед чисто английским адресом, который там стоял: «Мэннор-Хаус, Огборн-Сент-Джордж, Мальборо, Уилтшир». Вот это письмо, датированное воскресеньем 18 апреля:

Мэннор-Хаус,
Огборн-Сент-Джордж,
Мальборо, Уилтшир.
Тел: Огборн-Сент-Джордж, 242
Воскресенье, 18-е.

Мне кажется, дорогой, провожать на вокзал таких людей, как ты — одно из самых скверных занятий. Отходящий поезд оставляет пустоту в душе, что безнадежно пытаться заполнить ее всеми теми вещами, которые доставляли удовольствие пять недель назад. Этот чудесный золотой день, который мы провели вместе! О, я знаю, это уже говорилось раньше, но если бы время могло иногда остановиться на мгновение!.. Но не надо, возьми себя в руки, Пэм, и не будь глупышкой.

Мне стало немного легче от твоего письма, но я задеру нос, если ты не перестанешь так говорить обо мне. Я ведь совсем не такая и боюсь, что ты сам скоро увидишь. Вот я приехала сюда на воскресенье, в это благословенное место. И мама, и Джейн очень милы, они все понимают, а я не могу выразить словами, как мне тошно. И я жду понедельника, чтобы вернуться к своей работе и немного забыться. Какая идиотская потеря времени!

Билл, милый, напиши мне, как только ты устроишься и твои планы станут более определенными. И, пожалуйста, не дай им отправить тебя куда-то в голубые просто-

ры, как это принято называть теперь, теперь, когда мы нашли друг друга в этом большом мире. Мне кажется, я не вынесу этого...

Люблю тебя всем сердцем.

Пэм.

Второе письмо она написала на простой канцелярской бумаге. Сначала почерк был довольно четким, потом внезапно сменился торопливыми каракулями: вернулся начальник, надо заканчивать (!). Вот это письмо:

Контора,
Среда, 21-е.

Ищейка покинула свою контору на полчаса, и вот я снова пишу тебя всякую ерунду. Я получила твое письмо сегодня утром, когда выбегала из дому, — опаздывая, как всегда. Какое божественное письмо. Но почему такие мрачные намеки относительно того, что тебя могут куда-то отправить?! Конечно, я сохраню все в тайне — я ни с кем не делюсь тем, что ты мне рассказываешь. Тебя посылают за границу, да? Я этого не хочу. Не хочу, передай им это от меня. Милый, почему так случилось, что мы встретились во время войны? Как все нелепо. Если бы война кончилась, мы уже были бы почти женаты и ходили бы вместе по магазинам, выбирая занавески и т. п. И я бы не сидела в этой мрачной конторе и не печатала бы целый день idiotские протоколы. Я знаю, это бесполезная работа, которая ни на минуту не приближает окончания войны...

Милый Билл, мне так нравится мое кольцо — это скандальное расточительство, хотя, ты знаешь, я обожаю бриллианты, — я просто не могу оторвать от него глаз.

Сегодня иду на какую-то скучную танцульку с Джеком и Хейз. Мне кажется, они пригласили еще какого-то мужчину. Ты знаешь, какими всегда оказываются их друзья. У него обязательно будет торчать кадык и блестеть лысая макушка. Неблагодарно с моей стороны говорить так, но не в этом дело — ты ведь знаешь, да?

Послушай, милый, я свободна в следующее воскресенье и в понедельник, на Пасху. Я, конечно, поеду к своим. Пожалуйста, приезжай тоже, если сможешь. А если не сможешь уехать из Лондона, я приеду к тебе,

и мы отлично проведем вечер. (Да, кстати, тетя Мэриэн велела привести тебя к обеду в следующий раз, когда я у нее буду, но это можно отложить, правда?).

Идет ищейка. Куча любви и поцелуй.

Пэм.

Мы считали, что нам повезло с любовными письмами.

Теперь мы должны были приступить к наименее приятной части подготовки операции — приготовить тело к его миссии.

Эта работа не вызывала у нас энтузиазма. Хотя мы знали, какую большую службу сослужит стране наш майор (в этом мы не сомневались), нам было неприятно нарушать его покой.

Мартин стал для нас по-настоящему живым человеком. Мы знали его так, как знают только близких друзей. В конце концов, не каждому дают читать столь нежные письма от своей возлюбленной и интимные письма от отца. Нам казалось, будто мы знаем Билла Мартина с детства и теперь принимаем личное участие в развитии его романа с Пэм и во всех его финансовых неприятностях. Мы могли смело утверждать, что знаем его лучше, чем большинство отцов знают своих сыновей. Создавая живого Мартина, мы изучали его мысль и старались предвидеть реакцию майора на любое событие, которое «может» произойти в его жизни.

Так что перспектива посещения холодильника, где лежал труп, не доставляла нам никакого удовольствия. Между тем, Джорджу и не пришлось посетить это место трижды. В первый раз мы нарушили покой нашего майора для того, чтобы попытаться сфотографировать его и заодно выяснить, каких размеров одежда и обувь ему потребуется. Потом мы сочли необходимым нанести Мартину второй визит: надо было одеть его в дорогу. Полностью одеть труп, начиная с белья, нелегко (мы убедились в этом еще когда фотографировали его), однако с одеванием мы справились довольно быстро. Но ботинки! Попробуйте надеть их на покойника — и вы поймете наше затруднение. Это было серьезное препятствие, и мы потратили немало времени, пока переодели его.

Наш третий визит состоялся в субботу, 17 апреля 1943 года, в 6 часов вечера. Мы отправились к майору

Мартину, чтобы сделать последние приготовления к путешествию. Сначала мы разложили по его карманам личные письма, бумажник с пропусками и все остальное, что должно было находиться при нем. Потом мы добавили небольшую денежную сумму, какую мужчина обычно имеет при себе. Окончательный список предметов, которые мы «вручили» майору Мартину, оказался довольно внушительным:

Два личных знака («Майор У. Мартин, королевская морская пехота», «Р/К»), прикрепленные к подтяжкам.

Серебряный крестик на серебряной цепочке на шее.

Наручные часы, бумажник.

В бумажнике имелись:

Фотография «невесты».

Книжечка с почтовыми марками (две использованные).

Два письма от «невесты».

Значок с изображением святого Христофора.

Пригласительный билет в «Кабаре-клуб».

Пропуск в штаб морских десантных операций.

Удостоверение личности (пропуск и удостоверение в целлофановой обертке).

Одна пятифунтовая ассигнация.

Три однофунтовые ассигнации.

Одна монета в полкроны.

Две монеты по шиллингу.

Две монеты по 6 пенсов.

Четыре монеты по 1 пенсу.

Письмо от «отца».

Копия письма «отца» фирме «Мак-Кена и К'».

Письмо из «Ллойдс Банка».

Счет (оплаченный) из Военно-морского клуба.

Счет (оплаченный наличными) из военного магазина.

Счет за обручальное кольцо (неоплаченный).

Два автобусных билета.

Два билета без корешков в театр принца Уэльского, датированных 22 апреля 1943 года.

Коробок спичек.

Пачка сигарет.

Связка ключей (в том числе ключ от портфеля).

Карандаш.

Письмо от фирмы «Мак-Кена и К'».

Разложив перечисленные выше предметы по карманам майора Мартина и прикрепив портфель, мы завернули тело в одеяло, чтобы уберечь его от повреждений во время путешествия. Еще раньше мы поставили контейнер вертикально и наполнили его сухим льдом. Когда лед испарился, мы снова наполнили контейнер льдом и снова дали ему испариться. Затем мы подняли тело майора Мартина, бережно опустили его в контейнер, теперь наполненный двуокисью углерода, и обложили кусками сухого льда. Наконец, мы закрыли крышку и закрутили болты. Майор Мартин был готов отправиться на войну.

Первое сообщение, полученное 30 апреля по заранее подготовленной системе связи, гласило:

Лично и совершенно секретно
От командира подводной лодки
«Сераф»

30 апреля 1943

Начальнику разведывательного управления военно-морского штаба. Копия капитан-лейтенанту И. Монтегю, лично.

ОПЕРАЦИЯ «МИНСМИТ»

1. Погода. Ветер переменный — юго-западный до юго-восточного, силой 2 баллов; волнение — 2 балла; небо затянуто низкими облаками; видимость — от 1 до 2 миль; барометр 1016.

2. Рыбачьи лодки. В заливе оказалось много небольших рыбачьих лодок. Ближайшая находилась слева на расстоянии примерно одной мили. Нет оснований считать, что подводная лодка была замечена.

3. Операция. Время 04.30 было выбрано по двум причинам. Во-первых, оно ближе всего ко времени полного отлива (07.31.), и во-вторых, в этом случае подводная лодка успевала уйти из прибрежного района до наступления светлого времени. Контейнер открыли в 04.15, тело было извлечено, одеяло снято; портфель оказался надежно прикрепленным, спасательный жилет — надутым. Тело опустили в воду, ровно в 04.30, примерно в 8 кабельтовых от побережья, оно поплыло по направлению к берегу. Резиновую лодку спустили на воду в надутом состоянии, вверх дном, примерно на

полмили южнее. Затем, подводная лодка отошла мористее, и за борт был выброшен наполненный водой контейнер с одеялом внутри. Контейнер сначала не погружался, но, после того как его прострелили из винтовки и пистолетов с очень близкого расстояния, затонул. Место затопления контейнера — 37' сев. широты, 7' зап. долготы; глубина моря согласно измерениям — 564 метра. Донесение о завершении операции было передано в 07.15.

Проба воды, взятая близ побережья, прилагается.

Лейтенант *Н. А. Джуэлл*.

3 мая мы получили донесение от нашего военно-морского атташе в Мадриде. В нем говорилось, что, по сообщению вице-консула из Уэльвы, 30 апреля недалеко от берега рыбаки подобрали тело майора морской пехоты Мартина. Тело было передано вице-консулу и погребено с отдаением всех воинских почестей на следующий же день на кладбище в Уэльве, причем на похоронах присутствовали испанские военные и гражданские власти. В донесении не упоминалось ни о портфеле, ни о каких-либо официальных бумагах.

Мы не сомневались в успехе, но тем не менее ждали окончательной проверки. А для этого нужны были документы майора Мартина. Наконец, документы прибыли в Лондон и были немедленно переданы на экспертизу. Перед отправкой тела в Испанию мы приняли некоторые меры предосторожности, они-то и помогли нам теперь определить, вскрывались конверты или нет. Результаты экспертизы неопровержимо доказывали, что письма, по крайней мере два из трех, вынимались из конверта, хотя сургучные печати выглядели нетронутыми.

Когда мы прибавили этот факт к сообщениям, полученным из Уэльвы и от военно-морского атташе, мы были вполне удовлетворены. Итак, испанцы познакомились с содержанием писем. Мы могли быть твердо уверены, что они передали полученные сведения немцам. Оставалось положиться на немцев, а они, безусловно, сумеют извлечь все выгоды из сложившейся ситуации. Мы надеялись, что наша вера в немецкую разведку, действующую в Испании, не будет подорвана. Теперь свою роль должен был сыграть Берлин.

Как мы и ожидали, немцы сразу поняли чрезвычай-

ную важность наших документов для своего главного штаба и не теряли времени. Примерно в начале первой недели мая их агент в Мадриде сообщил в Берлин содержание документов и обстоятельства, при которых они были обнаружены. (В одном, более позднем документе мы нашли ссылку на тот факт, что соображения немецкой разведки по поводу планов союзников были переданы немецкому командованию 9 мая, то есть до получения Берлином фотокопий писем).

Ранним утром 10 июля наши войска высадились в Сицилии. Но немцы не могли поверить, что это подлинная атака (и что, следовательно, документы майора Мартина подложные). Германское верховное командование приказало создать специальный пост на берегах Гибралтара для наблюдения за конвоями, которые будут, по его предположению, следовать к Корсике и Сардинии. Немцы все еще думали, что высадка в Сицилии (хотя и не с той стороны острова, где они ожидали) — диверсия, предпринятая с целью отвлечь внимание от направления главного удара.

Однако 12 июля уверенность немцев в подлинности документов майора Мартина начала слабеть; вторжение в Сицилию продолжалось уже два дня и совсем не походило на отвлекающий момент.

В западной части Средиземного моря мы добились усиления оборонительных сооружений и войск на Корсике и Сардинии за счет Сицилии. Наряду с этим, оборонительные средства на Сицилии в значительной степени были отвлечены с тех участков побережья острова, где союзники фактически высадились. Мы заставили немцев отправить торпедные катера с Сицилии в Эгейское море и тем самым пробили брешь в их обороне.

Все это подтверждается документами того времени, и, на мой взгляд, я справедливо могу считать, что дивиденды от «операции Минсмит» оказались поистине колоссальными — значительно большими, чем мы могли надеяться при всем нашем оптимизме. А сколько жизней англичан и американцев спас «человек, которого не было», и какое влияние на ход войны оказали приключения майора Мартина, пусть определяют другие.

ТАЙНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

АНТИБОЛЬШЕВИЗМ ГИТЛЕРА

«Первое столкновение нацизма и большевизма произошло в 1919 году, когда молодой советский режим вел борьбу за свое существование как с внутренними врагами, так и с интервентами.— Утверждает американский профессор Уолтер Лакёр.— Именно между 1919 и 1923 годами сформировалось мировоззрение Гитлера и его партии.

В январе 1919 года, через несколько недель после окончания первой мировой войны и свержения в Германии монархии, мюнхенский слесарь Антон Дрекслер основал в пригородной пивной политическую группу, Германскую рабочую партию. В то время политические партии росли как грибы, в основном они были немногочисленны и не пользовались влиянием. Партия Дрекслера была, без сомнения, одной из самых маленьких, так как даже много месяцев спустя она насчитывала не более полудюжины членов. Местное командование рейхсвера, наблюдавшее за всеми крайне правыми группировками и, в определенной степени, сотрудничавшее с ними, не обошло вниманием в эту миниатюрную партию. 12 сентября 1919 года Адольф Гитлер, ефрейтор, имевший временное и неофициальное звание «бульдунгсофицер» (политический офицер), направился в мюнхенскую пивную сделать командованию отчет о группе Дрекслера. После встречи Гитлер, не без колебаний, решил вступить в нее. Вскоре он стал основным пропагандистом группы, его публичные выступления пользовались огромным успехом, и количество присутствовавших на партийных митингах постоянно увеличивалось; но руководство партией Гитлер взял на себя лишь в июле 1921 года, до этого времени ею управлял комитет.

Партия продолжала расти и распространилась из

Мюнхена в другие баварские города; для терроризирования врагов были созданы отряды штурмовиков (СА), а в январе 1923 года в Мюнхене нацисты провели первый райхспартайтаг, всегерманский съезд. Формально партия считалась региональной (баварской), но слава о ней гремела по всей Германии, и Адольф Гитлер стал фигурой в германской политике еще до неудавшегося путча в ноябре 1923 года, на время приостановившего деятельность нацистов.

Нелегко воссоздать во всех подробностях политическую платформу ранней нацистской партии; известно, что ее программа была опубликована уже в феврале 1920 года и партия организовывала бесчисленные митинги и демонстрации, но летопись ее ранних дней неполна. В большинстве случаев сохранились только конспекты речей. Лишь в декабре 1920 года партия получила свой официальный печатный орган «Фёлькишер беобахтер». В общих чертах главное направление партии было предельно ясно; она стояла на крайне правых позициях, ее основная пропаганда была направлена против «ноябрьских преступников» (социал-демократов и демократов), нанесших победоносной германской армии удар в спину и одобривших Версальский договор; она ратовала за Великую Германию («Гроссдойчланд»), в особенности же отличалась антисемитизмом, так как «евреи являются причиной всех наших бед». В то время в Германии было много таких групп; нацистская партия выделялась наибольшей радикальностью подхода, предельно разнузданной пропагандой.

Принято считать, что Гитлер с самого начала был неистовым антикоммунистом. Успех его партии в Мюнхене и в самом деле можно объяснить реакцией среднего класса (его низших слоев) баварской столицы на недолго просуществовавшую советскую республику апреля 1919 года. Однако при внимательном изучении этот тезис вызывает сомнение: Гитлер и нацистская партия на самом раннем этапе своего существования никоим образом не рассматривали коммунизм как основного врага и главную угрозу немецкому народу. Такую позицию они заняли только позднее, когда опасность коммунизма на самом деле уже пошла на убыль. Среди сформулированных Гитлером пропагандистских тезисов «борьба против марксизма» занимала третье место после борьбы с евреями и борьбы с мирными договорами.

Более того, в девяти случаях из десяти под марксизмом подразумевались правящие социал-демократы, а не коммунисты. Это ясно, между прочим, из любопытной и малоизвестной книги Дитриха Эккарта «Большевизм от Моисея до Гитлера: мой диалог с Адольфом Гитлером».

Дитрих Эккарт, один из первых членов партии, критик и поэт, много средств вносивший в партийную кассу, оказал большое влияние на формирование взглядов Гитлера. Но, несмотря на внушительное название, в этой книге (в которой два лидера рассуждают вслух) практически нет ничего о коммунизме; там есть высказывания о еврейской истории, Талмуде и многих других вещах, включая и социал-демократию от Эберта до Мартова, — но ничего о большевизме. Возможно, это не столь уж удивительно, так как отношение нацистов к немецким коммунистам, на которых они стремились иметь влияние и которых, по возможности, надеялись привлечь на свою сторону, безусловно, не было таким последовательным, как принято описывать. Например, осенью 1919 года Дитрих Эккарт и Готфрид Федер появились в Нюрнберге, безуспешно пытаясь завоевать приверженцев среди местных коммунистов. Несколько месяцев спустя в речи на партийном собрании в Мюнхене Эккарт сказал, что коммунисты немецкого происхождения в достаточной степени идеалисты; сами того не осознавая, они тоже трудятся ради общего блага — то есть ради спасения Германии.

В статье «Германский и еврейский большевизм», напечатанной в его собственном журнале, Эккарт прямо выступил в поддержку того, что он называет «германским большевизмом», призывая богачей добровольно отказаться от прибылей. Подобно Гитлеру, он поддержал призыв Федера к свержению «процентного рабства» — этот лозунг впервые появился в газете Эккарта и в последствии стал неудачным пунктом в программе нацистской партии.

Граф Ревентлов, позднее один из нацистских вождей в Берлине и член рейхстага, продемонстрировал подобное же непостоянство: он был одним из основных пропагандистов «Протоколов сионских мудрецов» в Германии, но это не мешало ему заигрывать с Радеком и даже писать для «Роте фане», центральной газеты немецких коммунистов. Аналогичные несообразности можно обнаружить даже в выступлениях Гитлера того же периода.

На встрече с австрийскими национал-социалистами в Зальцбурге в августе 1920 года он заявил, что предпочел бы быть повешенным в большевистской Германии, чем обрести спасение в Германии французской. На митинге в Мюнхене в феврале 1921 года Гитлер сказал, что уже лучше пусть 500 тысяч винтовок отдадут (немецким) коммунистам, чем Антанте. Это были не случайные оговорки; внимательное изучение ранней нацистской литературы и деятельности показывает, что коммунистический вопрос в те дни для Гитлера и его политических друзей был второстепенным. С 1921-го и в течение 1922 года отношение к коммунизму постепенно менялось, и этот процесс в целом завершился в 1924 году, когда Гитлер написал «Майн Кампф».

Антикоммунистические идеи Гитлер воспринял главным образом от эмигранта из Прибалтики и российского подданного Альфреда Розенберга. Последний приехал в Мюнхен зимой 1918—1919 года и вступил в нацистскую партию, когда она насчитывала менее двухсот членов. Между ранними антирусскими и антикоммунистическими речами Гитлера, соответствующими страницами из «Майн Кампф» и работами Альфреда Розенберга можно установить текстуальное сходство.

Макс-Эрвин фон Шёбнер-Рихтер, другой эмигрант из Риги, также имел большое влияние на Гитлера, и благодаря ему тот познакомился с некоторыми известными русскими эмигрантами правого крыла, устроившими свою штаб-квартиру в Мюнхене — многообещающий выбор для русского Кобленца.

Именно там Гитлер заимствовал идею антибольшевизма в качестве центрального пункта нацистской идеологии и пропаганды, приравняв большевизм к мировому еврейству. В какой мере Гитлер действительно верил во все это (как верили Розенберг и Шёбнер-Рихтер, фанатичные антикоммунисты) или же просто считал это полезным для внутренней политики мифом и хорошим двигателем внешней политики — уже другой вопрос.

Но в данном случае не так важно, верил Гитлер в свою собственную пропаганду или нет, важен ее результат. На протяжении всей своей политической жизни Гитлер испытывал тайное восхищение перед Сталиным и русским большевизмом, не распространявшееся, впрочем, на немецких коммунистов. То же можно сказать о Геббельсе и некоторых других нацистских лидерах.

Совсем другим было отношение прибалтийских немцев Розенберга и Шёбнер-Рихтера: они первые столкнулись с большевизмом и были против любого компромисса или полумер по отношению к нему. Они, как и немецкие националисты в Австрии, были большими патриотами, чем сами коренные жители Германии. В Прибалтике это было сравнительно недавним явлением; примерно до 1905 года тамошние немцы были верными подданными царя, но начиная с революции 1905 года эта традиционная преданность стала иссякать. За десятилетие между 1905 и 1914 годами идеологическая и политическая лояльность лидеров прибалтийских немцев существенным образом переменилась. Не все прибалтийские немцы поддерживали своих лидеров, как единая группа, они чувствовали серьезную угрозу нарастающей волны латвийского и эстонского национализма, с одной стороны, и радикальных социалистических атак на их социальное и политическое главенство, с другой.

По поводу влияния Шёбнер-Рихтера большинство историков единодушны, начиная с одного из первых антинационалистов — Конрада Хайдена, писавшего, что «тот совершенно поразил Гитлера и приобрел на него роковое влияние», и до современного историка Г. Франца-Виллинга, которого нельзя заподозрить в чрезмерной антинацистской ориентации. Он сообщает, что Гитлер воскликнул после смерти Шёбнер-Рихтера в 1923 г.: «Всех можно заменить, но только не его».

Ни Шёбнер-Рихтер, ни Розенберг не принадлежали к аристократическим семьям: первый получил приставку «фон» и двойную фамилию благодаря своему браку с Матильдой фон Шёбнер, которая, между прочим, была его старше на 18 лет.

Шёбнер-Рихтер — самая загадочная фигура в ранней истории нацизма. Существуют весьма разноречивые сведения о его прошлом, профессии, деятельности во время первой мировой войны; по сути дела, все, что касается этого человека, почти всегда державшегося в тени, окутано тайной. Он был убит во время гитлеровского путча в ноябре 1923 года и тем самым стал одной из первых жертв нацистского движения. Как и Дитрих Эккарт, Шёбнер-Рихтер должен был бы войти в нацистскую агиографию в качестве одного из святых отцов движения. Однако в Третьем рейхе он был почти забыт, хотя одно время являлся близким другом Гитлера. Во

время рокового марша 9 ноября 1923 года он шел рука об руку с Гитлером; когда Шёбнер-Рихтера сразила пуля, при падении он вывихнул Гитлеру плечо. Возможно, фюрер позднее не хотел вспоминать человека, который в ранние годы очень ему помогал и был ближе всех в час опасности.

Макс-Эрвин фон Шёбнер-Рихтер родился в 1884 году в семье прибалтийских немцев. Юношей он служил в казацком полку и во время революции 1905 года участвовал в организации «самообороны» немецких поселенцев, около 1910 года он приехал в Германию, изучал инженерное дело в Мюнхене, служил в аристократическом мюнхенском полку «Шево-леже» и стал подданным Германии. В этот период он не был политически активным: он находился под влиянием модного тогда учения Фридриха Наумана, сочетавшего веру в великое предназначение немцев с расплывчатыми социалистическими симпатиями. Шёбнер-Рихтер обладал большой самоуверенностью, знал много языков, умел приобретать друзей и оказывать влияние на людей; казалось, он был создан для работы дипломата. Шёбнер-Рихтер хотел служить на Западном фронте, но вскоре был назначен на незначительный дипломатический пост (консул в Эрзеруме). У него была ярко выраженная авантюрная жилка, увлекавшая его в различные опасные экспедиции к горным курдам и другим племенам самой дикой части Турции, рядом с линией фронта.

Согласно другой мюнхенской версии, Шёбнер-Рихтер закончил Рижский инженерный институт. В 1918 году его вызвали в Прибалтийский штаб германской армии («Оберост») руководить рижским пресс-бюро. Поначалу положение русской революции почти не изменилось; в отличие от немецких армий на Западе, они не были побеждены в сражениях, и их командование не хотело уходить с захваченных территорий. Шёбнер-Рихтер очень верил в немецкое возрождение. «Через 5 лет будет новая Германия», — говорил он Августу Виннигу.

От своего старого приятеля Розенберга Шёбнер-Рихтер узнал о существовании маленькой, но быстро растущей партии Национал-социалистической рабочей партии Германии. В октябре 1920 года он был представлен ее лидеру. 22 ноября он присутствовал на митинге и вскоре вступил в партию вместе с женой. Очень благо-

приятное впечатление на Шёбнер-Рихтера произвела гипнотическая сила, исходившая от этого отставного ефрейтора, человека самого простого происхождения. Скоро он писал о нем как о «пророке народной Германии». Симпатия была взаимной: Гитлеру очень понравился аристократ, свободно чувствовавший себя во всех слоях общества. Правда, Шёбнер-Рихтер не был идеологом или глубоким мыслителем, как Розенберг, но зато он был гораздо более волевым человеком, чем этот свободный художник. Выдающегося оратора из Шёбнер-Рихтера не вышло бы — но в этом отношении Гитлер в помощи не нуждался. В ком он действительно нуждался — а этими качествами обладал только Шёбнер-Рихтер, — так это в исключительно распекабельном, обаятельном человеке из высшего общества, способном организаторе, преданном движению, который мог бы добывать деньги и, что еще более важно, обеспечивать полезные политические контакты.

Впоследствии вождя массового движения будут мало заботить контакты с высшими классами — крупные банкиры и промышленники сами станут умолять его взять у них деньги. Но рывок от почти полной безвестности к заметному положению на германской политической сцене был невозможен без денег и связей, и в этом отношении помощь Шёбнер-Рихтера значила очень много. Он был гением по части добывания денег, и это во время экономического кризиса, когда достать деньги было совсем непросто. Говорят, он получал их от бывших баварских монархов, Виттельсбахов, а также от одного из двух претендентов на царский престол — принца Кобургского Кирилла. Жена Кирилла, Виктория Федоровна, с 1922-го по 1924 год предоставила в распоряжение Людендорфа огромную сумму для распределения между немецкими экстремистскими движениями правого направления.

Другими заметными вкладчиками являлись русские промышленники (в основном нефтяные), переведшие часть своих капиталов в Германию, такие как Гукасов, Нобель, Ленизов и другие, а также барон Кёппен, кузен генерала Бискупского, который, как говорят, разорился из-за вкладов на эти цели.

Семья Шёбнер-Рихтера и претенденты Кобургской ветви были в близких отношениях; жена Шёбнер-Рихтера, Матильда, впоследствии вспоминала, как она во

время военных учений СА в пригороде Мюнхена вместе с женой Кириллы, великой княгиней Викторией, ходила смотреть на будущих спасителей Германии.

Имелись и полезные контакты в немецком обществе: высокопоставленные церковники, представители баварской аристократии, банкиры и магнаты тяжелой промышленности — такие как Ройш-Ханиель и Тиссен. В отличие от других членов гитлеровской партии, Шёбнер-Рихтер сам был богатым человеком, и поскольку он просил деньги не для себя, а для достойной, по его убеждению, цели, то действовал легко и весьма успешно.

Возможно еще более важными были контакты Шёбнер-Рихтера, которые охватили практически всех заметных германских политиков того времени, придерживавшихся правой ориентации. Он был особенно близок с Людендорфом и Пёнеролм, главой мюнхенской полиции и, как бывший офицер, имел непосредственный доступ к местному командованию рейхсвера, следившему с большой симпатией за деятельностью Гитлера и при случае оказывавшему ему поддержку. Так, именно при поддержке местного рейхсвера в Мюнхене (январь 1923 года) состоялся первый рейхспартайтаг, несмотря на сильное сопротивление гражданского правительства. Ранее Шёбнер-Рихтер несколько раз помогал Гитлеру избежать тюрьмы по обвинению в тайном заговоре и попытке переворота. Но все же большую часть времени и сил Шёбнер-Рихтер посвящал работе среди русских эмигрантов.

В 1920 году многие эмигранты все еще отказывались считать свое поражение и изгнание окончательным. Они надеялись, что Советское правительство будет свергнуто изнутри или падет в результате собственной несостоятельности, или будет изгнано в результате новой интервенции. Поэтому центры русской эмиграции вели активную деятельность. Но там было много распрей, личных и политических ссор, взаимных обвинений как между левыми, правыми и центром, так и внутри каждой из этих фракций. Эмигранты обвиняли друг друга если не в откровенном предательстве, то в трусости и слабости в прошлом и настоящем, они спорили о сегодняшней политической ориентации и о будущем России после победы контрреволюции.

Велись ожесточенные споры по поводу политической ориентации; многие русские инстинктивно недолюбли-

вали немцев и не доверяли их замыслам относительно будущего России. Как можно сотрудничать с Людендорфом, спрашивали они, с тем самым человеком, который привез в Россию Ленина в запломбированном железнодорожном вагоне?

Даже на царский трон было два претендента: великий князь Кирилл Владимирович, женатый на немецкой принцессе Виктории и настроенный прогермански, и великий князь Николай Николаевич, живший во Франции, настроенный профранцузски и поддерживаемый большинством правой эмиграции.

Шёбнер-Рихтер был организатором большого монархического конгресса, состоявшегося в конце мая 1921 года в Бад-Райхенхалле. Это была самая смелая из попыток объединить все правые силы русских на одной платформе. Как обычно, сам Шёбнер-Рихтер держался на втором плане; он приветствовал участников конгресса, и некоторые делегаты с симпатией отзывались о работе его мюнхенской ассоциации, однако Шёбнер-Рихтер предоставлял русским самим обсуждать свои проблемы, думая, что они найдут общий язык. Конгресс в Райхенхалле стал важным событием в истории русской эмиграции, но надежды Шёбнер-Рихтера не оправдались.

Все же он продолжал посвящать много времени трудной задаче объединения русской эмиграции правого толка в одну эффективную политическую организацию, которая вступила в союз с немецкими правыми — для борьбы за новую Россию. Он основал Германо-Русскую политическо-экономическую ассоциацию, в задачи которой входило, среди прочего, содействовать торговле (с будущей Россией); ассоциация издавала собственную газету. Это объединение, названное сначала «Брюкке» («Мост»), стало более известно как «Ауфбау» («Возрождение»); выходил и журнал с таким же названием. Это был правый народный фронт, союз различных политических групп, в котором участвовали некоторые видные уважаемые люди, например, Крамер-Клетт, представлявший в Баварии интересы Ватикана. Но ключевые посты в организации занимали верные люди, которые, так уж получилось, все когда-то состояли членами одной и той же рижской студенческой корпорации; Шёбнер-Рихтер, фон Курсель, Шикеданц, не было лишь Альфреда Розенберга. В своей работе ассоциация «Ауфбау»

делала упор на экономическое сотрудничество, но «Форверст», газета немецких социал-демократов, безусловно, была права, назвав это попыткой ввести общественность в заблуждение; о каком экономическом сотрудничестве может идти речь, если «Ауфбау» отказывается вести с советским правительством какие бы то ни было дела? Шёбнер-Рихтер был противником политики рапальского договора; он считал, что эта линия не была бы опасной, если бы немецким народом правило сильное правительство, в нынешних же реальных обстоятельствах это может привести к гибели. Он верил, что белая армия потерпела поражение, потому что была недостаточно безжалостна; она допускала в свои ряды умеренных социалистов, вместо того чтобы поступать с ними, как с большевиками. Ответственность за разлад в русской эмиграции Шёбнер-Рихтер возлагал на евреев, в особенности на «Сионских мудрецов» и призывал к принятию суровейших мер против коммунистов: коммунистов нужно вешать, истреблять, как в Италии.

Он был высокого мнения о Муссолини, заставлявшем своих противников пить касторовое масло, выражал надежду, что «принципы итальянского фашизма покажут себя и в Германии».

Но для этой задачи немецкие правые были недостаточно воинственны, и Шёбнер-Рихтер убеждал их идти на Берлин, чтобы «спасти немецкую землю от террора». Спасителем Германии он стал считать Гитлера; цитируя русскую эмигрантскую газету «Накануне», «Ауфбау» предсказывала, что Гитлер будет единственным человеком в Германии, который добьется результатов этой зимой 1923 года. Он умен и имеет много сторонников среди потерпевших крушение и гонимых. Борьба Гитлера решит судьбу не только Германии, но и Европы, а возможно, всего мира: «Эта борьба будет вестись под лозунгом «Советская звезда против свастики». И свастика победит».

Существует легенда, что Шёбнер-Рихтер был главным организатором ноябрьского путча 1923 года, и большинство историков разделяют ее. Он был секретарем «Кампфбунда», объединения, возглавлявшего все правые организации Мюнхена, и являлся связным между Людендорфом и Гитлером. Идея марша на Берлин принадлежала ему, но инициатива исходила от Гитлера. В сентябре Шёбнер-Рихтер разработал стратегию в де-

талях; он считал, что нет смысла в дальнейших столкновениях с полицией. «Национальная революция» прозойдет тогда, когда нацисты и их союзники легальным или полулегальным путем завоюют в государстве ключевые позиции, например, руководство. Политическая ситуация такова, что рано или поздно неминуемо возникнет необходимость в решительных действиях. Национал-социалисты добьются успеха, если сумеют использовать психологический фактор; это будет рискованно, конечно, но любое дело требует риска. Риск сравнительно мал, и если общественное мнение поддержит выступление, оно будет выглядеть более законным.

Однако, согласно свидетельству вдовы Шёбнер-Рихтера, данному много лет спустя, он чувствовал себя не слишком уютно в эти октябрьские и ноябрьские дни 1923 года. Шёбнер-Рихтер без конца подвергался нападениям; католическая пресса называла его политическим мошенником и требовала изгнания из Баварии: «Мы не поздравляем гитлеровскую армию с этим приобретением... Если опубликовать имена руководителей гитлеровского движения, будет видно, что на три четверти — это не баварцы; еще десять лет назад эти люди не подозревали, что Гизинг — пригород Мюнхена».

В письме к генералу Кару Гитлеру пришлось защищать Шёбнер-Рихтера от нападок. В начале ноября 1923 года Шёбнер-Рихтер был очень подавлен. «Всякий раз, когда у Германии появлялся шанс подняться вновь, — сказал он, — кто-нибудь обязательно совершал глупость».

Накануне путча Шёбнер-Рихтер рано лег спать, и когда Гитлер позвонил и попросил о встрече, согласился неохотно. Но как только Гитлер появился собственной персоной, прежние чары подействовали, и к нему вернулся энтузиазм. Шёбнер-Рихтер отправился на встречу с Гитлером, Пёнером, Людендорфом и другими главными действующими лицами замысливаемого переворота. Наконец, все согласилось перейти к действию. В перерыве между лихорадочными приготовлениями Шёбнер-Рихтер на несколько минут зашел домой. «Все прошло гладко, сверх всяких ожиданий, без кровопролития, — сказал он. — Мне еще многое надо сделать, и я не буду ночевать дома».

События этих 24 часов, начиная со встречи в «Хофбройхауз», где был заключен непростой союз Гитлер —

Кралоссов, до марша по Фельдхернхалле, воссозданы досконально. Шёбнер-Рихтер, как обычно, действовал в качестве связного — на этот раз между Гитлером, Людендорфом и монархистскими лидерами. В роковом марше по Фельдхернхалле он шел рядом с Гитлером, в форме офицера «Шеов-леже», островерхом шлеме и пенсне. Шёбнер-Рихтер одним из первых был сражен полицейскими выстрелами; падая на землю, он увлек Гитлера за собой и, возможно, тем самым спас ему жизнь.

Путч потерпел крах за несколько минут; охваченные энтузиазмом массы не вознесли Гитлера к власти (как тот надеялся), а некоторые союзники из числа правых его покинули. За этим последовал крупный судебный процесс, во время которого Гитлер находился в Ландсбергской тюрьме, где написал «Майн кампф». Когда он вышел из тюрьмы, все надо было начинать почти сначала, но обстановка благоприятствовала ему, и понадобилось немного времени, чтобы сделать нацистскую партию мощным политическим орудием.

На кремации Шёбнер-Рихтера присутствовали все оставшиеся на свободе национал-социалистские лидеры, и многие из них воздали должное трудам погибшего руководителя «Ауфбау» и «Кампфбунда». Они обещали продолжать дело, но без динамичной личности Шёбнер-Рихтера «Ауфбау» скоро стала приходить в упадок. На короткое время она была запрещена баварским правительством, но влиятельные покровители вскоре помогли отменить запрет. Тогда стал вопрос о преемнике Шёбнер-Рихтера. Генерал Бискупский отвечал за русское отделение организации и долгое время с подозрением следил за деятельностью украинской секции, возглавляемой инженером Бутенко и полковником Полтавцем-Острицей, украинско-казацким экстремистом. По этому поводу позиции русских правых и их немецких друзей сильно расходились. Немцы колебались — поддерживать им реставрацию царской России или предпочесть разделение империи по этническому принципу; отсюда заигрывание со Скоропадским и другими лидерами национальных меньшинств. Людендорф, державший в своих руках все финансовые нити, на роль преемника Шёбнер-Рихтера предложил двух кандидатов — Арно Шикеданца и Отто фон Курслея. Оба были уроженцами Риги и принадлежали все той же студенческой корпора-

ции. Фон Курсель был художником; он делал рисунки для самых ранних антисемитских памфлетов Дитриха Эккарта и Розенберга. Менее склонный к политике, чем Шикеданц, он считался более опытным (был на несколько лет старше) и занял место Шёбнер-Рихтера.

Но вскоре последовали новые интриги: Бискупский обвинил Курселя, что тот столкнулся с украинскими сепаратистами против великороссов. «Ауфбау» разделилась на «Русский отдел», возглавляемый Бискупским, и «Украинский центр», руководимый Курселем. Оба эти образования через несколько месяцев прекратили свое существование. К концу 1924 года от великих проектов Шёбнер-Рихтера ничего не осталось. Бискупский всецело отдался русскому эмигрантскому движению, Курсель стал академическим художником и вернулся в политику лишь после 1933 года, Шикеданц же стал работать под руководством Розенберга и «Фёлькишер беобахтер». Вдова Шёбнер-Рихтер продолжала оставаться фанатичной сторонницей партии Гитлера; несколько лет она проработала в одном бюро с Гиммлером, создав службу газетных вырезок для фюрера.

Некоторые сверстники Шёбнер-Рихтера уверены, что если бы он остался жив, то не удержался бы на верхушке нацистской партии и Третьего рейха. Это очень вероятно: Шёбнер-Рихтер был по своей сути крайним консерватором, в отличие от Гитлера, никогда не прекращавшим верить в религию и монархию. Другими словами, ему не хватало революционного и нигилистического импульса, столь заметного в нацистах типа Гитлера и Геббельса. Кроме того, у него были враги в нацистском руководстве; Геринг, например, Шёбнер-Рихтера терпеть не мог. В ранние годы он был очень полезным, может быть, даже необходимым орудием Гитлера, но вряд ли он сохранил бы свою значимость, когда партия стала массовым движением, поддерживаемым всеми слоями германского общества. С идеологической точки зрения, влияние Шёбнер-Рихтера на Гитлера было несущественным; Розенберг имел тогда влияние гораздо более сильное, хотя Гитлер, человек по природе неблагодарный, никогда не признавал этого. Во всяком случае, Гитлер был способным учеником: не потребовалось много сил, чтобы убедить его — во внутренней политике антикоммунизм его прибалтийских сторонников весьма кстати.

Недолговечная Баварская республика сильно напугала соотечественников Гитлера: попытки немецких коммунистов устроить вооруженные восстания в других местах имели мало шансов на успех и лишь способствовали росту влияния ультраправых. В отличие от Муссолини, Гитлер никогда всерьез не изучал марксизм, ему это было неинтересно. На первом этапе антибольшевизм не играл в нацистской пропаганде центральной роли; позиция Гитлера по отношению к России и коммунизму сформировалась между 1919 и 1924 годами, а последствия этого стали очевидны еще позднее.

СОКРОВИЩА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Среди многочисленных и тягчайших военных преступлений, совершенных фашистами, особое место занимают преступления против культуры.

Можно сослаться на одно высказывание Гитлера, приведенное в книге Раушнинга:

«Мы, — говорил Гитлер, — варвары, и мы хотим быть варварами. Это почетное звание».

1 мая 1941 года Герман Геринг подписал директиву о создании на всех оккупированных территориях особых штабов по выявлению, сбору и вывозу в Германию культурных ценностей. Как водится в таких случаях, партийным, государственным и военным организациям было дано указание оказать всяческую поддержку и помощь начальнику штаба оперативных штабов рейхслейтеру Розенбергу, начальнику главного имперского бюро, члену НСДАП Утикало и его заместителю, начальнику полевого отдела германского Красного Креста фон Берву в выполнении этих задач.

Однако министр иностранных дел Риббентроп не захотел выполнять директиву Геринга. Причина была проста: он сам собирался заняться грабежом на оккупированной территории.

В октябре 1942 года красноармейцы взяли в плен оберштурмбанфюрера Нормана Ферстера. Сын фабриканта, он получил юридическое образование в Берлине, продолжал учебу в Женеве, Лондоне, Париже и Риме.

С 1939 года участвовал в боевых действиях, а затем получил предложение перейти на службу в... МИД, в зондеркоманду «СС», которую возглавлял барон фон Кюнсберг. Созданная по личному указанию Риббентропа, она должна была следовать за передовыми частями на оккупированных территориях, с тем, чтобы охранять музеи, библиотеки, картинные галереи, архивы от разграбления разгоряченными в сражениях немецкими солдатами. А затем все, что представляло культурную или историческую ценность, вывозить в Германию.

Команда взялась за дело. Уже поздней осенью ротой гауптштурмфюрера Гаубольда из Царского Села под Ленинградом со знанием дела и подчистую было вывезено содержимое всемирно известного дворца-музея Екатерины II. Списки произведений искусства из пригородных дворцов Северной Пальмиры были составлены заранее, и работа спорилась. Во дворце императора Александра I риббентроповских «ценителей прекрасного» привлекли старинная мебель и уникальная библиотека в 7 тысяч томов, среди которых было немало сочинений греческих и римских классиков. Отсюда вывезли также около 5 тысяч старинных рукописей.

Зондеркоманда успела «поработать» в Варшаве, Киеве, Харькове, Кременчуге, Смоленске, Пскове, Днепрпетровске, Запорожье, Мелитополе, Ростове, Краснодаре, Бобруйске, Ярославле. Особенно «плодотворна» была деятельность «зондеров» на Украине. Из библиотеки АН УССР в первую очередь изъяли редчайшие персидские, абиссинские и китайские рукописи, русские и украинские летописи, экземпляры первых книг, отпечатанные Иваном Федоровым. Около 200 тысяч бесценных книг потеряла Украина. Эту операцию провел доктор Паульзен.

Из Киево-Печерской Лавры вместе с редчайшими оригиналами древнерусской церковной литературы в Германию были отправлены картины Рубенса, из харьковской библиотеки им. Короленко — около 500 тысяч томов роскошных изданий, в том числе 59 томов сочинений Вольтера.

Наиболее раритетные книги и полотна направлялись прямиком главарям рейха. Так два альбома гравюр, в том числе с автографом Рубенса, — Герингу, 59 томов редкостного издания Вольтера — Розенбергу, два громадных альбома акварелей Роз — Риббентропу. Не бы-

ли забыты Гитлер и Геббельс. Первому приподнесли из царского дворца под Питером около 80 томов на французском языке о походе Наполеона в Египет, а вот Геббельсу, в связи с его пристрастием к пропагандистской работе, — комплект газет «Ностройтер» за 1759 год.

Поразительное лицемерие проявила зондеркоманда при ограблении Псковско-Печерского монастыря. Протоиерею Н. Македонскому вручили даже письмо на русском языке: «Ризница остается собственностью монастыря. При благоприятных условиях будет возвращена». В 1944 году через Ригу в Германию ушли оттуда три ящика с редкой золотой и серебряной утварью — всего 500 предметов.

ИЗ УКАЗА ГИТЛЕРА ОТ 1 МАРТА 1942 г. О СОЗДАНИИ ЭЙНЗАТЦШТАБА РОЗЕНБЕРГА

...Его эйнзатцштаб по оккупированным областям имеет право проверять библиотеки и иные культурные организации всех видов и конфисковать их для выполнения заданий национал-социалистической партии...

Положение о проведении совместной работы с вооруженными силами издает начальник Верховного командования вооруженными силами по договоренности с рейхслейтером Розенбергом. Необходимые меры в пределах восточных областей, управляемых Германией, принимает рейхслейтер Розенберг в качестве рейхминистра по оккупированным восточным областям.

ИЗ ПИСЬМА РОЗЕНБЕРГА НА ИМЯ РЕЙХСЛЕЙТЕРА БОРМАНА ОТ 23 АПРЕЛЯ 1941 г. ЗА 14609(Р)ма

...Я передал вам фотокопию моего соглашения с СД, которое было заключено с согласия группенфюрера Гейдриха...

Речь шла о произведениях искусства во вторую очередь. В первую же очередь речь шла о распоряжении командования вооруженных сил для оккупированных областей запада, чтобы все научное и архивное имущество идеологических противников предоставлялось в мое распоряжение. Это также проводилось в широком объеме и в тесной совместной работе с СД и военными начальниками.

ИЗ ПИСЬМЕННОГО ЗАЯВЛЕНИЯ ОТ 10 НОЯБРЯ 1942 г. ОБЕРШТУРМФЮРЕРА ДОКТОРА ФЕРСТЕРА,

ВЗЯТОГО В ПЛЕН ЧАСТЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ В РАЙОНЕ ГОРОДА МОЗДОКА

...В августе 1941 года, будучи в Берлине, я с помощью моего старого знакомого по Берлинскому университету доктора Фокке, работавшего в отделе печати министерства иностранных дел, был откомандирован из 87 противотанкового дивизиона в батальон особого назначения при министерстве иностранных дел. Этот батальон был создан по инициативе министра иностранных дел Риббентропа и действовал под его руководством.

Командиром батальона является майор эсэсовских войск фон Кюнсберг. Задача батальона особого назначения состоит в том, чтобы немедленно после падения крупных городов захватывать культурные и исторические ценности, библиотеки научных учреждений, отбирать ценные издания книг, фильмы, а затем отправлять все это в Германию.

Батальон особого назначения состоит из четырех рот. 1-я рота придана германскому экспедиционному корпусу в Африке, 2-я — северной армейской группе, 3-я — центральной армейской группе и 4-я — южной армейской группе. Первая рота находится в настоящее время в Италии, в Неаполе, где она ожидает возможности переброски в Африку.

Штаб батальона находится в Берлине, улица Германа Геринга, дом № 6. Конфискованный материал помещается в залах магазина фирмы Адлер на Гарденбергштрассе.

Перед отъездом в Россию майор фон Кюнсберг передал нам приказ Риббентропа — основательно «прочесывать» все научные учреждения, институты, библиотеки, дворцы, перетрясти архивы и накладывать свою руку на все, что имеет определенную ценность.

Из рассказов моих товарищей мне известно, что 2-я рота нашего батальона изъясала ценности из дворцов в пригородах Ленинграда. Я лично не присутствовал при этом. В Царском Селе рота захватила и вывезла имущество большого дворца-музея императрицы Екатерины. Со стен были сняты китайские шелковые обои и золоченые резные украшения. Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде. Из дворца императора Александра вывезена старинная мебель и богатая библиотека в 5—7 тысяч книг на французском языке и свыше 5 тысяч книг и рукописей на русском языке.

...4-я рота, в которой я находился, захватила в Киеве лабораторию медицинского научно-исследовательского института. Все оборудование, а также научные материалы, документация и книги вывезены в Германию.

Богатые трофеи достались нам в библиотеке Украинской Академии наук, где хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, первые экземпляры книг, напечатанных русским первопечатником Иваном Федоровым, и редкие издания произведений Шевченко, Мицкевича, Ивана Франко.

Из киевских музеев: украинского искусства, русского искусства, западного и восточного искусства, центрального музея имени Шевченко — отправлены в Берлин многие оставшиеся там экспонаты. Среди них — были картины, этюды и портреты, написанные Репиным, полотна Верещагина, Федотова, Ге, скульптуры Антокольского и другие произведения русских и украинских художников и скульпторов.

Из Харькова, из библиотеки имени Короленко, отправлены в Берлин несколько тысяч ценных книг в роскошных изданиях. Остальные книги были уничтожены. Из Харьковской картинной галереи вывезено несколько сот картин, в том числе 14 картин Айвазовского, произведения Репина, многие работы Поленова, Шишкина и других. Также вывезены все скульптуры и весь научный архив музея. Вышивками, коврами, гобеленами и другими экспонатами воспользовались солдаты.

Мне также известно, что при штабе Альфреда Розенберга существуют специальные команды по изъятию музейных и антикварных ценностей в оккупированных странах Европы и восточных областях. Во главе этих команд стоят штатские компетентные лица.

Как только войска занимают какой-нибудь крупный город, немедленно туда приезжают начальники этих команд со специалистами разного рода. Они осматривают музеи, картинные галереи, выставки, культурные и художественные учреждения, устанавливают, в каком они находятся состоянии, и конфискуют все, что представляет ценность.

Доктор Ферстер.

10 ноября 1942 г.

СС-оберштурмфюрер, 4-я рота
батальона особого назначения войск СС.

ИЗ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛЬНОГО КОМИССАРА БЕЛОРУССИИ КУБЕ НА ИМЯ РОЗЕНБЕРГА

...В Минске находилась большая, частично очень ценная коллекция художественных изданий и полотен, которая сейчас почти без остатка вывезена из города: по приказу имперского руководителя СС рейхсминистра Генриха Гиммлера большинство картин частично еще в то время, когда я возглавлял ведомство, было упаковано людьми СС и отослано в Германию. Речь идет о миллионных ценностях, изъятых из генерального округа Белоруссии. Картины должны быть посланы в Линц и Кенигсберг в Восточной Пруссии. Я прошу эти ценные коллекции, — поскольку в них не окажется нужды в Германии, — снова предоставить в распоряжение генерального округа Белоруссии или во всяком случае оставить материальную стоимость этих коллекций за министерством по оккупированным восточным областям...

(Кубе, как и подсудимый Розенберг, тоже считал за собой монопольное право на награбленные ценности и сетовал на то, что...)

...Генерал Штубенраух захватил с собой из Минска ценную часть этих коллекций и повез их в область военных действий. Зондерфюреры, фамилии которых мне еще не были сообщены, увезли три грузовика с мебелью, картинами и предметами искусства...

Естественно, современных искателей пропавших ценностей из бывшего СССР да и других стран всегда интересовал вопрос: куда именно свозились награбленные сокровища и какова их дальнейшая судьба? Пока высшие чины зондеркоманды были хозяевами положения, они располагали достоверной информацией на сей счет по роду службы, но когда попали в плен, ничего путного уже сообщить не могли (или не хотели?). Известно только, что в 1941 году и 1942 году часть ценностей из СССР доставили в Берлин и там, в помещении фирмы «Адлер», была устроена закрытая выставка для высоких гостей.

Среди посетивших ее — начальник личной канцелярии Гитлера Вальтер Булер, брат Гиммлера Гельмут, госсекретарь Кернер, посол Шулленбург, советник министерства пропаганды Ганс Фриче, госсекретарь МИД Лютер, обергруппенфюрер Ютнер.

Выставка прошла, как сказали бы сейчас, кайфово: звучала музыка, гости пили коньяк, смотрели трофей-

ные фильмы, потом приятная церемония вручения подарков высшим чиновникам — за безупречную службу. В числе награжденных сам Гиммлер, Вальтер Булер, Дюренберг.

В июле 42-го подарки (из украинских шедевров) вручали Гитлеру, Гиммлеру, Риббентропу, Геббельсу, генералу Дитриху.

Что нам известно о Розенберге?

Альфред Розенберг, главный идеолог национал-социализма, был также главным партийным авторитетом по русским делам. Родившись в 1893 году в старом гензейском городе Ревеле, он прошел (говоря словами официального биографа) «через все страдания немца, живущего за границей». Сложное положение, в котором оказались прибалтийские немцы после революции 1905 года, уже было описано, однако Розенберг не испытал в детстве и отрочестве особенных притеснений и несчастий — ни личных, ни как немец. Розенберг происходил из низших слоев среднего класса, из семьи с неопределенными расовыми корнями — факт сам по себе незначительный, но только не для философа расизма. Он посещал местную гимназию, а затем Рижский технический институт. Писатели, оказавшие на него наибольшее культурное и политическое влияние — Ницце и Хьюстон Стюарт Чемберлен, — были обычным для того времени кругом чтения молодых немцев среднего класса. Если прибалтийцы как «представители германской расы» и были более политизированными (то есть более правыми), чем прочие немцы, то это же можно сказать о немцах, живших в Австрии.

Однако юный Розенберг, посетивший Германию и Францию как раз накануне первой мировой войны, не думал о политике как о своем призвании; его главным интересом была культура, и когда во время войны Рижский университет переехал в Москву, Розенберг также обосновался в старой русской столице. Судя по всему, его не особенно волновал исход войны; позднее, когда он оказался видным лицом на немецкой политической арене, одним из лидеров милитаристской партии, военный опыт — точнее, его отсутствие — превратил Розенберга в уязвимую мишень для политических врагов.

Когда в Москве разразилась революция, Розенберг готовил (весьма уместно) проект современного крематория с римскими склепами, широкой колоннадой и при-

мыкающим кладбищем. О происходящих вокруг событиях он был осведомлен слабо и в своих мемуарах пишет: «Если бы я попытался дать здесь описание (русской) революции и участвовавших в ней сил, пришлось бы воспользоваться знаниями, полученными гораздо позже из воспоминаний русских и англичан» (Бьюкенена, его дочери и сэра Сэмюэла Хора).

Розенберг покинул Москву, отправился в Крым, потом заехал в Ревель, вернулся в Москву для выпускных экзаменов и опять поехал в Ревель, который через несколько дней был оккупирован немецкими войсками. Розенберг думал, что объединенные войска русских генералов в конце концов возьмут верх над неорганизованным большевистским режимом. «Но не хватало лидера, лозунга во имя будущего. Никто не хотел сражаться за возвращение тех, кто уже был свергнут». Розенберг пытался вступить в немецкую армию добровольцем, но не был принят как российский гражданин, проживавший на оккупированной территории, также потому, что не смог представить какие-либо рекомендации из Германии. В ноябре 1918 года он с трудом получил разрешение уехать в Германию вместе с отступающими немецкими войсками.

В Германию Розенберг прибыл как один из множества русских эмигрантов. Правда, это было в некотором роде возвращением на родину. Немецкий был его родным языком, а Германия — второй родиной. Во всяком случае, немецкая революция задела его сильнее, чем русская: «Я не хотел жить между двумя фронтами. Я хотел уехать в рейх». 1918 год был годом политического пробуждения Розенберга; в 1919 и 1920 году он заложил идеологический фундамент своей новой политической философии. К 1923 году он уже опубликовал 7 книг и брошюр, а также бесчисленное количество статей. По любым меркам — развитие стремительное.

В соответствии с официальной биографией Розенберг приехал в Германию в 1918 году, чтобы рассказать немцам о русской революции и коммунизме; но сначала он должен был сам разобраться в этом. Он знал, что случившееся в России ему не нравится, но объяснить почему, было для него сложно. О политическом образовании Альфреда Розенберга можно узнать из его дневников, часть которых издавалась в последние годы третьего рейха.

Во время революции 1917 года он был поглощен Шопенгауэром и Вагнером, искусством Возрождения и индийской философией. Он подробно описывал свои впечатления от «Нирваны и личности», написал план книги о «Философии немецкого искусства» (который затем превратился в «Миф XX столетия»). Вокруг него умирал старый мир и рождался новый, но молодой архитектор из Ревеля, похоже, не обращал на это внимания. Правда, имелись некоторые неприязненные замечания о евреях: «Этот народ ненавидит все, что не похоже на него самого, поэтому к нему не должно быть терпимости»; о русских Розенберг писал: «Мне интересно сравнивать русских и немцев» и находил у русских моральную слабость и недостаток характера. Но это были обычные предрассудки прибалтийцев, задолго до этого нашедшие классическое выражение в книге одного из соотечественников Розенберга, Виктора Хена, «*De Moribus Ruthenorum*»: русские у него лживы, ленивы, не способны на продолжительное усилие; они одарены художественно, но неустойчивы морально.

Как свидетельствуют следственные документы, на первом месте у Розенберга было массовое уничтожение и интернирование людей. Грабежи — своеобразное отдохновение от кровавых дел. Подвижные группы (штабы) из 4—5 «специалистов», облаченных в отличную коричневую форму, через несколько дней после захвата того или иного города прибывали для отбора произведений культуры. Как правило, они запаздывали, и люди СС — зондеркоманды МИД Риббентропа оставляли им уже рожки до ножки. Розенбергу пришлось подсуетиться — удача улыбалась наиболее расторопным.

Интересны показания подчиненного Розенберга — обергруппенфюрера СС и полиции в «Остланде» Фридриха Еккельна, тоже сына фабриканта, 1895 года рождения, уроженца г. Хорнберга. В апреле 1942 года он орудовал в предместьях Ленинграда, главным образом в знаменитом Царском Селе.

Как видно из протоколов допросов Еккельна, Гитлер намеревался задушить жителей Ленинграда голодом, после чего взять город штурмом, чтобы смести с лица земли. Вождь «тысячелетнего рейха» мечтал распахать Ленинград крестьянским плугом. И потому немцы не церемонились с дворцами Петергофа, Пушкина, Павловска, Гатчины. Вопреки утверждениям некоторых ны-

нешних историков, они были разрушены не случайными снарядами. Их методично обстреливали, захватив, ограбили, а удирая, подожгли.

Еккельну довелось наблюдать, как сотрудники штаба Розенберга, выполняя директиву Геринга, грабили Пушкин и Гатчину. Офицеры и солдаты сдирали со стен дворцов гобелены, драгоценную обивку, отрывали бронзовые позолоченные ручки, шпингалеты, украшения-накладки. Под охраной полувзвода автоматчиков из комнаты Екатерины Второй была увезена колоссальная коллекция драгоценных камней. Будто бы для музея Кенигсберга. Но повезли-то ее сначала в имение Коха. Вероятно, для предварительного изучения...

Лишь саркастическую улыбку могут вызвать потуги сегодняшних прибалтийских националистов оправдать или замолчать злодеяния розенберговцев и их пособников из числа доморожденных «патриотов». У многих историческая память воистину коротка.

Как следует из документов бывшего особого архива, прибалтийский немец Розенберг укомплектовал свой штаб прибалтийскими же баронами, ненавидевшими латышей, литовцев и эстонцев, причислявшими их, как и славян, к «недочеловекам». Сомневающимся в этом или желающим освежить память отсылаю к следственным делам Главной военной прокуратуры Красной Армии о злодеяниях немцев в Прибалтике.

Гитлеровцы приступили к планомерному грабежу прибалтийских республик через несколько недель после их оккупации.

Уже в августе 1941 года по приказу Розенберга начался вывоз в Германию материалов таллинского архива, книг Дерптской библиотеки, предметов искусства из музеев.

В Риге немцы стерли с лица земли целые кварталы, построенные в XV — XVII веке, сожгли городскую русскую библиотеку, существовавшую с 1524 года. Они устроили костер из 800 тысяч книг, а 100 тысяч наиболее ценных, на их взгляд, увезли в Германию.

«Друзья» литовцев, облаченные в эсеровские мундиры, сожгли старинную библиотеку евангелистическо-реформистского синоида с 20 тысячами томов книг XVI века. Вывезли во Франкфурт-на-Майне полотна Репина, Левитана, Шагала, скульптуры Антокольского.

Ленинград, Рига, Киев — им готовили одинаковую

судьбу. Еккельн был причастен к уничтожению Киево-Печерской Лавры. На этом настаивал Гитлер.

Но оказалось, что даже эсесовцы без внешнего повода не решались на такое. И тогда...

В Киев прибыл президент Словакии Тиссо. Его пригласили полюбоваться красотами Лавры. Через тридцать минут после того, как Тиссо Лавру покинул, взлетел на воздух Успенский собор, памятник XI века. Немцы тут же объявили, что это дело рук советских диверсантов, покушавшихся на жизнь президента Тиссо. Версия была рассчитана на дураков. Чтобы превратить в щебень такой собор, требовались сотни килограммов взрывчатки. Если русские диверсанты могли ее доставить, заложить, то чем в это время занимались немецкая и словацкая службы безопасности? По свидетельству Николая, митрополита Киевского и Галицкого, «от взрыва образовалось несколько огромных провалов в земле на окружающей собор территории. Точно страшный ураган пронесся по Лавре, все опрокинул вверх дном...» По мнению специалистов, одной-двумя толовыми шашками здесь не обошлось.

Шпонгольц, единственный из команды Розенберга, признался, что участвовал в вывозе из Пушкина картин XIX века, фонтана «Нептун» из Петергофского парка, икон из Екатерининского дворца. Но он сразу начинал юлить и путаться, как только речь заходила о Янтарной комнате.

О том, как была погружена и куда отправлена Янтарная комната, знал и генерал Лебер. А лучше всех о ее судьбе был осведомлен начальник штаба 50-го армейского корпуса генерал-лейтенант Шперль. Однако он не пожелал давать никаких показаний, а наши славные чекисты обычно не церемонились с соотечественниками, не посмели настаивать.

В наших руках находились по меньшей мере два человека, располагавшие серьезной информацией о Янтарной комнате, но это обстоятельство советских «искусствоведов» из контрразведки нисколько не заинтересовало.

Любопытно, что, беспощадно грабя славянские страны, немцы пытались вести себя как бы по-джентльменски в странах европейских. Здесь они скупали произведения искусства для музеев в Линце и Кенигсберге, но за внешне пристойной процедурой приобретения тех или

иных произведений искусства угадывалась возможность применения силы... если бы продавцы и покупатели не сошлись в цене или продавцы не пожелали бы расстаться со своим товаром.

В Венгрии для Дрезденской галереи были куплены картины древнегерманских художников. В Нидерландах из королевского собрания были приобретены рисунки французских, голландских, немецких художников, а по личному желанию фюрера — работы из золота, эмали, фарфора и стекла.

Согласно сохранившимся в Центральном фондовом каталоге Росархива сведениям о составе рабочих групп «по конфискации архивов, музеев, библиотек» в годы второй мировой войны было уничтожено на месте 37,5 тысячи архивных фондов, составляющих миллионы листов текста, примерно столько же было вывезено за пределы страны. Позже многое — но едва ли половина — было возвращено на родину. Потери советской культуры отчасти компенсировались трофейными произведениями искусства, библиотеками и архивами.

Донесения поисков шли с разных сторон. К примеру, вот такая телеграмма инструктора ЦК КП(б) Украины подполковника И. Д. Шевченко в ЦК КПУ т. Литвину: «Для украинских ученых и исследователей везем перехваченные в свое время агентами немецкой тайной полиции переписку руководителей II Интернационала Ф. Адлера, Вандервельде, документы социалистического рабочего Интернационала. Случайно в грудe макулатуры нашли два тщательно упакованных чемодана с богатейшей перепиской бывших королевских династий — принца Шарля, принца и принцессы Рене де Вурбон, де Парме, Генри де Грамон, барона Рейниншгауза, принца, принцессы Эд. Иозефа де Лобковец».

Далеко не все из трофейных архивов попало в специальный Особый архив в Москве. Многие уникальные трофейные документы, в том числе и французские, осели в спецохранинах Украины. Трофейные документы и книги и сейчас еще хранят, кроме Особого архива, и другие бывшие советские организации, принимавшие в 1945 году участие в конфискации государственного и частного имущества поверженной Германии.

Рано или поздно то, что находится в архивах и запасниках музеев, выплывает на белый свет. Но есть немало хранилищ, способных поглотить содержимое навсегда,

как океанская пучина. Скажем в Калининградской области недалеко от Балтийска (в прошлом — Пилау) высятся загадочное сооружение, нечто среднее между рукотворной горой и гробницей египетских фараонов. Никто сегодня не может ответить, когда эта гора была сооружена, с какой целью и что в ее чреве. По мнению военных инженеров, сооружение наверняка заминировано. В лучшем случае, конструкция его такова, что нарушение каких-либо пропорций способно вызвать обвал.

К загадочной горе часто приезжают экскурсанты из ФРГ. В одной из таких групп оказался бывший военный. В то время как остальные туристы проявляли интерес к сооружению, он стоял чуть поодаль и улыбался. Всем присутствующим вдруг стало ясно, что бывший военный созерцает «гробницу XX века» не впервой, что ему о ней известно куда больше...

ТАЙНИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

10 августа 1944 года в Страсбурге, в отеле «Ротен хауз», ночью состоялось тайное совещание нацистской верхушки. В нем участвовали, с одной стороны — имперский фюрер СС, главнокомандующий группой армий «Верхний Рэйн» на западном фронте — Генрих Гиммлер; его ближайший сообщник, шеф главного имперского управления безопасности обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбрунер; высшие чины фашистской партии, СС, секретных служб и вермахта. С другой стороны — промышленные и финансовые магнаты Германии во главе с министром вооружения и боеприпасов Альбертом Шпеером, «хозяйственные фюреры», представители рейхсбанка, банковские эксперты.

Протокол совещания не вели. Всем участникам было вежливо, но в категорической форме заявлено, что они не должны делать никаких записей. Были приняты усиленные меры безопасности. Весь район, прилегающий к дому, был оцеплен и контролировался войсками СС.

Собравшиеся в «Красном доме» обсуждали тщательно разработанный засекреченный план сохранения огромных ценностей, награбленных фашистами в окку-

пированных странах Европы, для финансирования налаживаемого на случай поражения Германии подполья и возрождения «четвертого рейха»...

На первом этапе было решено построить в Ионастале, близ Ордруфа, систему убежищ, где укрыть Гитлера и его приближенных. Затем вермахту следует предложить англичанам и американцам сепаратный мир — на выгодных условиях для них — и тем самым вбить клин в антигитлеровскую коалицию. Были оговорены меры сохранения и наследования нацистских тайных сокровищ — золота, валюты, чертежей и планов производства новых видов оружия, а также документов, которые ни в коем случае не должны попасть в руки союзников. Были намечены надежные места для тайников с награбленными сокровищами.

Основным плацдармом для возрождения «четвертого рейха» должна была стать Южная Америка, куда еще в 1936 году по заданию Гитлера отправились пять особенно доверенных агентов, каждому из которых вручался капитал в 20 миллионов долларов. Им предписывалось: ассимилироваться, установить связи с местными фашистскими организациями и приступить к созданию национал-социалистских групп, которые в «день икс» должны оказать любую необходимую помощь рейху в Южной Америке...

Главным штабом, руководящим всеми мероприятиями по укрытию награбленного, стала резиденция Шелленберга, находившаяся в особняке на Беркерштрассе в Берлине. Отсюда за границу отправлялись центнеры золота, миллионные суммы в фальшивой валюте, мешочки с драгоценными камнями; сюда поступали шифрованные донесения об удачных финансовых операциях.

По далеко не полным данным, опубликованным американскими властями вскоре после войны, в период с 1944 по 1947 год за счет вывезенного нацистами за границу капитала были куплены подставными лицами 750 фирм, из них 214 — в Швейцарии, 112 — в Испании, 58 — в Португалии, 331 — в Центральной и Южной Америке и 35 фирм — в Азии.

Здесь, имея за спиной нейтральную Швейцарию, фанатики из гитлеровской элиты намеревались создать круговую оборону, блокировать немногие проходимые альпийские перевалы и отсиживаться до тех пор, пока, как они рассчитывали, советские войска и войска со-

юзников, встретившись, не начнут военных действий друг против друга.

Само собой разумеется, что в случае возможных сепаратных переговоров гитлеровцы большую надежду возлагали на награбленное золото. Еще на совещании в Страсбурге было решено, что тайники с сокровищами должны находиться недалеко от убежища Гитлера...

Значение, которое придавалось «Альпийской крепости», подчеркивалось и тем, что командование ею взял на себя сам начальник главного имперского управления безопасности обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбрунер.

Уже в первые месяцы 1945 года он эвакуировал сюда большую часть своего управления и приказал переселиться на юг руководящим чинам полиции безопасности и СД. Любимцу Гитлера, оберштурмбанфюреру СС Отто Скорцени, было поручено сформировать специальный охранный корпус СС «Альпенланд». Для банд СС, СД, «Вервольд» («Оборотня» — организация террористов и диверсантов), готовившихся продолжать борьбу в подполье, Скорцени создал секретные склады оружия и боеприпасов. Местоположение их тщательно маскировалось.

Вместе с коричневой и черной знатью в «Альпийскую крепость» стекались похищенные гитлеровцами сокровища. Как сейчас установлено, еще с осени 1944 года сюда свозились награбленные нацистской верхушкой ценности, которые она не успела перевезти за границу, и самые секретные архивы.

Одним из первых начал укрывать свои богатства Герман Геринг. Еще 30 января 1945 года он отправил жену, дочь и секретаршу в свое имение в Оберзальцберге. Сам же рассчитывал как можно скорее присоединиться к ним. Рейхсмаршал считал, что отступление в «Альпийскую крепость» позволит выиграть время и провести секретные переговоры с западными союзниками. Он не питал иллюзий насчет возможности коренного переворота в судьбе германской армии, которая уже почти полностью прекратила борьбу на западе и вскоре будет окончательно раздавлена на востоке гигантским валом русского наступления.

Сразу же после отъезда семьи Геринг покинул берлинскую квартиру и поселился в своем имении Каринхалле, примерно в 80 километрах к северо-западу столи-

цы. Многочисленная охрана из солдат «люфтваффе» оберегала замок, где он накопил огромные сокровища — трофеи войны. Здесь содержались картины, скульптуры, гобелены, древнегреческие, египетские, восточные произведения искусства — значительная часть богатств, награбленных за пять лет по всей Европе нацистскими хищниками. В замке Каринхалле все стены были сплошь увешаны картинами — от потолка до пола. В подземельях сосредоточились невероятные ценности: уникальные полотна из музеев Неаполя, вывезенные оттуда войсками СС, перед тем, как в город вошли американцы, редкостные коллекции бриллиантов, награбленные в оккупированных странах.

В течение нескольких дней, охваченный бессильной яростью от мысли, что он может все это потерять, Геринг сортировал свои сокровища. Отобрав самые ценные, приказал тщательно запаковать их в ящики и погрузить на 30 грузовиков, которые под охраной сильного эскорта выехали в направлении Берхтесгадена. Крепя сердце, он распорядился заминировать свой дворец, чтобы взорвать его, как только русские приблизятся к Каринхалле...

Геринг, как наследник Гитлера, задумывался над тем, как бы ему выйти сухим из воды, смыть кровь миллионов невинных жертв и спасти свою голову, за которую, как ему было известно, союзники уже назначили цену...

Для черной, тяжелой работы было отобрана «группа, подлежащая уничтожению», состоявшая из узников концлагерей, в большинстве своем поляков, венгров и французов. Эти заключенные были привезены из Бухенвальда и помещены в шахте «Шпринген».

«...Худые до ужаса люди в деревянных башмаках переносили по штрекам сверкающие слитки золота, — рассказывал впоследствии бывший заключенный Жозеф Артуянц. — Каждый слиток весил около 18 килограммов, на каждом стояли штампель государственного монетного двора и проба...»

Весенними днями 1945 года, когда в лесах Тюрингии еще лежал глубокий снег, в деревушке Меркес, расположенной возле Бад-Зальцунгена, развернулись лихорадочные работы. Как-то ночью к станции Дорндорф подошел небольшой состав: два пассажирских и более двух десятков герметически закрытых и опломбированных вагонов.

На каждом тамбуре и тормозной площадке стояли охранники-эсэсовцы. Тот факт, что поезд прибыл ночью, объяснялся стремлением избежать, во-первых, налетов англо-американской авиации, а во-вторых, и это главное, — лишних глаз. На вагонах была выведена надпись: «Совершенно секретно, собственность рейха».

Все 24 вагона были до отказа заполнены драгоценностями, тысячами золотых слитков, платиновыми и золотыми изделиями, иностранной валютой, банкнотами, акциями фирм и предприятий, ценными картинами.

Еще до рассвета тяжелые ящики были перегружены из вагонов на автомашины и отправлены к деревушке Меркерс. Возле нее и находилась заброшенная шахта «Кайзерода». Это был конечный пункт, где должны были храниться сокровища.

В штольни, сгибаясь под непосильной ношей, несколько часов перетаскивали груз изможденные люди в полосатой одежде. Место для складирования золота и драгоценностей было согласовано с казначеем нацистов Вальтером Функом. За переносом драгоценного груза в шахту вместе с вооруженными до зубов эсэсовцами присматривали высшие члены имперского банка.

Узники, набившие штольни шахты сказочными сокровищами, были в апреле 1945 года маршем отправлены в Бухенвальд. Это был «марш смерти»: по дороге эсэсовцы расстреляли почти всех его участников...

Склады с награбленными сокровищами в Нойшванштайне, «запасник» в Хорренчимзее по приказу Гитлера от 5 февраля 1944 года были перевезены в соляные копи Бад-Аусе — горный курорт в Австрии, недалеко от озера Топлиц.

Лихорадочная деятельность царила весной 1945 года у этого озера. Каждую ночь по ведущей к нему узкой, единственной дороге гроыхали тяжело нагруженные армейские грузовики. На берегу заключенные из ближайшего концлагеря перегружали ящики с автомашин в лодки и вместе с эсэсовцами отвозили на середину озера. Когда лодки возвращались к берегу, в них были лишь одни эсэсовцы...

Имеются сведения о затоплении в Топлице двадцати двух ящиков с золотом, доставленных к озеру Скорцени. О происхождении этого золота существуют противоречивые мнения. Одни говорят, что его передал Скорцени

имперский министр экономики Функ из запасов рейхсбанка. Однако оказавшиеся в послевоенные годы в Перу непосредственные участники затопления ящиков Топлиц утверждают, что Скорцени привез золото из Италии и что оно было частью так называемых «сокровищ армии Роммеля», т. е. ценностей, награбленных корпусом Роммеля в северной Африке.

Когда советские войска под командованием маршала Толбухина уже заняли Вену, несколько мощных немецких автомашин пересекли австрийскую границу и устремились в горные районы Центральной Австрии. Автоколонну сопровождали эсэсовские офицеры во главе с Отто Скорцени. Машины, надежно укрытые брезентом, были доверху нагружены тяжелыми металлическими ящиками. Что было в них, знали лишь высшие чины их гитлеровского окружения да их доверенное лицо — Скорцени.

Как после войны писали газеты, в колонне Скорцени было 22 ящика со слитками золота, а всего около тонны этого драгоценного металла.

То была не единственная колонна. Одновременно из горящего, но еще не окруженного советскими войсками Берлина по разным дорогам в направлении Центральной Австрии спешило несколько автоколонн, груз которых составляли таинственные металлические ящики.

Три грузовика, сопровождаемые генералом СС Шпатцелем, прибыли в район Бад-Аусзее. Ящики были сгружены с машин и тайно погребены в одном из многочисленных озер этого района.

Лишь после войны стали известны детали тайных операций гитлеровцев в районах горных озер Центральной Австрии. В западную печать просочились сведения о том, что генерал Шпатцель вывез ящики, наполненные золотыми слитками, драгоценными камнями и ультра-секретными документами третьего рейха.

Удирая с Балкан, командующий 6-й армией генерал Фабиунк в этом же районе запрятал клад — двадцать ящиков с золотыми монетами, получивший название «Сокровище Кроат» и составлявший часть так называемых «хорватских сокровищ». В кладе Фабиунка кроме золота была иностранная валюта общей стоимостью 5 миллионов марок, а также 4,3 миллиона марок, находившихся в армейской кассе.

Тайна «хорватских сокровищ» до конца не раскрыта

и сегодня. Еще в годы второй мировой войны дирекция Хорватского национального банка решила эвакуировать его ценности и укрыть их в надежном месте. К сожалению, никого из участвовавших в этой операции не осталось в живых, и место, где были спрятаны ценности, оказалось неизвестным.

Лет через двадцать после окончания войны при ремонте одного из старых домов в Белграде рабочих удивила большая куча угля в подвале доме. Ведь там имела система центрального отопления. Удивление возросло, когда из-под груды угля показались два огромных сейфа.

Возникло предположение, что принадлежали они гитлеровскому военному командованию. К вскрытию приступали с большой осторожностью — не исключалась возможность минирования. Наконец дверцы сейфов открылись, и глазам присутствующих предстали сокровища, достойные Али-бабы: тысяча платиновых колец с бриллиантами, 402 массивных золотых кольца, 2378 серег с бриллиантовыми подвесками, множество золотых и серебряных монет, 233 старинные монеты из национальной югославской нумизматической коллекции...

Изучение документов, обнаруженных в выдвижном ящике одного из сейфов, объяснило происхождение сокровищ: это была часть ценностей Хорватского банка, затерявшихся во время войны...

В «Альпийскую крепость», под защиту вооруженной до зубов военщины, сбегалась нацистская знать с семьями, любовницами, домашним скарбом и, конечно, награбленными сокровищами. Сюда прибыл оберштурмбанфюрер СС Адольф Эйхман — начальник «еврейского отдела» тайной государственной полиции (гестапо) в главном управлении государственной безопасности рейха (РСХА). 29 апреля 1945 года Эйхман выехал из Праги во главе грузовых автомобилей, полных документов и золота. В Альтаусзее прибыл 2 мая. Остановился в лучшем отеле, где уже находились его жена с тремя сыновьями. Она помогала замести следы своего супруга: прописалась в отеле не как фрау Эйхман, а под своей девичьей фамилией Либль. Сам Эйхман в первые дни мая скрывался где-то севернее Аусзее, у горы Раухфанг.

Журналист Вальтер Тарра, сын руководителя груп-

пы движения Соппротивления в Аусзее Валентина Тарра, рассказывал: «У Эйхмана с собой находилось золото и драгоценности, упакованные в 22 ящика от боеприпасов. Предполагаемая их стоимость составляла 8 миллионов долларов. Погрузив ценности в автомобили Красно-го Креста, он из Альтаусзее двинулся на север, в горы, в направлении Блаа-Альм. Позднее под брезентом грузовика нашли пустые ящики и пистолет «вальтер» с глушителем. Но золото и Эйхман исчезли».

Сюда, в горы, пожаловал также штандартенфюрер СС Иозеф Шпацил, служивший вначале в штабе оперативного района «Украина», а позднее в личном штабе Кальтенбрунера. Он прибыл в местечко Альтаусзее с тремя грузовиками, наполненными золотом. Его сопровождала группа бандитов-власовцев, которые везли в мешках ценности, награбленные на оккупированной территории СССР,— так называемые «сокровища преисподней».

В окрестных горах, в глухих ущельях, в заброшенных соляных коях сооружались тайники, куда эсэсовские команды привозили сокровища, награбленные в оккупированных странах Европы.

Два неизвестных эсэсовца — гаупштурмфюрер и унтерштурмфюрер — затопили майской ночью 1945 года в озере Альтаус 6—7 ящиков чистого золота.

Отряд эсэсовцев в одной из заброшенных соляных шахт в районе Альтаусзее спрятали семь ящиков с похищенной в церквах и монастырях золотой и серебряной посудой: дароносицами, кубками, сосудами. Эти золотые вещи представляли собой огромную ценность.

Начальник канцелярии Мартина Бормана гауптштурмфюрер СС Хельмут фон Хуллиельт вывез в «Альпийскую крепость» два тяжелых ящика с коллекцией драгоценных монет, украденной им в австрийском монастыре Кремсмюнестер.

Главарь венгresких фашистов Ферезнц Салаши запрятал похищенный драгоценный ларец с реликвиями святого Стефана и часть королевских сокровищ, в том числе тысячелетнюю «корону святого Стефана». На протяжении столетий обладание этой короной отождествлялось с верховной государственной властью, восходящей к первому коронованному владыке Венгрии королю Иштвану (Стефану) I, которого католическая церковь провозгласила святым. В действительности традицион-

ное наименование «корона святого Стефана» столь же условно, что и «шапка Мономаха».

Эсэсовцы закопали где-то в неустановленном до сих пор месте австрийской провинции Бергенланд остатки золотого запаса национального банка Венгрии.

Главарь хорватских фашистов Анте Павелич, также нашедший укрытие в Аусзее, имел при себе несколько канистр из-под бензина, наполненных золотыми монетами. Уполномоченный Гитлера по вопросам экономики в Венгрии штадантенфюрер СС Курт Бехер прибыл в район Аусзее с несколькими вагонами награбленного еврейского имущества. Среди его «личной собственности» было несколько сундуков с золотом. Эти сокровища известны под названием «фонды Бехера».

Наконец, сам шеф главного имперского управления безопасности Кальтенбрунер доставил в «Альпийскую крепость» 5 ящиков бриллиантов и других драгоценных камней, 50 килограммов чистого золота в слитках из запасов германского рейхсбанка, две тонны золота и золотых предметов в 509 ящиках, валюту на два миллиона швейцарских франков и коллекцию редчайших почтовых марок стоимостью около 5 миллионов золотых марок...

Разумеется, это перечень далеко не полон. Несмотря на то, что в нем идет речь только о наиболее крупных секретных партиях ценностей, это были все же остатки. Основную массу сокровищ службы СС вывезли за границу.

Как уже упоминалось выше, одним из тайников, куда фашисты прятали награбленные ценности, было озеро Топлиц (или Топлицзее). Именно оно указано гитлеровским руководителем Отто Скорцени в качестве тайника для укрытия сопровождаемого груза.

Скорцени все сделал согласно инструкции. К ящикам, которые опустили на глубину 25 метров, прикрепили плавающие чуть выше под водой легкие буи. Они должны были служить указателями тайника для тех, кто придет к нему позднее...

Но Скорцени не знал, что в это время другая секретная группа СС опускала на семидесятиметровую глубину Топлицзее еще один тайный «клад», значение которого несравнимо превосходило его тайник. Впоследствии выяснилось, что тайная эсэсовская команда погрузила

на дно многочисленные ящики, содержимое которых можно разделить на три части:

24 ящика были забиты секретными сведениями СД о тайных связях гитлеровских промышленных магнатов со своими агентами и пособниками в разных странах, документами, подтверждающими сообщничество монополитических концернов, занимающихся темными махинациями за спиной войск союзников.

Вторую часть составляли ящики с золотом и бриллиантами, а также герметичные сейфы с самыми секретными документами третьего рейха — архивами гестапо, министерства иностранных дел, военной разведки и другие. В эти же сейфы-ящики были помещены полные списки всех тайных денежных вложений фашистской Германии в нейтральных странах. Эти средства гитлеровские бонзы предусмотрительно предназначали «на потом», на свое обеспечение после разгрома фашизма.

И, наконец, часть ящиков содержала остатки фальшивых английских фунтов стерлингов и американских долларов, которые в огромном количестве печатались в Германии, чтобы подорвать экономику союзников и вместе с тем иметь в достатке «инострannую валюту» для закупок стратегических материалов в нейтральных государствах.

Обергруппенфюрер СС Эйгрубер затопил в озере Топлиц металлический ящик размером 25×35 сантиметров, в котором среди прочих вещей находился резиновый мешочек с бриллиантами.

В гитлеровской армии грабеж населения на оккупированных территориях официально поощрялся. В одном из приказов командования говорилось: «Всякий солдат имеет право взять в городе в личную собственность все, что он может унести». В секретном предписании командирам частей указывалось, что «нужно воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне».

Осуществляя тотальный грабеж в Европе, фашисты еще в 1942 году оборудовали в австрийском монастыре Кремсмюнстер один из основных складов похищенных ценностей. А в 1943 году, когда участились бомбардировки союзной авиации, складом стали выработанные штольни соляных разработок в Альтусзее и Зальцберге (в переводе с немецкого — «Соляная гора»). В ноябре 1942 года инженер-химик Макс Эдер поступил на работу

в Венский институт по охране памятников. Но в 1943 году ему поручили выяснить, насколько пригодны заброшенные соляные штольни Зальцберга для хранения картин и других произведений искусства.

Штольни оборудовали под хранилища. Огромные помещения были обшиты досками, вдоль сооружены стеллажи, и на полках, словно книги, рама к раме стояли картины, награбленные в Бельгии, Голландии, Польше, Франции, Советском Союзе, Чехословакии: подлинники Микеланджело, десятки гравюр Дюрера, венская коллекция Ротшильдов, превосходные картины из галерей и драгоценные вещи из монастыря Монте-Карло. В одном месте были сложены произведения Вермера, Тициана и Брюгхелса, рядом в разобранном виде стоял золотой Верденский алтарь.

В штольнях находились и знаменитый Гентский алтарь — бельгийская национальная святыня, алтарь Дирка Боутса из Левена, и мраморная «мадонна» Микеланджело из церкви Онзе-ливе-Врауэкерк в Брюгге.

В соляных копиях Альтаусзее и в рудниках у Лауффена, в долине реки Траун, содержались 6500 всемирно известных картин, 1500 ящичков с рукописями, миниатюры, средневековые вышивки, гравюры на дереве, украшения церковного и светского происхождения, сотни дорогих красивейших ковров. Сюда же фашисты доставили множество ценных экспонатов из музеев Германии и Австрии.

Все, что было собрано там, глубоко под землей, по праву можно было назвать величайшей и одновременно самой жалкой художественной коллекцией всех времен: неповторимые творения человеческой культуры свалены в кучу и обречены на гибель: Лукас, Кранах, Веронезе, Курбе, Ван Дейк, Брейгель, Рембранд, Тинторетто, Дюрер, Рубенс и другие...

В ящиках лежали книги, посуда восемнадцатого века, оружие, монеты, золотые и серебряные изделия... А машины с награбленными ценностями все прибывали и прибывали. Обслуживающего персонала не хватало, поэтому о квалифицированном уходе за сокровищами не могло быть и речи.

Инвентарная опись, которая постоянно пополнялась, представляла собой шесть тысяч страниц текста, напечатанного на пишущей машинке через один интервал. То, что поступало с конца 1944 года, а это были главным

образом ценности из Венгрии, вообще почти не учитывались.

8 мая 1945 года американский «джип» остановился против главного входа в соляные штольни Альтаусзее, его встречали сотрудники бывшего имперского управления по охране памятников и представители дирекции соляных штолен. Американцы, получив списки сокровищ, тотчас же объявили все ценности своей собственностью.

Только в одной этой шахте они обнаружили 5350 картин старых мастеров, 220 рисунков и акварелей, 1039 гравюр, 95 гобеленов, 68 скульптур, 32 ящика с монетами, 128 образцов оружия и доспехов, 64 предмета мебели, 79 контейнеров и 43 ящика с художественными изделиями, 40 коробок с драгоценностями Ротшильдов, 237 ящиков с книгами и многое другое, предназначавшееся для «музея фюрера» в Линце.

Между тем, части художественного собрания Гитлера были размещены еще по меньшей мере в десяти других местах. Так, коллекция Мангеймера была найдена в Богемском монастыре.

Эрнст Кальтенбрунер и его адъютант штумбанфюрер Артур Швейдлер, облачились в гражданские костюмы, лихорадочно искали надежное убежище. Они предложили местному охотнику Мозеру любую плату — деньги, в том числе фунты стерлингов и доллары, драгоценности, — если он выведет их в безопасное место. Мозер был связан с подпольщиками и немедленно сообщил им об этом. Был разработан соответствующий план, и Мозер «принял» предложение Кальтенбрунера...

В одну из майских ночей Мозер повел обоих эсэсовцев в глухой район Мертвых гор. Кальтенбрунер, лишь незадолго до бегства запрятавший сокровища своего штаба, тащил туго набитый рюкзак. Через несколько часов хода все трое оказались у заброшенной сторожки на берегу горного озера.

Мозер вернулся обратно. Единственная проходимая тропа днем и ночью охранялась. Спустя несколько дней они были арестованы. При этом некогда могущественные эсэсовцы вели себя как жалкие комедианты: совали фальшивые документы, твердили, что они врачи, ссылались на Женевскую конвенцию, Устав Международного Красного Креста. Но никакие ухищрения не помогли: оба были арестованы.

После пленения Кальтенбрунера его жена некоторое время продолжала жить на вилле «Керри» — последней резиденции ее высокопоставленного супруга. Однажды один из охранявших виллу караульных притащил в штаб к Альбрехту Гайсвинклеру стальной ящик. В нем оказалось более тысячи золотых двадцатидолларовых монет весом свыше 30 граммов каждая. На виллу была послана специальная группа. Она обнаружила в огороде другой ящик, в котором лежали золотые монеты, банкноты и массивный золотой портсигар. Когда подсчитали содержимое обоих ящиков, оказалось, что в них находилось 1000 золотых монет общим весом 76 килограммов, 15 000 долларов и 8000 швейцарских франков банкнотами. Кальтенбрунер надеялся воспользоваться всем этим после войны. Но истории было угодно распорядиться иначе.

ИНДУСТРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

В интересах выполнения своих планов гитлеровские начальники — Геринг, Гесс, Розенберг, Фриче, Ширах и другие — разработали «теорию» «высшей расы». Они рассчитывали при помощи этой так называемой «теории» оправдать домогательства немецкого фашизма на господство над другими народами, объявленными этой «теорией» народами низшей расы. Из этой «теории» вытекало, что немцам, вследствие их принадлежности якобы к высшей расе, присвоено «право» строить свое благополучие на костях других рас и народов. Эта «теория» объявила немецко-фашистских захватчиков не связанными ни законами, ни общепризнанными правилами человеческой морали. «Расе господ» все дозволено. Все действия этих господ, сколь бы отвратительными и бесстыдными, жестоки и чудовищны они ни были, обосновывались «идеями» превосходства этой расы.

«Мы хотим, — говорил Гитлер, — произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали жалости, слоя, который будет сознавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать, слоя, который сумеет устоять и сохранить без колебаний свое господство над широкой массой».

Эта расовая «теория» должна была вместе с тем служить «научным» обоснованием подготовки гитлеровцами нападения на другие страны, оправданием агрессивных войн, к которым гитлеровцы лихорадочно готовились в течение всего времени своего господства в Германии.

Распоряжениями немецко-фашистских властей «расовое учение» введено было в учебные планы как важнейший и обязательный предмет. Школы и университеты были опаснейшими для цивилизации центрами умственного и морального уродования людей. Все науки были военизированы. Все виды искусства подчинены целям агрессии.

«Мы идем к науке свободные от бремени знания и научного образования,— говорилось в журнале «Политише виссеншафт» № 3 за 1934,— студент должен приходиться в высшую школу с требованием, чтобы наука была такой же солдатской, как его собственная выправка, а профессор обладал качествами вождя и солдатской выправкой».

«Мы снова хотим оружия,— говорил Гитлер,— поэтому все, начиная от букваря ребенка и до последней газеты, каждый театр и каждое кино, каждый столб для плакатов и каждая доска для объявлений должны быть поставлены на службу этой единственной большой миссии».

География служила орудием пропаганды «преимущественного» значения в мире немцев, их «права» на «господство» над другими народами. Молодежи внушали чувство расового превосходства, высокомерия, человеконенавистничества, презрения и жестокости по отношению к другим народам.

В немецкой песне пелось:

«Если весь мир будет лежать в развалинах,
К черту, нам на это наплевать.
Мы все равно будем маршировать дальше,
Потому, что сегодня нам принадлежит Германия,
Завтра — весь мир».

Фашисты возвели в принцип произвол, насилие, надругательства над людьми, они объявили опасными для «расы господ» идеи свободы, идеи просвящения и требования гуманности.

«Я,— говорил Гитлер,— освобождаю людей от отяго-

щающих ограничений разума, от грязных и унижающих самоотравлений химерами, именуемыми совестью и нравственностью, и от требований свободы и личной независимости, которыми могут пользоваться лишь немногие» (Г. Раушнинг, «Голос разрушения», изд. 1940 г., Нью-Йорк, стр. 225).

В духе таких «принципов» была построена вся фашистская система воспитания немцев, приспособленная к тому, чтобы подготовить их к беспрекословному выполнению разбойничьих планов и целей, поставленных гитлеровскими правителями перед Германией. Угар шовинизма и человеконенавистничества систематически отравлял сознание немцев в результате фашистской пропаганды и всей системы мероприятий, культивировавшихся гитлеровским государством.

Из книги Германа Раушнинга «Голос разрушения», издания 1940 г. Внешняя политика Гитлера:

«Он продолжал: минимально, что мы можем делать,— это предотвратить поднятие чужеземной крови в теле нашей нации.

Я признаю, что угроза этого чужеземного засиления не ослабнет, если в недалеком будущем мы оккупируем территории с весьма высоким процентом славянского населения, от которого нам не удастся так скоро отделаться. Подумайте об Австрии, о Вене. Разве в них осталось что-нибудь немецкое?

Мы обязаны истреблять население,— продолжал он, возбуждаясь,— это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь,— грубо говоря, это моя задача. Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею права уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви.

Под словами «уничтожить» я не имею в виду непременно истребление этих людей. Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения. Например, я могу на несколько лет отделить мужчин от женщин. Вы помните, насколько

упал процент деторождаемости во время мировой войны? Почему бы нам в течение нескольких лет не проводить сознательно того, что тогда явилось неизбежным следствием продолжительной войны?

Существует немало путей, при помощи которых можно систематически, сравнительно безболезненно и уж во всяком случае без кровопролития добиться вымирания нежелательных для нас народов. Кстати,— добавил он,— я без всякого колебания заявлю об этом открыто.

После войны французы жаловались, что немцев на двадцать миллионов больше, чем нужно. Мы соглашались с этим заявлением. Мы приветствуем существование регулирования по плану численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы каким-либо другим образом разрешим вопрос об этих двадцати миллионах. После всех этих веков хныкания о защите бедных и забытых для нас пришло время решить защищать сильных перед низшими.

Одна из основных задач германского государственного управления во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают им не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал исключительное право уничтожать целые племена, целые народы. Осуществляя это постепенно и без кровопролития, мы проявляем гуманность. Нам не нужно забывать, что мы поступаем с другими только так, как они сами поступили бы с нами...»

Из директивы начальника Верховного командования германскими вооруженными силами от 16 сентября 1941 г.:

«...Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости...

Подписано: *Кейтель*»

На одном из заседаний Международного трибунала после длительных и обоснованных речей обвинителей в качестве вещественного доказательства суду была предъявлена карта. Огромное белое полотнище показы-

вало расположение концентрационных лагерей на территории оккупированной Европы. Польшу, Францию, Чехословакию, Австрию, не говоря уже о Белоруссии, Украине, Прибалтике и самой Германии, усеяли квадратами, треугольниками, большими и малыми кружками, обозначавшими концентрационные лагеря, лагеря для военнопленных и их филиалы.

Из доклада обергруппенфюрера СС Поля рейхсфюреру СС о местонахождении концентрационных лагерей:

«...Рейхсфюрер, сегодня я, докладываю о положении в области лагерей и о мерах, которые я принял для того, чтобы выполнить ваш приказ от 3 марта 1942 г.

1) В начале войны существовали следующие концентрационные лагеря:

а) Дахау: 1939 г. — 4000 заключенных, сегодня — 8000;

б) Саксенхаузен: 1939 г. — 6500 заключенных, сегодня — 10 000;

в) Бухенвальд: 1939 г. — 5300 заключенных, сегодня — 9000;

г) Маутхаузен: 1939 г. — 1500 заключенных, сегодня — 5500;

д) Флоссенбург: 1939 г. — 1600 заключенных, сегодня — 4700;

е) Равенсбрюк: 1939 г. — 2500 заключенных, сегодня — 7500...

2) В период с 1940 по 1942 год было создано еще девять лагерей, а именно: а) Освенцим, б) Нейенгамме, в) Гузен, г) Натцвейлер, д) Гросс-Розен, е) Люблин, ж) Нидерхаген, з) Штутхоф, и) Арбейтсдорф».

Человеческую «цену» массовой несвободы глазами психолога и психиатра показал в своих статьях и книгах Бруно Беттельхайм, немецкий ученый, наследник венской психиатрической школы, созданной Фрейдом и его учениками. В 1938—39 годах Беттельхайм оказался в лагере для политических заключенных, где провел год, ставший решающим для всей его жизни. Испытанию подверглось не только его тело, но и самые исходные принципы самопонимания и отношения к миру. Перед вами некоторые наблюдения Бруно Беттельхайма из статьи «Индивидуальное и массовое поведение в крайних ситуациях»:

«В 1936—39 годах автор провел почти год в двух крупнейших на тот период лагерях для политических заключенных — Дахау и Бухенвальде. Все это время он не прекращал наблюдений, часть которых приводится ниже. Задача здесь не в том, чтобы еще раз поведать чудовищную историю немецких концлагерей, — я хочу лишь затронуть некоторые стороны имеющего самые серьезные последствия психологического воздействия лагерей непосредственно на их обитателей и — косвенно — на всех, живущих при нацистском режиме.

Видимо, читатель уже знаком с этим фактом в общем, и все же считаю своим долгом повторить: заключенных умышленно подвергали лишениям. Одетых не по погоде, их выгоняли в зной, дождь и морозы на семнадцать часов ежедневно, без выходных. При самом скверном питании их принуждали к тяжелейшему труду. Каждый миг их жизни был строго расписан и подконтролен. Они не могли видеть ни близких, ни священника. Медицинской помощи практически не было, а если она допускалась, то почти никогда — силами специально обученного персонала. Заключенные так в точности и не знали, за что и на какой срок их интернировали. Поэтому автор считает их ситуацию «крайней».

Разумеется, с помощью концлагерей гестаповцы пытались добиться самых разных результатов. Автор пытался выделить несколько не совпадающих друг с другом, но внутренне взаимосвязанных целей гестапо: уничтожить индивидуальность заключенных, превратив их в покорную массу, неспособную к индивидуальному и групповому сопротивлению; охватить террором всех остальных, используя заключенных как заложников послушания прочих и показывая, что происходит с теми, кто противится нацистскому режиму; обеспечить гестаповцев опытным полем, где они приучаются действовать вне каких бы то ни было человеческих чувств и отношений, упражняясь в наиболее эффективных способах подавлять сопротивление беззащитных гражданских лиц; снабдить гестаповцев экспериментальной лабораторией не только для отработки эффективных мер борьбы с противодействием граждан, но и для установления на опыте того минимума пищи, гигиены и медицинской помощи, которые позволяют сохранить заключенным жизнь и способность к тяжелой работе в условиях, когда единственный побудительный мотив это угроза распра-

вы, а также для выяснения, как влияет на качество работы тот факт, что время заключенных целиком отдано непосильному труду, а сами они разлучены с близкими.

Прослеживая перемены в заключенном с момента его первой встречи с гестапо до практически полного привыкания к лагерю, можно выделить несколько стадий. В центре первой — исходный шок человека, обнаружившего, что незаконно лишен свободы. Главное событие второй — перевозка в лагерь и опыт первых дней пребывания в нем. Следующая стадия — медленный процесс перестройки личности заключенного. Он развивается как постепенное, но неуклонное приспособление к жизни в лагере.

Начальный психологический шок от лишения гражданских прав и незаконного содержания в тюрьме стоит отделять от первых умышленных и несообразных мучений, которым подвергались заключенные в лагере.

После нескольких дней тюрьмы арестованных отправляли в лагерь. При перевозке их постоянно подвергали самым разным пыткам. Многое здесь зависело от фантазии конкретного эсэсовца, взявшегося за ту или иную группу заключенных. Телесные наказания — плетка, пинок, пощечина, выстрел, удар штыком — чередовались с пытками, которые должны были лишить человека всяческих сил. Например, заключенных принуждали часами смотреть на ослепительный свет, стоять на коленях и многое другое. Время от времени кто-то умирал; заняться ранами — своими или товарищей — не давали.

Целью было сломить волю заключенного и убедить охранников, что хозяева положения — они.

Автор понимает, что значение концентрационных лагерей выходит далеко за пределы того конкретного места, где гестаповцы карают своих врагов. Лагерь был учебным полем для молодых солдат гестапо, которые намеревались править миром и руководить Германией и всеми завоеванными нациями. Еще он служил лабораторией, где гестаповцы совершенствовали методы превращения свободных и честных людей не просто в хнычущих рабов, но в рабов, усвоивших во многом ценности своих хозяев.

То, что так резко проступило в заключенных, прошедших в лагере несколько лет, на мой взгляд, можно,

пусть и не так отчетливо, видеть в большинстве обитателей того гигантского концлагеря, который называют великой Германией. Это же может произойти и с жителями завоеванных стран, окажись они неспособны сплотиться и оказать сопротивление. Система достаточно сильна, чтобы подавить эмоциональную жизнь индивида, особенно если он вписан в рамки группы, более или менее усвоившей нацистские ценности. Легче противостоять давлению гестапо и нацизма, если ты один, видимо, понимая это, гестаповцы сбивают индивидов в группы, доступные постоянному наблюдению.

Вот некоторые из их способов сломить индивида: система заложничества и наказания всей группы за тот или иной проступок ее члена; запрет всяких отклонений от групповой нормы, какой бы она ни была; подрыв любой индивидуальной активности и т. д.

Главная цель всех усилий нацизма — воспитать в подопечных детское отношение к окружающему и детскую зависимость от воли вождей».

Ограбления заключенных и замученных в лагере гитлеровцы возвели в систему.

В Освенцимском лагере гитлеровцы разоблачили себя перед всем миром не только как убийцы беззащитных людей, но и как жадные грабители своих жертв. Миллионы людей, привозимых из разных стран в концлагерь Освенцим, в первый же час их пребывания подвергались организованному ограблению. Все вещи: чемоданы, одежда, постельные принадлежности, вплоть до нательного белья и обуви, забирались эсэсовцами в специально построенные и оборудованные склады и направлялись в Германию. Часть трудоспособных людей, которая оставалась на каторжных работах, вместо своих вещей получала арестантскую полосатую одежду.

На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды 348 820 комплектов
2. Женской верхней и нижней одежды 836 255 комплектов
3. Женской обуви 5525 пар

4. Мужской обуви
5. Ковров

38000 пар
13964 штук

В складах также обнаружено большое количество бывших в употреблении у заключенных: зубных щеток, кисточек для бритья, очков, огромное количество зубных протезов, всевозможной посуды. Там найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки. Все это тщательно пересчитывалось и отправлялось в Германию.

Осмотрев вещи, обнаруженные в складах, Комиссия установила, что все они принадлежали замученным и убитым людям различных национальностей. На одежде, обуви и других вещах обнаружены фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других государств. На чемоданах сохранились ярлыки различных гостиниц европейских городов.

Комиссия обнаружила на территории лагеря 7 вагонов с одеждой и постельными принадлежностями, уже подготовленных немцами для отправки в Германию. Из найденной в бумагах лагеря справки за подписью обершарфюрера СС Рейхенбаха видно, что только в течение 47 дней, с 1 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г., в лагере было обработано для посылки в Германию:

- 1) Детского платья и белья 99 922 комплекта
- 2) Женского платья и белья 192 652 комплекта
- 3) Мужского платья и белья 222 269 комплектов

Всего ... 514 843 комплекта

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря 7 марта 1945 г. Комиссией были обнаружены 293 тюка запакowanych женских волос общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

Был обнаружен склад женских волос. Рассказывает об этом С. Т. Кузьмин — член Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков:

«Случилось это 8 марта 1945 года, то есть в Международный женский день. Решили мы с Дмитрием Ивановичем Кудрявцевым к концу этого дня пойти немного «подышать свежим воздухом», не замечая суток, да и погода выдалась в этот день на редкость теплая, мяг-

кая, такая, которая манит на улицу после трудного рабочего дня. Идем вдоль лагеря, обстановка вокруг тягостная, и каждый думает свою думу. Но все же сегодня 8 марта, или, как попросту принято говорить, женский день. В этот день особенно охватывает тебя чувство глубокого уважения, почтения, какого-то благоговения и великой любви к женщине — бескорыстной дарительнице жизни человеческой.

Вот впереди блеснула водная гладь речки, отразился в ней разноцветьем закат. А что там темнеет на берегу? Подходим ближе. Огромный сарай, двери настежь и вывалившиеся наружу какие-то пакеты. Перелазим через них в сарай. Он забит доверху. Глаза, привыкнув к темноте сарая, начинают различать предметы. Но что это? Из разорванного пакета вывалились груды волос, еще и еще, а вот лежит великолепная женская коса. Русая, тугая, почти метровой длины. Сердце тревожно застучало. Что же дальше? Неужели?! Зреет страшная догадка.

Еще несколько разорванных пакетов, груды волос и поверх нее тоненькая детская косичка с бантиком на конце. Что это — быль или небыль? Сон или явь?.. Да, это быль и это явь. Мы попали на склад женских волос, снятых гитлеровцами с голов своих жертв перед их умерщвлением.

Волосы были упакованы в особые пакеты с обозначением веса и подготовлены к отправке в Германию. Их оказалось 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что срезаны они были у 140 тысяч женщин.

Перед каждым из нас невольно встал вопрос — для чего фашистам такое количество человеческих волос? Почему они так тщательно упакованы? И только позже, когда была обнаружена секретная директива Управления СС по использованию женских волос, стало ясно — их гитлеровское правительство предназначало для промышленного производства. Текст этой директивы привожу с небольшими сокращениями (опущены второстепенные детали, не имеющие отношения к главному содержанию документа):

г. Ораниенбург, 6 августа
1942 г.

«Секретно

Главное административно-хозяйственное управление СС

Касается: использования срезанных волос,
Комендантам концлагерей
Арб., Ау., Бу., Да., Фло., Гр., Ро.,
Маут., Гу., На., Ни., Ной., Рав.,
Сакс., Штутг., Мор., СС — спецлагерь Хинценрт.

Начальник Главного административно-хозяйственного управления СС на основании представленного ему доклада приказал, чтобы все срезанные человеческие волосы, добытые в концлагерях, были соответствующим образом использованы.

Человеческие волосы перерабатываются в промышленный войлок и пряжу. Из расчесанных и срезанных женских волос вырабатываются для команд подводных лодок ступни чулок из волосяной пряжи и для служащих имперских железных дорог чулки из волосяного войлока.

Поэтому приказываю, чтобы волосы заключенных женщин после произведенной дезинфекции были сохранены. Стриженные волосы мужчин-заключенных должны использоваться начиная с 20 мм длины.

Предусматривается использование волос, добытых во всех лагерях, путем учреждения особой производственной установки в одном из лагерей. Более точное указание по сдаче собранных волос будет дано особо. О количестве ежемесячно собранных волос (женские волосы отдельно от мужских) должны сообщаться сюда сведения 5-го числа каждого месяца, начиная с 5 сентября 1942 года.

*Глюкс, бригаденфюрер СС
и генерал-майор войск СС».*

В Люблине на Майданеке был создан огромный комбинат смерти. Немцы его называли «Фернихтунгслагер», т. е. лагерь уничтожения.

Захваченные в плен служившие в этом лагере немцы показали (по материалам Нюрнбергского процесса):

Ротенфюрер СС Шолен Тео: «Этот лагерь носил название «Лагерь уничтожения» — «Фернихтунгслагер» именно потому, что здесь истреблялось колоссальное количество людей».

Кампфполиций Штальбе Гейнц: «Основной целью этого лагеря было истребление как можно большего количества людей, поэтому он носил название «Фарнихтунгслагер», т. е. «лагерь уничтожения».

Лагерь «Майданек» расположен в двух километрах от г. Люблина и занимает площадь в 270 гектаров. Строительство его началось в конце 1940 года.

К началу 1943 года было закончено строительство 6 полей лагеря. На каждом поле было 24 барака, а всего 144 барака (не считая всяких построек под склады, мастерские и пр.), вмещавшие каждый до 300 человек и более. Лагерь был обнесен двумя рядами колючей проволоки. Сверх того все 6 полей были отделены внутри лагеря целой системой проволочных заграждений, с отдельным караульным помещением при входе на каждое поле. Через эти проволочные заграждения проходил ток высокого напряжения.

По всему лагерю были расположены большие вышки, на которых постоянно находились часовые с пулеметами. Лагерь сильно охранялся войсками СС. Сверх этого было 200 немецких овчарок, составлявших очень важный элемент в охране лагеря, и вспомогательная полиция, кампфполицей, формируемая из уголовных элементов.

Уничтожению в лагерях способствовали сами условия жизни заключенных и изнурительная работа, обязательная для всех. При этом установлена норма питания — например, в концлагере «Цитадель» эта норма выглядела так: «Норма военнопленного:

3 литра воды,
250 граммов хлеба
грамм 50 буряка
и добавка палкой по спине»

Причинами смерти прежде всего было отсутствие элементарных гигиенических условий: к примеру, в лагере Освенцим на 12 тыс. заключенных был всего один умывальник с водой, непригодной для питья. Когда шел снег, заключенные растапливали его для питья; весной умывались и пили из луж.

Повсюду в бараках можно было видеть крыс, которые объедали трупы и даже набрасывались на умиравших, у которых не было сил с ними справиться.

Другой причиной смертности и эпидемий было то, что узникам давали есть в больших котелках, которые каждый раз прополаскивались холодной водой. Так как все женщины были больны и они не могли ночью выйти к месту, к канаве, где они могли бы отправить свои

естественные потребности, они использовали эти котелки не по назначению. На следующий день эти котелки собирали, выливали их содержимое в помойную яму, и днем их пускала в употребление другая группа людей.

Вот еще что изнуряло людей — положение с обувью. Кожаная обувь приходила в полную негодность через одну-две недели, так как ее носили здесь по грязи и по снегу. В связи с этим ноги обмораживались, на них образовывались раны. Из страха, что их украдут, спали в башмаках. Образовывались раны, которые быстро разрывались и как следствие — заражение крови. Больные и раненые не получают никакой медицинской помощи и обречены на вымирание, особенно от эпидемий тифа, дизентерии.

Освенцимский лагерь был построен в 1939 году по приказу рейхсфюрера СС Гимmlера специально для уничтожения поработанных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь расположен на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял собой целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовице, Нейдахс, Блемахер и другие. Основные из них — Аушвиц и Биркенау — были расположены на территории в 467,5 гектарах и имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключенных. Все лагеря были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропускаться ток высокого напряжения.

В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с тремя печами. При крематории была так называемая «баня особого назначения», т. е. газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года. Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гимmlер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать.

Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау четыре мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года.

В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующие письма:

I

«И. А. Топф и сыновья
Эрфурт, 12 февраля 1943 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ СС И ПОЛИЦИИ

Аушвиц (Освенцим)

Касается: крематории 2 и 3 лагеря военнопленных. Подтверждаем получение вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: «Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на пять штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособление для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 г.

И. А. Топф и сыновья»

II

ПУНКТ 2. В отношении установки двух трехмуфельных печей у каждой из «бань особого назначения» инженером Прюфером было предложено изъять их из заготовленных для отправки в Могилев печей. Руководитель служебной части, находившейся в СС — хозяйственном управлении главного отдела в Берлине, был немедленно об этом осведомлен, и его попросили распорядиться о дальнейшем.

СС унтерштурмфюрер (С)
Освенцим, 21 августа 1942 г.».

На основании опроса и медицинского освидетельствования 2819 спасенных узников Освенцимского лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найденных на территории

лагеря трупов, вещей и документов истребленных немцами людей различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках лагеря, установлено:

1. Путем расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше 4 миллионов граждан Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

2. Немецкие профессора и врачи производили в лагере так называемые «медицинские» эксперименты над живыми людьми — мужчинами, женщинами и детьми.

3. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие «лагеря смерти».

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории — все это было предназначено для чудовищного уничтожения людей.

Газовые камеры немцы называли «баними особого назначения». На входной двери этой «бани» было написано «Для дезинфекции», а на выходной — «Вход в баню». Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение «Для дезинфекции», раздевались и оттуда загонялись в «баню особого назначения», то есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом «циклоном».

Из совершенно секретного отчета унтерштурмфюрера СС доктора Беккера от 16 мая 1942 г., адресованного оберштурмбаннфюреру СС Рауффу в Берлин, Принцальбрехтштрассе, д. 8:

«Осмотр газовых автомобилей группами «Д» и «С» окончен. В то время, как газовые автомобили первой серии могут использоваться также, когда погода не слишком плохая, автомобили второй серии (Заурер) совершенно выходят из строя в дождливую погоду. Например, если они пробыли под дождем в течение получаса, то газовый автомобиль нельзя использовать, потому что он буксует. Его можно использовать только при абсолютно сухой погоде.

Вопрос заключается теперь в том, может ли газовый автомобиль использоваться только тогда, когда он стоит

на месте казни. Во-первых, автомобиль следует доставить к этому месту, что возможно только при хорошей погоде. Место казни обычно находится в 10—15 километрах от шоссе, и к нему трудно добираться. В грязь или сырую погоду к нему вообще нельзя проехать. Если лиц, подлежащих уничтожению, перевозят или ведут к этому месту, то они немедленно понимают, что происходит. Они начинают беспокоиться, чего следует избегать насколько возможно. Остается один только способ — грузить их на автомашины в одном пункте, а затем перевозить к месту казни.

Я приказал замаскировать автомашину «Д» под прицепы, приспособленные под жилье, приделав по одной паре оконных ставен на каждой стороне больших автомобилей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно наблюдать в сельской местности. Эти машины стали настолько хорошо известными, что не только власти, но и гражданское население называют эти автомобили «душегубками», как только появится хотя бы одна такая автомашина.

Я думаю, что невозможно даже в течение короткого промежутка времени не только держать в секрете газовый автомобиль, но даже и замаскировать его...

Ввиду пересеченной местности, ужасных дорог и шоссе со временем отходят заклепки и появляются щели. Меня спросили, надо ли в таких случаях направлять автомобили на ремонт в Берлин. Перевозка в Берлин была бы слишком дорога и требовала бы слишком много горючего. С целью избежать этих затрат я приказал запаивать небольшие щели, а если это, в конце концов, окажется невозможным, то немедленно информировать Берлин по радио, что автомобиль неисправен. Затем я приказал, чтобы во время выпуска газа служебный персонал находился на возможно большем расстоянии от автомашины с тем, чтобы их здоровье не страдало от газа, который может иногда выходить наружу.

Я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы обратить ваше внимание на тот факт, что некоторые команды должны были произвести разгрузку после применения газа своими силами. Я обратил внимание командира С. К. на огромный психологический вред и ущерб для здоровья, которые эта работа может иметь для них если не сразу, то, по крайней мере, позднее. Люди жалуются мне на головные боли, которые появляются после каж-

дой разгрузки. Тем не менее они не хотят уклоняться от выполнения приказа потому, что заключенные, привлеченные к этой работе, могут использовать удобный момент для того, чтобы совершить побег.

Я прошу вас отдать соответствующие приказы для того, чтобы предохранить служебный персонал от ущерба их здоровью...

Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее шофер нажимает акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. Больше не приходится наблюдать искаженные лица и испражнения, как это было прежде.

Сегодня я продолжу мою инспекционную поездку и посету группу «Б», где я смогу получить дальнейшие сведения.

Подписано: Доктор Беккер, унтерштурмфюрер СС.»

Письмо начальника полиции безопасности и СД Остланд гауптштурмфюрера Трюгеса по вопросу газовых автомобилей, адресованное в главное имперское управление безопасности в Берлине:

«Тема: Газовые автомобили.

Транспорты с евреями, которые должны быть подвергнуты особому способу обращения, прибывают еженедельно в управление начальника полиции безопасности и службы безопасности Белоруссии. Три газовых автомобиля, которые имеются там, недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для трех автомашин, которыми мы располагаем (две — Диамонд, одна — Заурер), так как имеющиеся трубы уже пропускают газ.

Подписано: Начальник полиции безопасности и службы безопасности Остланд.»

Из показания Здислава Лукашевича, судьи окружного суда в Лодзи:

«...Нагих мужчин, женщин и детей отправляли дорогой, ведущей к камерам, причем объявляли, что все они идут купаться. В первое время даже было приказано держать в руке один злотый, как плату за вход в купаль-

ню, чтобы возбудить у людей доверие...

Для того, чтобы в камерах поместилось большее число жертв, людей загоняли с поднятыми руками, а на головы им бросали маленьких детей.

Эсэсовец Зепп Гейтрейдер был специалистом по убиванию младенцев, которых сам хватал за ножки и убивал, ударяя головкой о забор. По показанию свидетелей, умерщвление в камерах продолжалось 15 минут...

Характерно, что в лагере находились учреждения, имеющие целью обмануть жертвы относительно предназначения лагеря. Для этого, например, был построен фиктивный вокзал... там были надписи «буфет», «станционный зал», «кассы», путевые столбы, знаки, указывающие узловую станцию и путь на «Восток».

Из письма акционерного общества «Заводы Дидье» от 25 июля 1943 г. с предложением об установке кремационных печей для СС в Белграде:

«Кремационная установка для СС в Белграде.

Мы ссылаемся на визит вашего сына и на переговоры с ним сотрудника Штордя.

Мы приняли к сведению намерения белградских частей СС построить кремационную установку, рассчитанную на крупный лагерь, мы учли также и то, что им поручено вместе с местными архитекторами проектировать и построить эту установку.

Не имея опыта постройки печей, они намереваются приобрести чертежные данные, для этих печей.

Мы заявляем о своей готовности составить чертежи печей надлежащим образом, с указанием арматур и системы сцепления с землей, а именно, чертежи печей для вышеозначенной цели.

Смета составляет 600 рм. Половину этой суммы следовало бы заплатить, остальную сумму — после изготовления чертежей.

При постройке печей следует обратить особое внимание на то, чтобы для достижения быстрого сооружения установки внутреннюю часть построить не на особом материале, а на обычном шамотовом кирпиче.

Это же соображение надо иметь в виду при изготовлении металлических конструкций для печей.

Для поставки трупов в печь мы предлагаем двухколесные конвейерные трубчатые валы.

В каждой печи имеется отделение для пепла; так как

не предполагается применение гробов, то ширина отделения составляет 600 мм, высота 450 мм.

Для транспортировки трупов из места их хранения в печи мы советуем применять легкие тележки на колесах, и мы предоставим вам чертежи этих тележек...»

Переписка фирмы Кори — общества с ограниченной ответственностью:

«В дополнение к состоявшимся между нами переговорам о доставке установок по сжиганию простой конструкции мы предлагаем наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, которые оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

В связи с предполагаемым строительством мы предлагаем две печи по сжиганию, но рекомендуем еще раз запросить, достаточно ли будет двух печей. Необходимо также выяснить вопрос о расположении печей, так как от этого зависит выработка частей арматуры, а также и установка остова укрепления. Установку печи следует произвести по возможности в закрытом помещении и соединить ее с имеющейся дымовой трубой.

В том случае, если уже имеется в виду специальное помещение для этой установки, просим прислать план помещения для того, чтобы мы могли вам представить на рассмотрение расположение их.

О том, какая площадь необходима для печей с местом для обслуживания их и для раздувания огня, видно из прилагаемых чертежей. Чертеж Ю-8998 наглядно иллюстрирует устройство двух печей, по чертежу № 9122 изготовлено для строительства Дахау четыре печи.

Следующий чертеж за № 9080 иллюстрирует установку в Люблине с пятью печами для кремации и двумя монтированными отопительными камерами.

Для доставки трупов в камеры кремационных печей, а также их устойчивость, поставку лучшего материала и безупречное выполнение работ...

В ожидании дальнейших известий, к вашим услугам. Хайль Гитлер!

Кори (Общество с ограниченной ответственностью)»

...По указанию рейхсминистра Германии Гимmlера и генерал-майора полиции СС Кацмана в июне 1943 года были проведены специальные мероприятия по выка-

пыванию и сжиганию трупов замученных и расстрелянных мирных жителей, советских военнопленных и подданных иностранных государств.

В Львове немцами была создана зондеркоманда № 1005, состоявшая из 126 человек. Шефом этой команды был гаупштурмбаннфюрер Шерляк, его заместителем — гаупштурмбаннфюрер Раух. В обязанности зондеркоманды входило выкапывание из земли трупов убитых немцами мирных жителей и военнопленных и сжигание их...

На территории Львовской области был создан Яновский лагерь — еще один «лагерь смерти».

Из показаний свидетеля Д. Ш. Манусевича (Манусевич был заключен немцами в Яновский лагерь, где работал в команде заключенных, занятой сжиганием трупов. После сожжения 40 000 трупов умерщвленных в Яновском лагере команда была отправлена для аналогичных целей в лагерь, размещенный в Лисеницком лесу):

«...В этом лагере на фабрике смерти были организованы специальные 10-дневные курсы по сжиганию трупов, на которых занималось 12 человек. На курсы были присланы из лагерей Люблина, Варшавы и других лагерей, из каких — не могу вспомнить. Фамилии курсантов не знаю, но это были не рядовые, а офицеры. Преподавателем курсов был комендант сжигания полковник Шаллок, который на месте, где выкапывали и сжигали трупы, рассказывал, как практически это производить, разъяснял устройство машины по размолу костей. Дальше Шаллок объяснял, как разравнять яму, просеять и посадить деревья на этом месте, как рассыпать и прятать пепел. Такие курсы были на протяжении длительного времени. За время моего пребывания, т. е. за пять с половиной месяцев работы в Яновском и Лисеницком лагерях, было пропущено десять партий курсантов..—

...Кроме расстрелов, в Яновском лагере применялись разные пытки, а именно: в зимнее время наливали в бочку воду, привязывали человеку руки к ногам и бросали в бочку. Таким образом человек замерзал. Вокруг Яновского лагеря было проволочное ограждение в два ряда, расстояние между рядами — 1 метр 20 сантиметров, куда забрасывали человека на несколько суток, откуда он сам не мог выйти и там умирал от голода и холода. Но прежде чем забрасывать, человека избива-

ли до полусмерти. Вешали человека за шею, ноги и руки, а потом пускали собак, которые разрывали человека. Ставили человека вместо мишени и производили учебную стрельбу. Этим больше всего занимались гестаповцы: Гайна, Миллер, Блюм, начальник лагеря Вильгауз и другие, фамилии которых не могу припомнить. Давали человеку в руки стакан и производили учебную стрельбу, если попадали в стакан, то человека оставляли живым, а если в руку, то тут же расстреливали и при этом заявляли, что «вы к труду не способны, подлежите расстрелу».

Брали человека за ноги и разрывали. Детей от 1 месяца до 3 лет бросали в бочки с водой, и там они тонули. Привязывали человека к столбу против солнца и держали до тех пор, пока человек не умирал от солнечного удара.

Кроме того, в лагере перед посылкой на работу производили так называемую проверку физически здоровых мужчин путем бега на расстояние 50 метров, и если человек хорошо пробежит, т. е. быстро и не споткнется, то остается живым, а остальных расстреливали. Там же, в этом лагере, была площадка, заросшая травой, на которой производили бег; если человек запутается в траве и упадет, то его немедленно расстреливали. Трава была выше колен. Женщин вешали за волосы, при этом раздевали догола, раскачивали их, и они висели, пока не умирали.

Был такой еще случай: одного молодого парня гестаповец Хайне поставил и резал от его тела куски мяса. И одному сделал в плечах 28 ран (ножевых). Этот человек вылезился и работал в бригаде смерти, впоследствии был расстрелен. Возле кухни во время получения кофе палач Хайне, когда стояла очередь, подходил к первому, который стоял в очереди, и спрашивал, почему он стоит впереди, и тут же его расстреливал. Таким же порядком он расстрелял несколько человек, а потом подходил к последнему в очереди и спрашивал его: «Почему ты стоишь последним?» и тут же расстреливал его. Все эти зверства я лично сам видел во время пребывания в Яновском лагере...»

...Судебно-медицинская экспертная комиссия, во главе с главным экспертом Красной Армии, профессором Авдеевым М. Н., провела обследование мест захороне-

ния и сжигания трупов в Лисеницах и установила:

«Симметричное расположение на поверхности площадок, где были обнаружены ямы с пеплом, молодых побегов деревьев, из которых часть засохла или слабо развивается, указывает на то, что деревья посажены на этих площадках искусственно, с целью маскировки площадок. Для этой же цели производилось вкапывание по поверхности площадок пней деревьев. Эти факты свидетельствуют о том, что немецко-фашистские власти всемерно стремились скрыть следы своих преступлений. Выбор места для своеобразных «фабрик смерти» в глубине котловины, скрытой почти со всех сторон от постороннего взора высокими холмами и деревьями, также помогал немцам орудовать скрыто. Естественные условия местности, применявшаяся маскировка и сильная охрана позволяли палачам творить свое страшное дело в глубокой тайне»...

Из акта осмотра в г. Львове костедробилки:

«9 сентября 1944 г. комиссия в составе председателя — председателя Железнодорожного райисполкома г. Львова т. Крижевича и членов — главного инженера электромеханического завода № 7 капитана г. Чекалкина и главного механика завода № 7 старшего техника-лейтенанта т. Слесарева, действующая на основании постановления помоблпрокурора от 19 сентября 1944 г., произвела осмотр машины для перемола костей расстрелянных и сожженных немецко-фашистскими разбойниками мирных советских граждан. Комиссия после тщательного осмотра машины и опроса персонала, работавшего при машине, установила:

1. Машина для перемола жженой кости смонтирована по специальному заданию на площадке автотракторного прицепа. Машина легко передвигается на любое расстояние, без демонтажа ее, посредством автомобиля или какого-либо другого транспорта. Приводится в движение от мотора, смонтированного на этой же площадке, канатной передачей. Машина состоит из барабана, привода, элеватора, архимедова винта и двигателя. Барабан, заводского массового производства, предназначен для измельчения материалов. Он состоит из трех частей — цилиндрической и двух боковых. Цилиндрическая часть литая, чугунная, болтами прикреплена к боковинам, также литым, массивным. Боковины мертво

закреплены на валу. В одном диске имеется отверстие, в котором находится винтовая лопасть для захвата костей в полость барабана. Внутренняя часть барабана облицована стальной броней, а наружная окована мелкой сеткой. Барабан заключен в кожух, нижняя часть которого является приемным бункером помола костей. Размер барабана: диаметр внутренний 900 мм, ширина 600 мм.

Привод. На валу барабана диаметром 70 мм со стороны двигателя сидит шестерня диаметром 375 мм, которая входит в зацепление с шестерней диаметром 160 мм, сидящей на промежуточном валу вместе с четырехлобчатым шкивом диаметром 730 мм, приводимым во вращение от двигателя.

Элеватор состоит из замкнутой цепи Галля с укрепленными на ней ковшами на расстоянии 300 мм между ними. Цепь движется между двух звездочек, укрепленных на раме элеватора. В движение цепь приводится от верхней звездочки диаметром 370 мм, сидящей на валу одновременно с другой звездочкой, соединяемой цепью Галля с звездочкой, сидящей на торцовой части вала барабана со стороны подачи костей.

Архимедов винт предназначен для подачи костной муки из бункера под барабаном к торцовой части площадки, к разгрузочному отверстию. Приводится винт в движение системой передач от вала нижней звездочки элеватора.

Двигателем является дизельный мотор мощностью приблизительно 5 лошадиных сил.

Процесс работы. Кость жженая, мелкая подается в приемную часть элеватора, откуда ковшами, укрепленными на цепи, подается в загрузочный бункер барабана. Из загрузочного бункера барабана винтовой лопастью кость захватывается в барабан. При вращении барабана кость размалывается парами (принцип паровой мельницы). Костная мука через отверстия в цилиндрической части барабана просыпается в приемный бункер. Из бункера мука архимедовым винтом подается к разгрузочному отверстию.

Кинематика машины. На валу двигателя сидит четырехлобчатый шкив диаметром 220 мм, который трапецевидными ремнями приводит в движение шкив привода барабана диаметром 730 мм. На валу этого шкива находится малая шестерня диаметром 160 мм,

которая, находясь в зацеплении с большой шестерней диаметром 375 мм, вращает барабан. На противоположном конце вала барабана закреплена звездочка, которая посредством цепи Галля вращает звездочку, сидящую на верхнем валу элеватора. На этом же валу сидит звездочка, приводящая в движение цепь элеватора. От вращения нижней звездочки элеватора системой передач вращается архимедов винт.

Машина может работать в любом выбранном месте и не требует специально подготовленного места. Перевозится установка автомобилем или каким-либо другим транспортом.

3. Машина при данных размерах имеет производительность приблизительно 3 куб. метра жженой, мелкой кости в час.

4. Машина изготовлена по специальному заданию и сконструирована для перемола жженой кости в любом месте. Барабан использован общего назначения паровых мельниц. Задача конструктора заключалась в выборе типа барабана, механизации загрузки кости в барабан, а также разгрузки муки. Предусматривался компактный монтаж установки, с возможностью помещения ее в любое выбранное место...»

Используя целую систему для того, чтобы максимально принизить человеческие существа, эсэсовцы терроризировали их и с помощью террора принуждали совершать поступки, которые должны были заставить их краснеть за самих себя; эта система привела к тому, что они не являлись более человеческими существами. Вот к чему стремились эсэсовцы.

В лагерях были дома терпимости для эсэсовцев и так же для заключенных, занимавших определенные должности. Таких заключенных называли «капо». Когда эсэсовцам нужна была прислуга, они приходили в сопровождении «оберуфзеерин», т. е. начальницы женского блока лагеря, и в то время, когда производилась дезинфекция, указывали на молоденькую девушку, которую начальница вызывала из рядов. Они осматривали ее, и если она была красивой и нравилась им, хвалили ее физические достоинства и с согласия «оберауфзеерин», которая говорила, что отобранная должна выражать полное послушание и делать все, что от нее потребуют, брали ее в качестве служанки.

Приходили во время дезинфекции потому, что женщины были в это время раздеты.

В целях ограничения своего персонала эсэсовцы использовали обычно заключенных для надзора в лагере. Сами же эсэсовцы осуществляли лишь верховный надзор. Эти заключенные были взяты из числа уголовных преступников или проституток-немок, или иногда иной национальности. В большинстве случаев это были немки. Заключенные страдали от их действий не в меньшей степени, чем от самих эсэсовцев. Они били так же, как били эсэсовцы, подобно эсэсовцам, мужчины вели себя так же, как женщины, а женщины были столь жестоки, как и мужчины. Между ними не было разницы.

Пытки, истязания и расстрелы в Яновском лагере совершались фашистами под музыку. Обычно во двор, в центр лагеря, выводили оркестрантов. Это были заключенные музыканты, многие из которых еще недавно приносили радость людям своим талантливым исполнением классической и народной музыки. Здесь же, стоя сомкнутым кругом, под вопли и крики истязаемых жертв играли они по несколько часов кряду одну и ту же мелодию — «Танго смерти» — так называли ее заключенные. Кто ее написал? Кто-то из заключенных композиторов. Родившись в лагере, она там и осталась вместе с расстрелянными оркестрантами, руководителем оркестра профессором Штриксом и известным львовским дирижером Мунтом. Произошла эта трагедия накануне освобождения Львова частями Красной Армии, когда фашисты стали ликвидировать Яновский лагерь.

Рассказывает С. Т. Кузьмин — член Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков:

«Здесь я хочу написать об истории одной фотографии, свидетельствующей о беспредельном цинизме нацистов. Это фотография оркестра Яновского лагеря.

Итак, после многочасового разговора с Левинтером у нас в руках оказалось большое количество фотодокументов из жизни Яновского лагеря, в том числе и этот единственный фотодокумент, подтверждавший, что рассказы оставшихся в живых узников Яновского лагеря о расстрелах под музыку — не плод больного воображения, расстроенного гитлеровским изуверством. На фотографии был запечатлен сомкнутый круг музыкантов, в центре его — дирижер, а в стороне стоят офицеры

и солдаты СС во главе с начальством лагеря. На Нюрнбергском процессе мир услышал многочисленные свидетельства о расстрелах узников под музыку во многих фашистских лагерях смерти, но это было потом. А сейчас на Львовщине мы столкнулись с таким фактом впервые. Поэтому и старались восстановить жестокую истину во всех ее подробностях.

Во время массовых арестов представителей интеллигенции очередь дошла до профессора Штрикса. И когда в одну из ночей настойчиво постучали в его квартиру, профессор спокойно спросил стучавшихся, кто им нужен. Услышав ответ, он сам отворил дверь, понимая, что настал и его черед.

В прихожую вломилась пара эсэсовца.

— Одевайся, да поживее. Нам угодно, чтобы вы следовали за нами.

Жена бросилась к саквоюжу, заранее приготовленному к этому визиту. Они ждали ареста со дня на день. Весь город в те дни жил в мучительном страхе.

— Вот и все,— сказал профессор, посмотрев на старого и преданного друга — беккеровский рояль, одиноко и беззащитно стоявший посреди комнаты.

Начальник Яновского лагеря, преуспевающий оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз встретил профессора с улыбкой.

— Вот и хорошо, господин Штрикс, чувствуйте себя здесь как дома. А теперь о деле. Представляю — мой помощник Рихард Рокито, ваш коллега по профессии, человек, надо сказать, с большой выдумкой. Он предложил осчастливить обитателей нашего хозяйства музыкой хорошего оркестра. Рокито в этом отношении классный специалист, он играл в ночных кабаре Польши и знает благодное влияние музыки на уставший организм человека. У нас здесь много уставших, и вы должны нам помочь облегчить их участь...

— Будете играть наши мелодии, вам надо только их аранжировать, а затем вы останетесь в оркестре, мы обеспечим вас питанием и жильем, и вы сможете заниматься своим любимым делом.

На этом начальник лагеря Вильгауз счел разговор законченным. Профессор поднялся, оглянувшись на автоматчика с овчаркой в дверях кабинета. И ему стало ясно, что теперь действительно конец. Отсюда живыми не уходят.

Музыку Вильгауз и Рокито заказали другому заключенному, имя которого тогда нам установить не удалось. Оставшиеся в живых узники лагеря говорили, что это было траурное произведение, насыщенное глубоким трагизмом, буквально крик отчаявшейся человеческой души.

Всю мучительную безысходность существования узников Яновского лагеря выразил композитор в мелодии, названной заключенными «Танго смерти».

— Кровь стыла в жилах и сердце цепенело, когда оркестр исполнял «Танго смерти», — говорили свидетели.

Мы пытались разыскать ноты или хотя бы людей, способных восстановить по памяти эту трагическую мелодию. Ведь лагерный оркестр исполнял ее ежедневно почти два года подряд, и за это время под звуки танго было уничтожено нацистами более двухсот тысяч человек. Но когда мы попросили бывших узников воспроизвести, пусть даже приблизительно, тему траурного сочинения, у них не хватило душевных сил заставить себя предаться страшным воспоминаниям.

Мы хорошо понимали этих людей и чувствовали, как трагически переплелись в их сознании звуки танго, треск пулеметных очередей, предсмертные крики обреченных и горы трупов, завершавшие эту страшную картину. От попыток предъявить в качестве обвинительного документа ноты пришлось отказаться. «Танго смерти», родившись в лагере, в нем и похоронено вместе с оркестрантами, которых уничтожили гитлеровцы, когда советские войска стремительным броском, продолжая освобождение украинской земли, летом 1944 года вышли на ближние подступы ко Львову.

Летом 1965 года у нас в стране проходил процесс над группой предателей, которые, как это было установлено в ходе судебного разбирательства, участвовали в пяти массовых расстрелах узников Яновского лагеря. Эти подсудимые подтвердили выводы Чрезвычайной государственной комиссии о том, что расстрелы заключенных в Яновском лагере проводились фашистами под музыку лагерного оркестра, исполнявшего «Танго смерти».

Свидетельница Анна Пойцер, работавшая судомойкой в солдатской кухне лагерной охраны, рассказала о последних минутах жизни музыкантов-смертников.

Рано поседевшая женщина со следами тяжелых душевных мук и страданий на изможденном лице, говорила тихим срывающимся голосом, когда комок подступал к горлу, о том, что довелось ей видеть из окна солдатской кухни. Своей цепкой памятью она как бы сфотографировала каждый эпизод драмы, разыгравшейся на лагерном плацу, когда гитлеровцы начали ликвидировать музыкантов.

В этот страшный серый, ненастный день 40 человек из оркестра выстроили в круг, их окружила плотным кольцом вооруженная охрана лагеря. Раздалась команда «Музик!» — и дирижер оркестра Мунт, как обычно, взмахнул рукой. Над лагерем понеслись терзающие душу звуки. И тут же прогремел выстрел. Это первым пал от пули палачей дирижер львовской оперы Мунт. Но звуки «танго» продолжали звучать над бараками, напоминая оставшимся в живых узникам об их скором конце.

Иступленно кричал комендант лагеря: «Музик!» Все громче играли музыканты, понимая, что на сей раз они исполняют реквием самим себе. Слишком много они знают о фашистских зверствах. Поэтому ни одного из них не оставят в живых фашисты, заметающие следы своих преступлений. По приказу коменданта каждый оркестрант выходил в центр круга, бережно клал свой инструмент на землю, раздевался догола, после этого раздавался выстрел, человек падал мертвым. И его предсмертный стон сливался с мелодией «танго». Вот уже замолкла первая скрипка. Вся труппа смычковых сократилась наполовину. Один за другим уходят из жизни флейтисты, валторнисты, гобоисты. С каждым выстрелом все меньше оставалось в оркестре музыкантов, все тише становились звуки музыки, все слышнее были крики умиравших.

Последним из этого обреченного круга, в центре которого уже лежала гора инструментов, одежда и трупы музыкантов, был профессор Львовской консерватории, известный композитор и музыкант Штрикс. Минуло почти два года с той драматической ночи, когда в квартире профессора появились эсэсовцы и с лицемерным почтением называли его господином, зная заранее, что как для всех заключенных, так и для него в лагере уготована участь бесправного раба.

Эсэсовцы весело смеялись, видя, как таяло живое

кольцо музыкантов вокруг профессора, и еще громче гоготали, когда он остался один перед ними, продолжая в одиночестве исполнять «Танго смерти».

— Господин профессор, ваша очередь, — ухмыляясь, произнес комендант. — Командование благодарит вас за музицирование, оно доставило нам истинное удовольствие.

Но гордый старик не опустил скрипку на землю. Он изящным жестом виртуоза поднял смычок и, припав щекой к инструменту, мощно заиграл, а потом и запел на немецком языке польскую песню «Вам завтра будет хуже, чем нам сегодня». Глумливые улыбки сошли с лиц охранников. По приказу коменданта один из них выстрелил в профессора. Пуля оборвала его на полуслове.

Эта история почему-то напомнила мне «Прощальную симфонию» Гайдна. Она исполняется при свете свечей, установленных перед каждым пюпитром. Закончив свою партию, музыкант гасит свечу и покидает сцену. Наконец, остается один исполнитель, который после заключительных аккордов сбивает смычком пламя свечи и уходит под рукоплескания зала. В Яновском лагере не было ни свечей, ни рукоплесканий. Но жизни заключенных гасли под пулями фашистов с такой же неотвратимостью, как огни над пюпитрами при исполнении симфонии Гайдна. Сама процедура расстрела музыкантов была, несомненно, выбрана каким-то эсэсовским знатоком музыки в подражание исполнению «Прощальной симфонии».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕДИКОВ

Была создана целая индустрия уничтожения. Крематории, газовые камеры и автомобили, костедробилки и т. д. Страшный перечень...

Но мало было убить, уничтожить — было создано целое производство по переработке трупов...

До какой же грани человеконенавистничества надо дойти, какой идеологии подчинить разум и талант ученого, чтобы под вывеской научного учреждения творить

то, что делалось в Гданьске (бывший Данциг) на базе старейшей Медицинской академии.

В 1943 году было построено на территории анатомического института Медицинской академии каменное здание, небольшое по площади, но с разного рода приспособлениями — «Фармакологический институт Медицинской академии», по существу организованный в полупромышленном масштабе для производства мыла из человеческих тел и дублирования человеческой кожи, сдираемой с умерщвленных людей.

Руководил этим делом уроженец города Киля директор анатомического института профессор Рудольф Шпаннер, заместителем его был доцент Вольман, офицер СС, ассистент — фон Барген. Трупы подносили Рейхарт и Борктан. В должности препаратора работал Мазур, поляк, принявший немецкое подданство в 1944 году.

Показания Мазура З. Ю. на Нюрнбергском процессе:

«Мазур Зигмунд Юзефович, 1920 года рождения, уроженец г. Данциг, поляк, принявший немецкое подданство в январе 1944 года, образование — окончил 6 классов польской гимназии в г. Данциге в 1939 году, служил добровольно в 1939 году в польском войске солдатом, из чиновников, холостой, со слов не судимый, проживал в г. Данциге, Бечергассе, д. № 2, должность до апреля 1945 года — препаратор анатомического института г. Данцига, имеет мать в г. Данциге, улица Нейшотланд, д. № 10, владеет польским и немецким языками.

В октябре 1940 года, будучи в Данциге, я искал себе работу.

Немецкий чиновник Густав Ланге из рабочего бюро Данцига, которому я отдал одну комнату из своей квартиры, обещал мне подобрать более лучшую, подходящую работу в каком-нибудь учебном заведении Данцига, после чего я был направлен в анатомический институт г. Данцига, где и начал работать с января 1941 года. Сначала я работал курьером три месяца. Работая курьером, я заинтересовался медициной и с помощью Ланге и профессора Шпаннера получил назначение на должность препаратора анатомического института с января 1941 года.

В мои обязанности как препаратора входило вычерчивание таблиц и помощь при вскрытии трупов.

Директором анатомического института был немец из г. Киля, профессор Шпаннер Рудольф, который в январе 1945 года выехал в район г. Галле.

Заместителем профессора Шпаннера был доктор доцент Вольман — офицер СС, но ходил он в штатском костюме и иногда в черном мундире СС. Вольман из Чехословакии, его чехословацкая фамилия Козлик.

В январе 1945 года он добровольно вступил в войска СС.

Ассистентом работала с октября 1944 года женщина Фосбек из Цоппота, которая уехала в Галле вместе с профессором Шпаннером. Она ассистировала профессору Шпаннеру.

Старший препаратор был фон Барген, который приехал в Данциг из г. Киля вместе с профессором Шпаннером.

Служителем для подноски трупов был немец Рейхерт из г. Данцига, ушедший в ноябре 1944 года в немецкую армию. Таким же служителем был и немец Боркман из г. Данцига, но где он сейчас находится, я не знаю.

Вопрос: Расскажите, как производилось мыловарение из человеческого жира при анатомическом институте г. Данцига.

Ответ: Рядом с анатомическим институтом в глубине двора летом 1943 года было построено каменное одноэтажное здание из трех комнат. Здание это было построено для обработки трупов, вываривания костей. Так было объявлено официально профессором Шпаннером. Именовалась эта лаборатория лабораторией для изготовления скелетов человеческих и сжигания мяса и ненужных костей. Но уже зимой 1943—1944 года профессор Шпаннер приказал собирать человеческий жир и не выбрасывать его. Это приказание было отдано Рейхерту и Боркману.

В феврале 1944 года профессор Шпаннер дал мне рецепт приготовления мыла из человеческого жира. В этом рецепте предписывалось брать человеческий жир 5 кило с 10 литрами воды и 500 или 1000 г каустической соды — все это варить 2—3 часа, затем дать остыть. Мыло всплывает вверх, а остатки и вода остаются на дне в ведрах. К смеси прибавлялось еще и поваренной соли пригоршня и сода. Затем добавлялась свежая вода, и смесь снова варилась 2—3 часа. После остывания готовое мыло выливалось в формы.

Мыло получалось неприятного запаха. Для того, чтобы уничтожить этот неприятный запах, прибавлялся бензальгедид.

Работа по изготовлению мыла из человеческого жира началась в январе 1944 года. Непосредственным начальником фабрики мыла был старший препаратер фон Барген. Все оборудование было взято из анатомического института.

Первая партия трупов была доставлена из Конрадштейна из психиатрической больницы, количество не помню.

Кроме того, был большой запас трупов в анатомическом институте в количестве около 400 трупов. Значительная часть трупов была обезглавлена. Обезглавленные трупы были доставлены после гильотинирования в тюрьме г. Кенигсберга, а в 1944 году гильотина была установлена в тюрьме г. Данцига. Эту гильотину я видел в одной из комнат тюрьмы и видел я ее, когда ездил в тюрьму г. Данцига за трупами. Схему гильотины прилагаю.

Когда я приезжал в тюрьму за трупами, то трупы были свежие, только что после казни, и брали мы их в комнате, соседней с той, где находилась гильотина. Трупы были еще теплые.

К каждому трупу была карточка с указанием фамилии и года рождения, и эти фамилии в анатомическом институте вписывались в особую книжку; где находится сейчас эта книжка, я не знаю. В тюрьму за трупами в г. Данциг я ездил 4—5 раз.

Из лагеря Штрутхоф Боркман привез 4 трупа русских людей, мужчин.

Жир собирали с человеческих трупов Боркман и Рейхерт.

Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней — от 3 до 7 дней. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем для этих варок было собрано 70—80 килограммов человеческого жира, примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору Шпаннеру, который его хранил у себя лично.

Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось гитлеровское

правительство. В анатомический институт приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения Конти, гаулейтер Данцига Альберт Форстер, а также много профессоров из других медицинских институтов.

Сам я лично для своих потребностей, для туалета и стирки, употреблял это мыло из человеческого жира. Лично для себя я взял этого мыла четыре килограмма.

Так как эта работа по производству мыла производилась по приказанию профессора Шпаннера, то я считал это нормальным явлением.

Лично для себя также брали мыло Рейхтер, Боркман, фон Барген и наш шеф профессор Шпаннер, а также остальные сотрудники.

Некоторым студентам, помогавшим в работе, также давали это мыло.

Профессор Шпаннер говорил, что производство мыла из человеческого жира надо держать в секрете.

У нас в институте приготовление мыла носило экспериментальный характер, но когда предполагалось использование трупов для производства мыла в широких масштабах, мне не известно.

Профессор Шпаннер старался достать как можно больше трупов и вел переписку с тюрьмами и лагерями, с которыми договаривался о том, что трупы в этих местах бронируются Данцигским анатомическим институтом.

Поступающие трупы в препараточной нами обривались, причем волосы сжигались, во всяком случае факты использования волос мне неизвестны.

Точно так же, как человеческий жир, профессор Шпаннер приказал собирать человеческую кожу, которая после обезжиривания подвергалась обработке определенными химическими веществами. Производством человеческой кожи занимался старший препаратор фон Барген и сам профессор Шпаннер. Выработанная кожа складывалась в ящики и шла для специальных целей, но каких, я не знаю.

В анатомическом институте происходили конференции научного состава, и я знаю таких конференций три, но что на них обсуждалось, сказать не могу, так как я на них не присутствовал.

Записано с моих слов правильно, мне переведено на польский язык, подтверждаю.

Подпись: *Мазур Зигмунд*».

Протокол дополнительного допроса от 11 июня 1945 г.:

«Мазур объявил, что он будет давать показания на польском языке.

Вопрос: На прошлых допросах вы показывали, что варка мыла из человеческого жира вами производилась по рецепту, данному профессором Шпаннером.

Скажите, рецепт был получен вами в устной или в письменной форме?

Ответ: После того, как я получил указание профессора Шпаннера приступить к варке мыла из человеческого жира, сразу же, в тот же день, профессор Шпаннер мне лично вручил рецепт приготовления этого мыла в письменном виде. Точнее, данный рецепт был отпечатан на пишущей машинке на бланке анатомического института. Как только я прочел рецепт, Шпаннер у меня его забрал и тут же сказал старшему препаратору фон Бергену приклеить его к фанерной доске и прибить доску вместе с рецептом в здании, в котором готовилось такое мыло, точнее, во второй комнате этого здания — средней комнате, что фон Берген немедленно выполнил. Это происходило 15 февраля 1944 г. в присутствии секретаря Хорн и четырех студентов. В тот же самый день из человеческого жира мы приготовили мыло.

Вопрос: Вам предъявлен рецепт, напечатанный на бланке анатомического института. Что вы имеете заявить в отношении этого рецепта?

Ответ: Предъявленный мне рецепт, датированный 15 февраля 1944 г., является тем самым рецептом, о котором я только что показал. Этот рецепт был приклеен на фанерную доску, которая висела в здании, в котором происходила варка мыла.

Записано с моих слов верно, мне прочитано и переведено на мой родной, польский язык.

Подпись: *Мазур*».

Рецептура мыла, обнаруженного в Данцигском анатомическом институте Медицинской академии:

«Анатомический институт
Медицинской академии
Директор проф. д-р Шпаннер

Данциг, 15 февраля 1944 г.
Делбрюккалея, 76

ПРОИЗВОДСТВО МЫЛА ИЗ ОСТАТКОВ ЖИРОВ

10—12 фунтов жира

10 литров воды

1000 граммов раствора натрона () для твердого мыла или

1000 граммов калиумоксида для жидкого мыла и 1 пригоршня соды.

Варить в котле три часа. Прибавить полную пригоршню поваренной соли, немного поварить и оставить застыть. Застывшую поверхность снять, разрезать и снова переварить от полутора до двух часов с одним-двумя литрами воды.

Вылить в плоские миски и оставить застыть.

Разрезать на куски для употребления.

Раствор, который остается после первого остуживания, может употребляться в разбавленном виде для чистки.

Чтобы устранить запах, можно добавлять в мыло перед застыванием вещество для запаха, например бензальдегид».

Из сообщения Британского национального отдела комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений в анатомическом институте в Данциге:

«Письменное показание

Я, Джон Виттон, рядовой № 3965290 королевского суссекского полка, в настоящее время находящийся на службе в 3-й войсковой части, расположенной в Нортгемптоне с постоянным адресом в Лондоне Е 15, Стратфорд, Эмитт род, 4, приношу присягу и сообщаю следующее:

Трупы прибывали в количестве от 7 до 8 в день. Все они были обезглавлены и раздеты догола. Иногда их доставляли в автомашинах Красного Креста в деревянных ящиках, вмещавших 5—6 трупов, иногда приходилось замечать на трупах следы увечья или насилия, за исключением одного русского, у которого сохранились следы ранения в области живота. Трупы обычно выгружали с предельной быстротой и сносили в погреб, в который вела боковая дверь из фойе при главном входе в институт. В этом погребе при помощи трубок через

отверстие в шее в трупы вводили какую-то жидкость, содержащуюся в цилиндрических баллонах. Затем их помещали в большие металлические сосуды, где их оставляли, примерно на 4 месяца.

Впоследствии их относили наверх, клали на столы в главном зале и вскрывали. Мне самому приходилось заниматься перетаскиванием трупов в погреб и в зал, где производилось вскрытие, и в конце дня выносить их оттуда. После вскрытия сносили в крематорий, построенный той рабочей бригадой, членом которой я был. У тех трупов, которые более или менее сохранились, с рук, живота и ног снимали всю ткань. Вследствие того, что трупы предварительно пропитывались какой-то жидкостью, ткань очень легко отделялась от костей. Затем всю ткань складывали в бак для кипячения размером небольшого кухонного стола. Этот бак был весьма сложного устройства. Он был установлен, насколько я помню, около рождества 1943 года. После кипячения полученную жидкость разливали по белым сосудам в 3 см. Эти сосуды затем выставляли на солнце для высушивания. Обычно в день машина давала 3—4 таких сосуда. К обслуживанию этой машины допускались лишь немногие студенты. После всех упомянутых процедур полученное вещество куда-то уносили, и я не знаю, что с ним делали дальше. Студенты рассказывали мне, что это вещество употребляли в качестве мыла; однако до употребления это вещество обрабатывали каким-то химическим препаратом для того, чтобы избавиться от дурного запаха».

Широко практиковалось снятие кожи с трупов заключенных. Доктор Гашер и доктор Волтер особенно требовали снимать человеческую кожу с шеи и спины. Ее подвергали химической обработке и затем высушивали на солнце. Эту кожу использовали для изготовления седел, перчаток, домашних туфель и дамских сумок. В особенности ценили эсэсовцы татуированную кожу. Однако было запрещено использовать и кроить кожу немцев. Кожу брали только со здоровых заключенных, и она не должна была иметь какие-либо дефекты. Иногда, когда не хватало такой кожи, Рашер говорил: «Мы достанем вам эти тела». На следующий день мы получали тела 20—30 молодых людей. Их расстреливали обычно в шею или голову, таким образом, чтобы не повредить кожу.

Из показаний военнопленного охранника концлагеря Бухенвальд Андреаса Пфаффенберга:

«...После того, как осмотрели заключенных, у которых имелась татуировка, тех из них, у которых татуировка была наиболее интересная и художественная, поместили в больницу, а затем они были убиты посредством впрыскивания, которое производил Карл Байгс, уголовный заключенный. Вслед за этим трупы были переданы в больничный морг, где желаемые куски кожи с татуировкой были вырезаны и обработаны. Затем в обработанном виде эта кожа была передана жене штандартенфюрера СС Коха, которая использовала эту кожу в качестве абажуров и других украшений для дома. Я сам видел различные куски татуированной кожи с рисунками и надписями. Например, надпись «Ганс и Гретель», которая была на колене одного заключенного, и рисунки кораблей, которые были вытатуированы на груди заключенных. Эта работа выполнялась заключенным Вернербахом».

Начальник лагеря Дахау украсил свой кабинет мифифицированной головой одного из заключенных. Вот история, связанная с этим «украшением»: заключенный молодой человек посмел заступиться перед лагерным надсмотрщиком за свою любимую девушку. В наказание его гильотинировали. Юноша был очень красив, и начальник лагеря пожелал, чтобы из отрубленной головы сделали «украшение» для его кабинета. В кругу своих товарищей он считался большим «знатоком прекрасного».

В Страсбурге обществом по изучению наследственности «Аненарбе» создавалась коллекция скелетов и черепов. Перед вами запись стенограммы заседания Международного военного трибунала от 8—9 августа 1946 г.:

«Допрос свидетеля Зиверса

Элвис Джонс: Вы — Вольфрам Зиверс, и с 1935 года вы были имперским директором «Аненарбе» (общество по изучению наследственности), не так ли?

Зиверс: Я был управляющим делами общества «Аненарбе».

Э. Д.: Вы когда-нибудь слышали о коллекции скелетов, имевшихся у профессора Хирта?

З.: Да, слышал об этом.

Э. Д.: Вы принимали весьма активное участие в создании этой коллекции скелетов?

З.: Нет.

Э. Д.: Я хочу, чтобы вы прежде всего взглянули на документ № ВВ-573. Сейчас мы проверим, насколько правильно то, что вы не имели ничего общего с этой коллекцией. Это письмо Брандта в главное управление имперской безопасности, датированное 6 ноября 1942 г. Брандт был адъютантом Гиммлера, не так ли?

З.: Он был личным референтом.

Э. Д.: Итак, в этом письме сказано:

«Содержание. Создание коллекции скелетов в анатомическом институте в Страсбурге.

Рейхсфюрер СС приказал, чтобы все, что необходимо для исследовательской работы капитана СС (гауптштурмфюрера) профессора доктора Хирта, который в то же время является директором одного из отделов военно-исследовательского института специального назначения в управлении по вопросам наследственности, было предоставлено в его распоряжение. По приказу рейхсфюрера СС я прошу вас организовать запланированную коллекцию скелетов. Подполковник СС (оберштурмбаннфюрер) Зиверс свяжется с вами для выяснения подробностей».

Этот Зиверс — это вы, не так ли?

З.: Да.

Э. Д.: С вами связались для выяснения подробностей?

З.: Здесь речь идет об увеличении анатомической коллекции страсбургского университета, который тогда перешел в наше ведение, именно о реорганизации так называемого анатомического музея, как это принято во всех отделах университетов.

Э. Д.: То есть это был просто вопрос анатомического исследования, не так ли?

З.: Да.

Э. Д.: Откуда вы собирались получить эти скелеты?

З.: О подробностях должен был договориться профессор Хирт.

Э. Д.: Вы просто ответьте на мой вопрос, потому что ответ вам прекрасно известен. Откуда вы собирались получать эти скелеты?

З.: Мы должны были получать их из Освенцима.

Э. Д.: Теперь взгляните на письмо, направленное вами Брандту в ответ на его запрос, в котором вы сове-

туете ему, где именно можно достать эти скелеты. Это документ № 085, мы представляем его под номером ВВ-574.

Это письмо озаглавлено: «Общество по изучению наследственности», от 9 февраля 1942 г. помечено: «Секретно». Письмо адресовано Брандту, адъютанту Гиммлера. Это ваше письмо, не так ли? Это ваша подпись в конце письма?

З.: Да.

Э. Д.: Я прочту его. «Дорогой Брандт! Отчет профессора доктора Хирта, который вы затребовали в вашем письме от 29 декабря 1941 г., приложен к настоящему письму. Я не имел возможности направить вам его ранее, так как профессор Хирт был тяжело болен». Затем следуют подробности его болезни. «Поэтому профессор Хирт смог написать только предварительный отчет, который я, однако, хотел бы Вам представить».

Этот отчет касается: 1) его исследований в области микроскопии живых органов; открытия новых методов исследования и конструкции нового микроскопа; 2) его предложения по поводу получения черепов еврейско-большевистских комиссаров».

Затем следует ваша подпись. Вы послали это письмо и отчет профессора Хирта и его предложения. Вот отчет Хирта:

«Содержание: Коллекционирование черепов еврейско-большевистских комиссаров с целью исследования в имперском университете в Страсбурге.

Мы имеем полную коллекцию черепов всех рас и народов. Что касается еврейской расы, то мы имеем лишь очень немного экспонатов черепов, вследствие чего невозможно прийти к каким-либо определенным выводам в результате их исследования. Война на Востоке теперь дает нам возможность восполнить этот пробел.

Лучшим практическим методом для получения и отбора этой коллекции черепов явится распоряжение вооруженным силам немедленно передавать живыми полевой полиции всех захваченных еврейско-большевистских комиссаров. В свою очередь полевая полиция должна получить соответствующие директивы регулярно сообщать определенному учреждению относительно количества и места заключения захваченных евреев и тщательно за ними следить до прибытия специального уполномоченного, которому будет поручен сбор матери-

ала. Он должен предварительно заснять на пленку, провести антропологические измерения и, насколько это возможно, установить происхождение, дату рождения заключенного и другие личные данные о нем.

Вслед за тем, как эти евреи будут умерщвлены,— причем надо следить за тем, чтобы голова не была повреждена,— уполномоченный отделит голову от тела и пошлет ее в герметически закрытом жестяном ящике, специально сделанном для этой цели и наполненном консервирующей жидкостью, в назначенный для этого пункт. По прибытии в лабораторию можно приступить к фотографированию, сравнениям и анатомическим исследованиям черепа, а также к исследованиям по установлению принадлежности к расе, относительно патологических явлений, формы черепа, формы и объема мозга и т. д. Основой для этого изучения послужат фотографии, измерения и другие данные о голове и, наконец, исследование самого черепа. Самым подходящим местом для хранения и исследования полученных таким образом коллекций черепов является новый имперский университет в Страсбурге в силу своего призвания и стоящих перед ним задач».

Это ведь был отчет, который вы переслали Брандту?

З.: Да, это отчет профессора Хирта.

Э. Д.: Каким образом проходило такое коллекционирование черепов живых людей?

З.: Я не могу об этом сказать в деталях. Во время предварительных допросов я указал на то, что в связи с этим делом необходимо допросить самого профессора Хирта.

Э. Д.: Теперь, свидетель, я хочу еще раз дать вам возможность сказать правду. Вы заявляете Трибуналу, что вы не знаете о том, как собиралась коллекция черепов и скелетов?

З.: Это вытекает из отчета. По распоряжению Гимmlера выполнение этой задачи было поручено соответствующим лицам.

Э. Д.: Кто практически проводил это коллекционирование? Вы имели какое-нибудь отношение к этому, к сбору трупов?

З.: Нет, я вообще не имел никакого отношения к этому. Я также не знаю, каким образом возник этот вопрос, поскольку я не знаю ни личной переписки Гимmlера

с Хиртом, ни переговоров, которые имели место между ними еще до этого времени.

Э. Д.: Хорошо, свидетель, я дал вам возможность избежать нарушения присяги. Вы не воспользовались этой возможностью. Я прошу вас взглянуть на документ № 086. Это еще одно из ваших писем, написанное вами снова адъютанту Гимmlера; оно помечено «секретно» и датировано 2 ноября 1942 г.

«Дорогой Брандт! Как вам известно, рейхсфюрер СС приказал, чтобы гауптштурмбаннфюреру СС профессору Хирту было предоставлено все необходимое для производства его опытов. Для некоторых антропологических опытов — я уже докладывал о них рейхсфюреру СС — необходимы 150 скелетов военнопленных или евреев, которые должны быть поставлены концентрационным лагерем Освенцим. Единственное, что остается сделать, это, чтобы главное управление имперской безопасности получило официальную директиву от рейхсфюрера СС. Это, однако, может быть сделано также вами от имени рейхсфюрера СС».

Вы уже обсуждали этот вопрос с Гимmlером, не так ли, свидетель? Вы были его агентом по сбору этих живых людей и превращению их в скелеты? Это правильно, свидетель?

З.: В этой форме это неправильно. Все эти события занимают такой большой период времени, что поскольку я занимался лишь отдельными деталями, я не могу восстановить сейчас здесь так поспешно общей связи.

Э. Д.: Я совершенно уверен, что вы вовсе не спешите восстановить их, так как я уверен, что вам не трудно это сделать. Вы вторично нарушаете присягу, и я хочу указать вам на то, что вы хорошо знаете, что означает присяга. Вы — образованный человек. Посмотрите на следующий документ № 089, предъявляемый для того, чтобы освежить вашу память и показать вам степень вашей причастности к этому делу.

Это — письмо Брандта, адресованное в главное имперское управление безопасности, датированное 6 ноября 1942 г., помеченное: «Секретно. К сведению оберштурмбаннфюрера СС Эйхмана из Главного имперского управления безопасности. Содержание: Создание коллекции скелетов для анатомического института в Страсбурге».

З.: Да.

Э. Д.: «...Рейхсфюрер СС издал директиву для того, чтобы гауптштурмбаннфюрер СС профессор доктор Хирт, который является директором анатомического института в Страсбурге и главой одного отделения института военно-научных исследований общества по вопросам наследственности, получил все, что ему необходимо для исследовательской работы. Поэтому в соответствии с приказом рейхсфюрера СС я прошу вас сделать все возможное для создания коллекции. Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс установит с вами связи с тем, чтобы договориться о подробностях и деталях».

Вы все еще говорите, что не знаете подробностей этого дела?

З.: Этого я ведь не говорил. Однако здесь речь идет о целом историческом развитии всего этого дела. Поэтому я не могу сказать, с какого момента это дело была начато, поскольку это обсуждалось на совещаниях между Гиммлером и Хиртом, которые имели место еще до того, как Хирт стал директором анатомического отдела в Страсбурге и тем самым получил возможность выполнить поручение — создать современный анатомический музей со всем необходимым современным научным оборудованием и коллекциями. После этого Хирт, учитывая переговоры, которые он вел раньше с Гиммлером, подал ходатайство, как это следует из его отчета. Затем я получил указание помогать Хирту при выполнении этого поручения, которое ему дал Гиммлер. Я не знаю, действительно ли оно исходило от самого Гиммлера...

Э. Д.: Одну минуту, свидетель. Сколько человеческих существ было убито для того, чтобы создать эту коллекцию скелетов?

З.: В этом отчете речь шла о 150 лицах.

Э. Д.: И вы оказывали содействие в убийстве всех этих лиц?

З.: Я не имел никакого отношения к убийству этих людей. Я выполнял лишь задачи почтальона.

Э. Д.: Вы опять были только почтовой конторой — одной из этих прославленных нацистских почтовых контор, не так ли?

З.: Если вы ссылаетесь, как я заключаю из вашего вопроса, на мой допрос в Комитете, то я должен указать на то, что во время допроса в Комитете рассматривался только вопрос о деятельности группы Рашера.

Э. Д.: Я совершенно ясно ставил вам вопросы во

время перекрестного допроса в Комитете. Мой последний вопрос занесен на страницу 1939 стенограммы. Вопрос такой: «Как вы считаете, сколько людей было убито в связи с опытами, проводившимися Рашером, и другими опытами, которым покровительствовала нацистская наука?» Вы ответили мне: «Я не могу этого сказать, потому что я не был в курсе этих вопросов».

Давайте обратимся к следующему документу за номером...

З.: Но сегодня я не могу указать точные даты, и я не знаю также точно числа лиц, предназначенных для экспериментов Рашера. Вследствие этого я не могу сказать: их было столько-то или столько-то, если я не знаю этого.

Э. Д.: Вы под присягой заявили уполномоченному Комитета, что вы не были в курсе этих вопросов. Обратитесь, пожалуйста, к документу № 087, чтобы освежить вашу память. Это — еще одно из ваших писем. Оно озаглавлено: «Общество по изучению наследственности, институт военно-научных исследований».

Вы были директором этого института, не так ли?

З.: Да, я был имперским управляющим делами этого общества.

Э. Д.: Оно датировано 21 июня 1943 г. и обозначено: «Совершенно секретно. Главному управлению имперской безопасности. Отдел IV Б-4. Лично оберштурмбаннфюреру СС Эйхману. Содержание: Создание коллекции скелетов».

«Ссылаясь на письмо от 25 сентября 1942 г. отдела IV Б-4 и личные разговоры, которые с того времени имели место на эту тему, я хочу информировать вас, что сотрудник местной инстанции гауптштурмфюрер СС доктор Бруно Хаген, который выполнял вышеупомянутое специальное задание, 15 июня 1943 г. прервал свои опыты в концентрационном лагере Освенцим в связи с возникшей опасностью эпидемии. Всего 115 лиц были подвергнуты опытам, в том числе 79 евреев, 2 поляка...

Дальнейшие опыты над этими отобранными заключенными потребуют перевода их в лагерь Натцвейлер. Этот перевод должен быть проведен как можно скорее, так как в Освенциме существует опасность эпидемии. Список отобранных лиц прилагается.

Просим издать соответствующие директивы, поскольку этот перевод заключенных сопряжен с некоторой

опасностью перенесения эпидемии в Натцвейлер; просим также, чтобы из Натцвейлера в Освенцим немедленно была выслана дезинфицированная чистая одежда для 80 мужчин и 30 женщин. В то же время для 30 женщин надо приготовить в концентрационном лагере Натцвейлер временное жилище».

Какова дальнейшая судьба этой коллекции скелетов? Где ее собирали?.. Посмотрите на документ № 088. Это — еще одно ваше письмо Брандту, адъютанту Гимлера; оно направлено в личную ставку рейхсфюрера СС, отдел по вопросу наследственности? Тема письма — «Коллекция скелетов евреев».

«Согласно предложению от 9 февраля 1942 г. и с вашего одобрения 23 февраля 1942 г., штурмбаннфюрер СС профессор Хирт собрал коллекцию, которой прежде не существовало. Из-за большой работы научно-исследовательского характера, связанной с этой коллекцией, превращение тел в скелеты еще не закончено: Поскольку потребовалось бы еще некоторое время для 80 скелетов, Хирт запросил директив, касающихся обращения с коллекцией, собранной в морге анатомического института, в том случае, если Страсбург подвергнется опасности.

От тел сложно отделить мясо, и, таким образом, нельзя будет определить, кто были эти люди. Однако это означало бы, что часть всей работы была бы сделана напрасно и что необыкновенная коллекция будет потеряна для науки, так как после этого будет невозможно сделать гипсовые слепки. Коллекция скелетов может остаться незаметной. Можно было бы заявить, что мясо с костей было оставлено французами в то время, когда мы взяли у них анатомический институт, для того, чтобы предать его кремации. Пожалуйста, сообщите, какое из следующих трех предложений должно быть проведено в жизнь: 1) коллекция в целом должна быть сохранена; 2) коллекция должна быть уничтожена частично; 3) коллекция должна быть целиком уничтожена».

Следующий документ от 26 октября 1944 г. Это тоже записка Берга доктору Брандту.

«Во время моего посещения оперативного штаба, 21 октября 1944 г., штандартерфюрер СС Зиверс сообщил мне, что за это время коллекция в Страсбурге полностью уничтожена в соответствии с этой директивой, которая была получена в свое время. Он придержи-

вается того мнения, что лучше всего поступить именно так, принимая во внимание создавшееся положение».

Какое вы имели отношение к проводимым на живых людях опытам с отравляющими газами или химическим веществом «ЛОСТ», к опытам по изысканию методов лечения ран, вызванных вашим препаратом «ЛОСТ»?

З.: Профессор Хирт развернул деятельность терапевтического отделения для лечения ран, нанесенных в результате действия этого отравляющего вещества «ЛОСТ».

Э. Д.: Я попрошу вас взглянуть на ваш дневник за 1944 год, то есть дневник «Общества по вопросам наследственности».

Первая запись относится к 6 января, 18 часов 30 минут. Гауптштурмфюрер СС доктор Рашер: параграф «с) Письмо рейхсфюрера СС обергруппенфюреру СС Полю относительно помощи в проведении научно-исследовательской работы. д) Предоставление помещений для проведения опытов по замораживанию». Они производились в Дахау, не так ли?

З.: Да, они должны были производиться. Здесь речь идет о записи относительно совещания с Рашером, на котором он докладывал об этом.

Э. Д.: Что же, свидетель, вы заявляете, что в Дахау не производились опыты по замораживанию?

З.: Рашер сказал мне, что он еще не может провести этих опытов и что их следует проводить в такой местности, в которой бы царил постоянная низкая температура воздуха.

Э. Д.: Но ведь вы сами лично видели, как проводились некоторые из этих опытов в Дахау, разве не так? Вы ведь время от времени бывали в Дахау?

З.: Я опасаясь, что здесь вкралась ошибка. Здесь путают опыты по сверхнизким температурам для ВВС и опыты по замораживанию, которые должны были быть проведены позже ввиду случаев замерзания людей на Востоке. Здесь, в 1944 году, речь идет об опытах по замораживанию...

Э. Д.: Какие опыты по замораживанию вы обычно наблюдали?

З.: Я знаю только об опытах по сверхнизким температурам, которые проводились для ВВС.

Э. Д.: Теперь обратите внимание на запись от 25 февраля. 25 февраля у вас сделана запись о приказе

рейхсфюрера СС о работе в Дахау совместно с доктором Рашером.

«22 марта с 18.30 до 21 часа гауптштурмфюрер СС доктор Рашер проводил подготовку к экспериментам по замораживанию на зимнее полугодие 1944—45 года».

З.: Я видел два эксперимента. Один... Как я уже вчера говорил, в данном случае речь шла об опыте, который я видел не полностью, в то время, когда там был профессор Хирт, другой же опыт я видел в камере низкого давления.

Э. Д.: Я хочу, чтобы вы посмотрели на 30-ю страницу книги документов. Пахолегг говорит:

«Я лично видел через глазок камеры, как один заключенный находился в разреженном пространстве до тех пор, пока у него не лопнули легкие. Некоторые эксперименты вызывали у людей такое давление в голове, что они сходили с ума и рвали на себе волосы, стараясь освободиться от этого давления. В своем безумии они разрывали себе лицо и голову ногтями в попытке покалечить себя. Обычно эти эксперименты с крайне низким давлением настолько часто кончались смертью, что они использовались скорее как обычное средство казни, чем как эксперимент. Я знаю случаи, когда при экспериментах Рашера заключенные находились в условиях низкого давления либо высокого давления или комбинации того и другого в течение 30 минут. Эксперименты в целом делились на две группы: одни из них известны под названием «живых экспериментов», а другие — просто как «Х» эксперименты, что, иначе говоря, означало казнь».

...Посмотрите на документ № 1698-ПС. В нем сказано:

«Наследие предков, германская научная миссия, аванпост Фландрия, оберштурмфюрер СС, доктор Августин. Годовой отчет. Цель работы — оказать влияние на широкие слои интеллигенции во Фландрии и Валлонии. Следуя германской линии, которая представлена только в лице СС, необходимо: 1) Прорвать фронт либерально-гуманистического просвещения путем привлечения на свою сторону лиц, занимающих основные посты в интеллектуальной жизни страны. 2) Выступить против великогерманского мифа с идеей создания великогерманского культурного и национального самосознания с помощью весьма эффективных, замаскированных под

нейтральные, средств политической пропаганды в науке, перед лицом французских притязаний на культуру и комплекса неполноценности у фламандцев».

Из заключения судебно-медицинской экспертизы, произведенной в Освенцимском лагере:

...Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми.

1. Массовое иссечение тканей шейки матки или даже полную ампутацию последней.

2. Испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.

3. Стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области, с последующим чревосечением и изъятием яичников. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.

4. Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвина, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер из Кенигсхютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.

5. Стерилизация мужчин путем рентгеновского облучения.

6. Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмон.

7. Ряд других опытов — искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д.

Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключенных. После окончательного использования заключенных для экспериментов их убивали и сжигали. Этим путем немцы стремились уничтожить свидетелей бесчеловечных опытов.

Из показаний свидетеля, бывшего заключенного Штерна Самуила Абрамовича, жителя г. Бухареста:

«...В лагере Аушвиц я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию обер-

фельдфебеля Кошуба я делал уколы и другие манипуляции заключенным. Хорошо знаю, что многим заключенным впрыскивался керосин под кожу в голень...

Второй метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80-процентный раствор уксусно-кислого алюминия (алюминь-ацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование... Кошуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков...»

Из письма доктора медицины С. Рашера от 17 февраля 1945 г. на имя Генриха Гиммлера, рейхсфюрера СС:

«...Проще было бы, если бы я был переведен в части СС и смог бы поехать с племянником в Аушвиц, где бы я мог более быстро на ряде опытов разрешить вопрос отогревания обмороживаний, происшедших на суше. Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территория больше. Потом, это будет меньше привлекать к себе внимания (испытываемые кричат, когда замерзают).

Если, уважаемый рейхсфюрер, в наших интересах ускорить важные для армии опыты в Аушвице (Люблине или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.

С приветом и благодарностью. Хайль Гитлер!
Вам всегда преданный С. Рашер».

Из сообщения Чрезвычайной Государственной комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме:

«...В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному зара-

жению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ...

В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами.

В 10-м блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки...

В блоке № 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация проводилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удалялись одно или оба яичка для исследования...»

Из показаний голландского врача де Винда:

«...Опытам были подвергнуты 15 девушек от 17 до 18 лет, между прочим: Шимми Белла из Солоник (Греция), Буэна Дора из Солоник (Греция). Из 15 девушек осталось в живых лишь несколько. Они находятся, к сожалению, во власти немцев, вследствие чего об этих зверских опытах у нас нет объективных данных. Несомненно следующее. Девушек ставили между двумя плитами с ультракоротковолновым полем; один электрод ставили на живот, а другой помещали на ягодицах, фокус лучей направлялся на яичники, вследствие чего яичники сгорали. Вследствие неправильной дозировки на животе и ягодицах появлялись серьезные ожоги. Одна из девушек от таких страшных поражений умерла; других девушек отправили в Биркенау в санчасть или в рабочие группы...

Через месяц они вернулись в Освенцим. В Освенциме им сделали две контрольные операции: один разрез в длину, другой поперек, причем удалили половые органы для исследования их состояния. Девушки совершенно изменились внешне вследствие выпадения гормональных проявлений и походили на старух».

Об условиях, при которых некая цыганка Люция Страздынш имеет право жить в Либаве (из отношения начальника отделения полиции безопасности в Либаве лейтенанта Франка от 10 декабря 1941 г.):

...Префекту г. Либава.

Решено, что цыганка Люция Страздынш имеет право здесь жить только в том случае, если она подвергнется стерилизации.

Объявить ей об этом и доложить о результатах.

Франк,
лейтенант участковой полиции безопасности
и начальник отделения полиции безопасности».

Подвергавшийся экспериментам Валикура М. сообщил: «...спустя несколько дней после того, как меня привезли в Биркенау, кажется, в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, т. е. 1 ноября 1943 г., я был подвергнут кастрации... Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек...»

Свидетель Сурес Давид из г. Салоник (Греция) дал следующее показание: «Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Брикенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через один месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, всем стерилизованным была произведена операция — кастрация...»

Бывшая заключенная Хаузер М. (Париж, Ситэ Мильтон, 9) сообщила: «...В Аушвице нас поместили в 10-й блок. Для чего нас забрали в 10-й блок, мы не знали. В этом блоке было больничное отделение, хотя все мы были совершенно здоровые женщины... В 10-м блоке у меня сначала взяли один шприц крови; для чего брали кровь, мне не известно. В конце августа 1943 года меня взяли в операционную комнату, дали наркоз и под наркозом сделали операцию в половых органах. Операцию делал заключенный врач Самуэль под руковод-

ством и по указанию немецкого врача Вирца. После этой операции я пролежала в 10-м блоке больной 11 месяцев. Из числа подвергавшихся стерилизации была одна еврейка из Греции по имени Бела, фамилии ее не знаю. После рентгеновских лучей ей была сделана операция: разрез вдоль живота. После операции она поправилась и рана на животе зажила. Приехал в 10-й блок немецкий врач Шуман и в порядке контрольной проверки, взял Белу в 28-й блок и там сделал вторичный разрез живота поперек. Поперечный разрез живота у нее я сама видела. Через несколько дней после вторичной «операции» Бела умерла».

Хирургические операции производились по произволу немецких врачей, практиковавшихся в освоении оперативной техники. Молодой немецкий врач Кениг отбирал заключенных с воспалительными процессами конечностей и практиковался в ампутации последних. Немецкие врачи Тилло и Фишер собирали большие массы заключенных и без всяких показаний производили грыжесечения. Главный врач больницы Эндерс при малейшей жалобе на боли в животе производил чревосечения, практикуясь на операциях по поводу язвы желудка.

По приказу главного немецкого врача Эндерса с 1941 года по 1944 год в больницах лагеря производилось умерщвление заключенных путем вливания фенола в сердце. Первые вливания делал врач Деринг, а затем они производились санитарями. Особенно отличился в этом бывший сапожник немец Клер, умертвивший таким способом тысячи жертв. Заключенный из поляков, некий Панщик, впрыскиванием фенола умертвил 12 тысяч человек (впоследствии он был убит самими поляками-заключенными). Немец Штесс уничтожил такими уколами 10 тысяч человек.

«Я, МАМА, ЖИТЬ ХОЧУ...»

Дети — это будущее народа, будущее нации, продолжение жизни на планете. Каждому здравомыслящему человеку ясно: дети — это дети, они не воюют, не воору-

жены, они беззащитны и никакой опасности для германского рейха не представляют. Однако они уничтожались, уничтожались с еще большим садизмом и жестокостью, чем взрослые.

Хорошо известны слова Гитлера: «Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения» (имеются в виду нежелательные для фашизма народы). «Мы, — говорил Гитлер Раушнингу, — должны развить технику обезлюдивания... Я имею в виду устранение целых расовых единиц. И это — то, что я намерен осуществить».

В этих высказываниях и открывается истинная цель убийства детей на оккупированных территориях. Но не только. На убийстве детей они формировали беспредельную жестокость, чувство вседозволенности и безнаказанности у тех, кому отводили роль будущих хозяев, господ, призванных стать сознательной опорой колониаторского режима на оккупированных территориях. Не последнюю роль сыграла элементарная расчетливость. Детей, лишенных родителей, нужно было кормить, им требовались медикаменты, топливо, одежда. А во всем этом нуждались и дети Германии. Следовательно, убивая русского, польского, украинского, белорусского, литовского и т. д. ребенка, они облегчают участь собственного сына, дочери.

Сотни тысяч детей в возрасте от грудного ребенка до 16 лет истребили немцы в лагерях. Как правило, прибывавших в эшелонах детей немцы сразу же направляли в газовые камеры и там истребляли. Только небольшую часть здоровых подростков оставляли для лагерных работ.

Установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуряли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюса, показал:

«...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут, из города Дюссельдорфа (Германия): «В 1943 году, в то время,

когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Бывшая узница концлагеря Саласпилс Э. К. Салиюмс рассказала: «В Саласпилсе детей истязали остервенело. Делали им впрыскивание какой-то жидкости, и после этого дети истекали поносом. Давали им отравленную кашу и кофе, и от этого в день умирало по 150 человек». Узница этого же лагеря М. Г. Бринман наблюдала, как заболевшим корью детям что-то впрыскивали, после чего начиналось воспаление глаз, и через несколько дней глаза вытекали.

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их немцы.

Мальчик Мудианов Самий, 1930 года рождения, житель города Род (Италия):

«...Нас, детей, заставляли работать по 15—20 человек — на лямках возить груженные повозки с разным грузом, но больше отвозили трупы умерших к специальному блоку, где они складывались и оттуда увозились в крематорий. Работали мы с четырех часов утра до вечера. В конце октября 1944 года производивший проверку немец дал нам «кару» за то, что не было чисто в блоке. Нас 150 человек построили на улице около блока и отвели в купальню, где раздели донага, облили холодной водой, голых повели по улице в свой блок, после чего многие из детей заболели».

Девятилетний мальчик Леринциакосх Андраш, уроженец города Клеза (Венгрия):

«...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре 1944 года всех детей переводили в лагерь «А», в «Цыганский» лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...»

Детей, родившихся в лагере, эсэсовцы отбирали от матерей и умерщвляли. При выявлении у прибывших женщин беременности, их немедленно выделяли в особый барак, где вызывали у них преждевременные роды. В случае сопротивления беременных женщин направляли в газовую камеру.

Бывшая заключенная Флякс София Исааковна, из города Кракова:

«...У многих женщин, прибывших в августе 1944 года в лагерь, имелись дети в возрасте от 5 до 12 лет. Все они, по прибытии в лагерь, вместе с матерями были отправлены в крематорий. Я прибыла с семимесячной беременностью. При осмотре врач СС Кениг обнаружил у меня беременность и направил в барак В-3 (Биркенау). Там было 63 таких женщин. Через три дня мне сделали укол в область бедра с целью вызвать преждевременные роды. Такие уколы проделывали четыре дня. На пятый день я родила ребенка, которого у меня забрали. В бараке за мое пребывание таких случаев я видела 14. Новорожденные или преждевременно рожденные увозились неизвестно куда».

Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до 8 лет — 52 человека, от 8 до 15—128 человек. Все они прибыли в лагерь в течение второго полугодия 1944 года, т. е. находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей — элиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок — имеет обморожения и т. д.

Акт от 25 ноября 1944 г. об издевательствах и о расстреле детей Домачевского детского дома в Брестской области БССР:

«...По приказу немецких оккупационных властей округа шеф района Прокопчук приказал бывшей заведующей детским домом Павлюк А. П. отравить больного ребенка Ренклах Лену 12 лет. После того, как Павлюк отказалась отравить ребенка, Ренклах Лена была расстреляна полицейскими вблизи детского дома якобы при попытке к бегству.

В целях спасения детей от голода и смерти в 1942 году 11 детей было роздано на воспитание местным жителям и 16 детей взяты родственниками.

23 сентября 1942 г. к 7 часам вечера во двор детского дома прибыла 5-тонная автомашина с шестью вооруженными немцами в военной форме. Старший из группы немцев, Макс, объяснил, что детей повезут в Брест, и приказал сажать детей в кузов автомашины. В машину было посажено 55 детей и воспитательница Грохольская. Шахматова Тося 9 лет слезла с машины и убежала, а все остальные 54 ребенка и воспитательница Грохольская

были вывезены в направлении ст. Дубица, в 1,5 километра от деревни Леплевка. На пограничной деревоземляной огневой точке, расположенной на расстоянии 800 метров от реки Западный Буг, автомашина с детьми остановилась. Дети были раздеты, о чем свидетельствует наличие детского белья на возвратившейся автомашине в Домачево, и расстреляны...»

Из акта судебно-медицинской экспертизы эксгумации трупов в Яновском лагере:

«...На детей палачи не считали нужным тратить боеприпасы, они уничтожали их ударами по голове тупым предметом...»

Из ноты комиссара иностранных дел Союза ССР от 27 апреля 1942 г.:

«...Оккупанты подвергают детей и подростков самым зверским пыткам. Среди раненых и изувеченных пытками 160 детей — жертв гитлеровского террора в освобожденных ныне районах Московской области, находящихся на излечении в Русаковской больнице города Москвы, имеется, например, 14-летний мальчик Ваня Громов из деревни Новинки, которому гитлеровцы отпилили ржавой пилой правую руку, предварительно привязав его ремнями к столу. У 12-летнего Вани Крюкова из деревни Крюково, Курской области, немцы отрубили кисти обеих рук и, истекающего кровью, погнали в сторону расположения советских войск...»

В музее Брестской крепости есть страшный, впечатляющий своим лаконизмом экспонат. Всего две фотографии, расположенные рядом. На одной из них смеющиеся лица воспитанников и воспитанниц одного из детских садов Бреста. Этот снимок сделан за несколько дней до начала войны. На другом снимке фашистский «фотолюбитель» запечатлел то, что осталось от тех же детей через несколько дней после начала войны: груды маленьких, безжизненных тел, поваленных навзничь прицельной автоматной или пулеметной очередью. На мертвых лицах нет следов ни ужаса, ни волнений. Видимо, какой-то «дядя» в немецкой форме собрал их в группу, способную уместиться в кадре. Может быть, он при этом улыбался, хлопал детей по щуплым плечикам и, может быть, даже угостил кого-то конфеткой. А потом

либо он, либо его «ассистент» в такой же свежей, не выгоревшей от летнего солнца немецкой форме прицелился и в упор расстрелял доверчиво ждавших, что будет дальше.

Находясь в Моабитской тюрьме, Муса Джалиль написал потрясающее по силе стихотворение «Варварство», в котором рассказал о трагической участи детей, попавших в руки фашистских палачей:

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят...
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля...
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.
Детей внезапно охватил испуг,—
Прижались к матерям, цепляясь за подола.
И выстрела раздался резкий звук...

— Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь? —
И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
— Не бойся, мальчик мой. Сейчас вздохнешь ты вольно.
Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно.—
И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!..

Из директивы Управления питанием и сельским хозяйством «Обращение с беременными женщинами не немецкой национальности»:

«...За последнее время наблюдается значительный рост деторождаемости женщин не немецкой национальности. Вследствие этого возникают трудности не только

при использовании на работах, но и еще в большей степени появляется опасность социально-политического характера, которую нельзя недооценивать...

Простейшей борьбой с этими трудностями явится то, чтобы возможно скорее оповестить о беременных женщинах не немецкой национальности те учреждения, которые их используют на работе...»

Из показаний Шмаглевской, гражданки Польши, в заседании Международного военного трибунала:

«Я могу рассказать о детях, которые родились в концентрационном лагере, о детях, которые были привезены в лагери с еврейскими транспортами и которых вели прямо в крематории, а также о детях, которые были привезены в лагери как интернированные.

Я была в лагере Биркенау. Это часть лагеря Освенцим. Там я заметила женщину, которая была беременна на последнем месяце беременности. Это было видно по ней. Эта женщина вместе с другими шла 10 км к месту своей работы и там работала весь день с лопатой в руках по раскопке траншеи. Она уже была больна и попросила мастера-немца, чтобы он разрешил ей отдохнуть. Он на это не согласился, смеялся и вместе с другим эсэсовцем начал бить ее и очень сурово надзирать за ней и за ее работой.

Таково было положение всех беременных женщин. Только в последнюю минуту им разрешалось не идти на работу. Дети, которые были рождены, если это были еврейские дети, немедленно посылались на смерть.

Через несколько минут после рождения ребенка отрывали от матери. Мать никогда больше не видела своего ребенка. После нескольких дней она опять шла на работу. В 1942 году не было еще отдельных блоков для детей. В начале 1943 года, когда начали татуировать заключенных, дети, которые были рождены в лагере, были также татуированы. Номер был татуирован на ноге, так как ребенок, очень мал и номер, состоявший из пяти цифр, не поместился бы на маленькой ручонке. Дети не имели отдельных номеров, у них были те же номера, которые имели взрослые, иначе говоря, порядковые номера.

Дети помещались в отдельном блоке, и через несколько недель увозились из лагеря. Нам никогда не удавалось узнать, куда эти дети увозились. То не были исключительно польские дети, так как в Биркенау были

женщины со всей Европы. И до сегодняшнего дня неизвестно, живы эти дети или нет».

Весной 1944 года был организован блок для близнецов. Это было в то время, когда прибыла колоссальная партия венгерских евреев; их было приблизительно 700.000. Доктор Менгеле, который производил эксперименты, отбирал во всех прибывших партиях близнецов. Он руководствовался желанием получить обоих близнецов, вне зависимости от того, какого они были возраста. Поэтому в этом блоке находились и маленькие дети и подростки. У них брали кровь и производили их измерения. Над этими детьми также производились эксперименты и исследования, но уже специфические.

В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ

Солдат вермахта Дитрих Загс оказался на Восточном фронте в апреле 1944 г. Судьба забросила его в Беларусь. Но вскоре после «бобруйского котла» он попал в плен. Потом он прошел лагеря в Бобруйске, Рогачеве, Речице, Гомеле, Молодечно, Вилейке и Минске. Все пережитое в лагерях он в 1947 году записал в свой дневник.

«Совсем близко я увидел русских, которые прочесывали территорию. У меня не было с собой никаких вещей. Только карабин. Рядом со мной не было никого из друзей. У меня в голове мелькнула мысль: «Пуля в голову? Нет, не имеет смысла. Русские всегда успеют это сделать». Тогда я бросил замок карабина в рожь. Меня заметил солдат. У него было типично монгольское лицо: узкие глаза, крупное лицо с широкими скулами. После некоторых раздумий я достал 20 золотых кайзеровских рейхсмарок, которые мне дала с собой мать. Держа золотую монету правым большим и указательным пальцем, с поднятыми руками я вышел из своего убежища. Монгол помахал мне рукой, чтобы я подошел к нему. Я сделал несколько шагов, но солдат стал подавать мне какие-то знаки. Я все понял. Золотая монета упала перед ногами моего противника и уже через

минуту была у него в кармане. Я надеялся увидеть радость на его лице (ведь подобные вещи случались не каждый день).

Я надеялся на дружелюбие, но ошибался. Он указал мне автоматом направление. С этого времени начался мой путь в плен.

«На Берлин! На Берлин! Фриц капут, Гитлер капут!» — кричали русские солдаты, которые обгоняли шеренги пленных. Иногда они бросали в них камнями и палками. Тот, кто проезжал рядом на телеге, иногда старался ударить кнутом. Но было еще ужаснее, когда в шеренги пленных врывались конные. Они радовались как дети. А пленные разбежались в разные стороны, шарахаясь от лошадей.

Первую ночь сто человек пленных провели в сарае. В крыше были огромные дыры. Ночи были еще повесенному холодные, а большинство пленных были босые, многие офицеры сидели только в нижнем белье.

Следующий день выдался жарким и сухим. Марш продолжался. Некоторым русским приносило удовольствие на танке или грузовике ворваться в колонну и сделать короткую петлю. Мы двигались пятью рядами, и каждый старался по возможности придерживаться середины. Однажды сюда заехал офицер верхом на лошади, достал пистолет и пристрелил пленного именно в центре, который казался нам наиболее безопасным.

Несколько дней пленным пришлось обходиться совсем без еды. Поддерживали себя только болотной водой.

Однажды вечером нас загнали в небольшую церковь, где нам практически пришлось сидеть один на одном. Никто не имел права оставить помещение даже по нужде.

Ночью русские пели возле костра меланхолические песни, варили что-то в котлах.

С каждым днем колонна становилась все больше и вскоре насчитывала около тысячи человек. Люди все чаще падали от головокружения.

Наконец мы получили еду: немного сухого хлеба и пшена. Сырое пшено с хлебом было очень вкусным.

Во время утомительного марша кто был покрепче — поддерживал на ходу раненых и обессиленных. К счастью, раньше я был хорошо натренирован и теперь мог помочь одному своему другу. Но тут он вдруг прошеп-

тал: «Я не могу больше идти, посади меня». Все стали уговаривать продолжать путь, но безрезультатно. С болью в сердце мы оставили пленного, он тяжело опустился на землю. Через несколько минут мы услышали автоматную очередь и поняли, что случилось.

Видимо, арьергард был уверен, что и один раненый немец мог быть опасным.

У пленных возникало удивление, когда они видели, что войска, которые двигались вперед, везли с собой слуг из немецких солдат. Видимо, они еще не слышали о запрете Сталина брать с собой пленных.

Иногда приходилось видеть, как русские заставляли рыть могилы, ставили на край военнопленных и, громко смеясь, стреляли в воздух.

Потеря дисциплины и жестокость приводили к ненависти с обеих сторон.

В Бобруйской крепости кормили слабо и люди худели просто на глазах. Двухколесные тачки, которые утром покидали лагерь, все полнее наполнялись трупами.

Через русских посредников пленным иногда удавалось организовать торговлю часами. Охотно покупали они ремни и пряжки. Русские вели себя как типичные тыловые солдаты, которые не могли обслуживать пленных.

Однажды с несколькими друзьями нам довелось обставить квартиру русскому офицеру. С ним, его женой и детьми мы выехали за ворота и оказались на воле — какое прекрасное чувство. Лошадь спокойно тянула телегу с мелким добром. В небольшом деревянном доме мы разгрузили вещи, перенесли мебель. В награду мы получили жир, хлеб, яйца, сало и небольшую бутылку водки. По дороге в лагерь мы хорошо поели. Такие чудные моменты в жизни пленного бывают не часто и долго не забываются».

Поскольку Дитрих Загс был студентом медицины во Франкфурте-на-Майне, ему удалось получить место санитаря в лазарете № 56.

«Сначала в моей палате № 5 были ужасные условия. Пациенты лежали на голом полу без соломенных матрацев и одеял, одетые в рваную, старую униформу вермахта. Практически все терпели от ужасных поносов и часто звали на помощь слишком поздно. Тогда приходилось стирать грязную одежду. Дел было как на

конвейере, но я был доволен своей деятельностью, ибо она имела хоть какой-то смысл.

Русские медсестры проходили через палату как фельдфебели. Особенно Алла с ее сапогами, которыми однажды перевернула помойное ведро. В основном Алла смотрела хорошо ли убран пол, вытерта ли пыль. Девиз: «Культура, культура» мог начинаться только с большой буквы.

Русские находились в постоянном психозе насчет «комиссий», которые проверяли условия нашей жизни. «Комиссии» назначались постоянно, но чаще всего не приходили. Когда же они заявлялись, то это были майор и хвост провожатых, которые проходили через палату, осматривали стены и не обращали никакого внимания на больных. После этого майор исчезал, а мне снова приходилось «организовывать» ведро, веник и савок для своей палаты. Как и раньше, кроме камфорного масла в ампулах одной из лондонских фирм, мы не имели в своем распоряжении других медикаментов.

Наш русский комендант лагеря был высоким, стройным и молчаливым человеком с безжалостным лицом и злым взглядом. Может, это и был тип новой коммунистически воспитанной интеллигенции? Офицер, который отвечал за выполнение работ, был сутулым и жирным евреем, который подставлял нам подножки когда только мог. Были еще два офицера охраны и еще один офицер НКВД. Пять офицеров и куча постовых на 300 полугодных пленных. Все они здоровые, жали на нас.

Перед Рождеством я настолько пришел в себя, что снова мог быть назначенным во внешнюю команду. Мы работали каждый день по 8—10 часов.

На территории комбината находился большой магазин, в котором были сложены американские продукты. Они прибывали в товарных вагонах по железной дороге прямо к магазину. Еврей из магазина приходил ночью к русскому коменданту лагеря, чтобы получить людей на разгрузку. Добровольцев, к которым относился и я, всегда было предостаточно. Евреи организовывали пополнение магазина и охрану, потому что комендант предоставлял только рабочую силу. Мы разгружали товарные вагоны и охрана сопровождала нас в матовом свете керосинок до места, где коробки, ящики или мешки должны были складироваться. Они подбадривали нас

по-еврейски: «Работать, работать — будет хлеб!», «Не работать — не будет хлеба».

Во время работы в сумерках случилось, что кто-то из пленных спотыкался и коробка падала с плеча так, что край разбивался о цементный пол. Пленные, которые работали рядом, подбегали, хватали баночки с молоком, остальные раскидывали по углам. Потом умело пробивали две дырочки в банке и выпивали содержимое. Когда возникала такая суматоха, постовые смеялись от души и насмехались над магазинщиками, которые неустанно кричали: «Работать, работать...»

С «Corned Beef» или другими товарами происходили «несчастные случаи» в разных концах темного магазина. Некоторые банки с сосисками от Оскара Майера из Чикаго переправлялись в карманы пленных. Однажды я сидел, наблюдая за мешками с салом и тушенкой в сумерках под крышей магазина, в то время как в четырех-пяти метрах от меня разносилось: «Работать, работать...» Я складывал мешки с тушенкой и полакомился из последнего. Нам было запрещено иметь ножи, но я воспользовался ручкой от ложки, открыл мешок и ел тушенку ложками. При этом было ощущение, что мое тело засасывает ее как губка. Поскольку на следующий день не было поноса, я смог порадовать себя резервным жиром из плоского кошелька, который носил на груди.

Когда ночью мы утомленные возвращались в лагерь, нас уже никто не контролировал. Всем было хорошо: комендант мог поддержать свою рабочую силу калориями, служащие магазина получали рабочих...

Надо сказать, что в Гомеле было много евреев. Нам рассказывали, что почти каждый начальник мастерской, предприятия или цеха был еврей. И они не старались скрыть это. Во время работы мы часто вступали в разговоры. Однажды один бил себя в грудь кулаком и говорил: «Я — еврей, коммунистический еврей,— с презрением он повел рукой и сказал,— я не кафтанный еврей!»

У меня складывались хорошие отношения с евреями, но некоторая отчужденность между русскими и евреями ощущалась.

С командой в 50 человек я пришел в Вилейку. В соседнем лагере в Молодечно было много работы на лесопилке. Наш «агитатор» время от времени присылал мне из главного лагеря в машине с провизией антифашист-

скую газету военнопленных, которую я должен был читать пленным в Вилейке. Мой интерес и интерес моих слушателей к подобной литературе был от самого начала минимальным. У нас были другие заботы. Вскоре чтение в голос прекратилось.

А как-то в мои руки попала листовка, которую распространяли белорусские партизаны:

«Смерть немецким захватчикам!

Организуйте крушение транспортных поездов!

Белорусская молодежь!

Без железнодорожного транспорта войны вести нельзя. Тем, что мы расстраиваем передвижение фашистской армии, мы приближаем час нашей победы над Гитлером.

Небольшая группа отважных борцов, даже одиночки советских патриотов, могут дать возможность выиграть целое сражение, уничтожить многочисленных фашистов, танки и военное оборудование, если вызовут крушение фашистского транспорта.

Как следует организовать крушение фашистского поезда?

Первый способ: отвинтить гайку на стыке 2-х рельс, удалить болты и скобы и тем самым освободить рельсу, отодвинуть ее на 8—10 сантиметров в сторону. Проходящий поезд неизбежно сойдет с рельс.

Второй способ: сорвать скобы с 2—3 соединенных рельс, не удаляя болтов на стыках. С помощью железного лома отодвинуть рельсы на 10—12 сантиметров в сторону. Тем самым возникает расширение рельсового пути. Постараться укрепить рельсы на новом месте или просунуть под рельсами полено. Крушение неизбежно.

Третий способ: применим при резких поворотах железнодорожной насыпи. Под рельсой, проходящей по внешнему краю поворота, сделать подкоп под 15—20 шпалами шириной до середины шпал и глубиной в 1,5 метра. Шпалы тогда повиснут в воздухе. Закрывать следы работы, вырытая земля не должна лежать кучей. Когда поезд выедет на подрывные рельсы, паровоз провалится и опрокинется.

Четвертый способ: применим при поворотах железнодорожной насыпи. Из куска твердого сухого дерева (дуба) изготовить клин 80 см длиной, 7 см высотой и 5 см шириной. Скосить одну сторону клина, укрепить клин проволокой к верхней стороне рельса у внешнего края насыпи и именно таким образом, что скошенный

конец клина примыкает к рельсе навстречу движения поезда. При прохождении поезда передние колеса поезда наскочат на клин, паровоз не сможет въехать на рельсу, а двинется по направлению клина и сойдет с пути.

Пятый способ: разрушить на всем протяжении железной дороги мосты, рельсы, стрелки, скрещивание колеи, насыпи, плотины и резервуары. Применять при этом подрывные снаряды. Рельсы легко взорвать с помощью 400 г тола или меленита. Стрелки следует взрывать, закладывая 2 заряда: один между рельсой и концом стрелки, а другой — на конце стрелки. Для разрушения стрелки на скрещиваниях колеи следует закладывать взрывчатое вещество между шарниром и рельсой.

Юноши и девушки Беларуси!

Организуйте крушения фашистских транспортов!..»

Такие конкретные указания давали партизаны молодым защитникам.

Работа на лесопилке была очень тяжелой, а пищи мы получали совсем мало. Чаще всего давали редкий суп из сушеных грибов или манной крупы. Хлебом нас тоже обделяли. Все пленные очень обессилели. По причине физической слабости, а также невозможности найти что-либо на полях, нельзя было и мечтать о побеге.

Лагерем управлял солидный офицер низкого ранга. Охраняли нас немцы, которые служили у русских. Мы должны были транспортировать деревья на лесопилку, где сутками работали две пилорамы. Здесь работали в три смены. Я таскал тяжелые бревна. При этом мы должны были придерживаться темпа машин, у которых не попросишь: «Пардон».

Долгое время мне приходилось находиться на реке Виляя, из которой с двумя другими пленными я вытаскивал на берег деревья, которые плыли по реке. На берегу мы перевязывали деревья цепями и другой пленный тянул их с помощью лошади наверх. Много часов в день нам приходилось находиться по живот в воде. Наши руки, ноги и ладони наливались синевой. Даже теплая погода не могла ничего изменить.

Возможность плавать меня, конечно, привлекала. При этом я ловил себя на мысли поискать вдоль течения реки дорогу в направлении к Черному морю. Мысли о побеге всегда поддерживали меня, моим фантазиям не было границ. Эти мысли часто подбадривали меня, но

они тут же отступали, стоило мне взвесить все «за» и «против».

После того, как русские поняли, что держать нас в воде долго невозможно, нас снова отправили на берег перекатывать бревна.

С Х. Рунк и О. Кинцле, которые тоже были переведены в Вилейку, я часто и долго разговаривал о Германии.

Через пять недель после приезда в Вилейку убежали два человека из нашей группы. Из-за этого команда была отправлена назад в Молодечно. Видимо, этим двоим повезло, потому что о них больше ничего не было слышно. В случае неудачи, беглецов живыми или мертвыми показали бы перед всем лагерем для устрашения.

Воспоминание об этом побеге напоминает мне о «проверках», которые каждый день проводили в лагерях. Проверяющих, которым при пересчете 500 пленных удавалось обнаружить отсутствие или увеличение группы на одного-двух человек, не забудет никто. Было невыносимо, например, когда при 20 градусах мороза снова и снова начинался новый пересчет. Каждый раз пересчитывали, пока цифры не совпадали.

Если не брать во внимание нерегулярность питания, я не видел за все время пребывания в плену никаких специальных пыток. Разве что охранник мог закричать: «Давай, давай!» — вот, наверное, и все. В наших лагерях людей не били.

Трудное время в Вилейке дало о себе знать в Молодечно. Вскоре туда приехала комиссия для проверки здоровья всех военнопленных. Кое-что сделали 19 самых худых, среди которых был и я, получили приказ подготовиться для отправки в Минский лазарет.

После Минска была дорога домой».

ЗАГОВОР 20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА

После того, как Красная Армия изгнала оккупантов с территории СССР, и война перенеслась в Германию, а союзники высадились во Франции и также начали продвижение к германским границам, стало ясно, что продолжение войны для Германии бессмысленно. Но

несмотря на бесцельность сопротивления, нацистская верхушка заставляла громадное большинство своего народа слепо следовать за ней, сражаться и приносить бесчисленные жертвы за безнадежное дело. И до тех пор, пока Германия еще сражалась, гитлеровская машина власти функционировала, существовала тотальная диктатура. У Гитлера и его единомышленников-маньяков была только одна цель — продлить существование нацистского строя любой ценой.

Все эти события сыграли роль катализатора оппозиционных настроений среди военных. Наиболее прозорливые из них в этот день поняли, что война проиграна, что начался необратимый процесс, который мог завершиться лишь полным крахом рейха. Вместе с нацией чудовищное поражение потерпела и армия. И если военные стали серьезно подумывать о возможности прямого вмешательства в события, то это было не столько результатом возмущения в их среде преступлениями нацизма, сколько попыткой спасти то, что еще можно было спасти. Преступления нацизма совершались у них на глазах на протяжении многих лет, не вызывая стремления попытаться покончить с этим. Страх перед грозящим поражением, стремление сохранить свои привилегии — вот что выводило военных из привычного равновесия.

Безнадежность дальнейшего сопротивления уже оценили и поняли даже некоторые из тех, кто в свое время привел к власти Гитлера, верили и поддерживали его в предвоенные годы и годы войны. Но теперь к ним пришло разочарование. Уже в 1944 году возникло сильное недовольство Гитлером, которое привело к тому, что в истории называют «Заговором 20 июля 1944 года».

Еще в 1943 году в штабе командования сухопутных сил на Бендлерштрассе существовал план на случай чрезвычайных обстоятельств под кодовым названием «Валькирия». План предусматривал меры, которые должны были приняты в случае внутренних беспорядков или крупномасштабного саботажа со стороны миллионов иностранцев, которые находились тогда в Германии.

Главная роль, согласно этому плану, отводилась армии резерва, а также частям, расквартированным в столице и вокруг нее — гвардейскому батальону в Берлине и офицерским училищам в его окрестностях. По иронии судьбы, план «Валькирия» был утвержден самим Гитлером.

Поскольку с планом были знакомы многие участники заговора, то ими позднее было разработано секретное приложение к этому плану. Согласно этому приложению, план можно было использовать также для свержения нацистского режима. Приложение предусматривало убийство Гитлера и немедленную организацию нового военного правительства в Берлине, которое должно было с помощью войск вермахта нейтрализовать самые опасные органы нацистского режима: СС, гестапо и СД.

В заговоре 20 июля 1944 года принимали участие абсолютно разные группы людей, с разными программами и убеждениями. Это были реакционеры, которыми руководил бывший бургомистр Лейпцига Герделер и так называемые патриоты, которых возглавил тридцатисемилетний полковник Штауфенберг. Он был потомком семьи, принадлежащей — из поколения в поколение — к военной аристократии. Правнук Гнейаенау по матери, он уверовал в достоинства нацистского режима, сулившего обеспечить возрождение величия Германии. В юности Штауфенберг, будучи штабным офицером, как и многие патриотически настроенные немцы, верил, что Гитлер призван спасти Германию от катастрофических последствий и позора Версальского договора. Состоя при легендарном Роммеле в Северной Африке, он был тяжело ранен, лишился глаза, правой руки и двух пальцев на левой руке. В июне 1944 года он был назначен членом штаба Армии резерва. По своей должности Штауфенберг должен был регулярно являться с докладом лично к Гитлеру.

Реакционеры стремились к сохранению германского империализма и искали пути для сепаратного сговора с западными державами и были настроены антисоветски. Они поставили перед собой цель — антифашистский переворот, связь с коммунистами.

По инициативе группы, руководимой Штауфенбергом, состоялась встреча между социал-демократами, которые готовились к заговору, и представителями подпольного коммунистического движения в Германии.

Кандидатура Штауфенберга наиболее подходила для осуществления заговора, который предусматривал ликвидацию Гитлера. Он мог сделать это в одну из своих деловых встреч с фюрером. Готовилось несколько вариантов. Две первые попытки — 11 и 15 июля — были отложены в последнюю минуту. К этому времени геста-

по производило налеты все более часто, становились регулярными аресты среди военных.

20 июля 1944 года. В этот день в ставке ожидали Муссолини, который после переворота в Италии был арестован и заключен в крепости в Аbruццах, но оттуда его освободила эсэсовская команда, которую возглавил полковник Скорцени. Ничего утешительного своему другу и сообщнику Гитлер сказать не мог и мысль о свергнутом диктаторе действовала на него удручающе. Но ведь отказаться от визита Муссолини он не мог. И фюрер приказал созвать совещание, чтобы обсудить положение на фронтах.

На совещание был снова вызван для доклада полковник Штауфенберг, который должен был дать отчет о резервах. Получив сообщение о назначенном визите к Гитлеру, он решил: будь что будет, на сей раз он расправится с ним.

Побудительные мотивы Штауфенберга четко обрисованы Гизевиусом: «Штауфенберг не желал, чтобы Гитлер увлек с собой в могилу всю армию. Будучи военным человеком до кончиков ногтей, он считал, что спасти армию означало спасти родину...»

Успешная высадка войск союзников во Франции и их продвижение в Италии, где был взят Рим, поражение немецких войск на Восточном фронте показали Штауфенбергу, что далее медлить нельзя, поскольку иначе спастись будет уже нечего.

Доклад Штауфенберга был назначен на 12.30.

А пока Гитлер как обычно прогуливал свою овчарку Блуди на территории «особой зоны № 1» — «Волчьего логова». Даже внутри огороженной зоны Гитлера тщательно охраняли: по пятам за фюрером шествовали два вооруженных охранника. Фюрер встал поздно, мысли о предстоящей встрече с Муссолини и положение на фронте на давали ему покоя.

Тревога и дурные предчувствия заставили Гитлера в последнюю минуту дать распоряжение об изменении места проведения совещания: не в бункере, как это было обычно, а в бараке.

Когда Штауфенберг, который должен было по плану подложить бомбу в бункер, приехал в Растенбург, он узнал от генерала-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля об изменениях, внесенных фюрером в распорядок дня и изменении места проведения совещания. Но полков-

ник решил не отступать. Однако у него и его помощников оказалось очень мало времени на приготовления. Помогать Штауфенбергу должны были его адъютант фон Хафтен, с которым он приезжал в ставку, а также генералы Штиф и Фельгигель. Генералы должны были немедленно передать в берлинский центр сообщение о гибели Гитлера (а в успехе операции они почти не сомневались), затем вывести из строя систему связи ставки и изолировать ее от внешнего мира. Должность начальника связи ставки занимал Фельгигель. На него заговорщики возлагали особые надежды.

Полковник Штауфенберг выходил для доклада из кабинета Кейтеля. Но ему требовалось время, чтобы привести в действие механизм действия бомбы. Поэтому он под предлогом того, что забыл у Кейтеля свою фуражку, вернулся в штабное помещение и установил механизм бомбы. Теперь каждая минута могла решить исход дела. До взрыва оставалось 10 минут.

Штауфенберг был взволнован, но старался сохранить внешнее спокойствие. Он сказал Кейтелю, что ждет срочного звонка из Берлина и поэтому не может задерживаться. Полковник вошел в зал заседаний. Начальник оперативного отдела генерального штаба Хойзингер заканчивал свой доклад о положении на фронтах. После него должен был выступать Штауфенберг. Но тут Хойзингер коснулся вопроса о резервах и Кейтель предложил дать слово Штауфенбергу. Полковник замер: если предложение поддержат — ему конец. У него не будет повода уйти с совещания до взрыва бомбы. Но Гитлер велел продолжать доклад Хойзингеру. Тогда Штауфенберг прошел в зал и поставил портфель под стол. Напротив сидел Гитлер. Под предлогом звонка из Берлина, Штауфенберг вышел из барака. Портфель оставался под столом.

В 12 часов 42 минуты в бараке, где находились 24 человека и сам Гитлер, раздался взрыв.

* * *

Мария Илларионовна Васильчикова (по прозвищу Мисси) в 1919 году покинула Россию, была беженкой из Германии, Франции, Литве. Когда в 1939 году разразилась Вторая мировая война, Мисси и ее сестра Татьяна находились в Силезии. Мисси не являлась гражданкой

Германии, но с ее знанием пяти европейских языков и секретарским опытом она довольно быстро устроилась на работу — сперва в бюро радиовещания, а затем в Информационном отделе Министерства иностранных дел. Тут она вскоре подружилась с группой убежденных противников гитлеризма, которые впоследствии стали активными участниками заговора. В 1944 году она вела подробный дневник.

«Четверг, 20 июля. ... Граф Клаус фон Штауфенберг, полковник Генерального штаба, положил бомбу у ног Гитлера во время совещания в ставке Верховного главнокомандования в Растенбурге, в Восточной Пруссии. Бомба взорвалась и Адольф погиб. Штауфенберг ждал снаружи до момента взрыва, а потом, увидев, как Гитлера выносят на окровавленных носилках, побежал к своему автомобилю, спрятанному где-то поблизости, и вместе со своим адъютантом Вернером фон Хафтенем поехал на местный аэродром и прилетел обратно в Берлин. Во всеобщей неразберихе никто не заметил его исчезновения.

Прибыв в Берлин, Штауфенберг немедленно явился к О. К. Х. (штаб командования сухопутными силами) на Бендлерштрассе, который к этому времени был захвачен заговорщиками и где собрались Готфрид Бисмарк, Хельддорф и многие другие.

Сегодня вечером в шесть предполагалось сделать сообщение по радио, что Адольф мертв и сформировано новое правительство. Новым рейхсканцлером должен был быть Гёрделер, бывший мэр Лейпцига. Он связан с социалистами и считается блестящим экономистом. Наш граф Шуленбург (Авт.— Граф Вернер фон дер Шуленбург в 1934—1941 гг. был послом Германии в СССР. Разделял позиции заговорщиков, но официально так и не примкнул к ним.) или посол фон Хассель (Авт.— Барон Ульрих фон Хассель был послом в Италии. Стал активным заговорщиком.) будет министром иностранных дел. Первое, что я подумала — что, может быть, не следовало бы ставить лучшие умы во главе того, чему суждено быть всего лишь временным правительством».

И далее в тот же день она записала: «Я пошла умыться. Лоремари поспешила наверх. Прошло всего несколько минут, когда я услышала за дверью медленные шаги, и она вошла со словами: «Только что было со-

общение по радио: некто граф Штауфенберг пытался убить фюрера, но провидение спасло его...»

Что же произошло в ставке?

Итак, в 12.42 бомба взорвалась. Стенограф Гитлера был убит на месте, Брандт — начальник штаба военно-воздушных сил, начальник отдела кадров ОКВ Шмундт умерли от ран. Представитель Геринга в ставке Гитлера Боденшатц и адъютант Гитлера Боргман были тяжело ранены. Сам Гитлер отделался легкими ожогами, была парализована его правая рука и на время он потерял слух.

Первое сообщение о взрыве по радио было сделано в 18.25 и не содержало никаких имен. Имя графа Штауфенберга не упоминалось:

«Сегодня было совершено покушение на жизнь фюрера с применением взрывчатки... Сам фюрер не пострадал, если не считать легких ожогов и царапин. Он немедленно вернулся к работе и, согласно программе, принял Муссолини для длительной беседы».

Когда Муссолини прибыл в ставку, то увидел совершенно неожиданное зрелище: дым покрывал хаотическое нагромождение балок, разбитого стекла и т. д. Затем состоялся прием, во время которого нацистские главари дружно восхваляли «провидение», спасшее Гитлера.

Сам фюрер воспринял свою невредимость как подарок судьбы, как чудо, которое обязательно должно повлечь за собой перелом в ходе войны. Он обратился к Муссолини со словами:

«После моего сегодняшнего спасения от верной смерти, я более чем когда-либо убежден в том, что смогу довести до счастливого конца наше общее дело».

Окрыленный провалом заговора Гитлер развил лихорадочную деятельность: жертвами нацистского террора в эти дни стали тысячи человек. Фюрер засыпал фронт приказами, повелевая удерживать позиции любой ценой.

Люди, которые подозревались в участии и подготовке заговора, подверглись арестам и допросам. Каждый вечер Гитлер смотрел кинохронику — снятые на пленку допросы, судебные заседания. пытки и унижения, которым подвергались обвиняемые, вызывали у фюрера чувство удовлетворения, радовали его и пробуждали фантазии.

Из дневника Мисси: «...Готфрид (Авт.— Граф Готф-

рид фон Бисмарк — внук князя Отто фон Бисмарка. Был гражданским губернатором Потсдама. Стал одним из главарей заговора против Гитлера, несмотря на то, что принадлежал к нацистской партии с момента ее основания) шагал по комнате туда и обратно, туда и обратно. Я боялась взглянуть на него. Он только что вернулся с Бендлерштрассе и повторял:

«Этого не может быть! Это обман! Штауфенберг видел его мертвым. Они разыгрывают комедию и используют двойника Гитлера, чтобы оставить все как есть». Он пошел к себе в кабинет позвонить Хельдорфу (Авт. — Граф Вольф-Генрих фон Хельдорф — в 1944 году состоял в чине генерала СА главной полиции Берлина. Несмотря на быстрое продвижение в рядах нацистской партии, к 1944 году стал одним из участников заговора и ярким противником Гитлера).

Готфрид вернулся в гостиную. Он не дозвонился до Хельдорфа, но узнал кое-что: главная радиостанция была упущена — восставшие захватили ее, но не смогли пустить в ход, и теперь она опять в руках эсэсовцев. Однако офицерские училища в пригородах Берлина взялись за оружие и сейчас двинутся на столицу.

И действительно, через час мы услышали, как по Потсдаму грохочут танки Крампницкого бронетанкового училища, направляющиеся к Берлину. Мы высунулись в окна, глядя, как они проезжают, и молились. На улицах, практически пустых, никто, похоже, не знал, что происходит. Готфрид все настаивал, что Гитлер не мог уцелеть, что «они» что-то скрывают...

Немного позже по радио объявили, что в полночь фюрер выступит с обращением к германскому народу. Мы поняли, что только тогда узнаем наверняка, обман это или все же нет. И все же Готфрид упорно цеплялся за надежду. Он говорил, что даже если Гитлер действительно жив, его ставка в Восточной Пруссии так далеко от всего, что режим все-таки можно свергнуть прежде, чем он снова вернет себе контроль над самой Германией...

С наступлением ночи распространились слухи о том, что восстание разворачивается не столь успешно, как на это надеялись. Кто-то позвонил с аэродрома: «Военно-воздушные силы не присоединились». Они требовали личного приказа Геринга или самого фюрера. Тогда и Готфрид высказался скептически — впервые за все

время. Он сказал, что такие вещи надо делать быстро: каждая потерянная минута наносит делу непоправимый урон. Тем временем полночь давно прошла, а Гитлер все еще не выступал».

Гитлер выступал по радио в час ночи 21 июля. Он сказал, что маленькая клика тщеславных, бесчестных и преступно-глупых офицеров, не имеющих ничего общего с германскими вооруженными силами, а тем более с германским народом, создала заговор с целью устранить его и одновременно свергнуть Верховное командование вооруженных сил.

Бомба, подложенная графом фон Штауфенбергом взорвалась в двух метрах от него и серьезно ранила несколько преданных сотрудников, одного смертельно. Сам он остался цел и невредим. Он рассматривает это как подтверждение воли провидения, желающего, чтобы он продолжал дело всей своей жизни — борьбу за величие Германии. Теперь эта крошечная кучка преступных элементов будет безжалостно истреблена. А затем следовали распоряжения по восстановлению порядка.

21 июля утром танки из Крампница возвращались в свои казармы, так ничего и не добившись. А ведь именно курсанты Крампницского бронетанкового училища были одной из тех частей, которые по расчетам заговорщиков, согласно секретного приложения к плану «Валькирия», должны были захватить Берлин. Когда им сообщили, что Гитлер мертв, они, действуя по плану, двинулись на Берлин, и заняли предписанные им позиции. Но когда их командир, непричастный к заговору, узнал, что Гитлер цел и невредим, и что это «некоторые офицерские круги» предприняли «путч», то он сам собрал свои танки и повел их обратно в казармы.

После выступления Гитлера по радио Мария Васильчикова (Мисси) сделала следующую запись: «В два часа утра заглянул Готфрид и сказал упавшим голосом: «Сомнений нет, это был он».

Итак, Гитлер жив. Что же произошло? Почему провалился так четко отработанный план? Ни у кого не было сомнения, что фюрер погибнет от взрыва бомбы. Кто же виноват в промахе? Что его спасло?

Итак, ежедневные совещания Гитлера, которые обычно проводились в бункере, были перенесены в наземное деревянное помещение, стены которого при взрыве бомбы рассыпались, это дало возможность выхо-

да значительной части энергии взрыва. Поскольку Штауфенберг был однорук и мог завести запал только одной бомбы, а первоначальный план предусматривал разместить в его портфеле две бомбы, то взрыв сказался значительно более слабой силы. Когда Штауфенберг вышел из комнаты, сказав, что у него срочный разговор с Берлином, штабной офицер Брандт, нагнувшись над одной из карт, передвинул портфель в котором лежала бомба на другую сторону тяжелых деревянных козел. Это, видимо, тоже смягчило силу удара после взрыва.

Согласно плану, генерал Фельгибель (Авт.— Начальник связи Гитлера) после взрыва должен был сообщить о смерти Гитлера генералу Ольбрихту в Берлин. После этого он оборвет всякое сообщение между Растенбургом, где проводилось совещание, и внешним миром. Но каково же было его удивление, когда он увидел, как Гитлер выбирается из развалин — весь в пыли, немного поцарапан, в растрепанном костюме — но живой. Сообщение Фельгибеля было следующим: «Произошла ужасная трагедия... Фюрер жив...».

Осторожность не спасла Фельгебеля — эсэсовцы тут же перехватили его канал связи.

Штауфенберг не видел, что произошло после взрыва. После того, как раздался оглушительный грохот и здание рухнуло, превратившись в облако пламени и дыма, Штауфенберг и его адъютант Хафтен, беседовавшие в отдалении, вскочили в свой автомобиль и, не дав прийти в себя часовым пропускных пунктов, которые уже получили сигнал тревоги, помчались на аэродром, а оттуда улетели в Берлин.

В Растенбурге теперь была известна личность несостоявшегося убийцы и по всей Германии передавались приказы об аресте Штауфенберга.

Самолет Штауфенберга приземлился в 15.50 на отдаленном военном аэродроме. Адъютант пошел звонить, чтобы узнать, почему на месте нет машины. Когда Хафтен позвонил на Бендлерштрассе, Ольбрихт спросил у него, погиб ли Гитлер. Он получил положительный ответ и дал приказ о вводе в действие плана «Валькирия». Но пока Штауфенберг и Хафтен добирались до штаба, генералу Фромму стало известно, что покушение было безуспешным, о чем он и сообщил Штауфенбергу.

Это сообщение привело Штауфенберга в ярость. Он стал кричать, что Гитлер мертв, он сам подложил бомбу.

К тому же все равно поздно — план «Валькирия» уже введен в действие.

— По чьему приказу? — возмутился Фромм.

— По нашему, — ответили Ольбрихт и Штауфенберг.

Бледный от гнева и страха за свою судьбу Фромм приказал Штауфенбергу застрелиться, а Ольбрихту — отменить распоряжение о введении плана «Валькирия». Но те тут же разоружили Фромма и посадили под арест в его же собственном кабинете.

Пути назад не было. Из штаба командования сухопутных сил на Бендлерштрассе начали поступать приказы «Валькирии» различным военным штабам. Но в это время уже шли приказы об ответных мерах.

На Бендлерштрассе начали собираться другие участники заговора. Генерал Бек, фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен, которого заговорщики наметили на командующего вооруженными силами, граф Хельдорф, Готфрид Бисмарк и другие. Никто не знал, что делать дальше. Неразбериха усиливалась.

По личному приказу Гитлера на Бендлерштрассе был отправлен полковник Ремер. Он должен был восстановить там порядок. Верные Гитлеру офицеры захватили здание и арестовали заговорщиков.

Генералу Беку было позволено покончить с собой, но у него не хватило на это силы. После двух неудачных попыток застрелиться, его прикончил унтер-офицер. Ольбрихт, начальник штаба полковник Мерц фон Квирнхайм, Штауфенберг и Хафтен после военно-полевого суда были расстрелены во дворе при свете фар. Штауфенберг выкрикнул: «Да здравствует наша святая Германия!»

Трупы сначала похоронили на кладбище. Но на следующий день по приказу Гитлера их эксгумировали, сорвали с них форму, ордена и сожгли, рассеяв пепел по ветру.

За считанные дни после неудавшегося переворота были арестованы жена, дети, мать Штауфенберга, а также его теща, братья, дядья и их жены. Все они были расстреляны.

Обращаясь к нацистским гауляйтерам в Позне 3 августа, Гиммлер так оправдывал эти меры: «Пусть никто не говорит нам, что это большевизм. Нет, это не большевизм, это древний германский обычай... Когда человека

объявляли вне закона, то говорили: этот человек предатель, у него дурная кровь, в ней живет предательство, она будет истреблена. И... вся семья, включая самых отдаленных родственников, истреблялась. Мы разделяемся со Штауфенбергами вплоть до самых отдаленных родственников...»

С арестованными обращались особенно жестоко. пытки были просто невыносимы: чаще всего использовалось завинчивание пальцев. вспомнили даже о средневековой «дыбе». Но надо отметить, что «сломались» немногие.

В заговоре участвовали высшие офицеры, начиная с главнокомандующего Западным фронтом фельдмаршала Ганса фон Клюге и военного губернатора Франции генерала Генриха фон Штюльпнагеля. Последний, правда, узнав, что Гитлер жив, приказал освободить 1200 важнейших чинов из СС, которые были арестованы ранее по его же приказу.

Фельдмаршал Роммель, долгое время один из любимых генералов Гитлера, неоднократно подвергался агитации заговорщиков и сочувствовал их целям. После высадки союзников в Нормандии он отправил Гитлеру ультиматум с требованием немедленно прекратить войну на Западе. Через два дня, когда он возвращался с нормандского фронта, его автомобиль обстреляли самолеты союзников и он получил тяжелое ранение. Пока он выздоравливал дома в Германии, стали известны его контакты с заговорщиками. 14 октября он получил ультиматум: покончить с собой или быть арестованным и судимым вместе с семьей. Роммель выбрал первое — он принял яд.

Большую часть заговорщиков содержали в тюрьме Лертерштрассе, построенной в 1840-ом году. Здание состояло из четырех корпусов. Один — военная тюрьма — подчинялся вермахту, а два других перешли в ведение гестапо и использовались для содержания политических заключенных.

Охрана состояла из обыкновенных тюремных надзирателей, но за ними, в свою очередь, присматривали эсэсовцы — в основном фольксдойче (немцы, родившиеся за пределами Германии и эмигрировавшие в Третий рейх), приученные к жестокости операциями против партизан в России. Убирали камеры, разносили еду вспомогательные служащие.

От заката до рассвета в камерах горел свет — если только над головой не было бомбардировщиков. Пока охрана укрывалась в убежище, узники оставались запертыми в своих камерах. Многие из них погибли при бомбежках. Оставшиеся в живых узники позже говорили, что посреди падающих бомб их охватывало чувство безопасности — это были единственные моменты, когда за ними не наблюдали.

Казнили заговорщиков в тюрьме Плётцензее, которая находилась недалеко от Лертерштрассе. Поскольку обычно в Германии казнили путем отсечения головы и виселиц не было, то к железной балке в камере для казней прикрепили обыкновенные крюки для подвешивания мясных туш.

На казнях присутствовал Главный прокурор рейха, несколько охранников, два кинооператора и палач с двумя своими помощниками. На столе стояла бутылка с бренди. Осужденных вводили по одному: палачи одевали им на шею узел. Чтобы смерть наступала не от перелома шеи, а от медленного удушения, Гитлер распорядился заменить веревку фортепианной струной. Некоторые жертвы билась и дергались по двадцать минут, а рядом стрекотали кинокамеры, палачи отпускали непристойные шуточки. Потом кинопленку передавали в ставку Гитлера для просмотра.

До сих пор историки спорят насчет точного количества числа жертв заговора 20 июля. Согласно официальным нацистским источникам, сразу после мятежа было арестовано около 7000 тысяч человек. В 1944 году было казнено 5764 человека, а в оставшиеся пять месяцев нацистского правления в 1945 году — еще 5684. Из этого огромного количества жертв, только около 160—200 человек непосредственно были замешаны в заговоре. Из них: 21 генерал, 33 полковника и подполковника, 2 посла, 7 дипломатов высших рангов, один министр, 3 государственных секретаря, начальник уголовной полиции и ряд высших чиновников, губернаторов провинций и крупных полицейских чинов.

Уже будучи в Вене, Мария Васильчикова 6 сентября 1944 года вспомнит свой последний день в Берлине и сделает запись в дневнике: «Когда кухарка Марта будила меня сегодня утром, она проворчала: «В моей молодости такого не бывало, но это 20 июля все поставило вверх дном!»

Заговор 20 июля 1944 г. в разные времена привлекал внимание не только историков, но и людей других специальностей. Например, технических работников. Существовало много версий. Вот одна из них:

«Меня, как специалиста по использованию взрывчатых веществ, не все в этой истории устраивало. А потому изложу свою, наверняка спорную, но более достоверную версию.

Во время взрыва Гитлер был убит. В дальнейшем роль его исполнял двойник.

За одно я могу поручиться: любой человек, который находился на расстоянии полутора-двух метров от взрыва одного килограмма взрывчатки, даже самой слабой (расчетное безопасное расстояние при такой величине заряда — 15 метров), не смог бы в течение многих дней, даже недель не только говорить, но и слышать: у него лопнут барабанные перепонки, он будет сильно контужен. Не мог Гитлер разговаривать с Ремером, тем более по телефону. Это исключено. Другое дело — обращение Гитлера к народу вечером того же дня. Это была просто звукозапись. В Германии уже тогда существовали кассетные магнитофоны или просто рекордеры для записи на пластинки. Да и на мистификации фашисты были большими мастерами.

Полагаю, что это основной прокол гитлеровцев, которые просто не успели тщательно продумать правдоподобную версию фальсификации. Что такое взрыв одного килограмма взрывчатого вещества? В одной ручной гранате типа РГД содержится 75 граммов взрывчатки, да еще послабее гексита. Таким образом, взрыв, который осуществил Штауфенберг, был очень мощным и эквивалентным взрыву 15 ручных гранат.

Перед Кейтелем и его командой встал вопрос: что делать? Двойников у Гитлера, впрочем, как и других диктаторов, опасаящихся «благодарности» своего народа, хватало. Я не располагаю документами или фотографиями Гитлера до и после покушения. Воспользуюсь немецкими официальными данными. После покушения он стал сутулиться, что при росте 158 сантиметров, как и всем людям низкого роста, ему было несвойственно. Стал намного реже публично выступать; совершенно на другом месте стал складывать руки.

Для оппонентов моей версии сразу хочу подарить

пару доводов, опровергающих ее. После взрыва уцелели два генерала. Но, возможно, они после своего доклада отошли к окнам и благополучно вылетели из них вместе с рамами.

Мне представляется, что после покушения, где Гитлер все-таки был убит, его роль играл двойник, под неустанным надзором фашистской верхушки, жизнь и благополучие которой целиком зависели от него».

Вот такова одна из версий. Кто знает, может когда-нибудь она найдет документальное подтверждение.

Я ГЕНРИХ ГИММЛЕР...

«Весь народ смотрит на моего отца! А он такой скромный и никогда не выпячивает себя!» Так писала в своем дневнике Гудрун Гиммлер. Этот скромный и «незаметный» человек — главарь СС, правая рука фюрера Генрих Гиммлер. Отец Гудрун стал самым сильным человеком после Гитлера и в вопросах жизни, и в вопросах смерти. «Власть, которой располагает отец», глубоко трогает Гудрун. «Меня зовут Гудрун Гиммлер», — повторяет она время от времени на страницах своего дневника.

Генрих Гиммлер был известен своей пунктуальностью и имел одно хобби — всегда быть безупречным чиновником и примерным главой семьи. И это ему удавалось. На него молилась дочь, с послушанием смотрела жена. Генрих Гиммлер решает, когда его семья будет праздновать Рождество — 17 или 21 декабря, в зависимости от того, когда он приедет домой. И это никого не огорчает. Он может быть спокоен — дома его «поймут» и не скажут ни слова упрека. «Ура! Папа снова дома», — пишет дочь, когда отец берет отпуск, чтобы отдохнуть от своих обязанностей главного убийцы.

«Когда наступит мир, — пишет Гудрун Гиммлер, — мы, безусловно, получим поместье на востоке...» Мечтая о «поместье на востоке», она перефразирует слова, которые не раз слышала от папы Генриха. Восток — это Советский Союз, это земли, где живут русские, белорусы, украинцы, поляки...

«Мы, — говорил Гитлер, — должны развить технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это — то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача. Природа жестока, поэтому и мы можем быть жестокими. Если я могу послать цвет германской нации в пекло крови, то, конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются, как черви».

Четко следуя указаниям и воли своего фюрера Генрих Гиммлер, как рейхсфюрер СС и глава германской полиции, делал все для осуществления этих целей.

«То, что может произойти с русским или чехом, — заявляет Гиммлер, — меня абсолютно не интересует. Будут ли они живы или умрут с голоду, как скоты, — для меня это имеет значение только в том смысле, что лица, принадлежащие к этим национальностям, будут нам нужны в качестве рабов. Если десять тысяч русских женщин, которые роют нам траншеи, упадут на землю мертвыми от усталости, мне это безразлично, важно, чтобы нужные нам траншеи были вырыты».

А дочь мечтает о доме с садом, слугами. Она будет управлять ими, отдавать приказы. «У нас обязательно будет имение на востоке. Но для этого нужно время, очень много времени: два или три года... — пишет Гудрун в 1943 году. — Мы оставили Киев. Партизаны преследуют наши войска. К сожалению, определенная часть немцев больше не верит в победу. Но мы должны победить. Папа много, очень много делает для окончательной победы...»

Папа действительно работает не покладая рук. В те дни, когда Гудрун пишет свой детский дневник, Гиммлер отдает доктору Зигмунду Рашеру приказ начать производство целой серии жестоких экспериментов над заключенными тюрем и лагерей. Эти эксперименты предусматривали увеличение численности чистых арийцев.

Несколько позже к главнокомандующему гитлеровского СС приходит «гениальная мысль». Он решает использовать несколько тысяч политических заключенных в качестве подопытных кроликов для выяснения возможности выживания в условиях разреженного воздуха и при низких температурах — эти эксперименты были нужны для фашистских летчиков. Папа Гудрун докладывал: «Я лично займусь вопросом поставки для

этих опытов асоциальных и преступных элементов из концентрационных лагерей».

И Гиммлер вплотную занялся этой проблемой.

Вот выдержка из письма доктора медицины С. Рашера от 17 февраля 1945 года на имя Генриха Гиммлера, в котором доктор просит перевести его в лагерь, где он мог бы проводить свои опыты над заключенными: «Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территории больше. Потом, это будет меньше привлекать к себе внимания (испытуемые кричат, когда замерзают).

Если, уважаемый рейхсфюрер, в наших интересах ускорить важные для армии опыты в Аушвице (Люблине или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода».

Потом пошли рапорты и отчеты об экспериментах. Их тщательно прочитывал сам Генрих Гиммлер. Отдавал приказы, делал выводы. Вот один из них: «Одного пленного из лагеря Дахау положили на носилки и совершенно раздетого выставили вечером из барака на улицу. Его накрыли простыней. В течение ночи каждый час на него выливали ведро холодной воды. Объект оставался до утра на открытом воздухе при температуре 20—21 градус ниже нуля...»

Но может быть дочь ничего не знает?

15 июля 1944 года она сделает запись: «В саду, в игровом секторе, строят бункер... Бесконечный грохот, бесконечные пленные... Мы уже повсюду отступаем, в Италии, и в России. Рим потерян, русские практически вышли на границы. Это просто ужасно. Но я, как дочь самого уважаемого и любимого человека, должна верить в победу Германии. И я так и делаю».

Юная Гудрун видела и не только пленных возле своего дома. Заботливый и нежный отец возил свою семью на прогулки. «Были в Дахау. Видели все, что только можно там увидеть, даже рисунки заключенных. Изумительно! Мы хорошо покушали и получили подарки. Все было чудесно!»

14 апреля 1945 года отец Гудрун отдаст приказ:

«Комендантам лагерей Дахау и Флоссенбург.

Лагерь должен быть немедленно эвакуирован. Ни один заключенный не должен попасть живым в руки врага.

Генрих Гиммлер».

Так нацисты стремились скрыть и уничтожить следы своих преступлений, когда стало ясно, что война проиграна. Повсеместно они вели раскопки и сжигали трупы, находившиеся в могилах.

Уже в начале 1945 года Гиммлер стал втайне готовиться к сделке с Западом. Себе в помощники он взял эсэсовского главаря Шелленберга. В феврале Шелленберг организовал в Берлине встречу Гиммлера с графом Бернадоттом — представителем шведского Красного Креста. Во второй раз Бернадотт приехал в Берлин в начале апреля. Но тогда еще Гиммлер «не созрел», чтобы выложить свои карты на стол. И только в ночь с 23 на 24 апреля Гиммлер решил, что время настало. Гитлер был уже ему не страшен. Он потерял реальную власть: Берлин был окружен, фюрер действовал исключительно по телефону. Сам же Гиммлер имел все еще реальную власть — эсэсовские части были с ним.

Встреча Гиммлера с Бернадоттом состоялась в подвале шведского консульства в Любеке при свете свечей, поскольку город подвергался постоянной бомбардировке, и было отключено электричество. Переговоры длились около пяти часов.

В разговоре с Бернадоттом Гиммлер был цинично откровенен. Гитлер, сказал он, наверное уже мертв или умрет в ближайшие дни. Это дает ему полное право вести переговоры от имени империи.

Сохранились подробные воспоминания Бернадотта о встрече с Гиммлером. Вот важная часть этой записи:

Гиммлер: «В том положении, которое сейчас создано, у меня развязаны руки. Чтобы спасти возможно большие части Германии от русского вторжения, я готов капитулировать на Западном фронте, с тем, чтобы войска западных держав как можно скорей продвинулись на восток. Однако я не хочу капитулировать на Востоке. Я всегда являлся заклятым врагом большевизма и всегда останусь таковым».

В ответ Бернадотт попросил у Гиммлера заверения, что «Дания и Норвегия также войдут в акт о капитуляции (перед Западом), подписанный Гиммлером». «Гим-

млер,— пишет Бернадотт,— ответил не размышляя, что он на это согласен».

После переговоров Бернадотт согласился передать предложения Гимmlера своему правительству, которое одно могло решить, следует ли доводить эти предложения до сведения союзников.

Не мешкая, Гимmlер написал письмо министру иностранных дел Швеции Кристиану Гюнтеру, в котором просил его содействовать передаче предложений американцам.

После отъезда Бернадотта Гимmlер почувствовал себя окрыленным. Он уже начал прикидывать примерный состав нового правительства и заявил Шелленбергу, что вместо НСДАП создаст партию «национального единства».

Гимmlер был автором девиза СС «В верности наша честь» — и предал Гитлера. Он превозносил силу, твердость и смелость, сам будучи при этом вялым, слабым и трусливым.

Но уже на следующий день после переговоров, было опубликовано заявление президента Трумэна, в котором отметалась любая возможность частичной односторонней капитуляции Германии. Это заявление развеяло в прах все надежды Гимmlера.

Его план провалился. 27 апреля Бернадотт снова прилетел в Германию с известием, что западные державы отклонили предложение Гимmlера. Рейхсфюрер полагал, что союзники готовы признать в нем нового немецкого фюрера, и это, конечно, свидетельствует о том, что и по-человечески, и как политик он был не слишком умен и не мог трезво оценить ситуацию. О сговоре на Западе не могло быть и речи, ведь Красная Армия фактически разгромила военную машину нацистов. Сделать что-либо за ее спиной было практически невозможно.

Сам не подозревая, Гимmlер сыграл на руку своим соперникам Геббельсу и Борману. 28 апреля еще работавшие радиоприемники приняли передачу радиостанции Би-би-си, в которой со ссылкой на телеграфное агентство Рейтер сообщалось о встрече Гимmlера с Бернадоттом и ответ западных держав. С этим сообщением Геббельс пришел к Гитлеру. Фюрер впал в дикое бешенство и вместе с тем в отчаяние. «Верный Генрих» был вымыслом от начала до конца. После этого Гитлер стал

диктовать своей секретарше завещание.

В соответствии с последней волей фюрера, Геринг и Гиммлер смещались со всех своих постов; он отрекался от них и требовал, чтобы имена их были обречены на позор и поругание: «Геринг и Гиммлер — не говоря уж о их нечестности по отношению лично ко мне — нанесли колоссальный вред народу и германской нации, вступив без моего ведома и разрешения в тайные переговоры с врагом и пытаясь противозаконно захватить власть в государстве». Оба они исключались из партии, лишались всех наград, должностей и чинов.

Наступила последняя одиссея для Гиммлера. Расставшись с графом Бернадоттом в Любеке, он принялся кружить по еще не занятой союзниками территории, подобно хищнику, попавшему в западню. И западня эта становилась все более и более тесной. Еще немного — и она замкнется. Сначала Гиммлер направился в Берлин, не зная, что его измена Гитлеру уже стала известной. Однако попасть туда оказалось невозможным. Тогда он повернул на север и достиг Фюрстенберга, где расположилась штаб-квартира военного командования.

Потом Гиммлер заторопился к датской границе на встречу с Шелленбергом. Шелленберг к тому времени уже съездил в Данию и вернулся во Фленсбург. 30 апреля он узнал, что освобожден от всех постов и обязанностей. Гитлер догадался, что Шелленберг причастен к инициативам Гиммлера, и, карая других, не обошел и его. Обязанности Шелленберга переходили к оберштурмбаннфюреру Ванку, начальнику политического отдела СД, и к оберштурмбаннфюреру Скорцени, начальнику военного отдела.

На Шелленберга эта новость уже не произвела большого впечатления. Он тут же отправился на встречу со своим начальником. 1 мая к ним пришла новость о самоубийстве Гитлера и о назначении Деница преемником, рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вооруженными силами.

Гиммлер виделся с Деницем накануне, проезжая через находившийся в нескольких километрах от Любека Плён, где расположился межармейский штаб вермахта.

Шелленберг, который сопровождал Гиммлера в Плён, решил установить необходимый контакт с Швери-

ном фон Крозигом, членом правительства, а в следующую ночь выехал в Данию для продолжения своих переговоров. Капитуляция застала его в Стокгольме.

А Гиммлер последовал за новым правительством, которое переехало 4 мая из Плёна в Мюрвик недалеко от Фленсбурга, где обосновалось в морской школе. Нового президента окружала когорта обезумевших людей. Военные все еще развивали идею о продолжении борьбы в Норвегии. Дениц созвал к себе рейхскомиссара Тербовена, генералов Бема и Линдермана, чтобы обсудить с ними возможность организации сопротивления в Скандинавских странах. Множество известных деятелей нацистской партии искали возможность примазаться к новому правительству. Они все еще не соглашались с мыслью, что судьба их уже решена.

В этой толпе, жившей слухами и всяческого рода ложными новостями, попытался затеряться Гиммлер в тот момент, когда наконец 7 мая было принято решение о безоговорочной капитуляции Германии.

В тот же день рейхсфюрер СС стал весьма обременительным для нового правительства и был из него выведен. Гиммлер ощутил нависшую над ним угрозу и скрылся.

Дальнейшее местонахождение Гиммлера было неизвестным. По всей вероятности, он нашел себе временное убежище где-то в окрестностях Фленсбурга и скрывался там вместе с кучкой эсэсовцев, которые все еще оставались верными ему. В течение нескольких недель ему удавалось обмануть преследующие его спецслужбы союзников. Во все части и подразделения были разосланы его фотографии.

20 мая Гиммлер решил найти надежное убежище в Баварии. Туда он отправился в сопровождении десятка офицеров-эсэсовцев, которые все еще оставались верными ему.

21 мая по дороге из Гамбурга в Бремен была замечена небольшая группа мужчин. Она остановилась перед английским контрольно-пропускным пунктом. К проходу подошел человек, протянувший военному чиновнику документы на имя Генриха Хитцингера. Его левый глаз был закрыт повязкой. Сильно поношенная одежда никак не выделяла его среди прочих беженцев. Однако неуверенность и наличие документов (постовые привыкли, что обычно люди шли без всяких бумаг) привлекли

внимание. Этого гражданина вывели из толпы и завели в караулку. До решения его судьбы подозрительный субъект был помещен в тюремную камеру находившегося неподалеку лагеря.

Но, конечно же, никому и в голову не приходило, что человек с черной повязкой это и есть Гиммлер, сбивший свои знаменитые усики.

Конечно, Генрих Гиммлер с его опытом работы в полиции, знал, что установить его личность не составит труда. Он не смог вынести того, что с ним обращаются как с тысячами безвестных солдат. Гиммлер попросил о встрече с комендантом лагеря. Вскоре его ввели в кабинет. Гиммлер снял повязку и представился:

— Я Генрих Гиммлер, я хочу сделать важное и срочное сообщение маршалу Монтгомери.

Может он рассчитывал на побег во время следования?

Гиммлера направили в Люнебург и передали в руки служб безопасности. Его осматривал врач, все его карманы были обысканы. В одном из карманов обнаружили крупную ампулу цианистого калия. Затем Гиммлера переодели в поношенную английскую форму и посадили под замок до прибытия полковника Мерфи, которому маршал Монтгомери поручил заниматься задержанным. Сразу после прибытия Мерфи принялся расспрашивать о мерах предосторожности, принятых до его приезда.

— А проверили ли у него рот? — спросил он. — Чаще всего нацисты прячут капсулу с цианистым калием под языком или в одном из искусственных аубов. Капсула, найденная в кармане, может быть положена туда лишь для отвода глаз.

Тогда врач снова отправился осматривать Гиммлера. Когда он приказал ему открыть рот, Гиммлер свел челюсти. Что-то хрустнуло, и он замертво упал.

Все попытки вернуть Гиммлера к жизни оказались напрасными. Так, растянувшись на паркете среди английских военных, которые пытались вызвать у него рвоту, покончил свою жизнь рейхсфюрер СС.

За несколько лет до этого, в 1938 г., он говорил, обращаясь к своим офицерам: «Я не понимаю человека, который выбрасывает свою жизнь как поношенную рубашку, думая таким образом избежать трудностей. Такого человека надо просто закапывать как животное».

Его труп, сфотографированный союзными военными

корреспондентами, был предан земле. Местонахождение этой могилы держится в секрете.

Круг жизни Гимmlера замкнулся. Чтобы преодолеть бессилие и слабость, он должен был завоевать абсолютную власть. Когда эта цель была достигнута, он попытался удержать власть, предав своего кумира. Попав в лагерь для военнопленных и оказавшись там одним из сотен тысяч простых солдат, он не выдержал испытания и предпочел смерть. Лишение власти было равноценно для него утрате своего «я».

А Гудрун Гимmlер после войны жила в Мюнхене. Она вышла замуж, у нее трое детей.

Корреспондент английской газеты «Дейли мейл» Брайан Джеймс описывает свою встречу с ней. Он позвонил, дверь открыла сама Гудрун Гимmlер, испуганно зашептала: «Никогда не упоминайте моего имени. Никто, никто ничего не знает, даже соседи!» А уже потом сказала корреспонденту: «Я ничего не знала в те времена о лагерях. И моя мать, вплоть до смерти в 1967 году, никогда не думала, что евреи подвергаются экстерминированию».

Однако фрау явно что-то перепутала. Вспомним ее детские записи в дневнике о посещении лагеря для пленных в Дахау. Известна также фотография, сделанная на территории этого лагеря, — Гудрун Гимmlер рядом со своим отцом на фоне страшных труб концлагеря, из которых идет черный дым — лагерные печи работают (по приказу ее отца) вовсю.

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Засевший в своем бункере в рейхсканцелярии Гитлер видел, как вокруг него рушится, как карточный домик, казалось бы, прочное здание его власти. Он знал, что все те, кто вчера еще заискивал перед ним и готов был ради одного его слова пойти на любую низость, теперь думали лишь о том, как бы ускользнуть от него.

«Каждый был занят собой, — пишет об этом времени один из гитлеровцев, который в те безумные дни находился в бункере, — поисками выхода для себя. Иные

пессимисты, не надеясь на спасение, сидели, вперив взгляд в одну точку и никого не видя перед собой. Другие шли в буфет, пили коньяк и вино из погреба фюрера и заводили разговор на ту же тему — как спастись, куда бежать».

12 марта 1945 года Геббельс сделал запись в своем дневнике: «В приемной фюрера ожидают наши генералы. Вид этого сборища усталых людей действует прямо удручающе. Позорно, что фюрер имеет так мало авторитетных военных сотрудников. Среди них он сам — единственная выдающаяся личность... Но почему около него не образовался круг людей типа Гнейзенау и Шарнхорста? Я посчитал бы задачу найти для фюрера таких людей и отдать их в распоряжение фюрера своей самой приятной обязанностью.

Просто прискорбно слышать, как в разговоре с подобными генералами Йодль хвастается по ничтожному поводу, вроде права посещения бомбоубежища, словно речь идет о событии мирового значения. Настолько ничтожно большинство военных советников фюрера!»

Но фюрер не хотел уходить в небытие в одиночку, считая, что те, кого он поднял на вершины власти, должны сойти в могилу вместе с ним. Его безумный взгляд искал признаки предательства на лицах приближенных, прятавших под маской твердости и решимости страх и растерянность. Каждый, считал он, должен испить свою чашу до дна.

Теперь тот фюрер, который некогда был кумиром толпы, крупным военачальником, вождем, стал всего-навсего больным стариком, согнувшимся под тяжестью поражения, со страдальческим взглядом загнанного животного, с горящими глазами на бледном лице, уже отмеченного печатью смерти.

Убежище фюрера находилось в саду имперской канцелярии. Чтобы попасть туда, надо было спуститься на 37 ступеней, ибо толщина железобетонной крыши равна 8 метрам. Убежище представляет собой только одно крыло общего подземного сооружения имперской канцелярии и состоит из двух частей. Одна из них — собственно помещение Гитлера, т. е. спальня, столовая, ванная, комната для совещаний и приемная. Они сообщаются с другими пятью комнатами, в которых помещаются лейб-медик Гитлера профессор Морелль, овчарка Гитлера со своими щенками (теперь она была единст-

венным живым существом, которое вызывало в нем проблески человеческого чувства), небольшой узел связи, личная охрана и уборная. В коридоре 4 телефонных коммутатора. От этого убежища фюрера 12 ступеней ведут вверх, в расположенную несколько выше главную часть подземного помещения имперской канцелярии, где толщина защитного покрова составляет только 1—3 метра. Собственно бомбоубежище фюрера было полностью закончено тогда, когда началась битва за Берлин.

Теперь никто не мог иметь доступ в рейхсканцелярию, не подвергшись контролю со стороны эсэсовцев, стороживших все входы и выходы. Им была доверена охрана фюрера с первых шагов его правления. Отвечая за жизнь Гитлера, только они, за малым исключением, сохраняли еще его доверие.

Ночью охрана была удвоена. На каждом углу часовые с пистолетами-автоматами и ручными гранатами. Помимо них рядом с фюрером оставались лишь члены его семьи и несколько приближенных, на которых не распространялись подозрительность и презрение, питаемое Гитлером ко всему миру.

В сентябре Гитлер издал приказ, который стал крайним выражением мании разрушения и провозглашавший «тактику выжженной земли». В нем говорилось, что прежде чем враг оккупирует Германию, все, абсолютно все, что связано с поддержанием жизни, должно быть уничтожено: списки на получение продовольственных карточек, книги регистрации браков и места жительства, записи банковских счетов. Кроме этого, надо было ликвидировать запасы продовольствия, сжечь фермы, зарезать скот. Нельзя было оставлять даже произведения искусства, уцелевшие в результате бомбардировок. Памятники, дворцы, усадьбы, церкви, оперные и драматические театры — все это надлежало сравнять с землей.

Это означало, что не будет ни питьевой воды, ни электричества, ни санитарного оборудования, а следовательно, начнутся эпидемии, приносящие смерть миллионам тех, кто не сможет убежать.

В конце жизни, предчувствуя наступление своего последнего поражения, Гитлер уже не мог более продолжать подавлять страсть к разрушению. Это видно по тому, как он реагировал в 1944 году на зрелище мертвых тел руководителей неудавшегося заговора генералов. Человек, который еще недавно не мог выносить вида

трупов, теперь каждый день просматривал фильмы о пытках и казнях генералов, где были засняты их тела в тюремных одеждах, висящие на крюках с мясокомбината. Он даже поставил на свой письменный стол фотографию этой сцены.

Угроза Гитлера, что в случае поражения он разрушит Германию, начинала действовать.

Отдавая приказы не отступать, Гитлер не брал в расчет число приносимых в жертву солдат. Они были для него только определенным «количеством стволов».

Шпеер дал такой портрет фюрера: «Благородные человеческие качества у Гитлера отсутствовали. Нежность, любовь, поэзия были чужды его натуре. На поверхности он был вежлив, обаятелен, спокоен, корректен, дружелюбен, сдержан. Роль этой весьма тонкой оболочки состояла в том, чтобы скрывать его подлинные черты».

Геббельсом был разработан четкий план работы с прессой и электронными средствами информации. Вся немецкая политика в области пропаганды и информации должна была служить исключительно тому, чтобы укрепить бессмысленное сопротивление, увеличить «военные усилия и поднять боевой дух родины и фронта».

«Наша задача,— писал Геббельс,— снова и снова указывать на то, что Черчилль и Рузвельт, равно как и Сталин, безжалостно, не считаясь ни с чем, осуществляют свои смертоносные планы, стоит немецкому народу проявить слабость и подчиниться врагу.

Следует ярко показывать и комментировать подвиги людей на фронте и на родине. Их нельзя расценивать как отдельные примеры, они должны быть стимулом для всех и призывом ко всей нации следовать светлым образцам в борьбе за нашу свободу».

В феврале и марте 1945 года положение на Западе стало для Германии столь же катастрофическим, как и на Востоке. После перехода через мост Ремагена и создания новых предместных укреплений на Рейне американские и английские армии хлынули в Германию. Преград больше не было.

В этот момент Гитлер объявил о создании «Вервольфа», т. е. о ведении войны из-за угла. Создаваемая в подражание советским и польским партизанам, эта организация должна была в один момент вырасти из-под земли, как противовес движению сопротивления в преж-

де оккупированных Германией странах. Дети, женщины и старики — все должны были участвовать в уничтожении врага.

Геббельс... Этот хромающий выскочка и хвостун 27 апреля заставил выйти «Берлинский фронтовой листок», и обратился в нем со словами благодарности к жителям Берлина:

«Браво вам, берлинцы!

Берлин останется немецким! Фюрер заявил это миру, и вы, берлинцы, заботьтесь о том, чтобы его слово осталось истиной. Браво, берлинцы! Ваше поведение образцово! Дальше так же мужественно, дальше так же упорно, без пощады и снисхождения, и тогда разобьются о вас штурмовые волны большевиков... Вы выстояте, берлинцы, подмога движется!»

«Если война будет проиграна, — сказал Гитлер Шпереру, — народ окажется обреченным. И нет никакой нужды сохранять для него базу, чтобы он влачил потом жалкое существование. Напротив, лучше самим разрушить все, самим уничтожить себя».

Но в то же время Гитлер занялся проблемой возрождения и обновления «биологического потенциала» Германии в послевоенные годы. Размышления фюрера об этом сохранил его верный слуга Мартин Борман.

В чем же заключался зафиксированный Борманов план Гитлера?

Коротко говоря, в введении в Германии двоеженства. В беседе с Борманом Гитлер «обосновал» это такими соображениями: после войны в стране окажется 3—4 миллиона женщин, у которых не будет мужей. Это означает, что рождаемость резко уменьшится. «Вы только представьте себе, какая это будет потеря в дивизиях через 20—40 лет».

В чем же он видел выход? Борман зафиксировал это так: «При достаточно высоком уровне сознания каждая женщина, родившая всего одного ребенка, должна быть заинтересована в том, чтобы другие женщины имели как можно больше детей... Но дети, естественно, не могут появиться сами собой. Кроме того, мы заинтересованы в том, чтобы не всякий мужчина имел много детей; для зачатия детей надо привлекать только наиболее здоровых мужчин и в физическом и в психическом отношениях... Мы должны стремиться к тому, чтобы женщины, которые после войны не смогут выйти замуж, вступали

в длительные связи с женатыми мужчинами, для того чтобы производить на свет как можно больше детей».

По замыслу Гитлера, такого рода связи должны были официально приравняться к бракам. А некоторые мужчины получили право состоять в браке сразу с двумя женщинами. При этом вторая жена обязана была носить фамилию мужа.

В заключении документа говорилось, что государство будет наказывать всех, кто воспротивится этому. «Все те, кто будет выступать против этого урегулирования, соответствующего интересам народа, должны быть сурово наказаны».

Мысли путались в голове у фюрера. Его приказы становились все менее продуманными и последовательными.

16 апреля силами 41600 орудий, 6400 самолетов, 6300 танков, личного состава трех фронтов (1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского) началась Берлинская операция. С 20 апреля бои стали вестись уже в самом Берлине.

25 апреля полумиллионная группировка вермахта в районе Берлина была рассечена надвое и окружена. В тот же день к западу от Берлина в районе города Торгау на Эльбе советские войска встретились с войсками союзников. 27 апреля сражения сосредоточились в центре германской столицы. 28 апреля части Красной Армии рассекли берлинскую группировку вермахта на три части, лишив их единого командования и связи друг с другом.

Оголив Западный фронт, гитлеровское командование бросило на оборону Берлина около миллиона солдат и всю имеющуюся в его распоряжении боевую технику. Гитлер заявил генералу Вейндлингу, командующему Берлинским гарнизоном: «Положение улучшится. На Берлин будет брошена 9-я армия, которая вместе с 12-й армией нанесет противнику удар».

Фельдмаршал Кейтель выехал из Берлина, чтобы координировать действия двух армий, но не вернулся обратно, так как обе армии были разгромлены. А в эфир из рейхсканцелярии неслись радиogramмы за подписью Гитлера: «Где 12-я армия? Почему Венк не наступает? Где Шернер? Немедленно выйти в наступление!»

Гитлер приказал начать наступление 21 апреля. На следующий день штабные офицеры доложили ему, что

контрнаступление сорвалось и что Берлин удержать невозможно. Впав в истерику, Гитлер иступленно вопил об измене не только в армии, но и в СС, грозил убийствами и самоубийством.

30 апреля в 14 часов 25 минут войска 3-й ударной армии захватили главную часть здания рейхстага. На следующий день, 1 мая, над рейхстагом водрузили Знамя Победы.

2 мая в 1 час 50 минут, после нескольких безуспешных попыток оттянуть капитуляцию, радиостанция штаба гитлеровской обороны начала передавать на немецком и русском языках: «Высылаем парламентаров на мост на Бисмаркштрассе. Прекращаем военные действия!» Несколько часов спустя частям Красной Армии сдался генерал Вейндлинг. Утром 2 мая он передал по радио обращение к войскам Берлинской группировки: «Приказываю немедленно прекратить сопротивление!»

7 мая в 2 часа 41 минуту в главной квартире генерала Эйзенхауэра в Реймсе генерал-полковник Йодль подписал от имени германского верховного командования протокол о безоговорочной капитуляции германских войск, который вступил в силу 9 мая в 00 часов 21 минуту.

После церемонии подписания акта о капитуляции немецкую делегацию попросили покинуть зал — отсюда ей предстоял путь в Нюрнберг. Вторая мировая война в Европе закончилась.

СКОЛЬКО РАЗ ХОРОНИЛИ ГИТЛЕРА?

20 апреля 1945 года Гитлеру исполнилось 56 лет.

22 апреля он сказал своим приближенным: «Война проиграна... Я убью себя...»

Перед этим (31 марта 1945 года) фюрера видел Геббельс и оставил запись в своем дневнике: «Мне просто больно видеть, какое плохое физическое состояние у фюрера. Он говорит, что уже почти не спит, что беспрерывно загружен работой и что его совершенно изматывает необходимость постоянно взбадривать и приводить в чувство своих слабонервных и бесхарактер-

ных сотрудников. Могу себе представить, насколько все это утомительно и хлопотно. Фюрера мне просто жаль, особенно когда я вижу его в таком состоянии. И все же я не могу отказаться от своей обращенной к фюреру настоятельной просьбы как можно быстрее выступить перед народом... Сейчас самое важное — чтобы он снова воодушевил народ; остальное я тогда возьму на себя... Мне думается, я сумею в кратчайший срок взять прессу под жестокий контроль. Однако условием для этого должен стать тот лозунг, который фюрер даст и прессе, и всему немецкому народу».

Но Гитлер больше не мог вести за собой народ. Его власти пришел конец.

Командующий обороной Берлина генерал Вейндинг увидел Гитлера несколько позже: «Я увидел Гитлера 24 апреля, в день переговоров с советским командованием о капитуляции берлинского гарнизона, до этого меня в последний раз вызывали к нему год назад. Вид фюрера поразил меня. Он стал развалиной: голова у него бесильно свисала, руки дрожали, он что-то невнятно бормотал».

29 апреля Геббельс привел в бункер рейхсканцелярии чиновника, который заведовал актами гражданского состояния. Геббельс готовил спектакль под названием «судьба фюрера». Чиновник удостоверил своей подписью, что Ева Браун, спутница фюрера с 1933 года, имеет «арийское происхождение и не страдает никакими наследственными заболеваниями». Их брак был оформлен юридически. Свадьба проходила с соблюдением всего нацистского ритуала. Бракосочетание состоялось ночью. Из рассказов свидетелей видно, что Гитлер был совершенно разбит физически и морально, походил на марионетку.

Геббельс и Борман подписались под актом о женитьбе Гитлера.

По замыслу Геббельса и Бормана — режиссеров этого бракосочетания, оно должно было настроить Гитлера на торжественный лад, морально подготовить к другой торжественной церемонии — «героическому» уходу из жизни. Геббельс и Борман внушали Гитлеру, что его самоубийство будет как бы последним аккордом в духе Вагнера и древнегерманских саг.

Выстрел... Яд... Верная жена Ева, которая убивает себя на могиле вождя...

По окончании церемонии состоялся завтрак в тесном кругу, после которого Гитлер, заботясь об истории, про диктовал свое политическое, а затем и личное завещание.

В первом — Геринг и Гиммлер смещались со всех своих постов, он отрекался от них и проклинал как предателей. Адмирал Дениц назначался преемником фюрера, рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вооруженными силами.

В личном завещании Гитлер объявлял Бормана своим душеприказчиком, которому поручалось следить за исполнением положений, фигурировавших в его первом завещании. Все свое имущество Гитлер оставлял партии, за исключением некоторых денежных сумм, завещанных родственникам и друзьям.

Последняя фраза этого завещания четко выражала решимость Гитлера покончить с собой: «Сам я и моя жена выбираем для себя смерть, предпочитая ее позору смещения с моего поста или капитуляции. Завещаем немедленно предать наши тела огню в том месте, где на протяжении двенадцати лет служения моему народу я выполнял большую часть моих повседневных обязанностей».

В то же утро Йозеф Геббельс сделал «приложение» к завещанию фюрера:

«Фюрер приказал мне в случае крушения обороны имперской столицы покинуть Берлин и войти в назначенное им правительство в качестве ведущего его члена.

Впервые в жизни я категорически отказываюсь выполнить приказ фюрера. Моя жена и мои дети тоже отказываются выполнить его. Иначе — не говоря уже о том, что мы никогда бы не могли заставить себя покинуть фюрера в самую тяжелую для него минуту просто по человеческим мотивам и из личной преданности, — я в течение всей своей дальнейшей жизни чувствовал бы себя бесчестным изменником и подлым негодяем, потерявшим вместе с уважением к себе уважение своего народа, которое должно было бы стать предпосылкой моего личного служения делу устройства будущего германской нации и германского рейха.

В лихорадочной обстановке предательства, окружающей фюрера в эти критические дни, должно быть хотя бы несколько человек, которые остались бы безусловно верными ему до смерти, несмотря на то, что это противо-

речит официальному, даже столь разумно обоснованному приказу, изложенному им в своем политическом завещании.

Я полагаю, что этим окажу наилучшую услугу немецкому народу и его будущему, ибо для грядущих тяжелых времен примеры еще важнее, чем люди. Люди, которые укажут нации путь к свободе, всегда найдутся. Но устройство нашей новой народно-национальной жизни было бы невозможно, если бы оно не развивалось на основе ясных, каждому понятных образцов. По этой причине я вместе с моей женой и от имени моих детей, которые слишком юны, чтобы высказываться самим, но, достигнув достаточно зрелого для этого возраста, безоговорочно присоединились бы к этому решению, заявляю о моем непоколебимом решении не покидать имперскую столицу даже в случае ее падения и лучше кончить подле фюрера жизнь, которая для меня лично не имеет больше никакой ценности, если я не смогу употребить ее, служа фюреру и оставаясь подле него.

Совершено в Берлине 29 апреля 1945 года в 5 часов 30 минут.

Доктор Геббельс».

В конце дня 29 апреля пришла весть о казни Муссолини и его любовницы Клары Петаччи итальянскими партизанами. Трупы дуче и его любовницы переправили в Милан, где повесили на фонарях для всеобщего обозрения. Гитлер и Ева Браун поделились с присутствовавшими предчувствиями подобной кончины.

Гитлер продиктовал письмо Кейтелю — свое последнее послание немецкому генералитету. В нем он взвалил на Кейтеля и других немецких военачальников всю вину за поражение Германии (Борман внушил Гитлеру, что и Кейтель его предал). «Неверность и измена на протяжении всей войны,— писал фюрер,— разъедали волю к сопротивлению. Поэтому мне и не было дано привести мой народ к победе... Этот генеральный штаб нельзя сравнить с генеральным штабом в период первой мировой войны».

Из показаний личного адъютанта Гитлера:

«После проникновения русских моторизованных частей в район станции Анхальтер и Кенигсплац фюрер позаботился о собственной смерти.

Вызвали начальника лазарета рейхсканцелярии профессора Хааве, чтобы испробовать на собаке Гитлера

действие яда. Гитлер наблюдал за конвульсиями собаки с явным интересом».

Потом он роздал своим секретаршам ампулы с ядом, начал жечь бумаги и приказал, чтобы никто не ложился спать.

В половине третьего ночи 30 апреля Гитлер вышел в один из отсеков бункера, где выстроились 20 человек, и, пройдя вдоль строя, пожал каждому руку. После этого он удалился в свою комнату. А присутствующие на церемонии прощания отправились в бар и стали танцевать. Танцы продолжались до утра. Шум музыки слышал Гитлер. Он потребовал закончить это безобразие. Но в эту ночь он так и не решился на самоубийство.

Утро 30 апреля прошло как обычно — обсуждали военное положение. В 14 часов Гитлер пообедал в обществе секретарш и поварихи. Потом началось новое прощание, и Адольф и Ева Браун удалились в свою комнату. На этот раз Борман и Геббельс остались дежурить у входа в узком коридорчике. Борман заблаговременно подготовил канистры с бензином, чтобы сразу же сжечь труп фюрера.

30 апреля в 15 часов 30 минут Гитлер и Ева покончили с собой. Согласно выраженному обоими пожеланию, их тела были облиты бензином и сожжены во дворе рейхсканцелярии.

Обратимся снова к показаниям адъютанта, написанных через две недели после события: «Принесли ампулы с цианистым калием. Гитлер и Ева Браун остались одни в помещении. Через десять минут два эсэсовца открыли дверь и вынесли из бункера трупы, чтобы сжечь их».

Геббельс и Борман первоначально скрывали факт смерти Гитлера. Они сразу же об этом предупредили Вейндлинга. На допросе он сообщил: «Меня обязали вплоть до дальнейшего развития событий не выдавать тайны».

Предприняв меры предосторожности, Геббельс и Борман стали готовиться к решающему шагу — отправке Кребса к советскому командованию с предложением капитулировать на востоке. Кребс не служил в гестапо, знал русский язык, до войны был помощником военного атташе в Москве. Его кандидатура выглядела наиболее подходящей.

Минуя союзников, Геббельс и Борман сообщили СССР о смерти Гитлера и формировании нового прави-

тельства. Тем самым — по их разумению — они давали советскому правительству явное преимущество: возможность распорядиться этим сообщением себе на пользу, а союзникам во вред.

Вот письмо Геббельса, которое передал Кребс: «Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера, мы уполномачиваем генерала Кребса в следующем: мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 30 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании этого законного права фюрер всю власть в составленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери в войне».

Маршал Г. К. Жуков свидетельствовал:

«Ввиду важности сообщения я немедленно направил своего заместителя генерала армии В. Д. Соколовского на командный пункт В. И. Чуйкова для переговоров с немецким генералом. В. Д. Соколовский должен был потребовать от Кребса безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Тут же соединившись с Москвой, я позвонил И. В. Сталину. Он был на даче. К телефону подошел дежурный генерал, который сказал:

— Сталин только что лег спать.

— Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Очень скоро И. В. Сталин подошел к телефону. Я доложил полученное сообщение о самоубийстве Гитлера, появлении Кребса и решение поручить переговоры с ним генералу В. Д. Соколовскому. Спросил его указаний.

И. В. Сталин ответил:

— Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

— По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

— Передайте Соколовскому, — сказал Верховный, — никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести».

Г. К. Жуков дает указание своему заместителю:

«— Передай, что, если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капи-

туляцию, мы нанесем удар такой силы, который навсегда отобьет у них охоту сопротивляться. Пусть гитлеровцы подумают о бессмысленных жертвах немецкого народа и своей личной ответственности за безрассудство».

Для Геббельса и Бормана это было равнозначно полному провалу. Теперь они уже выступали не как партнеры, а как фашисты, которые потерпели поражение.

3 мая 1945 года были обнаружены также трупы семьи Геббельса. В батистовых ночных сорочках на трех и двухэтажных кроватях лежали отравленные собственной матерью дети Геббельса. Пять девочек и мальчик. Румяные от цианистого калия, они казались еще живыми. Потом от доктора Гельмуха Кунца узнали, что Магда Геббельс с помощью личного врача Гитлера по очереди разжимала рот усыпленным морфием детям, клала на зубы ампулу с ядом и сдавливала потом челюсти.

27 апреля фюрер вручил Магде Геббельс свой собственный партийный значок, который он многие годы носил на своем пиджаке. Этот подарок Магда получила в знак признания того, что она является воплощением настоящей «немецкой женщины».

Адольф Гитлер еще в 1938 году дал указания, как его похоронить: тело перевезти в Мюнхен, выставить в Фельдхернхалле (место его путча в 1923 году) для прощания и опустить в усыпальницу на Кенигсплац. Была также у него и другая идея: обрести покой в любимом городе Линце, в усыпальнице здания нацистской партии.

Война рассудила иначе. Империя, распростершаяся на всю Европу и вот-вот на весь мир, стала съезживаться, пока не превратилась в жалкий клочок земли между Вильгельм- и Фосштрассе и в подземельный бункер под ними.

Фюрер, который видел себя в море цветов и нескончаемом потоке фанатов, скончался в подземелье и был похоронен не один раз.

Первый — сразу же после смерти. После того, как он и Ева Браун покончили с собой, их тела вынесли в сад имперской канцелярии офицеры охраны СС, положили в вырытый ров и сожгли. Сад был все время под обстрелом, поэтому никто не стал дожидаться пока трупы окончательно сгорят. Вечером останки были перенесены

личной охраной СС в воронку, где уже лежали трупы любимых собак фюрера и засыпали землей.

4 мая солдат поисковой группы «СМЕРШ» обнаружил в воронке трупы — мужчины, женщины и двух собак. Он хотел доложить об этом начальству, но услышал, что в здании имперской канцелярии кинооператор снимает найденный групп Гитлера. Тогда трупы снова закопали. Так состоялась второе погребение в саду имперской канцелярии.

Вечером 4 мая стало известно, что труп, который снял оператор, вовсе не принадлежит Гитлеру. Воронку снова раскопали. В ночь на 5 мая трупы из ямы были завернуты в одеяла и положены в снарядные ящики. Обстоятельства их обнаружения и наружный осмотр давали возможность предположить, что останки принадлежат Адольфу Гитлеру и его жене Еве Браун, хотя у фюрера и его жены были двойники. Поэтому вопрос об идентификации личностей стоял на первом месте.

Труп мужчины находился в деревянном ящике длиной 163 сантиметра, шириной и высотой соответственно 55 и 53 см.

На трупе был обнаружен обгоревший по краям кусок трикотажной материи желтоватого цвета, похожий на рубашку.

Так как труп был в значительной степени обуглен, судить о возрасте и росте можно было только предположительно: около 50—60 лет. Рост — 165 см.

В этот же день производился осмотр останков женщины. Также сложно было установить возраст: между 30 и 40 годами. Рост около 150 см.

Останки вывезли в Берлин-Бух. Там был составлен судебно-медицинский акт. Было неясно, что делать с трупами дальше. Их снова закопали. Уже в третий раз.

Война закончилась. 18 мая из Москвы прилетел специальный представитель Ставки. Сначала были опрошены все свидетели, кто был в последние дни в бункере, а также зубные техники, опознавшие челюсти Гитлера и Евы Браун. Останки снова пришлось раскопать, а по окончании экспертизы закопать.

Бывший начальник секретариата «СМЕРША» капитан Терещенко рассказал о последней эксгумации: «Я говорю об этом впервые. После Буха Москва приказала произвести вторичное вскрытие: Сталин хотел быть твердо уверенным в том, что речь действительно идет

о теле Гитлера. После этого наша часть покинула Штендаль, поскольку в это время велись переговоры с Великобританией о демаркационной линии и лес, в котором мы захоронили останки, должен был вскоре отойти к англичанам. Поэтому мы передислоцировались в Магдебург».

И так к осени останки были перевезены в окрестности Магдебурга. Когда Терещенко был назначен начальником секретариата «СМЕРША», командир Андрианов передал ему сверхсекретный документ: «Останки Адольфа Гитлера и Евы Браун были выкопаны и вывезены из леса вблизи городка Ратенов. Под покровом ночи они были перезахоронены в Магдебурге под одним из гаражей. Впоследствии пол гаража был заасфальтирован».

Была составлена схема захоронения с грифом «Совершенно секретно». Она была послана в Москву. Магдебургу было суждено стать последней точкой в маршруте.

Одно время даже начали ходить слухи, что Гитлеру удалось бежать.

Вот показания взятого в плен начальника личной охраны Гитлера Раттенхубера:

«По этому поводу считаю необходимым заявить следующее. Мне достаточно хорошо известно, что исключением подготовки перевода главной Ставки в Берхтесгаден, никаких других подготовительных мероприятий по вывозу Гитлера из Берлина проведено не было, так как Гитлер категорически отвергал саму мысль бегства из Берлина.

В последние дни апреля 1945 года Гитлер назвал доктора Геббельса предателем, когда последний предложил ему вылететь на самолете из Берлина. Госпожа Геббельс на коленях умоляла его об этом, но Гитлер резко оттолкнул ее от себя.

В качестве единственного места для переезда из Берлина был предусмотрен Берхтесгаден. Гауляйтер Тирольской области Гофер приезжал в Берлин в начале апреля 1945 года и был принят Гитлером и Борманом по вопросу южнотирольских укреплений. Во время этой беседы Гофер предложил Гитлеру оборудовать для него замок в своей области. Гитлер резко отклонил это предложение, сказав при этом, что он «не желает бегать от одного места к другому».

Перед началом русского наступления на Одере име-

ло место совещание, на котором присутствовали генерал Бургдорф, группенфюрер Баур, майор Ионганнмейер (представитель сухопутных сил при Гитлере) и я. Обсуждался вопрос об эвакуации Ставки в Берхтесгаден. Однако Гитлер не санкционировал переезд из Берлина.

Мне абсолютно неизвестны какие-либо факты, говорящие о подготовке бегства на самолете или на подводной лодке. Я убежден в том, что группенфюрер Баур (шеф-пилот Гитлера) и адмирал Фосс (представитель военно-морских сил) подтверждают мои показания. Оба названных офицера находятся в русском плену.

Два специальных поезда фюрера были в начале апреля по приказу генерала Бургдорфа (представитель вооруженных сил) переведены в Верхнюю Баварию. Главный поезд был при этом поврежден во время налета вражеской авиации.

Автоколонна под начальством гауптштурмфюрера СС Гейгера была переведена в связи с бомбардировками в окрестности Берлина (45 минут от города) и в начале апреля также выехала в Берхтесгаден.

Гараж на улице Геринга в последние дни сгорел от артиллерийского обстрела, так что 30 апреля не имелось ни одного целого автомобиля.

О состоянии гаража и автомашин мне известно со слов личного шофера Гитлера — штурмбаннфюрера СС Кемпке.

Что касается самолетов, то мне известно, что большая часть из них после начала русского наступления вылетела в Зальцберг. Среди лиц, вылетевших в Зальцберг, мне известны — адмирал фон Путткамер, бригаденфюрер СС Плашке (зубной врач), его помощник доктор Рокампф, представители прессы, обслуживающий персонал квартиры Гитлера.

Кроме того, как я уже показал, берлинская автострада была уже в такой степени разбита бомбами и снарядами, что на ней не мог бы совершить посадку даже самолет типа «Шторх».

Состояние здоровья Адольфа Гитлера было исключительно скверным. Еще более усилилось дрожание обеих рук, левую ногу он волочил. Глаза были какие-то ненормальные, как у душевнобольного.

Когда я сообщил свои наблюдения доктору Штумпфеггеру, последний также подтвердил мои опасения, что фюрер уже не полностью нормален. На физическое

состояние фюрера тяжело действовало не только душевное потрясение, но и постоянные уколы, производимые профессором Мореллем.

В дополнение к уже данным мною показаниям о том, что Гитлер 29 апреля приказал после смерти сжечь свое тело, я припоминаю, что Гитлер сказал:

«Я не хочу, чтобы враги выставили мое тело в паноптикуме».

Во время этого разговора я стоял рядом с Гитлером и смог разобрать сказанные еле слышным голосом слова «мое тело в паноптикуме».

Резюмируя, могу сказать, что считаю совершенно исключенной возможность выбраться Гитлеру из берлинских развалин, так как его физическое состояние было таково, что он с трудом передвигался у себя в комнате...»

Одно время ходили слухи о том, что останки Гитлера и Евы Браун были перехоронены в московской тюрьме Лефортово. Но это были лишь слухи.

В августе 1990 года к заведующему международным отделом ЦК КПСС Валентину Фалину пришел кто-то из ветеранов войны и попросил о беседе на важную тему. Он напомнил, что в Магдебурге остается роковое захоронение. Завертелась машина запросов. О деле доложили Крючкову, который в то время был шефом КГБ. Через несколько недель он получил ответ: «Все в порядке. Они все сделали. Беспокоиться не о чем». Человек, которому было поручено ликвидировать магдебургские следы, сказал:

— А мы, собственно говоря, ничего не делали. Умные люди, обеспокоенные возможными осложнениями, нашлись пораньше нас. Еще давно...

Оказывается, еще в эпоху Андропова магдебургское захоронение было уничтожено. Это состоялось в 1970 году.

ФЮРЕР И ЖЕНЩИНЫ

В отношениях с женщинами Гитлер обнаруживал такое же отсутствие любви, нежности или сострадания,

как и в отношениях со своими сослуживцами, коллегами по партии. Единственной женщиной, к которой он был по-настоящему привязан, всегда оставалась только мать. Но и эта привязанность была холодной и безличной.

Женщин, к которым Гитлер проявлял интерес, можно условно разделить на две части. В основном по их социальному статусу:

1) «респектабельные» женщины — богатые, занимающие высокое положение в обществе. Сюда же можно отнести и известных актрис;

2) женщины, которые стояли ниже его на социальной лестнице.

Его поведение и чувства, которые он испытывал по отношению к представительницам этих групп, были совершенно разными.

Женщины, которых мы отнесли к первой группе, в большинстве своем были немолодые, богатые мюнхенские дамы. Они относились к Адольфу дружески и дарили многочисленные подарки — для партии и для него лично. Гитлеру это всегда было приятно: они приобщали его к великосветской жизни и обучали хорошим манерам. Но никогда он не вступал ни с одной из них в связь и не испытывал к ним никаких эротических переживаний. Это были женщины материнского типа.

Как же складывались отношения Гитлера с женщинами, которые стояли гораздо выше его на социальной лестнице?

С ними он был всегда неловок и застенчив. Примером здесь может служить его юношеское увлечение девушкой по имени Стефани. Их знакомство произошло в Линце. Адольф часами бродил около ее дома и старался встретить ее в переулках. Но как только встречал ее, не осмеливался заговорить и даже не стремился чтобы их кто-то познакомил. А потом послал ей письмо с предложением выйти за него замуж. Но сделать это тогда, когда он будет из себя что-то представлять. Письмо было без подписи. Женщинами, которые его привлекали, Гитлер предпочитал любоваться издали.

В отношениях с женщинами «Гитлер вел себя, как выпускник школы танцев на прощальном вечере. Он был смущенно-предупредителен, действовал строго по правилам, отпускал ровно положенное число комплиментов, встречал, провожал и на австрийский манер, целовал руку», — вспоминал А. Шпеер.

Таким примером может служить знакомство Гитлера с Хелен Ханфштенгля. Она была настоящей светской дамой, каких Адольф прежде не встречал. Среди предков ее мужа Эрнста были полководец Мольтке, композиторы Шуман, Лист и Вагнер, а его родители были в приятельских отношениях с Марком Твенном, поскольку жили в США.

Аристократическая простота Хелен, ее женское обаяние и утонченные манеры пленили будущего фюрера, чувствительного к людям «голубой крови».

Впечатления о своей первой встрече с Адольфом в мюнхенском трамвае Хелен зафиксировала в дневнике: «На остановке вошел стройный, застенчивый молодой человек с отсутствующим взглядом пронзительно-голубых глаз. Одет он был почти убого: дешевая белая сорочка, черный галстук, поношенный темно-синий костюм, поверх которого была надета совсем не подходящая темно-коричневая кожаная куртка... И тут мой муж познакомил меня с ним...

Мы обменялись несколькими фразами, и я предложила этому человеку приходить к нам обедать, когда у него будет время. С этого дня он стал у нас постоянным гостем, наслаждавшимся тихой и уютной атмосферой нашего дома. Время от времени Адольф играл с моим сыном Эгоном или излагал свои политические воззрения. Я думаю, он любил бывать у нас чаще чем у других потому, что мы общались с ним не как со знаменитостью, а как с равным».

Спустя десятилетия Хелен не без гордости отметит, что она была чуть ли не единственной женщиной в окружении лидера национал-социалистической партии, способной «высечь из него случайную искорку веселья».

Но следует отметить, что муж Хелен никогда не видел в Гитлере соперника, хотя их отношения приобретали все большую доверительность.

Сын Хелен стал свидетелем эпизода, о котором вспоминал позднее: «Однажды мать и Гитлер уединились на софе в гостиной. Он испытывал душевное и физическое влечение к моей матери. Было в ней что-то такое, что вызывало в нем трепет. Момент был подходящий: вместе, одни, в сумерках. Когда я переступил порог комнаты, я увидел этого человека ползавшим на коленях у ног моей матери. Зарывшись с головой в складки ее платья,

он стонал, как в бреду: «О, если б нашлась душа, которая могла бы меня приголубить!»

Завидев меня, мать тотчас оттолкнула горе-ухажера и принялась успокаивать его, разревевшегося словно мальчишка. Гитлера шатало, его руки повисли, как плети, он едва не рухнул на пол, садясь на софу...

Овладев собой, мать задала ему вопрос:

— Почему же вы тогда не женитесь?

В ответ Гитлер сделал протестующий жест и произнес фразу, которая запала мне в память:

— Я никогда не смогу жениться! Вся моя жизнь отдана Германии...»

Вскоре у Гитлера появилось новое влечение. Это была сестра Эрнста Ханфштенгля Эрна. Впервые он увидел ее на светском рауте в Байройте.

Эта дама была красавицей блондинкой с пышной копной волос и одевалась провокационно: простая короткая белая юбка и блузка, никаких украшений или ярко накрашенных ногтей.

Вот как описывает Эрна день, когда она решилась пригласить к себе на завтрак нацистского лидера:

«Мне удалось раздобыть через одного знакомого из деревни несколько яиц и наскрести достаточно жира, чтобы приготовить яичницу. Кроме того, я сделала салат: мне очень хотелось произвести на этого мужчину впечатление, поэтому я сделала все, что могла... После еды Гитлер несколько расслабился. Я помню, он много и с уважением говорил о политике, внимательно выслушивая мои контрдоводы. И, надо признать, совершенно не пугал меня, девушку, происходившую из некогда богатого дома, в котором было четырнадцать слуг, лошади и английская гувернантка.

В тот день я подумала: вот молодой человек, получивший диплом за хорошую учебу подобно многим другим выходцам из простых семей».

И все-таки Эрна не разделяла политических взглядов Гитлера. Однажды она даже предложила ему отказаться от программы и уехать в Америку. Но в ответ нацист № 1 только безмолвно покачал головой.

«Я узнала, что он стал ненавидеть евреев еще когда жил в Вене,— продолжает Эрна.— В то время венское общество находилось под их господством: их женщины имели лучшие бриллианты, меха и духи. Было нетрудно не любить их. Мы же в Германии отчаянно бедствовали.

Такие, как я, не имели даже нижнего белья и зачастую вынуждены были обходиться одним-единственным платьем. Мы должны были беспомощно взирать: на миллионы брошенных на произвол судьбы немецких солдат, у которых не было ни хлеба, ни работы. Вот почему слова Гитлера доходили до наших сердец: он давал всем обездоленным шанс получить корку хлеба, молоко для детей и даже какую-то работу. В то время он был щедушным, но забавным человечком ростом ниже меня. Но он пробуждал в нас надежду, ради которой каждый был готов идти за ним».

Сострадание к бедности и ущербности Гитлера лежало в основе его отношений с Эрной Ханфштенгля. А когда Гитлер стал обладать властью и его близость с этой дамой не вызывала никаких сомнений в высших нацистских кругах, Эрну вызвал к себе Канарис (Авт.— Шеф разведки и контрразведки). Он поинтересовался мнением Эрны о Гитлере. Тут она заявила: «Честно говоря, Гитлер является ничтожнейшей и презреннейшей вошью, которая когда-либо ползала по этой земле!»

Когда прошло много лет после войны, Эрна сделала еще одну запись:

«Безусловно, Гитлер не был нормальным человеком. Его сексуальная извращенность не знала пределов. Но своим чудовищным разумом он подавил в себе плотское начало. Единственным исключением, пожалуй, была в этом смысле простушка Ева Браун, которую он не любил, но которой был благодарен за преданность. Они были нужны друг другу».

Ева Браун была из тех женщин, которыми Гитлер не восхищался, которых не уважал. Но такие женщины подчинялись ему беспрекословно. Ева была ему безразлична, но он держал ее при себе. Шпеер писал про эту связь так: «Вообще, Гитлер с безразличием относился к ее чувствам. В ее присутствии он рассуждал о женщинах так, будто ее не было рядом. «У мужчины с высоким интеллектом должна быть примитивная и глупая женщина», — говорил он». Именно такой была для Гитлера Ева Браун.

За годы бессловесной жизни с Адольфом Гитлером Ева успела настолько раствориться в его личности, что стала просто тенью фюрера.

Еве было всего 17, когда она в начале октября 1929 года познакомилась с будущим фюрером. Хоро-

шенькая выпускница девичьего лица, а потом — торговой школы, увлекается музыкой, спортом, фотосъемкой. Прекрасно сложена. С ее данными — только и позировать перед объективом. Ева была вполне современной для той поры девушкой.

Жила она в буржуазной семье среднего достатка, с двумя сестрами — младшей Гретель и старшей Ильзе. Отец был учителем. В меру строгий, но безгранично любивший своих детей, Фриц Браун хотел, чтобы у дочерей была хорошая профессия и счастливая семейная жизнь. Он никогда не мог себе представить, что его любимица Ева станет заложницей человека, с именем которого будут связаны величайшие в истории злодейства.

С самого начала отношения не складывались. Ева увлеклась и каждый день проводила в ожидании. А Адольф сдерживал свои чувства, не давал им воли. Он боялся повредить своей репутации. Ведь Гитлер работал на публику.

Прошло всего два года после знакомства и Ева узнала обратную сторону позерских ухаживаний Адольфа — черствость и равнодушие. На долю Евы оставались редкие звонки по телефону да редкие записки, которые он передавал ей не лично, а через адъютантов.

Чтобы обратить на себя внимание Гитлера, она решила прибегнуть к испытанному средству. Она взяла в руки пистолет.

Это была уже не первая девушка, которая была знакома с фюрером и прибегала к такому средству. Год назад это же сделала 20-летняя племянница Адольфа Гели Раубаль. Особой гармонии между ними и раньше не было, но после знакомства Гитлера с Евой Браун, ссоры и упреки стали обычным явлением в их отношениях. Дядя чрезмерно опекал Гели, и не только как любящий родственник, но и как воспитатель. Постоянные запреты, беспричинная ревность привели к тому, что своевольная, экспансивная девушка стала думать лишь о том, как бы избавиться от такой жизни. В 1931 году Гели решила доказать дяде Адольфу право на личную свободу. И не нашла ничего лучшего, как выстрелить себе в сердце.

А что же произошло с Евой?

Грянул выстрел, но не в сердце, а в шею. Пуля зацепила сонную артерию, однако особого вреда Еве не причинила.

Гитлер примчался в больницу, принес огромный букет цветов. Состояние больной его интересовало, но не в такой степени, как вопрос: зачем она это сделала? Но главное, что она жива — скандала удастся избежать. Приезд Гитлера был продиктован желанием выяснить, стреляла ли фройляйн Браун, собираясь действительно покончить с собой, или только для того, чтобы произвести впечатление на возлюбленного. Доктору удалось рассеять сомнения: он подтвердил, что выстрел был серьезным.

Осенью 1934 года Гитлер достиг того, о чем мечтал — он глава партии и государства, канцлер. У него новые заботы, новое окружение. А Ева, вновь забытая, прозябает в Мюнхене и только слушает сводки по радио, как там в столице живет ее фюрер.

Интересным документом, свидетельствующим об отношении Гитлера к Еве Браун, является ее дневник.

«11 марта 1935 г. Я хочу только одного,— писала Ева,— тяжело заболеть, чтобы не видеть его хотя бы неделю. Почему со мной ничего не случится? Зачем мне все это? Если бы я его никогда не встречала! Я в отчаянии. Я снова покупаю снотворные порошки, чтобы забиться и больше об этом не думать.

Иногда я жалею, что не связалась с дьяволом. Я уверена, что с ним было бы лучше, чем здесь.

Три часа я ждала перед входом в Карлтон, чтобы увидеть, как он принес цветы... и повел ее обедать. (Приписка 16 марта: болезненное воображение).

Он использует меня только для определенных целей, иначе это невозможно.

Когда он говорит, что любит меня, это только минутное настроение. Это как обещания, которые он никогда не выполняет.

1 апреля 1935 г. Вчера вечером он пригласил нас в Фиер Яресейтен (ресторан в Мюнхене). Я должна была сидеть рядом с ним три часа и не могла сказать ему ни слова. Прощаясь, он дал мне, как это уже однажды было, конверт с деньгами. Как было бы приятно, если бы он еще приписал несколько теплых слов: это доставило бы мне такое удовольствие. Но он об этом не думает.

28 мая 1935 г. Я только что отправила ему письмо, что для меня очень важно, будет ли он...

Что ж, посмотрим. Если я не получу ответа сегодня

к десяти вечера, я просто приму мои двадцать пять таблеток и незаметно... засну.

Разве это... любовь, как он меня часто уверяет, если в течение трех месяцев не сказал мне ласкового слова?..

Господи, я боюсь, что он не ответит сегодня. Если бы кто-нибудь мне помог, все так ужасно и безнадежно. Наверное, мое письмо пришло в неподходящий момент. Может быть, я не должна была ему писать? Как бы то ни было, неизвестность сносить труднее, чем внезапный конец.

Я решила принять тридцать пять таблеток. Теперь это уже наверняка. Если бы он хотя бы попросил кого-нибудь мне позвонить».

В дневнике Ева постоянно жалуется на отношение к себе. Ей так хотелось, чтобы он подарил ей на день рождения маленькую собачонку, а получила всего только цветы и то через посыльного. Потом она накупила себе украшений в надежде, что ему будет приятно, когда она оденет их.

В 1944 году Ева живет на вилле в Мюнхене. Изредка она получает весточки от фюрера. Посылает ему свои письма, полные любви и признаний в верности. А ситуация ухудшается с каждым днем. Неизвестность пугает Еву. Она чувствует себя одинокой. Что делать? Погибнуть под ударами бомб в Мюнхене или отправиться в Берлин, чтобы разделить судьбу фюрера? Она верит в его звезду. И решается. В кругу родных и ближайших знакомых Ева объявляет, что любит Гитлера и, какова бы ни была ее участь, не оставит его одного, смерть ее не страшит. В конце февраля 1945 года Ева Браун вылетает в Берлин.

Гитлер никак не ожидал ее приезда. Он негодует. Но это только видимость. На самом деле фюрер рад, что теперь рядом с ним появился человек, в преданности которого он никогда не сомневался. Теперь ему не так страшно.

Он знал, чего ему опасаться. Гитлер не мог ожидать милости от победителей. Оказавшись в полной изоляции, он боялся только одного: что его схватят, посадят в клетку и будут возить по разным странам напоказ, словно дикого зверя.

Еве же опасаться было нечего. Но она не могла представить себе другой жизни — без фюрера. Этот страх был сильнее страха смерти.

И Гитлер оценил ее мужество. В своем политическом завещании он уделил ей несколько строк: «Так как в годы борьбы я думал, что не имею права создать семью, то по завершении моей земной жизни решил взять в жены фройляйн, которая доказала мне свою многолетнюю верную дружбу и прибыла в осажденный город, чтобы разделить мою судьбу. По своему желанию и будучи моей супругой она принимает смерть».

В ночь с 28 на 29 апреля 1945 исполнилась заветная мечта девицы Евы Браун. Она стала фрау Гитлер. В кабинете фюрера восемь гостей поздравили «молодых». На патефоне крутилась любимая пластинка Евы «Красные розы». Отечный сутулый жених явился в серой униформе. Левая рука его подергивалась. Ему 56 лет, он выглядит разрушенным стариком. Натянута улыбаясь, Гитлер пригубил бокал токайского. Рядом в черном платье, любимом платье фюрера, бледноликая невеста Ева.

В последние минуты жизни она отправилась в спальню, к шкафу, набитому одеждой, и раздала прислуге и секретаршам нажитое — шубу из серебристой лисы, украшения, платья. Ей теперь ничего не нужно: молодожены готовятся добровольно принять смерть.

Через час тела Адольфа и Евы выносили для сожжения в сад рейхсканцелярии.

КАЗНЬ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

8 августа 1945 года Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики вступили в соглашение, в соответствии с которым учрежден Трибунал для суда над военными преступниками.

Трибунал был наделен полномочиями судить и наказывать лиц, которые совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Так эти положения были определены Уставом.

Подсудимые, находящиеся в заключении, либо сами выбирали себе защитника, либо, по их желанию, защитники были назначены Трибуналом.

Заседания проводились в Нюрнберге в здании Дворца юстиции, которое просто чудом уцелело среди руин. Здание расположено в центре города, а рядом с ним находился остов гигантской чаши знаменитого «партийного» стадиона, построенного по эскизам любимца Гитлера министра вооружений Альберта Шпеера. 20 ноября 1945 года Шпеер сидел в первом ряду зала заседаний в Нюрнберге.

В этот день начался процесс. Вели его на четырех языках — английском, русском, французском и немецком. Все подсудимые не признали себя виновными.

Предъявление доказательств и речи сторон закончились 31 августа 1946 года. Состоялось 403 открытых судебных заседания. 33 свидетеля обвинения дали устные показания против отдельных подсудимых. Еще 143 свидетеля защиты дали показания путем представления письменных ответов на опросные листы. Трибунал назначил уполномоченных для подбора доказательств, относящихся к организациям. 101 свидетель защиты для показания перед уполномоченными и было представлено 1809 письменных показаний других свидетелей. Было также представлено 6 отчетов. 38 000 письменных показаний, подписанных 155 000 человек, было представлено по делу политических руководителей.

Обвиняемый Роберт Лей покончил с собой в тюрьме 25 октября 1945 года. 15 ноября 1945 года Трибунал вынес постановление о том, что обвиняемый Густав Крупп фон Болен унд Гальбах не может предстать перед судом в связи со своим физическим и умственным состоянием, но что обвинения, предъявленные ему по Обвинительному заключению, остаются в силе, и обвиняемый должен будет впоследствии предстать перед судом, если его физическое и умственное состояние позволит это.

Большая часть доказательств, представленных Трибуналу Обвинением, являлась документальными доказательствами, захваченными союзными армиями в германских армейских штабах, в правительственных зданиях и в других местах. Некоторые из документов были обнаружены в соляных копиях, зарытыми в землю, спрятанными за ложными стенами и в других местах, которые считались недоступными с точки зрения фашистов.

Стрелки часов показывали 0.55. Наступило 16 октября 1946 года. Это был еврейский День Искупления.

Сержант американской армии Джон Вуд оглядел стоящие в ряд окрашенные в темно-зеленый цвет виселицы, установленные в небольшом каменном здании Нюрнбергской тюрьмы, и приступил к возложенной на него миссии — казни через повешение главных военных нацистских преступников. Замерли в напряженной тишине группа военных, восемь журналистов — по два от каждой из оккупирующих Германию держав.

Международный Военный Трибунал приговорил:

1) Германа Вильгельма Геринга — к смертной казни через повешение

2) Рудольфа Гесса — к пожизненному тюремному заключению

3) Иоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение

4) Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение

5) Эрнста Кальтенбруннера — к смертной казни через повешение

6) Альфреда Розенберга — к смертной казни через повешение

7) Ганса Франка — к смертной казни через повешение

8) Вильгельма Фрика — к смертной казни через повешение

9) Юлиуса Штрейхера — к смертной казни через повешение

10) Вальтера Функа — к пожизненному тюремному заключению

11) Карла Деница — к тюремному заключению сроком на десять лет

12) Эриха Редера — к пожизненному тюремному заключению

13) Бальдура фон Шираха — к тюремному заключению сроком на двадцать лет.

14) Фрица Заукеля — к смертной казни через повешение

15) Альфреда Йодля — к смертной казни через повешение

16) Артура Зейсс-Инкварта — к смертной казни через повешение

17) Альберта Шпеера — к тюремному заключению сроком на двадцать лет

18) Константина фон Нейрата — к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет

19) Мартина Бормана — к смертной казни через повешение

Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут 16 октября и закончилось в 2 часа 46 минут.

До виселицы не дошел Герман Геринг. Ему удалось совершить самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 года: кто-то пронес в его камеру цианистый калий. А перед этим ему, Йодлю и Кейтелю отказали на поданное ими ходатайство о замене казни через повешение — расстрелом.

Среди осужденных к смертной казни в Нюрнберге не было Мартина Бормана, этого видного нациста, который в последние дни войны достиг большого влияния на Гитлера.

В обвинительном акте Международного военного трибунала говорилось: «Борман, согласно декрету от 29 мая 1941 года, принял должность и полномочия Гесса; декретом от 24 января 1942 года эти полномочия были расширены, и он получил право контроля над исполнением всех законов и директив, издававшихся Гитлером. Таким образом он нес ответственность за законы и приказы, издававшиеся с этого момента. 1 декабря 1942 года все гау были преобразованы в районы имперской обороны, и гауляйтеры партии, подчинявшиеся Борману, были назначены комиссарами имперской обороны. В результате они фактически возглавили военные усилия всего гражданского населения. Так было не только в Германии, но и на тех территориях, которые были включены в состав империи из захваченных и побежденных территорий.

Посредством этого механизма Борман осуществлял безжалостную эксплуатацию покоренного населения...

Борман развил чрезвычайно активную деятельность по преследованию евреев не только в Германии, но также и в завоеванных и побежденных странах. Он принимал участие в совещаниях, которые привели к вывозу 60 000 евреев из Вены в Польшу, в сотрудничестве с СС и гестапо. Он подписал декрет от 31 мая 1941 года, который распространял Нюрнбергские законы на аннексированные восточные территории. В приказе от 9 но-

ября 1942 года он заявил, что проблема окончательного устранения евреев с территории Великой Германии не может больше разрешаться путем эмиграции, а лишь путем применения «грубой силы» в специальных лагерях на Востоке. 1 июля 1943 года он подписал указ, лишивший евреев защиты судов и передававший их исключительно в ведение гитлеровского гестапо.

Борман сыграл видную роль в программе рабского труда. Партийные руководители осуществляли надзор над рабским трудом в своих гау, включая наем рабочих, условия их труда, питание их и расквартирование... Отчет от 4 сентября 1942 года в отношении вывоза 500 000 женщин для работы в частных хозяйствах с Востока в Германию показывает, что контроль должен был осуществляться Заукелем, Гиммлером и Борманом. Декретом от 8 сентября Заукель дал указание крейслейтерам осуществлять надзор над распределением и назначением этих женщин на работу.

Борман также издал целый ряд приказов партийным руководителям относительно обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 года он запретил хоронить русских военнопленных достойным образом. 25 ноября 1943 года он дал указание гауляйтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 года он приказал крейсляйтерам установить связь с комендантами лагерей по вопросу использования военнопленных для принудительного труда. 20 января 1943 года он передал подчиненным ему руководителям инструкции ОКХ, в которых разрешались применение огнестрельного оружия и телесное наказание провинившихся военнопленных в нарушение правил ведения войны на суше. 30 февраля 1944 года он подписал декрет, по которому военнопленные изымались из-под юрисдикции ОКВ и передавались в ведение Гиммлера и СС.

Борман несет ответственность за линчевание союзных летчиков...

Его защитник, которому пришлось столкнуться с рядом трудностей, не смог опровергнуть эти доказательства. Перед лицом документов, на которых имеется подпись Бормана, трудно представить себе, как бы он мог сделать это, если бы даже подсудимый присутствовал на суде. Защитник выдвигал довод о том, что Бормана нет в живых и что Трибунал не должен прибегать

к статье 12 Устава, которая дает право судебного преследования в отсутствие подсудимого. Но доказательства о смерти не являются убедительными, и Трибунал решил судить его заочно. Если Борман жив и будет арестован впоследствии, Контрольный Совет Германии, согласно статье 29 Устава, может рассмотреть любые смягчающие обстоятельства и изменить или ослабить вынесенный ему приговор, если он это найдет нужным».

В приговоре Международного трибунала Борман значится последним, под номером 19. Его место в зале Дворца юстиции пустовало, и он был единственным из главных нацистов, кого судили заочно.

Так где же в это время был Мартин Борман? На небесах, или же прятался где-то как загнанный зверь? Вот последняя запись из его дневника:

«1 мая.

Попытка вырваться из окружения».

И что же было дальше?

После войны участник прорыва шофер Гитлера Эрих Кемпка в своих воспоминаниях напишет:

«Проскочив пустую площадь Вильгельмсплац, мы спустились в метро и пошли по рельсам в сторону Фридрихштрассе. Где-то через два часа добрались до вокзала. Картина, которую мы тут увидели, потрясла. Смертельно усталые солдаты, раненые, о которых никто не заботился, беженцы лежали у стен, на ступеньках лестниц, на платформах станции. Большинство уже утратило всякую надежду на бегство и было безучастно ко всему происходящему... Я покинул вокзал, чтобы разведать возможность прорыва в северном направлении.

...В нескольких метрах от моста Вайдендаммербрюке улица была перекрыта заграждениями. То и дело рвались снаряды. Все вокруг казалось вымершим. Солдаты сказали, что немецким подразделениям удалось прорваться, другие же, после тяжелых потерь, были отброшены...

В два часа ко мне подошло несколько человек. Среди них я узнал Бормана — он был в форме обергруппенфюрера СС. Среди сопровождавших его были доктор Науман, адъютант Геббельса хауптштурмфюрер СС Швегерман и доктор Штумпфеггер. Борман, доктор Науман и я обсудили ситуацию. Борман решил использовать для прорыва танки. Я возразил: разве можно сейчас здесь найти хотя бы один танк?

Но вдруг случилось чудо: мы услышали приближающийся лязгот гусениц, вызвавший у всех вздох облегчения: мы увидели три танка Т-IV в сопровождении трех бронетранспортеров.

Я обратился к командиру головного танка, который назвался оберштурмфюрером СС Ханаеном: это были остатки танковой дивизии СС «Нордланд», которая в соответствии с полученным приказом уходила на север.

Рассказав Ханаену о нашем намерении попытаться прорваться, я приказал ему двигаться медленно, так, чтобы наша группа на пути к Цигельштрассе была под защитой танков.

Словно черные тени, мы двинулись вперед рядом с танками. Борман и доктор Науман шли почти вровень с башней с левой стороны танка. Доктор Штумпфеггер и я шли позади них...

Нервы были напряжены до крайности. Каждый осознавал, что речь идет о жизни или смерти. Внезапно противник открыл сильный огонь. Через мгновение мощное пламя неожиданно вырвалось из нашего танка. Борман и доктор Науман, шедшие впереди меня, были отброшены взрывной волной.

Я тотчас же упал на землю. Доктор Штумпфеггер свалился прямо на меня. Я потерял сознание... Видимо, взрывной волной меня отбросило к развалинам какого-то дома. Я еще ничего не видел. С трудом, опираясь на руки, прополз я метров примерно сорок, пока не наткнулся на что-то. Я нащупал стену: должно быть, это было противотанковое заграждение. Я решил передохнуть, спустя некоторое время ко мне вернулось зрение. Тут я увидел шатающуюся фигуру, она подошла поближе, и я узнал второго пилота Гитлера Георга Бетца, который тоже участвовал в прорыве... Он сказал, что, вероятно, произошел взрыв танка, который разбросал всех четверых — Бормана, Наумана, Штумпфеггера и меня. Поддерживая друг друга под руки, мы медленно направились к Адмиралспалатсу.

...После всего случившегося я пришел к убеждению, что групповой прорыв из Берлина нереален. Поэтому вся группа была распущена. Каждый в отдельности должен был попытаться (по возможности переодевшись в гражданскую одежду) прорвать кольцо противника...»

После этого Бормана видели. Кто — живым, кто — мертвым.

Адъютант Гитлера Отто Гюнше утверждал следующее: «Обергруппенфюрер был убит во время прямого попадания в танк, под прикрытием которого он шел в районе моста Вайдендаммербрюкке».

С такими же заявлениями выступили шофер имперской канцелярии Вилли Беринг, личный пилот Гитлера Вильгельм Баур и другие.

Но когда адвокат Л. Бергольд уже собрался закрыть «дело Бормана», пришло сообщение Якоба Гласа, личного шофера Бормана. Глас заявил, что «абсолютно убежден в том, что мужчина, которого он видел на днях на одной из улиц Мюнхена, был Борман». Вторым человеком, опровергшим версию о смерти рейхсфюрера, оказался немецкий писатель Генрих Линау. Он выступил в печати с утверждением, что случайно встретил Бормана в поезде Гамбург — Фленсбург.

Первым, кто начал раскручивать версию «Борман жив», было радио Монтевидео. Оно утверждало, что Борман скрывается в провинции Мисьонес, в северной части Аргентины. Полиция обыскала всю провинцию, однако поиски не дали результатов.

В 1946 году, когда еще шел процесс в Нюрнберге, ходили слухи, что Мартин Борман скрывается в испанской деревне Эспириту. Проверка оказалась такой же безуспешной.

Значительно проще было обнаружить жену Бормана. Сразу же после войны в штабе американской контрразведки появился человек и заявил, что из Берхтесгадена, где находилась резиденция Гитлера, Герда Борман похитила его ребенка. Он сообщил, что ему известно, где скрывается жена бывшего помощника фюрера. После четырех дней поисков в местечке Грендерталь, на австро-итальянской границе, была обнаружена небольшая вилла, в которой размещался детский приют. Руководила им фрау Борман. Она, однако, не сообщила ничего нового о своем супруге...

Весной 1945 года Мартин Борман позаботился также о судьбе своих отпрысков. Старший сын поселился в одном из монастырей, попав под патронаж епископата Алоиса Худала. Этот человек принадлежал к числу тех, кто открыто сделал ставку на Гитлера. Худал еще в 1936 году в одной из статей заявил: «Против больше-

визма и коммунизма существует только одно средство — уничтожение».

Старшая дочь Ева Ута также пристроилась в монахини.

В конце 50-х — начале 60-х годов стало известно о судьбе другого сына бывшего рейхсляйтера. Он оказался представителем института Гете в Конго. Борман-младший вел антикоммунистическую пропаганду и занимался вербовкой агентов.

В то же время дала показания мать Герды Борман — Хильдегард Бух. Приглашенная в прокуратуру, она заявила следующее: «Я не знаю, жив ли обвиняемый Мартин Борман. Но насколько я знаю, в 1949 году он был еще жив... Однажды к нам пришли два неизвестных мне человека. Они наедине беседовали с моим мужем. Это были штатские, они вошли в наш садик и заговорили с моим мужем. Один из них безусловно был немцем... Я полагаю, что мой муж счел вполне достоверным сообщение о Мартине Бормане, которое доставили двое в штатском. Вечером после этого визита, когда мы легли спать, мой муж сказал мне о Бормане: «А эта свинья все-таки живет!»

В 1962 году в Западной Германии появилось немало сообщений о судьбе Мартина Бормана. Так, газета «Андере цайтунг», указывала, что Борман обнаружен в Патагонии, а затем в Эквадоре. Она утверждала, что тот сделал себе две пластические операции и в ближайшее время собирается вернуться на родину для исполнения «политического завещания» Гитлера. Другая западно-германская газета — «Кельнише рундшау» — опубликовала сообщение о том, что фашистский преступник сбежал в Аргентину, где умер в самом начале шестидесятых годов.

В марте 1965 года агенты Интерпола арестовали человека с аргентинским паспортом на имя Карлоса Родригеса. Арестованный оказался штурмбанфюрером СС Детлевом Зонненбергом, который в конце 1953 года прибыл в Бразилию из Египта. На допросе он показал, что бывшие нацисты, которые жили в странах Латинской Америки, объединились в организацию самозащиты, цель которой — скрывать сообщников от правосудия. Среди них якобы находится и Борман.

16 апреля 1966 года франкфуртская прокуратура на пресс-конференции заявила, что располагает «свежими

данными» о Бормане. «Круг сужается и скоро замкнется. Наши люди шлют донесения со всех частей света. Мы идем по горячему следу». Прокурор Фриц Бауэр выразил твердую уверенность в том, что Борман жив и место его нахождения — Бразилия. Но это сообщение осталось только пустым звуком.

В конце 60-х и в начале 70-х годов было зарегистрировано более трех десятков «борманов». Полиция разных стран арестовала несколько подозреваемых. Весной 1972 года в колумбийских джунглях был задержан семидесятидвухлетний Германн. Власти обратились в Бонн с просьбой переслать им карту с отпечатками пальцев настоящего Бормана. Просьба была выполнена. Оказалось, что задержанный Германн и Борман — совершенно разные лица.

Одну из наиболее правдоподобных историй о рейхсляйтере рассказала лондонская газета «Дейли экспресс». Газета утверждала, что Мартин Борман жив и скрывается в Латинской Америке под именем аргентинского коммерсанта Рикардо Бауэра.

Однажды в редакцию обратился Ладислав Фараго — автор многочисленных шпионских бестселлеров. Фараго утверждал, что имеет неопровержимые данные, будто Борман находится в Южной Америке и предложил организовать туда экспедицию. В сопровождении сотрудника газеты Л. Стюарта Фараго отправился за океан. Два месяца они колесили по различным странам континента. В их руки попали документы, донесения агентов, показания доверенных лиц, свидетельствующие о том, что Мартин Борман, он же Рикардо Бауэр, он же Августин фон Ланге, долгие годы находится под наблюдением службы безопасности Аргентины.

Поездка оказалась не напрасной. Хотя репортерам не удалось встретиться с Борманом, они привезли в Лондон множество вещественных доказательств о пребывании нацистского преступника в Латинской Америке. 27 ноября 1972 года «Дейли экспресс» оповестила: Борман жив! Газета рассказала, что осенью 1944 года Борман присвоил себе имперские ценности на сумму 200 миллионов долларов, с помощью которых был намерен после крушения «третьего рейха» начать новую жизнь где-нибудь за границей.

Став обладателем сокровищ, Борман распорядился отправить их на подводной лодке в Аргентину и разме-

стить в четырех немецких банках, владельцы которых состояли в заговоре с человеком, намеревавшимся захватить власть в этой стране — другом фашистов Хуаном Доминго Пероном.

А теперь о том, как удалось Борману выскользнуть из окруженного Берлина. Согласно «Дейли экспресс», от шефа гестапо Генриха Мюллера Борман узнает, что в подвале служебного помещения в доме № 117 по улице Курфюрстендамм есть тайный бункер, который должен был служить убежищем на случай прихода советских войск. О существовании этого убежища знали только три человека: Эйхман, Мюллер и Кальтенбруннер. Тогда Борман избирает этот бункер в качестве своего укрытия и исходного пункта к бегству.

В ночь с 1-го на 2 мая Борману удается беспрепятственно добраться до этого убежища. Сюда приходят посланцы епископа Алоиса Худала, которые помогают Борману ускользнуть из Берлина и благополучно добраться до Баварии, где в одной из деревень находится его жена Герда. Ну, а дальше путь следовал через таинственные монастырские лабиринты, где следы Бормана как будто бы обрываются...

Согласно версии Фараго, через два года жена тогдашнего аргентинского президента Ева Перон, во время поездки по Европе встречается с Борманом в Риме. Она предлагает ему убежище в Аргентине. За это бывший рейхсляйтер должен выделить ее мужу три четверти своего состояния. Борман согласен и взамен требует надежные документы. Об этой сделке сохранилась запись директора Аргентинского информационного католического агентства.

«16 февраля 1948 года,— пишет газета,— ватиканские власти изготовили человеку без подданства Борману паспорт на имя Элизера Гольдштейна, с которым тот 17 мая прибывает в Буэнос-Айрес на борту итальянского пассажирского судна. Борман-Гольдштейн поселяется в Сан-Мартино. Здесь он получает постоянное место жительства. Борман занимается торговлей древесиной, поддерживает контакты с окружением Перона. Постепенно бывший рейхсляйтер группирует вокруг себя нацистов, бежавших от возмездия в Южную Америку. В 1952 году он уже командует нацистской организацией «Паук».

Свержение в 1955 году Перона вновь обращает Бор-

мана в бегство. Он временно скрывается в Чили.

На протяжении всей этой истории Фараго упоминает о документах аргентинской секретной службы.

Редакция западногерманского еженедельника «Штерн» обратилась к первоисточнику. Каково же было их изумление, когда спустя некоторое время чиновники этого ведомства любезно переслали им копии тех документов, на которых и была построена версия.

В том же 1972 году журнал «Штерн» писал, что в Западном Берлине найдены останки Бормана. Свою публикацию «Штерн» заканчивает так: «Дело можно закрыть навсегда с пометкой: **МАРТИН БОРМАН УМЕР 2 МАЯ 1945 ГОДА**».

В Западном Берлине произошло следующее. Сначала действительно нашли чьи-то скелеты, потом разыскали зубного техника Эхтмана, который работал вместе с Блашке, личным дантистом чуть ли не всей нацистской верхушки. И Эхтман по памяти «определил», что зубы на найденном черепе якобы имеют сделанный его рукою протез. А протез этот он изготовил для Бормана.

29 декабря 1972 года Симон Визенталь, руководитель так называемого «Венского центра документации о нацистских военных преступниках», дал следующий комментарий: «В версии об идентификации слишком много уязвимых мест. Только сравнение рентгеновского снимка головы и зубов Бормана с найденным черепом могло бы служить неопровержимым доказательством того, что это именно Борман».

А поскольку таких снимков не существовало, то это так и осталось только версией. Множество вопросов все еще ждали ответа — аргументированного и убедительного.

И все же большинство историков утверждают, что Мартин Борман долгие годы после войны благополучно скрывался. «Крупные рыбы» нацизма обычно неплохо защищены. Их, как правило, оберегают центральные и местные власти стран, где они находят убежище. Они не селятся где попало, а только в определенных местах с благоприятным политическим климатом. Защита их достигается либо политическими симпатиями к ним, как, например, в Парагвае, Чили и других странах, либо ценой подкупа полицейских чинов, судей, парламентариев. И, конечно же, — личная охрана, телохранители, отличная система оповещения.

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

ПАКТ МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА

В конце августа 1939-го над миром словно бы взорвалась бомба; еще недавно клеймившие друг друга на чем свет стоит СССР и Германия неожиданно для всех подписали договор о ненападении.

Сейчас трудно точно установить, когда Берлин и Москва сделали первые шаги к установлению понимания между нацистской Германией и Советским Союзом, которое приведет к таким огромным последствиям для всего мира. Одна из первых попыток относится к октябрю 1938 года, через четыре дня после Мюнхенского соглашения, когда советник посольства Германии в Москве информировал, что Сталин извлечет определенные выводы из мюнхенского урегулирования, из которого Советский Союз исключали, и, возможно, станет более позитивно относиться к Германии. Дипломат решительно высказался за более широкое экономическое сотрудничество. В конце октября германский посол в Москве Шуленбург известил министерство иностранных дел, что он «намерен в ближайшем будущем обратиться к Председателю Совета Народных Комиссаров С. М. Молотову в попытке достичь урегулирования вопросов, осложнявших германо-советские отношения». Посол едва ли мог самостоятельно задумать такую инициативу ввиду крайне враждебного отношения Гитлера к Москве. Намек, видимо, был из Берлина.

Об этом свидетельствуют захваченные архивы министерства иностранных дел Германии.

Первым шагом, по мнению немцев, должно было стать улучшение торговых отношений между двумя странами. Советско-германское экономическое соглашение истекало в конце года, и немецкие документы подробно освещают неровный ход переговоров о его во-

зобновлении. Переговоры велись в течение нескольких недель, но к февралю 1939 года фактически зашли в тупик. Хотя Германия жаждала получить материалы из России и Геринг постоянно настаивал на этом, рейх просто был не в состоянии поставить взамен требовавшиеся Советскому Союзу товары.

В первый день 1939 года на новогоднем приеме в рейхсканцелярии Гитлер, обходя дипломатический корпус, неожиданно для всех остановился перед советским поверенным в делах и долго, чуть ли не полчаса, демонстративно любезно беседовал с ним, что незамедлительно стало сенсацией для мировой прессы.

11 апреля Геринг на встрече с Муссолини в Риме привлек внимание дуче к последней речи Сталина на XVIII съезде ВКП(б). На Геринга заметное впечатление произвело высказывание Сталина, что русские не позволяют капиталистическим державам использовать себя на пушечное мясо. Дуче, согласно отчету о встрече, тепло приветствовал идею сближения Германии и Италии с Советским Союзом. Он считал, что сближение будет достигнуто легко.

Но, как отмечал в своем дневнике статс-секретарь МИД Германии Э. фон Вайцзеккер, зондажи немцев, их «ухаживания» за Москвой долго оставались без ответа.

Советский Союз, верный идее коллективной безопасности, стремился в этих условиях обеспечить безопасность своих западных рубежей на путях достижения равноправного соглашения с Великобританией и Францией о взаимопомощи. Однако правительства этих стран, готовя, по словам У. Черчилля, полумеры и юридические компромиссы, всячески затягивали переговоры. Западные державы, где господствовал версальский менталитет диктата, видели в СССР лидера сил «мировой революции», боялись «левой альтернативы» не меньше фашизма. Кроме того, они полагали, что сталинские репрессии ослабили Советский Союз и сделали его неэффективным союзником в войне.

4 мая на последней странице советских газет в разделе «Хроника» было опубликовано известное сообщение: «М. М. Литвинов освобожден от обязанностей народного комиссара иностранных дел по его просьбе».

Изучение архивных документов показывает, что это решение было окончательное принято 3 мая где-то около 16 часов. В этот обычный для М. М. Литвинова день

он принял британского посла У. Сидса, отправил несколько телеграмм, в том числе в Читу, Харбин (Китай) и др. Но вдруг на проекте телеграммы в Шара-Сумэ (Китай), полученной в отделе в 17 час. 20 мин. за подписью зам. заведующего Восточным отделом С. К. Царапкина и с визой М. М. Литвинова, фамилия последнего оказалась зачеркнутой и появилась таинственная буква «М». Часом позже пошла телеграмма в Прагу, где фамилия Литвинова вновь была зачеркнута и впервые появился значок «В. М.», ставший хорошо знакомым целому поколению советских дипломатов периода войны и первых послевоенных лет.

Все выяснилось поздно вечером, когда в 23 часа 3 мая пошла циркулярная телеграмма всем полпредам и временно исполняющим дела, в которой секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин извещал:

«Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК тов. Молотовым и наркоминделом тов. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения тов. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, тов. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей Наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу тов. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР тов. Молотов».

Необычным в телеграмме Сталина было то, что снимаемый с такого высокого поста человек по-прежнему называется «товарищем». Ведь это продолжались 30-е годы, когда «летели головы» даже членов Политбюро ЦК ВКП(б) и известных всему миру военачальников, сразу становившихся «врагами народа». Видимо, здесь сказалось особое, личное отношение Сталина к Литвинову.

По свидетельству полпреда СССР в Великобритании И. М. Майского, отставке наркома предшествовало бурное объяснение в кабинете Сталина между В. М. Молотовым и М. М. Литвиновым, когда обстановка «была накалена до предела».

Телеагентства мира разнесли сенсационное сообщение об отставке Литвинова. Хотя советским полпредам было дано указание заявить в соответствующих столицах о неизменности советской внешней политики, и полпреды разъясняли, ссылаясь из самого Литвинова, что политику в СССР определяют не отдельные наркомы,

а ЦК и высшее руководство партии и государства, политики и журналисты понимали, что отставка Литвинова с его поста означает конец эпохи борьбы за коллективную безопасность.

Место Литвинова на посту наркома иностранных дел занял В. М. Молотов. Так как Молотов играет ведущую роль в подписанном пакте и был ближайшим сотрудником Сталина, обратимся к фактам его довоенной биографии.

Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия Скрябин) родился 9 марта 1890 года в слободе Кукарка (ныне г. Советск) Вятской губернии в большой семье приказчика Михаила Прохоровича Скрябина, служившего в торговом доме богатого купца Якова Небогатикова. Мать его, Анна Яковлевна — дочь упомянутого купца. В семье было десять детей, трое из которых умерли в раннем возрасте.

Поскольку дети подрастали, родители стали думать об их образовании, семья переехала в город: сначала в Вятку, затем в Нолинск. Следует отметить характерную черту семьи Скрябиных, их любовь к музыке и вообще к искусству. Уже в школьные годы Вячеслав играл на скрипке и «ведь недурно,— отметил будущий писатель и советский дипломат А. Я. Аросев,— с большой силой чувства и выразительностью». Баловался он и стихами. Кстати, его брат Николай стал известным советским композитором.

Вместе со старшими братьями Вячеслав выехал в 1902 году на учебу в Казань, где поступил в 1-е Казанское реальное училище, которое давало среднее образование и позволяло пойти в технический институт. Все четыре брата жили дружно в одной комнатке: один из них учился в гимназии, другой — в художественном училище, а двое — в реальном. Летом 1906 года он вступает в РСДРП и создает в Казани вместе с самоопределившимся большевиком В. А. Тихомировым нелегальную революционную организацию учащихся средних и высших учебных заведений, которая под видом непартийного просветительства начала вести работу по пропаганде марксизма, издавать прокламации, оказывать помощь политзаключенным. В апреле 1909 года он был арестован, сослан в Вологодскую губернию. Для В. М. Скрябина началась жизнь профессионального революционера.

Находясь в ссылке под надзором полиции, он вел в 1910—1911 годах нелегальную пропагандистскую работу среди железнодорожных рабочих Вологды, восстановил разгромленную царскими жандармами вологодскую большевистскую партийную организацию.

Отбыв ссылку, Вячеслав приехал в 1911 году в Петербург, сдал экзамен за реальное училище и поступил на экономическое отделение Политехнического института. Студенческий билет позволял ему появляться у студентов и у рабочих, среди которых он вел партийную работу.

В начале 1912 года Вячеслав Михайлович работает в легальной большевистской газете «Звезда», принимает участие в создании ежедневной газеты «Правда» при материальном содействии своего товарища В. А. Тихомирова, с которым работал в Казани. В. М. Молотов становится членом и секретарем редакции газеты «Правда», и, как секретарь редакции, вел переписку с В. И. Лениным, находившимся за границей.

Вячеслав Михайлович совмещает легальную работу в «Правде» с нелегальной деятельностью в качестве члена петербургского комитета партии. В этот период он впервые встретился с И. В. Сталиным и даже одно время жил с ним в одной комнате. Дружба оказалась прочной.

Впереди у него были новые аресты, ссылка в Иркутскую губернию, побеги, нелегальная работа. Февральскую революцию он встретил в Петрограде. Он был членом Русского бюро ЦК партии. Вошел он также в исполком Петроградского совета. В октябрьские дни он член Военно-революционного комитета.

После установления Советской власти В. М. Молотов работает председателем Совета народного хозяйства Северного района. В конце 1919 года ЦК РКП(б) направляет его в Нижний Новгород, где он становится председателем губисполкома. Из Нижнего Новгорода его переводят на работу в Донбасс в качестве секретаря губкома. Затем его избирают в 1920 году секретарем ЦК Компартии Украины. В марте 1921 года он едет делегатом на X съезд РКП(б), где, по предложению В. И. Ленина, его избирают членом ЦК, кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК партии. С этого времени В. М. Молотов, всецело поддерживавший Сталина, который вскоре стал генсеком, в течение более тридцати лет бесперыв-

но находился в высшем эшелоне власти, определяя внутреннюю и внешнюю политику Советского государства.

В 1930 году Молотов становится председателем Совета народных Комиссаров.

В. М. Молотов, придя в Наркоминдел, соблюдал крайнюю осторожность, стремясь согласовывать с И. В. Сталиным все возникавшие вопросы. Считая себя политиком, он к дипломатической деятельности не готовился, иностранными языками не владел, если не считать того, что он мог немного читать и понимать по-немецки и по-французски, а в последние годы своей деятельности — по-английски.

Репрессии в НКВД продолжались. Новый нарком выполнил указание вождя и освободил наркомат от «всякого рода сомнительных полупартийных элементов». Тем самым он лишил себя грамотного и опытного рабочего аппарата, что оказало отрицательное воздействие на деятельность НКВД в условиях надвигавшегося международного политического кризиса.

Провозгласив преемственность советской внешней политики, Молотов не реагирует в течение некоторого времени на зондажи немецкой страны. Об этом свидетельствует сообщение немецкого посла фок Шулленбурга о том, что Молотов заявил ему о возможности возобновления экономических переговоров, если для них будет создана необходимая политическая основа. Когда Шулленбург спросил, что имеется в виду под «политическими основами», советский наркоминдел ответил, что об этом следует подумать обоим правительствам. Все попытки посла втянуть осторожного наркома в дальнейшее обсуждение этого вопроса ничего не дали.

Последние 10 дней мая Гитлер и его советники никак не могли решить, что предпринять по щекотливому вопросу налаживания отношений с Москвой, чтобы сорвать англо-русские переговоры. В Берлине считали, что Молотов в своей последней беседе с послом фон Шулленбургом вылил ушат холодной воды на немецкие подходы, и на следующий день посол получил телеграмму, где говорилось: «Мы должны сейчас проявить сдержанность, выждать и посмотреть, не выскажутся ли русские более откровенно».

Сам Шулленбург не стал оценивать ответы своей

беседы с Молотовым. Он писал секретарю министерства иностранных дел Германии 5 мая 1939 года:

Дорогой господин фон Вейцзекер!

Мне показалось, что в Берлине создалось впечатление, что господин Молотов в беседе со мною отклонил германо-советское урегулирование. Я еще раз перечитал все свои телеграммы и сравнил их со своим письмом к Вам и с моим меморандумом. Я не могу понять, что привело Берлин к подобному выводу. На самом деле фактом является то, что господин Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу. Наше предположение о проведении только экономических переговоров не удовлетворило его. Конечно, была и есть опасность того, что советское правительство использует германское предложение для давления на англичан и французов... Поэтому осторожность с нашей стороны была и остается необходимой, но мне кажется очевидным, что дверь не захлопнута и что путь для дальнейших переговоров открыт».

Шулленбург

В начале июля Гитлер принял окончательное решение напасть на Польшу. Вооруженным силам были отпущены секретные приказы приготовиться к наступлению в конце августа. Тогда был дан красноречивый сигнал о возможности проведения переговоров с советским правительством. С этого момента берет начало большая политика в самом зловещем смысле этого слова.

26 июля Шнурре, сотрудник министерства иностранных дел, по указанию Риббентропа пригласил на обед в фешенебельный берлинский ресторан советского поверенного Астахова и Бабарина, чтобы выяснить их взгляды.

В секретном отчете о встрече Шнурре писал, что «русские оживленно и с интересом говорили о политических и экономических проблемах, представляющих для нас интересы».

Астахов, при полном одобрении Бабарина, заявил, что улучшение советско-германских политических отношений отвечает жизненно важным интересам обеих стран. В Москве, сказал он, никогда полностью не понимали, почему нацистская Германия столь враждебно относится к Советскому Союзу. Немецкий дипломат

в свою очередь объяснил, что «германская политика на Востоке сейчас пошла совершенно другим курсом».

«С нашей стороны не может быть вопроса об угрозе Советскому Союзу. Наши цели лежат в совершенно другом направлении... Немецкая политика нацелена против Британии. Я могу вообразить далеко идущее урегулирование взаимных интересов с должным учетом важных русских проблем.

Однако эта возможность будет закрыта, как только Советский Союз вступит в союз с Британией против Германии. Сейчас подходящее время для понимания между Германией и Советским Союзом, но оно не будет более таким после заключения договора с Лондоном.

Что Британия может предложить России? В лучшем случае — участие в европейской войне и враждебность Германии. Что мы можем предложить в противовес этому? Нейтралитет и неучастие в возможном европейском конфликте, и, если Москва пожелает, германорусское понимание взаимных интересов, которое, как и в прошлые времена, будет приносить выгоду обеим странам... На мой взгляд, от Балтийского до Черного моря и на Дальнем Востоке не существует спорных проблем (между Германией и Россией). Кроме того, несмотря на все разногласия в наших взглядах на жизнь, имеется одна общая черта в идеологии Германии и Советского Союза: оппозиция к капиталистическим демократиям Запада».

Так поздно вечером 26 июля была предпринята первая серьезная немецкая попытка достичь договоренности с Советским Союзом.

31 июля Шуленбург получил срочную депешу. «Сообщить телеграммой дату и время Вашей следующей встречи с Молотовым...

Мы очень надеемся на скорую встречу...»

В Берлине имелись веские основания для спешки. 23 июля Франция и Великобритания дали согласие на советские предложения о немедленном проведении военно-штабных переговоров для выработки военной конвенции, которая конкретно определит, как три государства будут вести борьбу против гитлеровской армии.

Но относилась ли Великобритания со всей серьезностью к этим переговорам?

Вот о чем свидетельствуют воспоминания советского посла Майского:

«31 июля Чемберлен объявил в парламенте, что кабинет возложил руководство английской военной делегацией на сэра Реджинальда Дракса.

Признаюсь, имени его я до того ни разу не слышал за все семь лет моей предшествующей работы в качестве советского посла в Лондоне. Да и не удивительно: оказалось, что сэр Реджинальд Планкет Дракс никакого оперативного отношения к английским вооруженным силам в то время не имел, но зато был близок ко двору и настроен по-чемберленски. Даже при желании трудно было подыскать кандидатуру, более неподходящую для ведения переговоров с СССР, чем этот престарелый адмирал британского флота. Другие члены делегации (воздушный маршал Бэрнетт и генерал-майор Хейвуд) не возвышались над средним уровнем руководящего состава британских сухопутных сил.

Когда я узнал о составе английской делегации, я мог сделать только один вывод: «Все остается по-старому, саботаж тройственного пакта продолжается».

Французское правительство пошло по пути, проложенному его лондонскими коллегами: главой французской делегации был назначен корпусный генерал Думенк, членами — авиационный генерал Валэн и морской капитан Вийом. Здесь также не было ни одного человека, который мог бы с авторитетом говорить от имени всех вооруженных сил своей страны. В первых числах августа французская делегация прибыла в Лондон. Отсюда обе делегации вместе должны были отправиться в Москву. Я решил устроить для них завтрак. Как ни разочарован я был составом делегации, долг дипломатической вежливости требовал от меня такого жеста. К тому же мне хотелось лично побеседовать с членами делегаций. Завтрак состоялся в зимнем саду посольства... Справа от меня в качестве старшего гостя сидел адмирал Дракс, высокий, худощавый, седой англичанин, со спокойными движениями и неторопливой речью. Когда все было съедено и подали кофе, между мной и Драксом произошел следующий разговор:

Я. Скажите, адмирал, когда вы отправляетесь в Москву?

Дракс. Это окончательно еще не решено, но в ближайшее время.

Я. Вы, конечно, летите? Время не терпит: атмосфера в Европе накалена!..

Дракс. О нет! Нас в обеих делегациях вместе с обслуживающим персоналом около 40 человек, большой багаж... На аэроплане лететь неудобно!

Я. Если самолет не подходит, может быть, вы отправитесь в Советский Союз на одном из ваших быстроходных крейсеров?.. Это было бы очень внушительно: военные делегации на военном корабле... Да и времени от Лондона до Ленинграда потребовалось бы немного.

Дракс (с кислой миной на лице). Нет, и крейсер не годится. Ведь если бы мы отправились на крейсере, это значило бы, что мы должны были бы выселить два десятка его офицеров из своих кают и занять их место... Зачем доставлять людям неудобства?.. Нет, нет! Мы не пойдем на крейсере...

Я. Но в таком случае вы, может быть, возьмете один из ваших быстроходных коммерческих пароходов?.. Повторяю, время горячее, вам надо возможно скорее быть в Москве!

Дракс (с явным нежеланием продолжать этот разговор). Право, ничего не могу вам сказать... Организацией транспорта занимается министерство торговли... Все в его руках... Не знаю, как получится...

А получилось вот так: 5 августа военные делегации отплыли из Лондона на товарно-пассажирском пароходе «City of Exeter», делавшем 123 узлов в час, и только 10 августа прибыли, наконец, в Ленинград. Целых пять дней ушло на плавание в момент, когда на весах истории считались часы и даже минуты!..

Когда в Москве начались заседания военных миссий, выяснилось, что адмирал Дракс не имеет письменного полномочия, он уполномочен только вести переговоры, но не подписывать пакта. 14 августа переговоры фактически зашли в тупик.

Тем временем немецкая сторона действовала решительно.

«Очень срочно.

Отправлено из Берлина 14 августа 1939 — 22 час. 53 мин.

Получено в Москве 15 августа 1939 года — 4 час. 40 мин.

Лично послу.

Я прошу вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее:

1. Идеологические расхождения между Национал-

Социалистской Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделились на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря. События последнего периода, кажется, показали, что разница в мировоззрениях не препятствует деловым отношениям двух государств и установлению нового дружественного сотрудничества. Период противостояния во внешней политике может навсегда закончиться, раз и навсегда; дорога в новое будущее открыта обоим странам.

2. В действительности, интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности. Таким образом, причины для агрессивного поведения одной страны по отношению к другой отсутствуют. У Германии нет агрессивных намерений по отношению к СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств...

3. Нет никакого сомнения, что сегодня германосоветские отношения пришли к поворотному пункту своей истории. Решения, которые будут приняты в ближайшее время в Берлине и Москве по поводу этих отношений, будут в течение поколений иметь решающее значение для германского и советского народов... Прежде, когда они были друзьями, это было выгодно обоим сторонам, и все стало плохо, когда они стали врагами.

4. Верно, что Германия и Советский Союз в результате многолетней вражды их мировоззрения сегодня относятся друг к другу с недоверием. Должно быть счищено много накопившегося мусора. Нужно сказать, однако, что даже в этот период естественные симпатии немцев и русских друг к другу никогда не исчезали. На этой базе заново может быть построена политика двух государств.

5. Имперское правительство и советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактором, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как Национал-Социалистской Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии.

6. Кризис германо-польских отношений, спровоцированный политикой Англии, ... делает желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. В противном случае, независимо от действий Германии, дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно решить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой...

...Имперский министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени фюрера изложить взгляды фюрера господину Сталину...

Приложение: Я прошу Вас не вручать этих инструкций господину Молотову в письменном виде, а зачитать их ему. Я считаю важным, чтобы они дошли до господина Сталина в как можно более точном виде, и я уполномочиваю Вас в то же самое время просить от моего имени господина Молотова об аудиенции с господином Сталиным, чтобы Вы могли передать это важное сообщение еще и непосредственно ему. В дополнение к беседе с Молотовым — условием моего визита являются широкие переговоры со Сталиным».

Таково содержание телеграммы министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа.

Шулленбург начинает с Молотовым активные переговоры. 19 августа он сообщил в МИД Германии:

«Беседа с Молотовым началась в два часа дня и продолжалась час. Молотов заявил, что Советское правительство понимает важность поездки Риббентропа, но настаивает на своем мнении, что в данный момент невозможно даже приблизительно определить время поездки, так как она требует тщательных приготовлений.

Содержание протокола является очень серьезным вопросом, и Советское правительство ожидает, что Германское правительство заявит более определенно, какие статьи протоколы предусматривает.

В этот же день состоялась вторая встреча с Молотовым. Он передал советский проект пакта о ненападении и заявил, что Риббентроп может прибыть через неделю после обнародования подписанного экономического соглашения. Таким образом, если это произойдет завтра, Риббентроп может прибыть в Москву 26 или 27 августа.

«Моя попытка убедить Молотова согласиться на более раннюю дату приезда Имперского Министра ино-

странных дел была, к сожалению, неудачной». Телеграммой № 190 от 19 августа Шуленбург передал в Берлин советский проект пакта о ненападении. Проект сопровождался таким постскриптумом: «Настоящий договор вступает в силу только в случае одновременного подписания специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для высоких договаривающихся сторон. Протокол является составной частью пакта».

Заключительным этапом стала телеграмма Гитлера Сталину.

Риббентроп — Шуленбергу. Телеграмма № 189 от 20 августа.

«Фюрер уполномочивает Вас немедленно явиться к Молотову и вручить ему следующую телеграмму Фюрера для господина Сталина:

«Господину Сталину, Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень перестройки в германо-советских отношениях.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации Имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш Министр иностранных дел, господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно скорее выяснение связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае Имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время».

Далее в телеграмме Гитлера говорилось, что напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Кризис может разразиться в любой день. Поэтому Гитлер предлагает принять Риббентропа во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа.

В течение последующих 24 часов с вечера 20 августа, когда телеграмма Гитлера Сталину передавалась по проводам в Москву, — до следующего вечера фюрер находился в состоянии, близком к коллапсу. Он не мог заснуть. Посреди ночи звонил Герингу, чтобы поделиться своими опасениями по поводу сталинской реакции на его послание и задержки в Москве.

На следующий день Риббентроп посылает Шуленбургу телеграмму, состоящую из двух фраз: «Пожалуйста, сделайте все, что можете, чтобы поездка осуществилась. Время, как в телеграмме».

Наконец в 21 час 35 мин. 21 августа пришел ответ Сталина:

Шуленбург — МИД Германии.

Телеграмма № 200 от 21 августа.

«Дословный текст ответа Сталина:

21 августа 1939 года.

Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру.

Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа. И. Сталин».

Ответ Сталина был передан фюреру в Бергхоф в 10.30 вечера. Вскоре после этого музыкальная передача немецкого радио была внезапно прервана и диктор объявил: «Имперское правительство и Советское правительство договорились заключить пакт о ненападении друг с другом. Имперский министр иностранных дел прибудет в Москву в среду 23 августа для завершения переговоров».

На следующий день, 22 августа 1939 года, Гитлер, получив личное заверение Сталина, что Россия будет соблюдать дружественный нейтралитет, вновь вызвал высших военных командующих в Оберзальцберг, где

прочел им лекцию: «С осени 1938 года... я решил идти вместе со Сталиным... Сталин и я — единственные, которые смотрим только в будущее. Так, я в ближайшие недели на германо-советской границе подам руку Сталину и вместе с ним приступлю к новому разделу мира... Генерал-полковник Браухич обещал мне войну с Польшей закончить в течение нескольких недель... Мы не можем вести длительную войну. Несчастливых червей — Даладье и Чемберлена я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас. Они не могут осуществить блокаду. Наоборот, у нас есть русское сырье. Польша будет опустошена и заселена немцами. Мой договор с Польшей был только выигрышем во времени. В общем, господа, с Россией случится то, что я сделал с Польшей. После смерти Сталина, он очень больной человек, мы разобьем Советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства...

Обстоятельства для нас благоприятны как никогда. У меня только одна забота, что Чемберлен или какой-нибудь другой негодяй придет ко мне с предложением о посредничестве. Он полетит с лестницы».

22 августа в «Правде» напечатана статья о визите Риббентропа.

Иоахим фон Риббентроп стал единственным гитлеровским политиком, фотографии которого обошли все советские газеты. На суде в Нюрнберге его посадили рядом с Герингом и Гессом.

Риббентроп родился в 1893 году. В молодости жил в Швейцарии, учил английский язык в Лондоне. 1-ая мировая война застала его в США. Риббентроп поспешил на родину и поступил на военную службу. В 1919 году в качестве адъютанта генерала Секта был в Версале на подписании мирного договора.

После войны занялся коммерцией. Риббентроп стал владельцем экспортно-импортной виноторговой фирмы. Он вступил в брак с дочерью владельца фирмы по торговле шампанским. Благодаря своим политическим связям приобрел знакомства в разных странах.

С Гитлером Риббентроп познакомился до 1933 года, а в 1933 году между ними происходит более тесное сближение. Риббентроп предоставлял для деловых встреч Гитлера свой особняк. Сразу после прихода Гитлера к власти появилось так называемое «Бюро Риббентропа».

Иохим фон Риббентроп был очень тщеславен. Его приверженность к пышным церемониям достигла своего апогея, когда он занял министерский кабинет. При возвращении министра из заграничных поездок весь штат министерства выстраивался на аэродроме или вокзале. Если Риббентроп возвращался с супругой, то и встречать их должны были не только сотрудники, но и их жены.

Однажды Риббентроп запретил публикацию коммюнике о переговорах между Гитлером и Муссолини из-за того, что в заключительном параграфе этого документа фамилия министра иностранных дел стояла после Кейтеля.

Рейхсминистр не ограничивал свою деятельность лишь сферой внешней политики. Он принимал самое непосредственное участие в разрешении всего комплекса вопросов, связанных с подготовкой и осуществлением агрессивных войн. Вместе с другими ближайшими приспешниками Гитлера Риббентроп разрабатывал планы колонизации оккупированных стран, ограбления, порабощения и массового истребления их граждан, активно содействовал осуществлению этих планов на практике. По его указанию, в частности, при министерстве иностранных дел был создан «батальон особого назначения», который, следуя за передовыми частями вермахта, грабил музеи и библиотеки оккупированных территорий.

22 августа 1939 года Риббентроп, вооруженный письменными полномочиями Гитлера заключить договор о ненападении и другие соглашения, вылетел в Москву.

О том, что немецкая сторона решила достигнуть соглашения во что бы то ни стало, свидетельствует история, рассказанная К. Симонову маршалом А. М. Василевским:

«Когда в тридцать девятом году Риббентроп летел в Москву на своем самолете, то по дороге, в районе Великих Лук, он был обстрелян нашей зенитной батареей. Командир зенитной батареи приказал открыть стрельбу по этому самолету — была открыта стрельба; на самолете, как впоследствии выяснилось уже после посадки в Москве, были пробоины от попадания осколков.

Я знаю всю эту историю, потому что был направлен с комиссией для расследования этого дела на месте. Но

самое интересное, что хотя мы ждали заявления от немцев, их протеста, ни заявления, ни протеста с их стороны не было. Ни Риббентроп, ни сопровождавшие его лица, ни сотрудники германского посольства в Москве никому не сообщили ни одного слова об этом факте.

Переговоры начались 23 августа. Первый этап переговоров длился 3 часа. Депеша Риббентропа свидетельствует, что никаких особых трудностей в этот период не возникло.

Риббентроп — МИД Германии.

Телеграмма № 204 от 23 августа. Отправлена из Москвы в 20 час. 05 мин.

«Пожалуйста, немедленно сообщите фюреру, что первая трехчасовая встреча со Сталиным и Молотовым только что закончилась. Во время обсуждения, которое проходило положительно в нашем духе, сверх того обнаружилось, что последним препятствием к окончательному решению является требование русских к нам признать порты Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс) входящими в их сферу влияния. Я буду признателен за подтверждение до 20 часов по германскому времени согласия Фюрера. Подписание секретного протокола о взаимном разграничении сфер влияния во всей восточной зоне, на которое дал принципиальное согласие, обсуждается».

Телефонограмма из канцелярии министра Риббентропу, полученная в Москве 23 августа в 23 час. 00 мин.

«Ответ: Да, согласен».

Договор о ненападении и секретный протокол были подписаны позднее, тем же вечером на второй встрече. Немцы и русские так легко достигли соглашения, что это пиршественная встреча, которая длилась почти до утра, была по большей части посвящена не какому-то упорному торгу, а оживленному обсуждению международного положения, все это запечатлел служебный отчет немецкой делегации, на котором стояла пометка «государственная тайна».

Господин Сталин и Молотов враждебно комментировали манеру поведения британской миссии в Москве, которая так и не высказала Советскому правительству, чего же она в действительности хочет.

Имперский Министр иностранных дел заявил в связи с этим, что Англия всегда пыталась, и до сих пор пытается, подорвать хорошие отношения между Германией

и Советским Союзом. Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое господство.

Господин Сталин живо согласился с этим и заметил следующее: британская армия слаба; британский флот больше не заслуживает своей прежней репутации. Английский воздушный флот, можно быть уверенным, увеличивается, но Англии не хватает пилотов. Если, несмотря на все это, Англия еще господствует в мире, то это происходит лишь благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией...

Имперский министр иностранных дел заметил, что Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западных демократий. Он знал и мог догадаться по тону русской прессы, что Советское правительство осознает это полностью.

Господин Сталин вставил, что Антикоминтерновский пакт испугал главным образом лондонские сити и мелких английских торговцев.

Имперский Министр иностранных дел согласился и шутливо заметил, что господин Сталин, конечно же, напуган Антикоминтерновским пактом меньше, чем лондонские сити и мелкие английские торговцы. А то, что думают об этом немцы, явствует из шедшей от берлинцев, хорошо известных своим остроумием, шутки, ходящей уже несколько месяцев. А именно: «Сталин еще присоединится к Антикоминтерновскому пакту».

И наконец кульминацией этой встречи стал тост Сталина.

«Я знаю, как сильно германская нация любит своего Вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье».

Имперский министр иностранных дел в свою очередь предложил тост за Сталина. При прощании Сталин обратился к Риббентропу со следующими словами: «Советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Оно может дать свое честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера».

24 августа Риббентроп вылетел в Берлин. В этот же день в «Правде» появилось сообщение о том, что накануне был подписан советско-германский договор о ненападении. В этом же номере опубликован текст договора.

Английская и французская делегации в последний раз встретились с советской делегацией 25 августа 1939 года. Ошеломленные подписанием советско-германского договора о ненападении, руководители западных миссий спросили, не хотят ли русские «продолжить обсуждение». Ответ Ворошилова был окончательный.

«Ввиду изменившегося политического положения, — сказал он, — нет смысла продолжать обсуждение». Почему английские и французские офицеры находились еще два дня в Москве в ожидании этого неизбежного ответа — можно объяснить только шоком и смятением в Париже и Лондоне.

Хрущев в своих воспоминаниях пишет о реакции Сталина на подписанный договор.

«Сталин... правильно оценивал значение этого договора и понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, перехитрить. Он считал, что мы его перехитрили, подписав договор... Он буквально ходил гоголем. Он ходил, задравши нос, и буквально говорил: «Надул Гитлера, надул Гитлера».

По вопросу о Польше Сталин сказал, что Гитлер нападет на Польшу, захватит ее и сделает своим протекторатом. Восточная территория Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы были за это, хотя чувство было смешанное. Я чувствовал, что Сталин это понимал. Он говорил: «Тут, знаете, идет игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет».

Эти события рассматривались нами так: начнется война, на которую Запад направляет против нас Гитлера один на один. В связи с этим договором получалось, что войну начинает Гитлер. Это нам было выгодно с точки зрения и военной, и моральной. Такими действиями он вызовет на войну против себя Францию и Англию, выступив непосредственно против Польши. Мы же останемся нейтральными. Я считаю, что это положение было лучшим для нас.

Если рассматривать войну как игру и если есть возможность не подставлять в этой игре нашего лба под вражеские пули, к чему все время стремились западные державы, то этот договор имел оправдания. Я и сейчас так считаю. И все-таки было на душе тяжело. Нам, коммунистам, антифашистам, людям, стоящим на совершенно противоположных философских и политических

позициях, вдруг объединять свои усилия в этой войне с Германией.

Свой восторг по поводу подписания договора Гитлер выразил в письме к Муссолини.

«Дуче! В течение некоторого времени Германия и Россия обменивались мнениями о новом подходе обеих стран к их политическим отношениям.

Открывшаяся после смещения Литвинова готовность со стороны Кремля приступить к переориентации своих отношений с Германией усилилась за последние несколько недель и дала мне возможность, после успешных приготовлений, отправить моего министра иностранных дел в Москву для заключения договора, представляющего собой наиболее широкий из существующих пакт о ненападении, текст которого будет передан гласности. Пакт не ограничен условиями и включает в себя также обязательство консультироваться по всем вопросам, затрагивающим интересы России и Германии. Могу сказать Вам, Дуче, что благодаря этим соглашениям гарантируется благожелательное отношение России на случай любого конфликта...

Я уверен, что могу сообщить вам, Дуче, что благодаря переговорам с Советской Россией в международных отношениях возникло совершенно новое положение, которое должно принести величайший из возможных выигрышей».

23 ноября 1939 года Гитлер выступал с речью перед руководством вермахта, в которой охарактеризовал СССР как ослабленное внутренними процессами государство, которое не представляло для Германии серьезной военной опасности. Договор с СССР о ненападении он отнес к разряду договоров «перестраховки», который, по его мнению, будет соблюдаться его участниками до тех пор, пока он целесообразен. «Фактом, — сказал он, — останется, что русские вооруженные силы в настоящее время имеют низкую боеспособность. В ближайшие один или два года сохранится нынешнее положение». При этом Гитлер добавил: «Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе».

Заключение пакта о ненападении между СССР и Германией вызвало в мире бурную реакцию. Были у него и нейтральные наблюдатели. Вот что написал о пакте в своих мемуарах «Вторая мировая война» такой иску-

шенный политик, как У. Черчилль: «В пользу Советов можно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы собрать силы со всех концов своей огромной страны. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была в тот момент в высокой степени реалистичной». Договор от 23 августа для Советской страны был необходимостью. Он создавал возможность лучше подготовить страну и армию к войне. Угроза войны была реальной.

Оперативный план «Вайс», утвержденный Гитлером 11 апреля 1939 года, предусматривал, что вслед за нанесением военного поражения Польше Германия захватит Литву и Латвию. Следовательно, война против Советского Союза началась бы — тогда же или чуть позже — с еще более предпочтительных для агрессора рубежей, чем два года спустя.

В августе 1939 года Красная Армия уже вела тяжелые бои на Халхин Голе с японскими милитаристами. Последние, терпя крупную неудачу, настаивали перед Берлином на выполнении им своих союзнических обязательств по «антикоминтерновскому пакту».

Пакт был вынужденной необходимостью, но сумело ли правительство Сталина должным образом использовать предоставленную отсрочку? Оно сделало много ошибок, в том числе и трагических.

После подписания договора резко изменилась политика СССР по отношению к фашизму.

В печати теперь не допускалось ни единого выпада против нацизма. Фон Шуленбург сообщал в Берлине: «Советское правительство делает все возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как подменили. Не только прекратили все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи и т. п. ...Советское правительство всегда искусно влияло в желаемую для него сторону на свое население, и в этот раз оно также не скупится на необходимую пропаганду». Это верно. Даже Лаврентий Берия внес свою лепту в укрепление советско-германской дружбы, издав по ГУЛАГУ приказ, запрещающий надзирателям в тюрьмах называть заключенных «фашистами» — это слово перестало быть ругательным.

Газета «Правда» писала:

«Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различие в идеологии и в политической системе не должно и не может служить препятствием для установления добрососедских отношений между обеими странами».

Официально эту новую линию обнародовал Молотов, заявив 31 августа на сессии Верховного совета: «Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами».

Болезненно отнеслись к изменению отношения к фашизму многие честные представители советской интеллигенции. К. Симонов писал:

«Пакт с немцами, приезд Риббентропа в Москву и все с этим связанное, поначалу не внесли сколь-нибудь заметной трещины в мое представление о Сталине, хотя само это событие психологически, особенно после всего, что произошло в Испании, после открытой схватки с фашизмом, которая была там, потрясло меня так же, как и моих сверстников, — многих, наверное, довольно сильно. Что-то тут невозможно было понять чувствами. Может быть, умом — да, а чувствами — нет. Что-то перевернулось и в окружающем нас мире, и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были; вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта.

И. Эренбург так передает свои переживания: «Я помнил, как Боннэ и Чемберлен мечтали, что Гитлер пойдет на Украину; германо-советский пакт был, видимо, предиктован необходимостью... Слова Молотова о «близоруких антифашистах» меня, однако, резанули. В ту зиму мне пришлось впервые обзавестись очками, но признать себя «близоруким» я не мог. Свежи были картины испанской войны; фашизм оставался для меня главным врагом».

Антифашисты из других стран, проживающие в СССР, выражали свое недовольство и это вызвало недружелюбные действия со стороны Советского Союза.

Так осенью 1939 года в Москве был закрыт детский дом № 6, созданный ранее специально для детей немецких политических эмигрантов. В начале 1940 года гер-

манским властям было передано несколько групп немецких и австрийских антифашистов, которые были репрессированы в 30-е годы и находились под следствием или в заключении. В большинстве случаев это делалось вопреки воле передаваемых.

Как уже было сказано, к пакту о ненападении был приложен секретный протокол. Он не обсуждался ни на Верховном Совете, ни в правительстве. Он был изъят из процедуры ратификации. Долгое время советское руководство отрицало наличие этого протокола. На Западе была его фотокопия.

В 1943 году по указанию Риббентропа ввиду начавшихся бомбежек Берлина все наиболее ценные документы личного архива министра иностранных дел начали копироваться на микрофильмы. На них без особого порядка снимались документы. В частности, тот самый ролик 19-й, на котором находятся протоколы, начиная с договора, подписанного... Бисмарком. Микрофильмы не были уничтожены, как это было предписано Риббентропом. Они попали к англичанам и американцам и от них — в мировую прессу.

На I съезде народных депутатов СССР 1985 года была создана комиссия по правовой и политической оценке советско-германского договора о ненападении. Комиссия занялась поиском подлинника секретного протокола. Были пересмотрены архивы МИД СССР, запрошены архивные службы других ведомств. Но ни в СССР, ни в архивах ФРГ и других стран подлинных текстов протоколов так и не оказалось. Комиссии пришлось делать выводы на основании следующих фактов:

Первое. Обнаружена внутриминистерская служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 года подлинников секретных протоколов одним из помощников В. М. Молотова другому.

Второе. Были найдены заверенные машинописные копии протоколов на русском языке. Это именно машинописные копии, по внешнему виду отличающиеся от западногерманских копий, но по содержанию полностью совпадающие с ними.

Третье. Специалисты провели экспертизу подписей Молотова на оригинале договора о ненападении и фотокопии секретного протокола, переданной нам ФРГ, и пришли к выводу об их индентичности. По заключению тех же специалистов, документы, с которых сняты ко-

пии, были напечатаны на той же машинке, что и хранящиеся в архивах МИД СССР подлинники договоров.

В настоящее время в особой засекреченной папке найден и подлинник этого протокола.

В секретном протоколе говорилось:

«При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе...

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР...

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана.

В Юго-восточной Европе советская сторона подчеркнула свою заинтересованность в Бессарабии, которая отошла от Советского Союза к Румынии в 1918 году, а немцы декларировали свою незаинтересованность в этой территории — уступка, о которой Риббентроп позднее пожалеет.

«Этот протокол, — говорилось в документе, — будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

Во время дальнейших событий Германия выполняла условия секретного протокола.

1 сентября 1939 года началась германо-польская война.

Вечером 3 сентября Риббентроп отправляет германскому послу в Москве телеграмму.

Очень срочно! Лично послу.

Совершенно секретно! Главе посольства или его представителю лично.

Секретно! Должно быть расшифровано лично им! Совершеннейше секретно!

Мы, безусловно, надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу

влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния.

Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах...

5 сентября Шуленбург передает ответ Молотову:

«Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести ущерб и способствовать объединению наших врагов...»

8 сентября войска вермахта ворвались в Варшаву. 9 сентября Шуленбург сообщал в министерство иностранных дел Германии:

«Я только что получил от Молотова следующую телеграмму:

«Я получил ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской Империи. Молотов».

8 сентября польский посол был приглашен к Молотову, где ему официально сообщили, что транзит военных грузов через территорию СССР в Польшу запрещен. Как сейчас стало известно, радиостанция Минска была использована как радиомаяк для наведения самолетов немцев для осуществления боевых операций на польской территории, за что Геринг сначала передал официальную благодарность наркому обороны Ворошилову, а затем прилетел ему в подарок самолет.

10 сентября гитлеровское руководство распространило обращение к населению Западной Украины, в котором говорилось, что немцы намерены создать там «независимое государство». Однако это вызвало категорический протест Москвы. Молотов заявил Шуленбургу,

что СССР не допустит распространения германского влияния на эту территорию.

Между тем, 17 сентября 1939 года немецкие войска вошли в Брест и Львов.

В этот же день был отдан приказ Главному командованию Красной Армии об переходе советскими войсками границы с Польшей.

22 сентября советские войска заняли Брест и Львов. По приказу Гитлера части вермахта должны были покинуть эти города. Но перед их отходом в Бресте и Львове состоялись совместные парады советских и немецких частей. В Бресте парад принимал Гудериан — танковый стратег рейха, который скоро поведет свои войска на Москву, и комбриг Кривошеин.

25 сентября Шуленбург направил своему руководству телеграмму:

«Сталин и Молотов попросили меня прибыть в Кремль сегодня в 20 часов. Сталин заявил следующее: при окончательном урегулировании польского вопроса нужно избегать всего, что в будущем может вызвать трения между Германией и Советским Союзом. С этой точки зрения он считает неправильным оставлять независимым остаток Польского государства. Он предлагает следующее: из территории к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга, должны быть добавлены к нашей порции. За это мы отказываемся от претензий на Литву.

Сталин указал на это предложение как на предмет будущих переговоров с Имперским Министром иностранных дел и добавил, что, если мы согласны, Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы прибалтийских государств, в соотношении с Протоколом от 23 августа, и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства. Сталин подчеркнул указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию.

28 сентября в Москве подписан советско-германский договор о дружбе и о границе вкуче с традиционным уже секретным протоколом. В нем уточнялся раздел сфер влияния, однако главное значение сентябрьского договора состояло в другом. Фактически закрепив раздел суверенной до этого Польши между СССР и Германией, договор символизировал новый этап, в который вступи-

ли советско-германские отношения после этой акции. Им был присвоен официальный статус «дружбы» — не зря это слово появилось в названии договора. Меньше чем через три месяца в телеграмме Риббентропу Сталин сформулировал это еще более бесстыдным образом: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».

31 октября 1939 года, выступая на заседании Верховного Совета Союза ССР Молотов заявил:

«Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей.

И далее:

В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма. Причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является не больше и не меньше как «уничтожение гитлеризма». Получается так, что английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминающей старые религиозные войны.

Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной».

22 июля 1940 года на секретном заседании в Бернгоффе Гитлер сказал: «Русская проблема будет решена наступлением. Следует продумать план предстоящей операции». На этом совещании было утверждено решение о нападении на СССР.

Летом и осенью 1940 года началась усиленная переброска в Польшу немецких войск. Планировалось бросить против СССР 120 дивизий, оставив на Западе 60. 1 августа 1940 года был обсужден первый вариант войны против Советского Союза. В этот день Молотов на

заседании Верховного Совета СССР говорил о политике по отношению к Германии.

«Наши отношения с Германией, поворот в которых произошел почти год тому назад, продолжают полностью сохраняться, как это обусловлено советско-германским соглашением. Это соглашение, которого строго придерживается наше правительство, устранило возможность трений в советско-германских отношениях при проведении советских мероприятий вдоль нашей западной границы и вместе с тем обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке. Ход событий в Европе не только не ослабил, но, напротив, подчеркнул важность его осуществления и дальнейшего развития. За последнее время в иностранной прессе и особенно в английской и англофильствующей прессе нередко спекулировали на возможности разногласий между Советским Союзом и Германией, попыткой запугать нас перспективой усиления могущества Германии. Как с нашей, так и с германской стороны эти попытки не раз разоблачались и отбрасывались, как негодные. Мы можем лишь подтвердить, что, по нашему мнению, в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии.

ПОЛЕТ ГЕССА

1 октября 1946 года Международный военный трибунал приговорил Рудольфа Гесса к пожизненному тюремному заключению. Ему предстояло стать последним узником тюрьмы Шпандау. С именем Гесса связана одна из нераскрытых тайн Второй мировой войны.

Рудольф Гесс стоял у истоков нацистского движения, принадлежал к верхушке нацистской партии.

Родился в Александрии, в Египте. В Германию приехал только в 15 лет. В годы Первой мировой войны был военным летчиком, воевал на Западном фронте, служил вместе с Герингом. После войны поступил в Мюнхенский университет. В то время в Мюнхене были сосредото-

точены силы, которые впоследствии активно поддерживали фашистский режим. Полицай — президентом был Пенер, который на вопрос, знает ли он, что в Баварии существуют террористические группы, ответил: «Да, знаю, но их еще слишком мало».

Помощником Пенера был Вильгельм Фрик, ставший впоследствии имперским министром внутренних дел в первом кабинете Гитлера.

Учился Гесс у известного геополитика-расиста Гаусгофера.

В Мюнхене начал свою политическую карьеру и сам Адольф Гитлер.

Гесс вступил в нацистскую партию уже в 1920 году. В этом же году возникли первые фашистские «боевые отряды» — зародыш будущих СА, 5 октября 1921 года СА оформились окончательно, как штурмовые подразделения. С этого момента история нацистской партии тесно связана с историей штурмовиков. Штурмовики станут огромной силой, а первоначально они должны были сбивать всех, кто пытался дискутировать с фашистами, мешать говорить представителям других партий, внушать окружающим что с нацистами опасно связываться.

Редкие массовые митинги в Мюнхене непроходили без того, чтобы кого-либо из участников не отвезли в больницу. Гесс был активным штурмовиком. Первый выход Гесса на политическую арену состоялся 8 ноября 1923 года, во время Мюнхенского «пивного путча».

В пивную, где держал речь комиссар Баварии Густав Дин Кар ворвался Гитлер с вооруженными штурмовиками. Рядом с Гитлером был Гесс. Гитлер сорвал с трибуны оратора и закричал: «Национальная революция началась! Баварское и общеимперское правительство низложены!»

Никакой национальной революции не совершилось. Фашисты не смогли захватить ключевых позиций в городе. Из Берлина пришла телеграмма баварскому рейхсверу, призывавшая подавить мятежников. Гитлер принял две акции — послал своих людей в казармы 19 полка и отправил гонца в замок кронпринца в Баварских Альпах. Парламентария в казарме арестовали, гонец прибыл в замок слишком поздно... Гитлер сделал еще одну попытку довести выступление до победного конца: колонна из 3 тысяч нацистов двинулась к зданию

рейхсвера, но была остановлена полицейскими. Нацисты потеряли 16 человек, сам Гитлер отделался сломанной ключицей. Гесс бежал в Австрию.

В феврале 1924 года в Мюнхене начался суд над участниками путча, в результате которого главари получили небольшие сроки тюремного заключения. Гесс вместе с Гитлером оказался в Ландсбергской крепости.

Эту тюрьму один из гитлеровских географов назвал «коричневым домом». Узников хорошо кормили, тюремный обед превращался в парадную церемонию: во главе стола сидел Гитлер и разговаривал о политике. Так было положено начало «застольным беседам» Гитлера.

В Ландсберге была написана первая часть «Майн кампф». Она была написана под диктовку: Гитлер диктовал свой труд Гессу. Многие историки считают, что Гесса можно считать полноправным соавтором этой книги. Поверить в это не трудно. Хотя бы в силу того, что Гесс был более образован, к тому же идеи внушенные Гессу его учителем-расистом Гаусгофером нашли свое отражение в «Майн кампф».

После тюрьмы Гесс не расставался с Гитлером. Он стал его секретарем, «вторым я» Гитлера.

К концу 20-х годов нацистская партия увеличила свои ряды, начала располагать значительными финансовыми средствами. Гитлер имел огромный штат, включавший телохранителей, поваров, парикмахеров, садовников.

В 1930 году во имя «престижа партии» в Мюнхене построили «Коричневый дом» — прообраз будущих партийных зданий в Берлине. Особенно поражала «сенатская комната» — огромное помещение, в котором стояли 24 кресла, обитые пурпурной кожей. Чтобы проникнуть в руководимый Гессом секретариат Гитлера, нужно было миновать тщательно охраняемый внутренний блок, за секретариатом находился кабинет Гитлера.

Партия все больше нуждалась в деньгах. В 1929 году Гесс отправился к немецким промышленникам в Гамбург. На встрече с промышленными магнатами Гесс вынул из потрфеля две пачки фотографий. В одной пачке были фотографии рабочей демонстрации, в другой — изображение шагающих штурмовиков.

Гесс заявил: «Вы видите, господа, силы разрушения, которые угрожают уничтожить ваши конторы, фабрики, все ваше богатство. Я показал вам так же, как создается

власть порядка. Мы фанатично стремимся искоренить дух бунта. К сожалению, одного стремления мало, необходимы еще материальные предпосылки. СА — бедны, нацисты — бедны, вся организация — бедна. Откуда придут сапоги, форма, флаги, словом, все снаряжение, которое необходимо для сегодняшнего политического строя, если нет денег? Их должны дать те, кто ими владеет, чтобы в конце концов не потерять того, чем они владеют».

Так Гесс внес свой вклад в установление союза нацистов с промышленниками.

Положение Гесса укрепилось после прихода Гитлера к власти. 21 апреля 1933 года Гесс был назначен заместителем фюрера, а в декабре 1933 года имперским министром без портфеля. Теперь он имел право выносить решение от имени Гитлера по всем вопросам партийного руководства.

15 сентября 1935 года им был подписан закон «О защите крови и чести», который лишал евреев германского гражданства.

Гесс стоит в центре основных событий третьего рейха. Он принял участие в создании эсэсовских организаций. В 1934 году по инициативе Гесса СД при рейхсфюрере приобретает исключительные полномочия.

В качестве имперского министра без портфеля Гесс имел полномочия предварительно санкционировать все законопроекты. Он активно поддерживал нарушения Германией Версальского мирного договора и политику подготовки к войне. 16 марта 1935 года был издан закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности. На документах подпись Гесса. В своих речах он агитировал за Гитлеровскую политику энергичного перевооружения. Он убеждал народ в том, что каждый должен приносить жертвы для вооружения, повторяя лозунг: «Пушки вместо масла!» Он поддерживал контакт с подпольной нацистской партией в Австрии и инструктировал ее вплоть до аншлюса Австрии. Законом от 10 июля 1939 было предусмотрено его участие в управлении этой страной. Сыграл Гесс и ведущую роль в захвате Чехословакии. Летом 1938 года он поддерживал постоянный контакт с Генлейном — руководителем партии судетских немцев в Чехословакии.

27 сентября 1938 года во время мюнхенского кризиса он организовал проведение в жизнь инструкций Гитле-

ра. 14 апреля 1939 года Гесс подписал декрет о введении системы управления Судетской областью как неотъемлемую часть империи, а 10 июня 1939 года был издан указ, предусматривающий участие Гесса в управлении Судетской областью. Гесс включил партию судетских немцев в состав нацистской партии и произнес речь, в которой подчеркнул, что Гитлер готов прибегнуть к войне, в случае, если это окажется необходимым.

На этом этапе жизненный путь Гесса не содержит в себе особых загадок. Гесс — представитель правящей верхушки фашистского государства, доверенное лицо Гитлера.

Загадки, пожалуй, начинаются в мае 1941 года. В одноместном самолете Гесс вылетает в Англию. Основной целью его поездки было заключение секретного мира с этой страной и привлечение ее к войне против СССР. Германия готовилась к выполнению плана «Барбаросса».

В Англии были люди, на поддержку которых надеялся Гесс. Прогермански были настроены крупные земельные аристократы — Гамильтон и Бедфорд, лорд и леди Астор. Делалась ставка и на секретаря Н. Чемберлена — лорда Дерби, заместителя министра по делам Шотландии — Веддерборна. Были и другие семьи в Великобритании, способные оказать поддержку миссии Гесса.

Свой самолет Гесс направил в район Западной Шотландии. К родовому имению герцога Гамильтона. С герцогом Гамильтоном Гесс познакомился в 1936 году во время Олимпийских игр в Берлине. Гамильтон показал себя приверженцем нацистов, бывал в доме Гесса.

Немецкий двухмоторный самолет-истребитель новейшей марки врезался в землю недалеко от дороги. Опытный летчик Гесс умышленно инсценировал аварию, чтобы новая модель самолета не попала в руки англичан. Сам выбросился с парашютом.

Полицейский констебль Роберт Вильямсон и служащий органов местной самообороны доставили летчика в штаб местной самообороны в Бутби, где его обыскали. В кармане было найдено письмо, адресованное герцогу Гамильтону.

В штабе один английский летчик, бывавший ранее в Германии, внимательно присмотревшись к пленнику, воскликнул, обращаясь к старшему офицеру: «Сэр, я по-

лагаю, что этот человек — Рудольф Гесс, заместитель Гитлера. Я видел его в Германии».

«Не говори глупостей», — сказал кратко старший.

Но летчик не ошибся. Это был действительно Рудольф Гесс...

Прилет Гесса был поистине сенсационным. Из вражеской Германии в Англию прибыл «наци 2» — один из главных вдохновителей авантюры немецких фашистов, заместитель Гитлера по партии, член германского тайного совета и кабинета министров, генерал СС.

Сообщение о прилете Гесса Черчилль получил на отдыхе. Даже в условиях войны он строго соблюдал режим дня — прежде всего воскресный отдых. В субботу 11 мая 1941 года Черчилль гостил в поместье своего друга Рональда Дитчли и смотрел кинокомедию. Во время сеанса к нему подошел секретарь и сообщил, что его вызывает к телефону герцог Гамильтон из Шотландии. Черчилль не любил, чтобы его беспокоили в подобных случаях, и, хотя Гамильтон был его другом, попросил одного из сидевших рядом с ним министров подойти к телефону и узнать, что ему нужно. Как оказалось, Гамильтон хотел сообщить Черчиллю, что в Шотландию прибыл Рудольф Гесс.

Вначале Черчилль воспринял это сообщение как фантастическое. Но весть была верной. Представителям английской разведки пришлось сообщить Черчиллю о контактах, которые поддерживали английские секретные службы с Гессом. Британский премьер возмутился тем, что разведка действовала через его голову и не своевременно информировала о ходе переговоров с гитлеровскими агентами.

Черчилль пожелал лично беседовать с Гессом, но, поразмыслив, счел это не совсем удобным. Было решено, что первая встреча состоится между Гамильтоном и Гессом.

Герцога срочно вызвали в Дитчли. Он немедленно был принят Черчиллем. 12 мая появилось официальное сообщение министерства информации Англии. В парламент посыпались запросы депутатов. Консерваторы, лейбористы, либералы спрашивали Черчилля: «Зачем прилетел Гесс? Привез ли он мирные предложения? Исходят ли они от него лично или от германского правительства? Какова позиция английского правительства?»

Некоторые члены парламента забили тревогу. Гесс,

говорили они, прибыл в Англию, чтобы предложить «нашим аристократам» «объединиться с нацистами».

Черчилль, выступая в парламенте 20 мая, а затем 10 июня, отказался ответить на запросы депутатов о Гессе. «В настоящее время,— заявил он,— я не могу сообщить о нем... Если правительство сочтет необходимым сделать такое заявление, в будущем оно это сделает». Такого заявления не последовало более двух лет — вплоть до 22 сентября 1943 года. В заговоре молчания приняли участие и министры Черчилля.

А в это время началась закулисная возня вокруг Гесса, продолжавшаяся несколько месяцев. Помимо Гамильтона переговоры с Гессом вел Киркпатрик. С ним также беседовали бывший министр иностранных дел, с 1941 года лорд-канцлер в кабинете Черчилля Джон Саймон и влиятельный член военного кабинета Черчилля, его близкий друг лорд Бивербрук.

Из того, что говорил Гесс, английские деятели поняли, что им по существу предлагается мир на условиях подчинения Германии. Нетрудно было догадаться, что в случае победы Германии над СССР степень такого подчинения невероятно возрастает. Это делало привезенное Гессом предложение неприемлемым для английских правящих кругов.

Для Черчилля же оно было вдвойне неприемлемым: Гесс потребовал отстранения Черчилля от власти и создания нового правительства, состоящего из профашистски настроенных деятелей. Неизвестно, как сам Черчилль комментировал сделанные Гессом предложения. В своих мемуарах Черчилль не говорит об этом ни слова. Однако можно с уверенностью предположить, что он понял всю опасность этих предложений для Англии и для себя лично и выступил за их отклонение.

Предложения Гесса приняты не были. В то же время английское правительство хранило загадочное молчание явно с тем, чтобы руководители Германии не могли понять его истинного отношения к миссии Гесса. В чем были причины этого странного поведения? Почему английское правительство молчало, хотя в Англии и в некоторых других государствах выражалось беспокойство по поводу миссии Гесса и существовали опасения, что в переговорах с ним Лондон вырабатывает условия сделки с гитлеровской Германией? Распространение подобных опасений в мировом и английском общественном мнении

было, безусловно, нежелательным для английского правительства, так как бросало тень на его решимость продолжать войну. И тем не менее, как известно, оно ничего не сделало, чтобы рассеять эти опасения.

В исторической литературе, в мемуарах дипломатов и политических деятелей долго велись споры о том, знал ли Гитлер о готовившемся полете Гесса. Предпринял ли Гесс эту операцию по собственной инициативе, или идея мирового зондажа в Англии была согласована с Гитлером и другими главарями фашистского рейха?..

Известно, что перед вылетом в Англию Гесс написал письмо для передачи Гитлеру. «Как вы знаете,— писал он,— я нахожусь в постоянном контакте в Англии, Ирландии, Шотландии. Все они знают, что я всегда являлся сторонником англо-германского союза... Но переговоры будут трудными. Чтобы убедить английских лордов, важно, чтобы я лично прибыл в Англию. Я достигну нового Мюнхена, но этого нельзя сделать на расстоянии. Я подготовил все возможное, чтобы моя поездка закончилась успехом. Разрешите мне действовать».

На случай провала своей миссии Гесс советовал Гитлеру переложить на него ответственность, сказав «что я сумасшедший».

11 мая жители Германии из передачи английского радио узнали о полете Гесса в Англию. Тех, кто осмеливался обсуждать это событие, забирали в гестапо, как «распространителей вражеской пропаганды». 11 мая о полете Гесса сообщили лишь гауляйтерам. Только 12 мая было передано сообщение: «Партийный товарищ Гесс, которому фюрер по причине прогрессирующего уже много лет заболевания строжайше запретил всякого рода полеты, не так давно нарушил этот приказ и вновь завладел самолетом. В субботу 10 мая партийный товарищ Гесс опять ушел в полет, из которого он не вернулся до сих пор. Письмо, оставленное им, настолько сумбурно, что, к сожалению, показывает следы душевного расстройства, которое заставляет опасаться, что партийный товарищ Гесс стал жертвой умопомешательства».

Издатель «застольных бесед Гитлера» Генри Пикер утверждал: «О полете Гесса в Шотландию Гитлер узнал, когда сидел за ужином... Первое сообщение об этом он продиктовал сразу же. На следующий день фюрер прочитал английские отклики о полете и, переговорив с Герингом, Борманом и Риббентропом, составил более по-

дробный текст коммюнике, в котором полет Гесса объяснялся тем, что тот уже давно страдает болезнью, отразившейся на его психике... Примечательно, что Гитлер отказался привлечь к ответственности семью Гесса и что он приказал доставлять жене Гесса его письма из Англии... Интересно, что, просматривая эти письма, я не смог обнаружить у их автора следов душевной болезни. Вместе с тем фюрер решительно отклонял все ходатайства освободить от ареста лиц, посвященных в дело Гесса».

В воспоминаниях Гесса, которые вышли в 1974 году, есть утверждение, что он совершал полет по собственной инициативе, Гитлер ничего не знал.

«Если бы он хоть что-нибудь узнал, он приказал бы тотчас же меня арестовать», — утверждал Гесс. Но, противореча себе, он же добавлял: «Я, однако, был уверен: то, что мне предстояло сказать в Англии, встретило бы одобрение фюрера».

Руководитель шестого отдела РСХА Шелленберг отмечал в мемуарах: «Совершенно невероятно, что Гитлер дал приказ Гессу лететь в Англию, чтобы сделать последнее предложение о мире».

Существуют факты, опровергающие это утверждение.

Личный пилот Гитлера передал Гессу карту для полета над запретными зонами Германии. Во время полета Гесса в Англию ему помогали радиосигналами немецкие радиостанции. Он получал точные прогнозы состояния атмосферы.

Итог спора об осведомленности Гитлера о миссии Гесса можно было подвести словами министра труда в правительстве Черчилля Эрнста Бевина: «Я не верю, что этот джентльмен прибыл сюда без ведома Гитлера».

В 1992 году в прессе появились публикации рассекреченных документов. Это сообщение английской агенты Первого Управления (внешнеполитическая разведка) Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР.

14 мая 1941 года в Первое Управление НКВД поступила шифротелеграмма № 346 из Лондона.

Она гласила: Совершенно секретно

Справка

Вадим сообщил из Лондона, что:

1. По данным «Зёнхен» Гесс прибыл в Англию, за-

явил, что он намеревался прежде всего обратиться к Гамильтону, знакомому Гесса по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 года.

Гамильтон принадлежит к так называемой кливденской клике.

Гесс сделал свою посадку около имени Гамильтона.

2. Кирку Патрику, первому опознавшему Гесса чиновнику «закоулка», Гесс заявил, что привез с собой мирное предложение. Сущность мирных предложений нам пока не известна.

Кирк Патрик — бывший советник английского посольства в Берлине.

14.V.1941 г. № 376.

Резолюция тов. Журавлева — тов. Рыбкиной.

— Телеграфируйте в Берлин, Лондон, Стокгольм, Америку, Рим. Постарайтесь выяснить подробности предложений.

Вадим — это Иван Чичаев, резидент в Лондоне.

«Зёнхен» — Ким Филби.

«Закоулок» — обозначение Форин офиса.

Журавлев — заместитель начальника управления.

Рыбкина — сотрудница управления, будущая известная детская писательница Зоя Воскресенская.

Сразу начали поступать ответы.

Из Вашингтона:

«Гесс прибыл в Британию с полного согласия Гитлера, с целью начать переговоры, так как Гитлер не мог открыто предложить мир, не нанося ущерба немецкому престижу. Поэтому он избрал Гесса в качестве своего секретного эмиссара».

Из Берлина:

«Начальник американского отдела в министерстве иностранной пропаганды Эйцендорф сообщил, что Гесс в наилучшем здравии и полетел в Британию с определенным поручением и предложениями от Германского правительства».

«Действия Гесса — это не бегство, а акция с ведома Гитлера с целью предложить мир Британии».

Наконец, наиболее надежный источник из Берлина приходит к выводу, что Гесс «реализовал тайный сговор нацистского руководства заключить мир с Британией до того, как будет начата война с Советским Союзом».

Все это создавало вполне определенную картину — сговор!

Английская разведка располагала сведениями о том, что Гитлер, по предложению начальника РСХА Гиммлера и шефа абвера адмирала Канариса, принял решение убить Гесса, с каким бы риском и трудностями это ни было бы связано.

Однако указание об отстранении Гесса последовало лишь после того, как окончательно выяснилась неудача его миссии. Гестапо и абвер предприняли отчаянные шаги, чтобы избавиться от него, как от человека, знавшего тайны третьего рейха. Гиммлер вызвал эсэсовского генерала Закса, осуществлявшего связь с Канарисом, и отдал приказ: «Рудольфа нужно осторожно обезвредить».

В Англию были посланы агенты гестапо Вернер Ваелти и Карл Друкке с заданием ликвидировать Гесса. Но их действия пресекла английская секретная служба.

Однако и после этого в Лондоне опасались, как бы Гесса не выкрали или не убили немецкие парашютисты. По личному приказу Черчилля Интеллидженс сервис бдительно охраняла Гесса. Он должен был находиться в строгой изоляции «в удобном доме, не слишком далеко от Лондона», не иметь никаких связей с внешним миром, не принимать посетителей, за исключением лиц, назначенных для этой цели английским министерством иностранных дел. Черчилль приказал «следить за его здоровьем и обеспечить ему комфорт, питание, книги, письменные принадлежности и возможность отдыха». С Гессом обращались, по словам премьера, «почтительно».

Впоследствии Гесс так рассказывал о гостеприимстве английских властей: «Герцог Гамильтон, после того как он посетил меня, позаботился о том, чтобы я был переведен в хороший военный госпиталь. Он находился в сельской местности, в получасе езды от города, в замечательных природных условиях в Шотландии... После 14 дней пребывания в нем, меня перевели в Лондон... Маленький домик, в котором я жил, обстановка его в стиле XVII столетия — все это было замечательно. После этого я был переведен в виллу Мишет-Плейз около Ролдершога. Там я был окружен большими, прекрасно пахнущими глициниями... Столовая и музыкальные комнаты... были на первом этаже и выходили прямо в парк».

Несколько месяцев, принимая исключительные меры

предосторожности, Гесса перевозили с места на место, пока английская секретная служба не убедилась, что ему не угрожают тайные германские агенты. Тогда Гесса отправили в военный госпиталь в южном Уэльсе. Там он находился до конца войны в качестве военнопленного.

Гесс опять выходит на сцену во время Нюрнбергского процесса. На процессе его увидели рядом с Герингом. Геринг часто обращался к Гессу, жестикулировал, но Гесс не реагировал, а только обводил зал мутным взглядом.

С самого начала на суде вновь всплыла версия о душевном расстройстве Гесса. За нее вначале цепко ухватилась защита.

Было заявлено ходатайство о судебно-психиатрической экспертизе. Гесса подвергала исследованию специальная комиссия, в составе которой были крупнейшие психиатры мира.

На основании осмотра комиссия пришла к выводу: «В настоящее время Гесс не душевнобольной в прямом смысле этого слова. Потеря памяти не помешает ему понимать происходящее, но несколько затруднит его в руководстве защитой и помешает вспомнить некоторые детали из прошлого, которые могут послужить фактическими данными».

На основании отчета английского психиатра доктора Риза, который наблюдал Гесса с первого дня его пребывания в Англии, можно судить, что после аварии самолета у Гесса не было никакого мозгового повреждения.

Однако в тюрьме у него появилась мания преследования: он боялся, что его отравят или убьют, а затем объявят о самоубийстве и что все это сделают непременно англичане «под влиянием евреев». В то же время сам Гесс предпринял две попытки к самоубийству, но, как заключил специалист-медик, попытки эти были истерическо-демонстративного характера.

В одном из отчетов психиатров есть такие строки:

«С точки зрения психической Гесс находился в твердой памяти, знал, что он обвиняется как высший преступник. Он читал, и по его собственным словам, знаком с обвинением, выдвинутым против него... Потеря памяти у Гесса не является следствием заболевания, а представляет собой истерическую амнезию, основанием которой является подсознательное стремление к самозащите. Такое поведение часто прекращается, когда истерическая

личность сталкивается с неизбежной необходимостью вести себя правильно. Поэтому амнезия у Гесса может пройти, как только он предстанет перед судом».

Эксперты сошлись в мнении о том, что Гесс проявляет истерическое поведение с признаками симулятивного характера.

Последнее слово подсудимого Гесса было весьма странным: «Люди, окружавшие меня во время моего пребывания в плену в Англии, вели себя странным образом, позволявшем сделать вывод, что они находятся в ненормальном состоянии и действуют в соответствии с ним... Некоторые из них имели странное выражение глаз. Это были глаза, имевшие стеклянное выражение...»

Гесс прожил долгую жизнь в тюрьме Шпандау.

В августе 1987 года он покончил жизнь самоубийством...

«Убийство Рудольфа Гесса?» — книгу с таким названием представило общественности мюнхенское издательство «Друффель-фермаг». Ее написал Вольф-Рюдигер Гесс, сын бывшего заместителя Гитлера. Когда корреспондент газеты «Известия» позвонил автору книги, чтобы узнать, кто считается виновником гибели его отца, между ними состоялся следующий разговор.

— Подозреваю, что это дело рук англичан.

— Знал ли ваш отец нечто такое, что могло бы повредить престижу Великобритании?

— Я могу судить об этом лишь в самых общих чертах, но уверен, что в любом случае это связано с его полетом в Англию.

— Английское правительство распорядилось вновь закрыть архивы, относящиеся к миссии Р. Гесса, хотя срок их тайного хранения уже истек...

— Для меня это главное доказательство заинтересованности англичан в том, чтобы отец не заговорил.

Почему у кого-то могли возникнуть опасения, что Р. Гесс заговорит?

— Появилась реальная возможность того, что его выпустят из тюрьмы. Весной 1987 года у меня были контакты с представителями советских властей. Я встречался в Берлине с советским послом, потом была встреча в советском генконсульстве в Западном Берлине. Мне довольно определенно дали понять, что советская сторона согласна на освобождение Р. Гесса. Должен сказать, что я с самого начала не верил в версию, будто только

Советский Союз противился освобождению моего отца. Прежде всего, этого не хотели англичане. Я полагаю, что именно готовность советской стороны выпустить Гесса из Шпандау побудила англичан к действиям.

Но тайна гибели Гесса — его не последняя тайна. После его гибели появились версии, что в тюрьме Шпандау умер совсем не Гесс.

25 сентября 1973 года Хью Томас, в то время хирург английского военного госпиталя в Западном Берлине, сделал потрясающее открытие. Он проводил медицинский осмотр единственного обитателя крепости Шпандау, заключенного номер 7, Рудольфа Гесса и не мог поверить своим глазам. Томас был хорошо осведомлен, что во время первой мировой войны будущий соратник Гитлера был тяжело ранен в левое легкое. Но пациент, который стоял перед ним, не имел на теле никаких следов ранения. Сам доктор Томас был одним из ведущих специалистов по огнестрельным ранам. Он очень хорошо знал, что подобное ранение не может не оставить следов. «Тогда я решил, что история эта — просто выдумка», — рассказывает Томас.

Но совесть ученого не могла успокоиться, он начал искать подтверждения свим предсказаниям. После целого ряда исследований он обнаружил в Западном Берлине официальную фотокопию документов Гесса времен первой мировой войны, в которых отмечено, что 8 августа 1917 года он был ранен пулей в легкое. Ранение было серьезное, поэтому Гесс провел три месяца в больнице.

Эти сведения подтвердила и Ильза Гесс, супруга бывшего нацистского главаря. В письме, адресованном доктору Томасу, она пишет: «На теле Рудольфа остались следы от ранения. Он был хорошим спортсменом, но из-за поврежденного легкого не мог бегать, потому что задыхался». У Хью Томаса больше не существовало никаких сомнений в том, что человек не был Рудольфом Гессом. Хирург продолжал начатое расследование. Он обратился к истории перелета Гесса 10 мая 1941 года в Шотландию для встречи с ответственными руководителями, настроенными благосклонно для заключения сепаратного мира с Германией.

Томас нашел адъютанта Гесса Карлхайнца Пинча. Пинч присутствовал при полете. Несколько фотографий. Они сохранились. На них можно разглядеть номер самолета Гесса. Самолет, который приземлился в Вели-

кобритании и ныне хранится в военном музее в Дэксфорте, имеет номер NJ+OQ, в то время как самолет, на котором Гесс вылетал из Германии и фотографии которого предоставлял Пинч, был с номером NIC-11. Кроме того, самолет Гесса не имел под крыльями дополнительных резервуаров для топлива. А самолет, долетевший до Шотландии, имел такие резервуары, и один из них был найден на следующий день в реке Клайд.

«Промежуточная посадка для смены самолета была исключена», — считает Хью Томас. Немецкие радары непрерывно вели самолет до Северного моря, после чего он был засечен радарным постом английских войск.

Еще один факт. Перед вылетом Гесс не успел найти подходящего летнего костюма. Он взял его взаймы у своего приятеля, который гораздо крупнее Гесса, Гельмута Кадена. Имя Кадена было написано на подкладке комбинезона. Человек же, задержанный в Шотландии, был одет в костюм, который был ему точно впору, не был подписан. Кроме того, человек, приземлившийся в Шотландии, не имел при себе никаких документов, с помощью которых можно было бы установить личность. Его идентификация была совершена при очень странных обстоятельствах. В Великобритании было несколько человек, которые очень хорошо знали Гесса, но их не вызвали для опознания. Он был опознан двумя не очень компетентными людьми: герцогом Гамильтоном и сэром А. Киркпотриком, бывшим консулом в Берлине, который знаком с Гессом весьма поверхностно.

Вопросы продолжали накапливаться.

«Я изучил все протоколы допросов этого человека, — продолжает Томас. — Почему он, направленный с важнейшими предложениями заключить мир, произносит слова абсурдные? Для руководителя такого ранга у него были существенные пробелы, касающиеся как знания собственной страны, так и установленного дипломатического протокола. Арест нацистского руководителя такого масштаба представлял значительный пропагандистский эффект для англичан. Почему тогда Черчилль запретил фотографировать пленного?»

Гесс отказывается видеть своих родных. Такая встреча состоялась только в 1969 году. В этих обстоятельствах вряд ли можно полагаться на утверждение сына Гесса Вольфа Рудигера о том, что он узнал своего отца.

Ему исполнилось всего 3 года в 1941 году, а отца впервые увидел в 1969-м!

В 1979 году Хью Томас настаивал, чтобы заключенный № 7 был осмотрен международной экспертной группой. Но это не было сделано. Английские архивы, в которых хранятся все сведения по делу Гесса, должны были быть рассекречены в 1972 году. Но все отложено до 2002 года...

Если заключенный в Шпандау не был нацистом номер 2, что же, в сущности, случилось с настоящим Гессом?

По мнению Хью Томаса, все дело в борьбе за власть, которая велась между нацистскими лидерами. По всей вероятности, самолет Гесса был сбит над Северным морем по приказу Геринга. Для него, как главнокомандующего ВВС, не составляло никакого труда организовать исчезновение и подмену Гесса.

Еще одна гипотеза: выступающие против заключения сепаратного мира с Великобританией нацистские боссы узнали о цели полета Гесса. Они убили его и направили в Великобританию двойника.

В любом случае, перед нами один из самых больших обманов в истории. Одна из последних тайн третьего рейха.

ПОЕЗДКА В ТЕГЕРАН

Из воспоминаний генерала С. М. Штеменко:

«Днем 25 ноября 1943 года А. И. Антонов сказал мне

— Будьте готовы к отъезду. Возьмите карты всех фронтов и прихватите шифровальщика. Куда и когда поедете, узнаете позже.

Вопросов мы привыкли не задавать. Все было ясно и без того — предстоит какая-то важная поездка. В два часа ночи за мной заехал нарочный из Кремля. Я доложил А. И. Антонову, взял портфель с картами, и мы тронулись в путь.

На улицах ночной Москвы, занесенных снегом и повоенному темных, было безлюдно. Лишь изредка встречались патрульные в полушубках и валенках.

Ехали быстро. Маршрута мне не сообщили. Занимая в машине заднее сиденье, я пытался ориентироваться, вглядываясь в улицы и переулки сквозь неплотно зашторенное боковое стекло. Наконец определил: едем к Киевскому вокзалу. Скоро он остался позади.

На Можайском шоссе, где в то время высокие серые громады новых зданий соседствовали с приземистыми домиками прошлого столетия в один-два этажа, машина прибавила ход. Промелькнуло еврейское кладбище. Москва закончилась.

Проделав несколько замысловатых поворотов после Кунцева, мы наконец выехали к железной дороге на какую-то незнакомую мне воинскую платформу. На путях темнел поезд. Сопровождающий подвел меня к одному из вагонов и коротко бросил:

— Поедете здесь.

В вагоне, кроме меня, никого не было. Проводник показал купе. Мелькнуло предположение: «Видимо, мне предстоит сопровождать на фронт кого-то из Ставки».

Вскоре за окном послышался скрип снега под ногами. В вагон вошли К. Е. Ворошилов и еще два человека. Климент Ефремович поздоровался и сказал:

— К вам явится комендант поезда. Скажите ему, где и на какое время нужно будет сделать остановку поезда, чтобы к одиннадцати часам собрать данные об обстановке по всем фронтам и доложить их товарищу Сталину. В последующем будете докладывать, как в Москве, три раза в сутки...

Поезд тронулся. В вагоне я опять остался один. Потом появился комендант и сообщил, что едем мы по маршруту на Сталинград. Договорились с ним быстро: в 9 часов 40 минут будет Мичуринск, там следует остановиться на полчаса и немедленно подключить линию телефона ВЧ.

— Все будет сделано,— заверил комендант и удалился.

Я посидел немного, погасив свет. За окном мелькали телеграфные столбы, проплывали темные перелески и заснеженные пригорки. Изредка виднелись неясные силуэты селений.

Начались размышления: «Зачем едем в Сталинград? Что мы там будем делать, когда война идет уже за Днепром?.. Очевидно, цель поездки — не Сталинград...»

Взобрался, по привычке, на верхнюю полку и лег

спать. Верхняя полка — мой давний и надежный друг. Она всегда спасала меня от многих дорожных неудобств, выпадавших на долю тех, кто ехал вниз. Мне всегда было искренне жаль людей, которые по старости или по каким-то другим причинам не могли взобраться наверх.

Засыпал я в те годы мгновенно. А проснулся, когда сквозь окно пробивался уже ненастный день. Часы показывали 8. Прошел по вагону. Охрана в тамбуре и проводник бодрствовали.

Захватив портфель, я перешел в салон, где стоял телефон ВЧ. Разостлал на столе карты. По прибытии в Мичуринск сразу же соединился с А. А. Грызловым. Он, как всегда, был наготове. Получив от него все необходимые данные, нанес обстановку на карты.

Около 10 часов в салон зашел Климент Ефремович. Оказывается, я разбудил его своими разговорами по ВЧ.

— Ну и громко же вы кричите, — посетовал он. — Что там на войне?

Я кратко доложил, не разворачивая карт. В тот период войска 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов вели тяжелые наступательные бои в районах Идрицы, Городка, Витебска, не имея сколько-нибудь существенного продвижения. Застопорился и Западный фронт, вышедший тоже к Витебску и на подступы к Могилеву. Значительно лучше обстояло дело в полосе Белорусского фронта. Здесь наши войска под командованием К. К. Рокоссовского обошли Гомель, освобождение которого ожидалось с часу на час, развивали наступление на Жлобин и на полесском направлении.

Сложное положение складывалось на 1-м Украинском фронте. После овладения Киевом его войска захватили обширный район до рубежа Малин, Житомир, Фастов, Триполье. 17 ноября был освобожден Коростень. И тут противник локализовал наши успехи. Он перегруппировался, ввел свежие резервы и перешел в контрнаступление, нанося удары в направлении Киева под самый корень нашей группировки. Особенно сильный нажим оказывали немецкие танки в районах Житомира и Фастова. 19 ноября враг овладел Житомиром, а 25-го ему удалось окружить Коростень, где продолжала героически бороться 226-я стрелковая дивизия 60-й армии.

В полосах 2-го и 3-го Украинских фронтов шли трудные наступательные бои на кировоградском, криво-рожском направлениях и западнее Запорожья.

В 11 часов начальник охраны Сталина генерал-лейтенант Власик пригласил Ворошилова в салон Верховного Главнокомандующего. Я остался у себя, предупредив Власика, что готов доложить обстановку. Минут через пять за мной пришли.

Кроме Сталина и Ворошилова в салоне находился Молотов. Верховный спросил, есть ли что нового на фронтах. Нового было немного, и меня вскоре отпустили.

Вечером собирал обстановку уже в Сталинграде. Затем приготовился к «выгрузке» — сложил карты в портфель и ждал только команды. Однако ее не последовало. Из поезда никто не выходил, и через полчаса мы поехали дальше.

Когда меня вновь потребовали к Сталину, я застал у него тех же лиц. Все сидели за накрытым к обеду столом.

Обстановку я докладывал по миллионке. Затем передал Верховному несколько просьб и предложений с фронтов, полученных через А. И. Антонова. Сталин разрешил все просьбы, утвердил предложения и пригласил меня обедать.

Обедали часа полтора. Разговор все время шел о какой-то предстоящей конференции с участием Рузвельта и Черчилля. Мне о ней ничего не было известно.

Минула ночь. Настал новый день. Заведенный порядок оставался неизменным. Три раза ходил на доклад в вагон Сталина. Проехали Кизляр, Махачкалу. К вечеру прибыли в Баку. Здесь все, кроме меня, сели по машинам и куда-то уехали. Я ночевал в поезде. В 7 часов утра, за мной заехали, и мы отправились на аэродром.

На летном поле стояло несколько самолетов Си-47. У одного из них прогуливались командующий ВВС А. А. Новиков и командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов. У другого самолета я заметил знакомого мне летчика В. Г. Грачева. В 8 часов на аэродром прибыл И. В. Сталин. Новиков доложил ему, что для немедленного вылета подготовлены два самолета: один из них поведет генерал-полковник Голованов, второй — полковник Грачев. Через полчаса пойдут еще две машины с группой сотрудников Наркоминдела.

А. А. Новиков пригласил Верховного Главнокомандующего в самолет Голованова. Тот сначала, казалось,

принял это приглашение, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился.

— Генерал-полковники редко водят самолеты,— сказал Сталин,— мы лучше полетим с полковником.

И повернул в сторону Грачева. Молотов и Ворошилов последовали за ним.

— Штеменко тоже полетит с нами, в пути доложит обстановку,— сказал Сталин, уже поднимаясь по трапу.

Я не заставил себя ждать. Во втором самолете полетели А. Я. Вышинский, несколько сотрудников Наркоминдела и охрана.

Только на аэродроме мне стало известно, что летим мы в Тегеран. Сопровождали нас три девятки истребителей: две — по бокам, одна — впереди и выше.

Я доложил о положении на фронтах. Обстановка у Коростеня стала еще более тяжелой. Вот-вот наши войска должны были оставить его. По всему чувствовалось, что противник намерен пробиться к Киеву и сбросить наши войска с завоеванного здесь плацдарма...

Тегеран появился примерно через три часа. Там нас встречал заместитель наркома внутренних дел генерал-полковник Аполлонов, посланный заранее для организации охраны советской делегации. Вместе с ним были какие-то штатские, которых я не знал; всего человек пять-шесть. К самому самолету подкатил автомобиль. В него сели Сталин и другие члены правительства. Автомобиль резко набрал скорость. За ним устремилась первая машина с охраной. Я поехал во второй машине.

Скоро мы были в нашем посольстве.

Советское посольство занимало несколько зданий в хорошем парке за надежной оградой. Неподалеку располагались здания английской миссии под охраной смешанной бригады англо-индийских войск. На значительном удалении от нас помещалось американское посольство.

Меня с шифровальщиком разместили на 1-м этаже того же дома, где жил Сталин и другие члены делегации. Отвели маленькую комнату с одним окном. Рядом был телеграф. Вечером Сталин, отправляясь на прогулку в парк, поинтересовался, в каких условиях мы работаем. Наша комната не понравилась ему.

— Где же здесь разложить карты? И почему так темно? Нельзя ли устроить их где-то получше?..

Результаты визита сказались немедленно. Нам тут

же отвели большую и светлую веранду, принесли три стола, переставили на новое место аппарат ВЧ.

28 ноября, уже на закате солнца, открылась конференция руководителей трех великих держав. Она проходила в отдельном здании на территории советского посольства. Мне тоже выдали пропуск туда, и я им пользовался. Охрану здания нес международный караул: на каждом из постов стояли три часовых — по одному от СССР, США и Англии. Сменяли их три разводящих. В общем, это был особый и, надо сказать, довольно занятный церемониал.

Вскоре по приглашению Сталина Рузвельт совсем переселился на территорию советского посольства. Диктовалось это соображениями безопасности: прошел слух, что на президента США готовится покушение.

Черчилль был весьма недоволен тем, что Рузвельт остановился в советском посольстве. Он полагал, и, видимо, не без основания, что это был очень хитрый шаг со стороны И. В. Сталина, который давал ему возможность встречаться с Рузвельтом в неофициальной обстановке, обговаривать без него, Черчилля, важные вопросы и склонять Рузвельта на свою сторону.

Советская делегация держалась на конференции очень уверенно. По разговорам, которые мне довелось слышать еще в поезде, я понял, что наши намерены решительно поставить перед союзниками вопрос о втором фронте, с открытием которого последние явно тянули. Сталин неоднократно заставлял меня уточнять количество дивизий противника и его сателлитов на советско-германском и германо-союзнических фронтах.

Данные эти были использованы уже в первый день работы конференции. Они являлись своего рода козырем в руках советской делегации, когда дело коснулось сокращения сроков войны, неотложного открытия второго фронта, или, как говорили союзники, выполнения плана «Оверлорд». Цифры, характеризовавшие соотношение сил, били Черчилля не в бровь, а в глаз, дезавуируя все его попытки подменить второй фронт второстепенными операциями. Опираясь на цифры, Сталин показал, что в 1943 году из-за пассивности союзников немецкое командование сумело сосредоточить против нашей армии новые ударные группировки. И тут же было сообщено об осложнении обстановки на советско-германском

фронте, в том числе даже о Коростене и в целом о положении дел под Киевом.

Одним из центральных на конференции был вопрос о том, что считать вторым фронтом и где его следует открыть. Советская делегация буквально вынудила британскую делегацию признать, что операция «Оверлорд» должна представлять собой главную операцию союзников, что начинать ее надо не позже мая будущего года и проводить непременно на территории Северной Франции. Чтобы отстоять эту правильную точку зрения, Сталину пришлось провести краткий, но исчерпывающий критический разбор возможностей наступления союзников против Германии с других направлений. Наиболее подробно был рассмотрен вариант операций в Средиземном море и на Апеннинском полуострове, где союзные войска подходили к Риму.

Операции на северном побережье Средиземного моря рассматривались советским Верховным Командованием как второстепенные, поскольку там противник располагал относительно малыми силами и театр этот находился далеко от территории Германии. Что же касается Итальянского театра, то советская делегация понимала его значение для обеспечения свободного плавания судов союзников в Средиземном море. В то же время она указывала, что этот театр совершенно не подходит для ударов непосредственно по рейху, поскольку путь к его границам закрывали Альпийские горы.

Не подходили для вторжения в Германию и Балканы, куда прежде всего были обращены взоры Черчилля.

Советские представители предложили своим западным союзникам глубоко обоснованный в военном отношении вариант осуществления трех взаимосвязанных операций, полностью соответствующих сути и масштабам настоящего второго фронта: главными силами действовать по плану «Оверлорд» в Северной Франции, вспомогательный удар наносить в Южной Франции с последующим наступлением на соединение с главными силами и, наконец, в качестве отвлекающей использовать операцию в Италии. При этом достаточно подробно излагался наиболее целесообразный порядок взаимодействия названных операций по времени и задачам.

Особо было сказано относительно высадки союзников на юге Франции. Трудности здесь предвиделись значительные, но эта операция очень облегчила бы

действия главных сил. Резюмируя советскую точку зрения по поводу Южной Франции, Сталин заявил:

— Я лично пошел бы на такую крайность.

Сталина, как известно, поддержал Рузвельт, и советское предложение о сроках операции «Оверлорд», а также о вспомогательных действиях на юге Франции было принято. Такое решение несомненно способствовало укреплению антигитлеровской коалиции трех великих держав, означало торжество идей их совместной борьбы.

На протяжении всего срока работы конференции я занимался своим делом: регулярно три раза в день собирал по телеграфу и телефону ВЧ сведения об обстановке на фронтах и докладывал их Сталину. Как правило, доклады мои слушались утром и после заседания глав правительств (а заседали они обычно по вечерам).

Почти ежедневно А. И. Антонов передавал мне проекты распоряжений, которые необходимо было скрепить подписью Верховного Главнокомандующего. После того, как Сталин подписывал их, я сообщал об этом в Москву, а подлинники документов собирал в железный ящик, хранившийся у шифровальщика.

Один или два раза Сталин сам разговаривал с Антоновым. Был также случай, когда он лично связывался с Ватутиным и Рокоссовским и выяснял у них возможности ликвидировать контрнаступление противника под Киевом. Особенно его интересовало мнение Рокоссовского, фронт которого должен был оказать содействие фронту Ватутина на мозырском направлении.

Меня, как начальника Оперативного управления, живо интересовало, конечно, взаимодействие Красной Армии с войсками союзников в будущих операциях. Этот вопрос был поставлен Сталиным в беседе с Черчиллем 30 ноября и в тот же день, на третьем заседании глав правительств, сформулирован в виде обязательства СССР. В заявлении главы советской делегации по этому поводу не исключалась возможность, что для союзных войск наибольшая опасность будет существовать не в начале действий по плану «Оверлорд», а уже в ходе операции, когда немцы попытаются перебросить часть войск с восточного фронта на западный. Однако, забегаю несколько вперед, я должен сказать здесь, что, верная принятым на себя союзническим обязательствам, Красная Армия предприняла в 1944 году такие решительные действия, которые не только не позволили противнику

снять войска с восточного фронта и перебросить их на запад, а, наоборот, вынудили Гитлера снимать дивизии с запада и бросать их на восток.

Не без трений решался вопрос о назначении главнокомандующего союзными войсками на западе. Лицо, выдвигаемое на этот пост, должно было нести всю полноту ответственности за подготовку и проведение операции «Оверлорд». Без персональной ответственности за столь важное дело неизбежны были серьезные срывы, а то и полный провал задуманного. Это отлично понимали все участники конференции и в конечном счете договорились назначить главнокомандующим американского генерала Эйзенхауэра.

В итоге работы Тегеранской конференции успешно разрешились и другие очень важные аспекты проблемы второго фронта, в частности, вопрос о силах союзников, которые будут брошены на континент. Черчилль определил численность войск вторжения в миллион человек или около этого.

Там же, в Тегеране, наши союзники заручились принципиальным согласием советской стороны объявить войну империалистической Японии после поражения гитлеровской Германии.

Помню, как много хлопот доставила мне карта Югославии, переданная И. В. Сталину У. Черчиллем. Сырбор загорелся из-за того, что данные британского премьера по этой стране не сошлись с данными, приведенными на конференции главой советской делегации.

В полдень 30 ноября карта поступила ко мне с категорическим приказом: «Проверить». Никаких материалов по Югославии под рукой не было.

Пришлось срочно связываться с А. А. Грызловым. Тот продиктовал мне самые последние сведения о положении дел в Югославии. Выяснилось, что карта Черчилля была менее точной, чем наша. Но Сталин, насколько мне известно, в дальнейших своих беседах с Черчиллем уже не возвращался к этой теме.

Запомнилась мне также церемония передачи Почетного меча, присланного королем Англии в дар Сталину. 29 ноября Черчилль от имени короля вручал меч И. В. Сталину. На этом торжественном акте присутствовал и Рузвельт. Сюда же были приглашены члены делегаций всех трех стран, служащие нашего посольства, советские офицеры и солдаты. Черчилль произнес

короткую речь. Сталин принял и поцеловал меч.

Во время конференции Черчиллю исполнилось 69 лет. По этому случаю в английской миссии был дан большой обед. Виновник торжества, не выпуская из рта традиционной сигары, сидел за столом, имея справа Рузвельта, а слева Сталина. Перед ним стоял огромный пирог с горящими свечами по числу прожитых лет. В честь Черчилля было произнесено тогда немало тостов, в том числе и Сталиным.

В обычные же дни работы конференции главы правительств и члены делегаций обедали по очереди то у Сталина, то у Рузвельта, то у Черчилля. Обеды эти были очень поздними (по московскому времени почти в 20 часов), когда мы успевали уже и отужинать. Рузвельт не всегда задерживался после обеда. Чаше он сразу же удалялся в свои апартаменты, а Сталин и Черчилль подолгу вели так называемые «неофициальные беседы». Зато Рузвельт любил встречаться со Сталиным в полдень, до заседания конференции, и эти их встречи немало способствовали успеху официальных переговоров.

В один из дней И. В. Сталин ездил с визитом к шаху Ирана. Во дворце был прием. Шах, в свою очередь, приезжал с визитом к Сталину.

Здесь я впервые увидел молодого, стройного, довольно красивого человека в военной форме, каким был тогда шах. Он подарил Сталину искусно вытканый большой ковер. Говорили, что основа этого ковра состояла из серебряных нитей.

Мне, понятно, очень хотелось посмотреть Тегеран. И однажды такой случай представился. Служащие посольства предупредили, что появляться на тегеранских улицах в советской военной форме не следует. Кто-то принес мне плащ и шляпу. Я облачился в них поверх военного обмундирования. Плащ был длинен. Шляпа не лезла на голову, но я сделал с ней что мог и в обличье заправского детектива отправился на машине в путешествие по вечернему Тегерану. Непривычно было видеть ярко освещенные центральные улицы, разноцветные огни реклам. Поражали контрасты: великолепие дворцов знати с пышными садами и парками, со множеством цветов и ужасающая нищета на окраинах столицы, где закрытые чадрой женщины брали воду прямо из грязных арыков.

Поездка моя длилась каких-нибудь полтора часа.

И я, конечно, видел Тегеран только мельком.

Обратный путь в Москву по окончании конференции был проделан прежним порядком: на самолете Грачева — до Баку и поездом — до Москвы. Я, по обыкновению, собирал и докладывал обстановку. Разговоры, естественно, вращались вокруг конференции.

Через несколько дней из теплой осени мирного Ирана мы прибыли опять в военную зиму родной Москвы».

ВТОРОЙ ФРОНТ

Хотя проблема второго фронта встала с первого же дня нападения гитлеровской Германии на СССР, и хотя эта проблема была предметом серьезных переговоров между Москвой и Лондоном уже в 1941 году, однако особую остроту она приняла в 1942 году. Главных причин тому было две.

Первая причина состояла в том, что с 22 июня 1941 года и в течение последующих пяти с половиной месяцев на Западе воевала против Германии только одна Англия. При таких обстоятельствах заверения Черчилля в непосильности для британского правительства открыть немедленно второй фронт во Франции, заверения, которыми он неоднократно отвечал на соответственные демарши Москвы, вызывали на советской стороне смешанную реакцию: и верили этому, и не верили. Такое настроение советской стороны, естественно, не создавало благоприятных условий для постановки вопроса о втором фронте «на попа». Однако, когда в декабре 1941 года Япония напала на Пёрл-Харбор и в войну оказались вовлеченными США, положение резко изменилось. Теперь на Западе против Германии воевали две великие державы и стало совершенно ясно, что у них-то вполне достаточно сил и средств для создания второго фронта во Франции. Всякие отговорки о физической невозможности такой операции отпадали.

Вторая причина того, что проблема второго фронта особенно заострилась в 1942 году, состояла в том, что вторая половина 1941 года была занята большими и

сложными переговорами между СССР и англо-американцами по вопросам военного снабжения и политики. 12 июля 1941 года в Москве был подписан пакт военной взаимопомощи между Англией и Советским Союзом. В самом конце июля состоялся визит Гарри Гопкинса в Москву, имевший большие политические и военно-экономические последствия. В середине августа на Атлантической конференции Рузвельта и Черчилля было решено оказать советской стране максимальную помощь военным снабжением. 5 сентября британское правительство обеспечило советскому правительству получение такого снабжения в порядке ленд-лиза. 29 сентября в Москве собралась конференция представителей трех держав (СССР, США и Англии), на которой был урегулирован вопрос о снабжении СССР на все время войны, причем не только Англия, но и США обязались делать это в порядке ленд-лиза. Затем началась организация транспортировки предметов снабжения из западных стран в СССР, что в тогдашних условиях представляло собой нелегкую задачу. Черчилль, отказывая советской стороне в организации второго фронта, старался смягчить тяжесть этого удара готовностью широко идти ей навстречу в области снабжения. Его поддерживал Рузвельт, который к тому же, как глава еще «нейтральной» державы, уклонялся от обсуждения проблемы второго фронта.

Все указанные обстоятельства имели результатом то, что внимание Советского правительства в 1941 году концентрировалось главным образом на вопросах военно-экономического снабжения, тем более, что пока не видно было путей практического разрешения проблемы второго фронта.

Только когда США вступили в войну, а вопросы снабжения в основном были урегулированы, создались условия для постановки во главу угла проблемы второго фронта. Вот почему последующие полтора года — 1942 и первая половина 1943 года, — прошли под знаком острой борьбы вокруг данной проблемы.

Это не значит, конечно, что в указанный период отношения между СССР с одной стороны, Англией и США с другой стороны, сводились исключительно к переговорам о втором фронте. Нет, жизнь сложна и не допускает такого монизма. На протяжении 1942—1943 годов в англо-советских отношениях происходило

немало иных событий, велось немало переговоров на иные темы — об этом речь пойдет дальше, но все-таки в качестве основного, доминирующего момента над всеми дипломатическими вопросами тех дней господствовала проблема второго фронта.

Послание Сталина Черчиллю от 14 марта 1942 года совершенно неожиданно имело очень важные последствия. Само послание было коротко и не содержало ничего особенного. Сталин благодарил британского премьера за меры, принятые по обеспечению военных поставок СССР и по усилению воздушных бомбардировок Германии, предупреждал о необходимости обмена мнений по формулировке о границах СССР в подготавливавшемся англо-советском договоре о послевоенном устройстве мира (обсуждение которого не было закончено по время визита Идена в Москву в декабре 1941 года) и, наконец, писал:

«Выражаю твердую уверенность в том, что совместные усилия наших войск, несмотря на отдельные неудачи, в конечном счете сломят силу нашего общего врага и что 1942 год будет решающим в повороте событий на фронте борьбы с гитлеризмом».

Это было еще одно — слегка завуалированное — напоминание о необходимости создания второго фронта во Франции. По данному вопросу, как мы знаем, между советской и британской сторонами уже несколько месяцев шел длительный и не совсем дружелюбный спор, который до сих пор не давал никаких практических результатов.

В послании Сталину от 21 марта Черчилль писал: «Посол Майский был у меня на завтраке на прошлой неделе и упоминал о некоторых признаках того, что немцы при попытке своего весеннего наступления могут использовать газы против Вашей страны. Посоветовавшись с моими коллегами и начальниками штабов, я хочу заверить Вас в том, что Правительство Его Величества будет рассматривать всякое использование ядовитых газов как оружие против России точно так же, как если бы это оружие было направлено против нас самих. Я создал колоссальные запасы газовых бомб для сбрасывания с самолетов, и мы не преминем использовать эти бомбы для сбрасывания на все подходящие объекты в Западной Германии, начиная с того момента, когда Ваши армии и народ подвергнутся нападению подобны-

ми средствами. Представляется необходимым рассмотреть вопрос о том, следовало ли бы нам в соответствующий момент выступить с публичным предупреждением о том, каково наше решение. Подобное предупреждение могло бы удержать немцев от добавления нового ужаса к тем многим, в которые они уже ввергли мир. Прошу Вас сообщить мне, что Вы думаете по этому поводу?»

В ответе от 29 марта Сталин писал: «Выражаю Вам признательность Советского Правительства за заверение, что Правительство Великобритании будет рассматривать всякое использование немцами ядовитых газов против СССР так же, как если бы это оружие было направлено против Великобритании, и что британские военно-воздушные силы не преминут немедленно использовать имеющиеся в Англии большие запасы газовых бомб для сбрасывания на подходящие объекты в Германии».

Далее Сталин просил распространить британское предупреждение и на Финляндию, поскольку имеются признаки, что ядовитые газы могут быть использованы также финнами, и добавлял, что СССР, со своей стороны, готов сделать аналогичное предупреждение на случай газового нападения немцев на Англию. Сталин высказывал пожелание, чтобы британское предупреждение было сделано не позже конца апреля или начала мая.

10 мая премьер выступил по радио с очередным обзором хода военных действий. В нем между прочим имелись следующие слова:

«Советское правительство сообщило нам, что немцы, отчаявшись в успехе своей агрессии, могут применить газы против русских армий и русского народа. Мы, со своей стороны, твердо решили не употреблять этого гнусного оружия, если оно не будет употреблено против нас. Хорошо зная, однако, наших «гуннов», мы не пренебрегли самой серьезной подготовкой к такой возможности. Я хочу сейчас заявить, что мы будем реагировать на неспровоцированное применение ядовитых газов против нашего русского союзника, как если бы это было сделано против нас самих. Если мы убедимся, что Гитлер совершил это новое злодеяние, мы используем наше большое и все растущее превосходство в воздухе на Западе для возможно более широкого развертывания газовой войны против военных объектов в Германии. Таким образом, самому Гитлеру надлежит выбирать,

желает ли он прибавить еще этот ужас к ужасу воздушной войны».

Около месяца спустя, 5 июня, Рузвельт сделал такое заявление: «К нашему правительству поступают достоверные сведения о том, что японские военные силы в различных местностях Китая применяют ядовитые газы. Я хочу сделать совершенно ясным, что если Япония станет упорствовать в применении этой бесчеловечной формы войны против Китая или любой другой из объединенных наций, то ее акция будет рассматриваться нашим правительством, как направленная против Соединенных Штатов, и вызовет с нашей стороны полное возмездие той же монетой. Ответственность за это ляжет на Японию».

Оба приведенных предупреждения, сделанные вовремя и открыто, явились холодным душем для зарвавшихся агрессоров: газы в сколько-нибудь широком масштабе не были пущены в ход во время второй мировой войны. Так, в порядке еще одной цепной реакции, мой разговор с Черчиллем 16 марта 1942 года дал толчок целому ряду событий, которые спасли человечество от дополнительных ужасов газовой войны.

Посол И. Майский вспоминает:

«Еще в конце 1941 года английское правительство направило в Мурманск несколько эскадрилий своих самолетов, чтобы они совместно с советскими летчиками вели борьбу против германских вооруженных сил в районе Нордкапа, сильно затруднявших прохождение в Мурманск и Архангельск англо-американских караванов-судов с военными грузами для Красной Армии. Англичане сражались хорошо, и некоторые из них были награждены советскими орденами. Четверо из британских летчиков вернулись домой еще до решения советского правительства о присвоении им знаков отличия, и мне было поручено вручить им ордена в Лондоне. Самый акт вручения произошел 25 марта. Обставлен он был довольно торжественно. Мы пригласили в посольство целый ряд общественных, политических и военных деятелей Великобритании, представителей прессы, радио и кино. Присутствовала также миссис Черчилль. Белый зал посольства был переполнен, и среди собравшихся царил то несколько тревожное напряжение, которое всегда отмечает какие-либо важные события.

Когда в 1934 году мы впервые познакомились с Чер-

чиллем, он мне совершенно откровенно сказал, что его богом является Британская империя и что все его политические действия определяются интересами сохранения империи. Именно поэтому после захвата Гитлером власти в Германии Черчилль пришел к выводу, что в тот момент величайшей опасностью для империи является Гитлер и что для защиты империи Англии следует восстановить Антанту первой мировой войны, т. е. пойти на блок с Советской Россией, против которой в 1918—1920 годах он, как известно, организовал крестовый поход 14 государств.

Теперь, после 22 июня 1941 года, интересы Британской империи по-прежнему довели над сознанием Черчилля, однако в обстановке второй мировой войны он считал, что эти интересы прежде всего связаны с Атлантикой и Тихим океаном, с бассейном Средиземного моря и Ближним Востоком. Вопрос же о России (как Черчилль предпочитал называть СССР) стоит на втором месте и вдобавок еще проникнут внутренним противоречием: Россия нужна как союзница против Германии и в то же время Россия опасна, ибо, если она выйдет из войны очень усилившейся, то может поставить в трудное положение Британскую империю,— не как завоевательница ее территорий, а как мощный морально-политический фактор, способствующий ее внутреннему разложению. Черчилль не хотел поражения СССР, ибо в этом случае победоносная Германия с удвоенной силой обрушилась бы на Англию и, вероятно, в конце концов оккупировала бы Британские острова. Но Черчилль не хотел также полного разгрома Германии, ибо в этом случае СССР стал бы слишком могущественным и исходящее от него влияние грозило бы подорвать колониальные основы Британской империи, да и вообще вызвать в мире большие потрясения антикапиталистического характера. Идеальным, с точки зрения Черчилля, было бы, если бы и Германия, и СССР вышли из войны сильно потрепанными, обескровленными и на протяжении, по крайней мере целого поколения, бродили бы на костылях, в то время как Англия пришла бы к финишу с минимумом потерь и в доброй форме европейского боксера. Отсюда, естественно, вытекало стремление проявить максимум экономии в затрате собственных усилий на выигрыш войны, и, наоборот, переложить максимум усилий, страданий и потерь для достижения этой цели на Советский Союз.

Такое стремление оказывалось тем более непреодолимым, что оно находило опору в вековых традициях британской политики. Известно, что в минувшие столетия Англия не раз участвовала в общеевропейских войнах, но при этом обычно — до первой мировой войны — участвовала деньгами, политическим влиянием и военно-морским флотом. Сухопутные операции возлагались всегда на плечи континентальных союзников Англии, в поддержку которым она присылала лишь «символический» отряд своей армии весьма скромного размера. Этот отряд имел целью не столько оказывать реальную помощь союзным войскам, сколько своим присутствием подымать их дух и повышать их готовность приносить жертвы ради защиты британских интересов.

Первая мировая война показала, что в обстановке XX века такая стратегия больше невозможна: Англия в ходе ее была вынуждена перебросить на континент огромную армию. Вторая мировая война еще резче обнаружила необходимость для Англии иметь такую армию. Однако Черчилль старался спасти из старой стратегии, что еще можно было спасти, и не без успеха. Доказательством тому может служить поразительный факт: за шесть лет величайшей войны в истории Англия потеряла убитыми не свыше 400 тысяч человек.

Конечно, забота о ведении войны «малой кровью» заслуживает всяческого одобрения, но при одном непременном условии: если она не покупается преувеличенно «большой кровью» союзника или союзников. В данном конкретном случае это основное условие было резко нарушено: число жертв, понесенных в войне Советским Союзом, достигает 20 млн. человек. Даже с учетом разницы в количестве населения, длине фронтов, численности армий и т. д. совершенно очевидно, что на плечи Советской страны легли непропорционально огромные тяготы. И это далеко не в последней степени объяснялось позицией, занятой Англией и США в вопросе о втором фронте.

На протяжении 1941—1942 годов я имел много разговоров с Черчиллем о военной стратегии вообще, о втором фронте в частности, и меня всегда поражало его однобокое упорство в защите раз составленных взглядов. Он был похож на дятла, который умеет выстукивать только одну ноту. Как Черчилль представлял себе картину, ход и исход войны?

Примерно так:

Враг № 1 — это Германия: Япония стоит на втором месте. Война против Германии должна носить характер не штурма (конечно, достаточно подготовленного штурма), а длительной осады. Германию нужно возможно строже блокировать экономически, а также изнурять и ослаблять второстепенными военными операциями на периферии ее европейской «империи». Постепенно эти операции должны продвигаться в глубь «империи», все больше сжимая кольцо вокруг Берлина. Давление союзников извне неизбежно будет дополняться растущим под его влиянием, а также под влиянием все усиливающихся воздушных налетов, разложением изнутри. Рано или поздно должен наступить момент, когда комбинированное действие обоих факторов подорвет могущество гитлеровской Германии, и она начнет разваливаться. Вот тогда и надо будет открыть второй фронт в Северной Франции. Он не потребует больших жертв, и, вероятно, превратится в нечто, напоминающее триумфальное шествие англо-американских войск к Берлину. Черчилль при этом рассчитывал, что западные державы окажутся в германской столице раньше, чем СССР, и это очень усилит их позиции при решении всех последующих проблем.

Такова была общая концепция британского премьер-министра. Я не хочу сказать, что он откровенно излагал ее мне в столь законченном виде, — конечно, нет! Однако из многочисленных бесед с ним, из отдельных его замечаний, оценок, суждений, высказываний, которые мне приходилось слышать по различным поводам, я все больше улавливал сущность его внутреннего «кредо». Это помогало мне лучше рассчитывать свои практические шаги.

Из всех бесед с Черчиллем на тему о втором фронте особенно запомнились мне две. Одна происходила в середине марта 1942 года, как раз в тот день, когда я добился от премьера обещания выступить с открытым заявлением о газовых репрессиях Англии в случае развертывания Германией газовой войны в СССР. В переданном тогда мной послании Сталина говорилось, что 1942 год должен стать решающим годом войны. Черчилль возражал против возможности этого и отодвигал открытие второго фронта в Северной Франции до 1943 года. Полемизируя с премьером, я сказал (цитирую

по записи в моем дневнике от 16 февраля 1942 года):

«Не знаю, как смотрите вы, но я считаю, что мы сейчас стоим перед лицом грозной ситуации. В ходе войны наступил действительно решающий момент. Или — или. Каково положение? Германия готовит в этом году огромное наступление. Она делает ставку на этот год. Если мы сумеем разбить весеннее наступление Германии, война по существу выиграна. Становой хребет гитлеровской военной машины будет перебит в этом году. Останется лишь добить бешеного зверя. А с поражением все остальное уже будет сравнительно легко. Но представим себе, что мы не сможем разбить германское наступление весной. Представим себе, что Красная Армия вынуждена будет опять перейти к отступлению, что мы опять начнем терять территории, что немцам удастся прорваться на Кавказ, — что тогда? Ведь в этом случае Гитлер не остановится на Кавказе. Он пойдет дальше — в Иран, Турцию, Египет, Индию. Он сомкнет руки с Японией где-либо в бассейне Индийского океана, он протянет свои руки к Африке. Нефтяная, сырьевая, продовольственная проблемы Германии будут разрешены. Британская империя рухнет, а СССР потеряет исключительной важности территории. Конечно, даже в этих условиях СССР стал бы продолжать борьбу. Но каковы были бы наши шансы на победу? И когда?.. Вот каков выбор: сейчас или никогда!»

Черчилль, слушавший меня все время с нахмуренным лицом и склоненной набок головой, тут вдруг резко поднялся и с сильным волнением воскликнул:

— Мы лучше умрем, чем примиримся с таким положением!

Иден, сидевший слева от премьера, прибавил:

— Я вполне согласен с послом. Вопрос стоит именно так: сейчас или никогда!

Я же продолжал:

— Конечно, Красная Армия с прошлого года стала сильнее, а германская слабее. Конечно, мы будем зверски драться в этом году. Но кто может ручаться за будущее? Кто знает, нет ли у Гитлера каких-либо новых военных изобретений? Какого-либо нового, никому неизвестного газа?.. И даже если оставить в стороне вопрос о «секретном» оружии, ведь Гитлер имеет активную (хотя, может быть, не всегда добровольную) помощь своих союзников. Между тем, СССР до сих пор выносит

один весь гигантский напор гитлеровской военной машины. Процент опасности сильно возрастает. Англия же и США все еще размышляют, какой же год является решающим: 1942 или 1943?.. Англия и США должны тоже делать ставку на 1942 год, должны в этом году бросить в бой все свои силы... Если этого не будет сделано, то создастся очень опасное положение: в то время, как «ось» будет драться обеими руками, союзники будут драться только одной. Такой ситуации ни в коем случае нельзя допускать!

Иден опять целиком и полностью поддержал меня.

Черчилль сидел, погруженный в размышления. Наконец он поднял голову и сказал:

— Может быть, вы и правы. Вся имеющаяся у меня информация говорит о том, что немцы готовят удар на Восток... Да, вам придется выдержать весной страшный удар. Мы должны вам помочь. Сделаем все, что сможем».

Эта каучуковая формула «сделаем все, что сможем» меня тогда сильно встревожила. И не без основания.

Другая беседа с Черчиллем о втором фронте, крепко засевшая у меня в памяти, происходила летом 1942 года, уже в то время, когда большое германское наступление, которого мы ожидали во время мартовского разговора, развернулось в полной мере. Я задал премьеру вопрос:

— Почему вы считаете, что Египет легче всего защищать от немцев в Египте? Вполне возможно защищать его под Парижем. Все зависит от стратегического расчета и количества силы, приложенной к пункту удара.

Черчилль вскипел и стал с горячностью доказывать, что я ошибаюсь. Чем больше он говорил, тем яснее становилось, что на всех его рассуждениях лежит яркий отпечаток горячей империалистической эмоции, сродни той эмоции, которая вдохновляла Киплинга.

Черчилль не просто считал Египет важным звеном в системе имперской обороны, — он был явно влюблен в Египет, в Аравию, в северный берег Африки, во все то, что составляло тогда средиземноморский и ближневосточный театр военных действий. Здесь были его сердце и его ум, и имена Торбука или Эль Аламейна говорили ему гораздо больше, чем имена Гавра или Лилля.

Когда я напоминал Черчиллю, что Англия и США в коммюнике 12 июля 1942 года обещали открыть второй фронт в том же году, он стал сильно волноваться.

«Немцы имеют во Франции 40 дивизий,— утверждал Черчилль, повторяя то, что он мне не раз говорил раньше,— французский берег Ла-Манша ими хорошо укреплен... С нашей стороны нужны огромные силы, чтобы преодолеть германское сопротивление в случае попытки англо-американского вторжения. Этих сил у нас сейчас нет. Попытка форсировать высадку на французском берегу в настоящий момент неизбежно кончилась бы только катастрофой. Воды Ла-Манша покраснели бы от крови наших парней, а вам от этого не было бы никакой пользы».

Я возражал, что наши сведения о положении дел во Франции дают несколько иную картину. Немецких войск там гораздо меньше, чем считают англичане, и качественно они стоят на очень низком уровне: все лучшие части сконцентрированы на советско-германском фронте. Немецкие укрепления на ламаншском берегу — на три четверти продукт фантазии Геббельса. То, что действительно есть, не представляет сколько-нибудь серьезных препятствий для вторжения. Шансы на успех у англо-американцев хорошие,— надо только ждать, не откладывая до бесконечности решительного шага.

Когда я кончил, Черчилль сказал:

— В лучшем случае трансламаншская операция содержит в себе большой риск... В ней много гадательно-го... Вероятность больших потерь очень велика... Мы — маленькая страна, нас всего 50 миллионов,— об империи премьер опять как-то забыл,— и мы не можем бросаться человеческими жизнями.

— А вы думаете, что мы, Советский Союз, можем бросаться человеческими жизнями? — с раздражением воскликнул я.

Черчилль стал заверять меня, что он этого совсем не думает, но что Англии в данном случае приходится «по одежке протягивать ножки».

Конкретно рассуждения Черчилля означали, что он по-прежнему против стратегии штурма и за стратегию длительной осады. Правда, результатом его стратегии должно было быть удлинение сроков войны и увеличение людских жертв и материальных потерь Советского Союза, да и ряда других стран, оккупированных немцами, но такие соображения не очень беспокоили британского премьера. Теперь, год спустя после нападения

Гитлера на нашу страну, для Черчилля было ясно, что СССР не рухнет под ударами германских армий, что он способен оказывать им серьезное сопротивление, и он успокоился: не было надобности в экстренном порядке идти на помощь России, чтобы предупредить развал Восточного фронта (что было бы выгодно для Англии), можно было вернуться к своим, имперским, делам и, в частности, позаботиться о том, чтобы у русских «рога не росли выше лба». Ведь в международной политике капиталистических государств руководствуются не сентиментами, не благородством, не какими-либо высокими идеями, а грубоэгоистическими интересами, нередко весьма жестокими расчетами.

Надо отдать справедливость Черчиллю,— он проявил совершенно исключительные твердость, последовательность и искусство в проведении своей линии при совместной с американцами разработке планов генеральной стратегии войны. И так как Черчилль очень хорошо знал, чего он хочет, а Рузвельт,— мы это сейчас увидим,— не имел вполне определенной концепции о том, как надо вести войну, то именно Черчиллю, несмотря на громадный перевес сил США, долго удавалось фактически руководить военными действиями англо-американского блока. Чрезвычайно ярко это выявилося и в вопросе о втором фронте.

Тогда, весной и летом 1942 года, мне были известны не все детали англо-американских переговоров по столь важной для нас проблеме. Из различных источников до меня тогда доходили несколько отрывочные сведения о спорах между Лондоном и Вашингтоном по этому вопросу. Однако общая картина происходившего была для меня ясна уже в те дни. Я знал, что Рузвельт склонен к скорейшему открытию второго фронта в Северной Франции, но что Черчилль этому упорно сопротивляется. Я знал также, что между обеими сторонами по данному вопросу происходят длительные и сложные переговоры, но долгое время исход их для меня был неясен. Только в середине июля я наконец убедился, что в этом поединке Лондон-Вашингтон Черчилль одержал победу, и ниже я расскажу, каким образом я пришел к такому выводу. А сейчас, пользуясь опубликованными после войны материалами, я вкратце опишу, что тогда действительно происходило за кулисами официальных англо-американских отношений.

В своих военных мемуарах Черчилль заявляет: «Так много писалось о моей глубоко укоренившейся антипатии к крупным операциям на континенте, что очень важно в этом вопросе восстановить истину... Когда я пересчитываю число книг, ложно изображающих мою позицию по данному вопросу, я чувствую, что мне нужно привлечь внимание читателя к аутентичным и ответственным документам, составленным в то время, о котором идет речь».

Что ж, проследуем приглашению Черчилля и ознакомимся с теми основными документами, которые он сам приводит в своих мемуарах как доказательство своей «невиновности» в органической антипатии к второму фронту в Северной Франции.

18 декабря 1941 года, через 12 дней после нападения Японии на Пёрл-Харбор, Черчилль в особом меморандуме развил свой план ведения войны. В нем он детально рассматривал те шаги, которые Англия и США должны были предпринять в Атлантике и на Тихом океане, а затем, переходя к сухопутным операциям, набрасывал те условия, при которых, по его мнению, можно было всерьез говорить об открытии второго фронта в Северной Франции. Условий этих было очень много.

Меморандум Черчилля подвергся тщательному обсуждению в Вашингтоне, после чего был выработан «американский план» ведения войны, по крайней мере, на ближайшие два года, который значительно отличался от британского. Сущность его сводилась к тому, что весной 1943 года должно последовать англо-американское вторжение в Северную Францию силами 48 дивизий (в том числе девяти механизированных), из которых 30 дадут США и 18 — Англия. Вторжение будет поддержано воздушным флотом в 5800 самолетов, из них — 3250 американских и 2550 — английских.

Американский план предусматривал еще одну вспомогательную операцию, получившую кодовое название «большой молот», а именно высадку осенью 1942 года на французском берегу Ла-Манша десанта в пять-шесть дивизий, но только в одном из двух случаев: если в Германии неожиданно обнаружится глубокий внутренний развал или если ситуация на советском фронте резко ухудшится.

Обосновывая этот план, получивший в дальнейшем кодовое наименование «Оверлорд», начальник амери-

канского гентштаба генерал Маршалл приводил следующие аргументы в его пользу: важно, чтобы первое большое наступление союзников произошло в Западной Европе; здесь такое наступление можно организовать быстрее, чем в каком-либо другом месте; здесь союзники могут обеспечить себе локальное превосходство в воздухе; здесь Англия и США легче, чем где бы то ни было, могут сконцентрировать необходимые сухопутные силы; здесь благодаря близости расстояния от базы наступления — Англии — до фронта в Северной Франции потребуется меньше всего тоннажа, в котором тогда ощущался большой недостаток; здесь США, Англия и СССР могут объединить свои усилия в совместном наступлении на общего врага; здесь, наконец, можно оказать максимум помощи СССР с целью облегчить положение на советском фронте.

Как видим, в аргументах Маршалла не было никакой сентиментальности. Они носили строго деловой, военный характер. Не случайно оказание помощи СССР упоминалось в последнюю очередь. План, выработанный американскими генералами, получил одобрение Рузвельта и был энергично поддержан Гопкинсом.

При сравнении меморандума Черчилля и американского плана становится ясным, что Рузвельт и Маршалл, хотя и отбросили некоторые из многочисленных «если» английского премьера и признали желательность операции «Оверлорд», все-таки сохранили главный тезис черчиллевского меморандума, а именно организацию второго фронта только в 1943 году.

8 апреля 1942 года Гопкинс и Маршалл прибыли в Лондон и в течение недели вели переговоры о выработке общего англо-американского плана ведения войны. Британский премьер вначале рассыпался в комплиментах в адрес американского плана и заявил о своем полном согласии с ним, однако в дальнейшем открыл систематическую кампанию саботажа против генеральной линии Рузвельта и Маршалла. Черчилль утверждал, что наиболее острой и неотложной проблемой момента является не помощь СССР, а опасность германских и японских сил на Среднем Востоке, и что сюда именно, в первую очередь, должны быть брошены англо-американские армии. Так как, однако, предложение британского премьера встретило сильную оппозицию со стороны не только американцев, но и некоторых англичан, то

Черчиллю пришлось пойти на попятную и торжественно объявить, что «британское правительство и британский народ в полной мере и безоговорочно сделают свой вклад в успех великого предприятия», т. е. вторжения союзников в Северную Францию. Это дало основание Гопкинсу послать Рузвельту восторженную телеграмму о том, что британское правительство в основном согласно с американскими предложениями.

Однако радость Гопкинса была преждевременной. Заявление Черчилля, сделанное перед концом конференции, являлось с его стороны лишь лицемерным маневром. 21 мая в Лондон прибыл нарком иностранных дел СССР. Наряду с заключением англо-советского договора, о чем речь шла выше, он хотел — и это было его главной задачей — добиться открытия второго фронта в 1942 году. 22 мая между Черчиллем и Молотовым состоялся большой разговор на эту тему, во время которого я также присутствовал в кабинете британского премьера. Советский нарком, кратко изложив положение на советском фронте, настойчиво потребовал скорейшего открытия второго фронта в Северной Франции с тем, чтобы он отвлек с восточного фронта по крайней мере 40 германских дивизий.

Черчилль отвечал очень подробно, с различными деталями и историко-философскими отступлениями, но суть того, что он сказал, была очень проста: Англия даже вместе с США в 1942 году не в состоянии организовать эффектный второй фронт в Северной Франции, так как-де у них еще нет для этого достаточного количества самолетов, десантных судов и всякого иного военного снаряжения. Все, что могут западные союзники сделать в 1942 году, это усилить до максимума воздушные бомбардировки Германии и энергично готовиться к вторжению в Северную Францию в 1943 году. Премьер подкрепил свою позицию еще тем соображением, что уже сейчас англичане и американцы сковывают в Голландии, Бельгии, Франции, Норвегии, а также в Северной Африке свыше 40 немецких дивизий. Разве это не является весьма существенным вкладом Англии в дело облегчения положения СССР? Аргументация Черчилля вызвала серьезную критику с советской стороны, однако к концу дискуссии с полной ясностью обнаружилось, что британское правительство будет всячески сопротивляться созданию второго фронта в Северной Франции в 1942 году.

Оставалась известная надежда только на США, куда Молотов отправился из Лондона. 29 мая он прибыл в Вашингтон и имел там беседы с президентом Рузвельтом по разным вопросам, но главным образом о втором фронте. Рузвельт оказался как будто бы более податливым, чем Черчилль, и в результате между американской и советской сторонам было согласовано коммюнике, в котором имелась фраза: «При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». На обратном пути из США в Москву Молотов еще раз остановился в Лондоне и продолжил переговоры о втором фронте с Черчиллем. Последний согласился внести в англо-советское коммюнике о визите Молотова в Англию ту же самую фразу о втором фронте в 1942 году, которая содержалась в американско-советском коммюнике. 12 июня 1942 года оба коммюнике были опубликованы в Москве, Лондоне и Вашингтоне. Однако в самый момент подписания англо-советского коммюнике Черчилль сунул Молотову в руку небольшой меморандум, в котором говорилось:

«Мы делаем приготовления к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже указывалось, главным лимитирующим фактором в отношении размеров сил, которые будут высажены, является недостаток в нашем распоряжении десантных судов... Заранее нельзя сказать, окажется ли данная операция возможной, когда придет момент ее осуществления. Поэтому мы не можем дать обещания в этом деле, однако, если такая операция будет признана нами разумной и правильной, мы без промедления реализуем ее на практике».

Бегло пробежав меморандум там же, в кабинете Черчилля, я сразу решил: «Ну, значит, никакого второго фронта в 1942 году Черчилль открывать не будет».

Моя телеграмма о том, что в 1942 году второго фронта не будет, была более чем обоснована. Теперь мы точно знаем; что не успели высохнуть чернила, которыми были подписано коммюнике 12 июня, как Англия стала готовить срыв второго фронта не только в 1942 году но и в 1943.

19 июня, т. е. через неделю после опубликования названного коммюнике, в Вашингтон прибыл Черчилль со своими советниками. Он сразу же вручил Рузвельту меморандум, в котором заявлялось, что британский ка-

бинет высказывается против операции «Оверлорд» в 1942 году по двум соображениям: он не верит в успех такой операции и считает, что попытка ее осуществления помешает реализации операции «Оверлорд» в 1943. Далее Черчилль ставил вопрос: могут ли США и Англия оставаться пассивными в течение тех 12 месяцев, которые отделяют их от начала «Оверлорда»? И отвечал: нет, не могут. И тут же предлагал «изучить» возможность военной операции, в дальнейшем получившей кодовое название «Факел» — операции, имевшей целью завоевания французской Северной Африки.

Стимсон и Маршалл возражали против «Факела», ибо осуществление его потребовало бы такого количества времени, сил и средств, что одновременная подготовка «Оверлорда» становилась просто невозможной. Надо было выбирать между той или иной операцией.

Как раз во время этих переговоров пришла телеграмма с сообщением о падении Торбука (20 июня). Черчилль весьма ловко раздул военно-политическое значение факта и создал у Рузвельта и его окружения впечатление, что надо принимать срочные меры для спасения положения в Северной Африке. Британскому премьеру не удалось, правда, в этот раз завербовать президента в сторонники «Факела», однако решимость Рузвельта настаивать на вторжении летом 1942 года в Северную Францию была сильно поколеблена.

8 июля вернувшийся в Лондон Черчилль послал президенту длинную телеграмму, существо которой будет ясно из следующего отрывка: «Ни один ответственный английский генерал, адмирал или маршал авиации не считает возможным рекомендовать «Оверлорд» в качестве практически осуществимой операции в 1942 году. Лично я уверен, что оккупация французской Северной Африки является лучшим способом облегчить положение на русском фронте в 1942 году».

Ситуация создавалась очень острая, и чтобы найти выход из затруднения, в Лондоне между 16 и 24 июля состоялось новое совещание английских и американских представителей. Основным вопросом было: «Факел» или «Оверлорд». Напротив, англичане и прежде всего Черчилль доказывали неосуществимость «Оверлорда» и требовали подготовки к захвату Северной Африки. К 22 июля переговоры зашли в тупик.

Тогда Гопкинс, который, по его собственному признанию, был «дьявольски обескуражен» решительным отказом англичан пойти на операцию «Оверлорд», апеллировал к Рузвельту.

Что же Рузвельт? Поведение его было в высшей степени характерно.

Рузвельт не сделал никакой попытки спасти американский план, принятый в апреле, он даже не обратился по этому поводу непосредственно к Черчиллю, хотя всегда поддерживал с ним большую личную переписку. Рузвельт просто принял оппозицию англичан, как непреложный факт, и телеграфировал Гопкинсу и Маршаллу, что надо найти какие-либо другие наземные операции против немецких войск, в которых американские солдаты приняли бы активное участие обязательно в 1942 году. В качестве возможных «других операций» президент намечал в порядке убывающей желательности: наступление в Алжире или Марокко; «Факел»; военные действия в Северной Норвегии; поддержку британских операций в Египте; американские операции в Иране и на Кавказе.

После получения таких директив Гопкинсу и Маршаллу было уже нетрудно договориться в Лондоне с англичанами: победу одержал Черчилль, и было решено, что в 1942 году англо-американцы проведут операцию «Факел».

Одновременно было решено, что подготовка к осуществлению «Оверлорда» весной 1943 года будет продолжаться, но это была уже благочестивая отписка. Черчилль по данному поводу говорит в своих мемуарах: «Общее мнение американских военных сводилось к тому, что решение в пользу «Факела» исключает оккупацию Франции в 1943 году. Я еще не мог тогда согласиться с этим». Черчилль здесь явно отступает от истины. Английский фельдмаршал Мантгомери пишет в своих воспоминаниях: «Когда североафриканский проект был одобрен, все понимали, что его стоимость в объединенных ресурсах будет означать не только отказ от всяких операций в Западной Европе в 1942 году, но также невозможность закончить подготовку сил в Англии для крупной трансламаншской атаки в 1943 году». Если это «все понимали», можно ли допустить, что это не понимал Черчилль?

Так получилось, что летом 1942 года в вопросе

о втором фронте победу одержал Черчилль.

Когда сейчас, много лет спустя, я перебираю в памяти все подробности борьбы вокруг открытия второго фронта в те далекие дни, я снова и снова задаюсь вопросом, как могли Рузвельт и Черчилль подписывать в июне коммюнике об открытии второго фронта в 1942 году, хорошо зная, что накануне, в апреле, они решили организовать второй фронт только в 1943? Как могли они заверять нас, что откроют второй фронт в 1943 году, когда они начинали операцию «Факел» осенью 1942 года?

Черчилль мне не раз говорил:

— Врага надо всегда обманывать, широкую публику иногда можно обманывать для ее же пользы, но союзника никогда нельзя обманывать.

Переговоры о втором фронте в 1942 году служат прекрасной иллюстрацией того, как государственные деятели не на словах, а на деле понимали свои обязанности по отношению к союзнику.

ДУЭЛЬ ДВУХ ДИПЛОМАТИЙ

«Уже не секретно» — так называется книга доктора исторических наук Г. Л. Розонова, рассказывающая о том, как на заключительном этапе второй мировой войны усилиями советской дипломатии были сорваны попытки нацистов внести раскол в ряды антигитлеровской коалиции с целью избежать разгрома третьего рейха.

И так... 1945-й.

Начавшееся 12 января 1945 г. зимнее наступление Красной Армии поставило фашистскую Германию перед лицом неизбежного военного разгрома. Теперь уже были сочтены не только месяцы, но и недели существования третьего рейха.

В этой обстановке руководящие круги монополий, тесно связанные с военно-промышленным комплексом, и верхушка генералитета категорически потребовали от Гитлера, как официального главы военно-политического руководства рейха, незамедлительно вступить в переговоры с западными державами. Их цель — полное пре-

кращение военных действий на Западе, чтобы иметь возможность скорее перебросить высвободившиеся части на Восток и попытаться любой ценой задержать наступление Красной Армии в глубь страны, а значит, сохранить основу своего господства в Германии.

Довести ультиматум до сведения Гитлера было поручено доверенным лицам монополий в правительстве — министру военной экономики Шпееру и министру финансов Шверин фон Крозигу, а также представителю генералитета — начальнику генерального штаба сухопутных сил Гудериану.

Ультиматум предъявили Гитлеру сразу же по его приезде в Берлин, 16 января 1945 г. В тот день Гитлер и начальник штаба Верховного командования Кейтель, окончательно поставив крест на Арденнской операции, покинули ставку на западном фронте и приехали в Берлин. Вернуться в «Вольфшанце», откуда фашистские политики и военачальники почти безвылазно с лета 1941 г. руководили действиями вермахта на советско-германском и других фронтах, возможности уже не было. Через несколько дней в район «Волчьего логова» вступили советские войска. Они стремительно приближались и к запасной ставке «Ризе», которая была сооружена в Силезии близ города Бад-Шарлоттенбрунн. Гитлеровцы были уверены, что уж дальше-то им отступить не придется. (28 тыс. рабочих создали гигантский подземный комплекс, на строительство которого пошло больше бетона, чем на все бомбоубежища для населения). Однако в январе 1945 г. им пришлось уносить ноги и из Силезии.

Вынужденное возвращение фашистских вожakov в Берлин отнюдь не носило триумфального характера. Жители города невольно вспоминали помпезный приезд Гитлера летом 1940 г. после победы фашистского вермахта над Францией. Тогда он разместился в имперской канцелярии — только что отстроенном гигантском здании, занимавшем целый квартал в центре Берлина. Его многочисленные прямоугольные колонны и высокие порталы, облицованные шведским мрамором, должны были наводить на мысль о величии, мощи и незыблемости «тысячелетнего» рейха. В торжественной обстановке в парадных залах имперской канцелярии нацистским генералам были вручены фельдмаршалские жезлы, а командующему военно-воздушными силами Герингу

присвоен уникальный чин рейхсмаршала.

Иным было теперь возвращение Гитлера. Советские войска стремительно приближались к Берлину. Городские вокзалы были переполнены эвакуированными. В результате ударов англо-американской авиации целые кварталы лежали в развалинах. Жалкое впечатление производило и здание имперской канцелярии. Многие колонны обрушились, почти не было стекол, их заменяли папками для бумаг. Резиденцией Гитлера стал покрытый восьмиметровым слоем бетона бункер-бомбоубежище под имперской канцелярией.

16 января 1945 г. на очередном обсуждении военного положения Гудериан и заявил Гитлеру, что «с военной точки зрения война проиграна», и потребовал немедленного прекращения боевых операций на Западе и концентрации всех имеющихся сил, включая войска запертой в Курляндии группировки, на Одере. Присутствовавшие на совещании были поражены тоном Гудериана. Верный гитлеровский холуй, сделавший карьеру путем беспрекословного выполнения приказов «фюрера», сейчас говорил тоном учителя, разъяснявшего бестолковому ученику необходимость вполне определенных действий. Удивляться нечему: Гудериан хорошо знал, от имени кого он диктовал требования.

Вечером того же дня Гитлер получил меморандум Шпеера. Тот подошел к делу с другой стороны. Развернув картину крушения военной экономики рейха, Шпеер потребовал всю наличную военную технику и снаряжение передать частям на восточном фронте, при этом особо подчеркнул необходимость усиления находившейся в Силезии группировки генерала Шернера. Он предлагал направить ей дополнительно до 50 % январского военного производства промышленности рейха и перебросить туда же всю имевшуюся на Западе авиацию.

Несколько дней спустя — при личной встрече с Гитлером 21 января — Шпеер уже без обиняков заявил, что следует немедленно приступить к «резкому сокращению численности войск на Западе» и переброске их на Восток.

Следующий шаг сделал министр финансов Шверин фон Крозинг. Через Геббельса он переслал Гитлеру письмо, где не только констатировалось, что «военное положение в настоящее время таково, что о политическом развитии войны едва ли может идти речь», но

и конкретно рекомендовались в качестве посредников для установления контактов с западными державами «давние друзья» фон Крозинга — Карл Бургхардт и португальский диктатор Салазар.

«В феврале и марте 1945 года,— пишет в своих воспоминаниях Шпеер,— Гитлер неоднократно давал мне понять, что различными путями уже вступил в контакты с противником (речь идет о западных державах.— Г. Р.)». Правда, Шпеер добавляет, что ему якобы неизвестны подробности этих переговоров. Ну что же, теперь на основе имеющихся в распоряжении историков документов представляется возможным раскрыть картину настойчивых и весьма активных дипломатических акций правительства фашистской Германии зимой и весной 1945 г., нацеленных на достижение антисоветского сговора с западными державами.

В буржуазной историографии широко бытует версия, что такие известные шаги гитлеровской дипломатии, как «миссия Вольфа», «переговоры Гиммлер — Бернадотт», «меморандум Риббентропа» и другие, были спорадическими и неорганизованными, предпринимались за спиной, а то и вообще вопреки указаниям «фюрера», что отношение к данным маневрам на Западе было однозначно отрицательным; если переговоры порой и велись, то это якобы не нарушало взятых на себя западными державами союзнических обязательств. «В период нацизма,— пишет, например, западногерманский историк Р. Ханзен,— не было никаких официальных осуществляемых правительством переговоров о капитуляции» (перед Западом.— Г. Р.).

После демарша военно-промышленных кругов и генералитета события разворачивались словно в калейдоскопе. На следующий же день — 17 января — Гитлер продиктовал Риббентропу основные положения «мирных предложений» Западу. Для окончательной их шлифовки привлекли высших чиновников министерства иностранных дел. Уже 19 января документ, известный под названием «меморандум Риббентропа», был представлен Гитлеру и одобрен им. О значении, которое этому опусу фашистской дипломатии придавало нацистское руководство, говорит хотя бы то, что он лежал в основе всех «мирных» демаршей гитлеровского правительства в последние месяцы существования. Более того, забегая вперед, скажем, что в день взятия советскими войсками

Берлина — 2 мая 1945 г. — Риббентроп явился к «наследнику фюрера» адмиралу Деницу и передал ему меморандум как основу для мирных переговоров с западными державами.

Впервые о «меморандуме Риббентропа» стало известно из воспоминаний бывшего нацистского дипломата Фрица Хессе. В ведомстве Риббентропа он слыл специалистом по Англии. Еще до войны, будучи пресс-атташе немецкого посольства в Лондоне, Хессе выполнял деликатные поручения своего шефа. За день до объявления Англией войны фашистской Германии — 2 сентября 1939 г. — по поручению Риббентропа тайком он встретился с Горацио Вильсоном, доверенным лицом британского премьера Невилля Чемберлена, чтобы попытаться «уладить дело». Во время войны в качестве советника министерства иностранных дел Хессе был прикреплен к ставке «фюрера». Он принимал самое непосредственное участие в подготовке текста меморандума. Однако вариант меморандума, упомянутый в его воспоминаниях, является не чем иным, как фальшивкой. По-видимому, Хессе хотел задним числом обелить гитлеровскую дипломатию и ее представителей, осужденных Нюрнбергским трибуналом как активных пособников и организаторов агрессивных актов фашистской Германии. По словам Хессе, гитлеровцы во имя переговоров с Западом якобы были готовы пойти на ликвидацию концентрационных лагерей и прекратить преследования противников нацизма, восстановить в Германии свободу вероисповедания, выпустить арестованных священнослужителей, передать союзникам оставшихся в живых евреев. Более того, Хессе пытается представить дело таким образом, будто бы нацистские руководители намеревались в случае успеха переговоров с Западом уйти в отставку и очистить сцену» для какого-то «временного немецкого правительства». Измышления Хессе сразу же были опровергнуты шведским журналистом Арвидом Фредборгом, опубликовавшим на основе данных МИД Швеции в газете «Свенска Дагбладетз» статью о «меморандуме Риббентропа». Тем не менее и поныне они используются в буржуазной литературе, посвященной дипломатической истории второй мировой войны. При этом часто делаются ссылки на отсутствие самого текста меморандума. Автору удалось в западногерманских архивах обнаружить фотокопию «меморандума Риббентро-

па», оригинал которого находится в США среди трофейных немецких документов, вывезенных после второй мировой войны.

Каково же содержание последнего плода дипломатии Гитлера — Риббентропа? Запугивая Запад «советской угрозой», гитлеровцы «вспомнили» о том, что СССР имеет все необходимое ему сырье, а «прежде неграмотные русские теперь владеют современной техникой». «Ближайшая цель планов мирового господства московского империализма,— говорилось в этом призыве гитлеровцев к Западу,— полное завоевание Европы». Если Англия немедленно не вступит в «арранжмент» с фашистской Германией, то после военного крушения последней в Центральной и Восточной Европе под руководством Советского Союза возникнет «300-миллионный блок силы», а в Западной Европе развернется «подрывная деятельность, чтобы расчистить дорогу дальнейшему наступлению Красной Армии». А вскоре бы наступила очередь и самой Англии, поскольку «все европейское побережье Атлантики попало бы в руки русских». Более того. В момент крушения Германии рухнуло бы и британское господство на Ближнем Востоке, и тем самым снабжение Запада «нефтью из этого района зависело бы от милости русских».

Какой же выход предлагали Западу гитлеровцы? Единственным противовесом «советской угрозе», говорилось в меморандуме, «может быть только Германия, а поскольку положение вещей таково, что национальные силы в стране представляют национал-социалисты, таким противовесом может быть только национал-социалистская Германия. Национал-социализм является единственным фактором, который может помешать дальнейшему продвижению коммунизма и большевизма на Запад... Думать, что немецкий народ пойдет за коалиционным правительством буржуазных партий,— это утопия». Одновременно делалась ссылка на пример «сотрудничества» Англии с фашистской Италией в межвоенные годы. Что же остается от выдумки Хессе о готовности нацистских вожаков «уйти в отставку»? Напротив, весь документ был нацелен на такой мир с Западом, который позволил бы сохранить в Германии преступный гитлеровский режим. Это особенно подчеркивали ее дипломаты, вручая меморандум западным адресатам.

В данной ситуации, утверждалось в меморандуме, «дальнейшее ослабление Германии является для англичан и американцев самоубийством». Традиционная британская дипломатия «баланса сил» внутри Европы, противопоставляющая крупнейшие государства континента друг другу, ныне устарела, Лондону необходимо ее заменить, вешали гитлеровцы, новой дипломатией «баланса сил», а именно «Германия — Европа — Англия против мощного Советского Союза».

Развернув перед США и Англией устрашающую картину нависшей «советской угрозы», авторы меморандума переходили к конкретным предложениям. Во-первых, немедленно прекратить военные действия на западном фронте, ибо каждый день войны здесь «наносит ущерб Германии, но в стратегическом плане еще больше причиняет вреда Англии». Причем прекращение военных действий не должно затрагивать «политической и военной мощи» Германии. Особенно примечательна постановка вопроса о будущих границах в Европе. Гитлеровцы, злейшие враги свободы и национальной независимости европейских народов, даже стоя на краю своей могилы, намеревались удержать в составе рейха французские Эльзас и Лотарингию, Люксембург, Австрию, западные районы Чехословакии, значительную часть Польши. Взамен выражалась готовность вступить с западными державами в военно-политический блок, направленный против СССР, и даже активно содействовать подключению к нему своего союзника на Дальнем Востоке — милитаристскую Японию. Таково в основных чертах содержание «меморандума Риббентропа».

Необходимо отметить еще одну немаловажную сторону этого документа, которая затем и определила конкретные внешнеполитические шаги гитлеровцев. Хотя «меморандум» обращен к Западу в целом, он имел и конкретного адресата — реакционные, антисоветские круги в правящем лагере Великобритании. Клика английских мюнхенцев, как считали гитлеровцы, в обстановке грандиозных побед Красной Армии вновь могла выйти на широкую политическую арену и сказать свое слово. То, чего в мае 1941 г. не удалось сделать гитлеровскому эмиссару Гессу, теперь в Берлине надеялись добиться дипломатической акцией Гитлера — Риббентропа. Поэтому призывали Лондон не надеяться на США, где «верх снова могут взять изоляционисты», а опереть-

ся в отношении «советской угрозы» на Германию. Таким образом, запуская свой дипломатический шар в виде «меморандума Риббентропа», гитлеровцы стремились не только вбить клин между СССР и его союзниками, но и вызвать разногласия между самими западными державами.

С 20 января 1945 г. дипломатическая машина фашистской Германии работала полным ходом. Лихорадочная поспешность нацистских вожаков объяснялась не только катастрофическим военным положением. Через своего шпиона в английском посольстве в Анкаре гитлеровцы получили сведения о предстоявшей в самое ближайшее время встрече «большой тройки» — руководителей Советского Союза, США и Великобритании. По замыслам гитлеровцев их мирный зондаж накануне встречи и должен был оказать на ее ход и результаты самое непосредственное влияние. «Намерение состояло в том, — пишет западногерманский историк Р. Ханзен, — чтобы конкретными предложениями о мире разыграть западные державы против СССР и расколоть союз противником Германии».

Хотя все нити затеваемой в Берлине «мирной» дипломатической акции держал в своих руках Гитлер, формально ее проведением руководил Риббентроп. К началу 1945 г. положение Риббентропа в фашистской иерархии довольно точно отражало плачевное состояние самой нацистской дипломатической службы. Давно прошли времена, когда подготовка и осуществление фашистской Германией агрессивных актов способствовали карьере советника «фюрера» по внешнеполитическим вопросам и его выдвижению в первый ряд фашистских «проминентов» — от безвестного коммивояжера по продаже шампанских вин до имперского министра иностранных дел, члена тайного совета, члена политического штаба Гитлера при главной ставке и генерала войск СС.

Поражение на советско-германском фронте самым непосредственным образом сказалось на гитлеровской внешнеполитической службе и ее руководстве. К началу 1945 г. уже около 60 стран разорвали дипломатические отношения с Германией, причем многие находились в состоянии войны с ней. Число нацистских дипломатических представительств за границей сократилось настолько, что их можно было пересчитать по пальцам. Если не принимать всерьез «послов» при гитлеровских мариио-

нетках, вроде Салаши, Квислинга, Павелича и т. п., игравших в своих странах роль палачей и надсмотрщиков Берлина, то в Европе германские посольства функционировали лишь в Берне, Стокгольме, Дублине, Лиссабоне и Мадриде. Кроме того, имелось еще представительство в Ватикане, являвшееся в то время уже анклавом в освобожденной союзниками Италии. Само здание рейхсминистерства иностранных дел на Вильгельмштрассе, где Риббентроп, бывало, любил позировать в кресле своих предшественников — министров кайзеровской Германии, лежало в развалинах. Большинство чиновников вместе с архивами были эвакуированы в Южную Баварию. С крушением дипломатии рейха закатилась и звезда Риббентропа. Его даже перестали приглашать на ежедневные совещания у Гитлера. В дневнике Геббельса можно найти немало ядовитых высказываний фашистских вожаков в адрес обанкротившегося дипломата, любившего сравнивать себя с Бисмарком.

Чванливый честолюбец, карьерист до мозга костей — Риббентроп считал, что теперь переговоры с Западом дают ему шанс вновь попытаться подкрепить свое пошатнувшееся положение в фашистской камарилье.

21 января 1945 г. окончательно отредактированный и утвержденный Гитлером текст «меморандума Риббентропа» был отправлен в германские посольства в Швейцарии, Швеции, франкистской Испании и Португалии с заданием довести его содержание «через влиятельных нейтральных посредников» до сведения официальных представителей Англии в этих странах, с которыми при первой возможности надлежало вступить в контакт.

О том, какие большие надежды возлагала нацистская верхушка на успех своей затеи с «меморандумом Риббентропа», свидетельствует эпизод, разыгравшийся при обсуждении военной ситуации 30 января 1945 г. Гитлер категорически отверг предложение эвакуировать блокированные в «Курляндском котле» немецко-фашистские части с тем, чтобы усилить ими берлинское направление. Оказывается, объявил Гитлер, эти части могут быть вместе с англо-американцами использованы... для будущего наступления на Ленинград!

«Разве не ясно, что, когда наконец англичане и американцы объединятся с Германией в совместном крестовом походе против Востока, необычайно выгодно будет

иметь удобный плацдарм для совместного наступления на расположенный менее чем в 600 км Ленинград».

Но вот прошла неделя. Никакой ответной реакции на «мирный» зондаж Берлина не последовало. В министерстве иностранных дел родилась идея, одобренная нацистским руководством подтолкнуть «дело», направив в Берн, Стокгольм, Мадрид и Лиссабон послов для особых поручений. Сколь важная роль отводилась им гитлеровской верхушкой, говорит то, что кандидатуры были подобраны непосредственно рейхсминистром, а затем персонально представлены на утверждение Гитлеру (главное — политическая биография «послов»). Для деликатной миссии были отобраны «асы» немецко-фашистской дипломатии, имевшие богатый опыт контактов с западными представителями.

В Стокгольм был командирован уже упомянутый выше Хессе, хорошо знавший многих представителей правящей элиты Англии. С миссией в Мадрид и Лиссабон направили Фридриха Мелльхаузена, ближайшего сотрудника гитлеровского дипломата Ранна, занимавшего тогда пост представителя Берлина при «правительстве» Муссолини в Северной Италии и давно установившего там тесные контакты с представителями западных держав. Кандидатура самого Ранна в качестве эмиссара была отклонена Риббентропом лишь потому, что его знал и высоко ценил сам Гитлер. Опасаясь возможного соперника, Риббентроп предпочитал держать Ранна за рубежом, а сейчас не стал возлагать на него миссию, успех которой, как считали в Берлине, мог бы изменить к лучшему внешнеполитическое положение рейха. В Берн поехал опытный дипломат фон Шмиден, имея поручение добиться передачи меморандума официальным представителям США.

В Берлине вновь и вновь взвешивались и детализировались разъяснения к «меморандуму Риббентропа», которые должны были устно изложить нацистские эмиссары. При этом единодушно исходили из того, что демарш должен активизировать «дружественные к Германии круги в Англии и США» и «максимально затруднить отклонение немецких предложений другой стороной». В ходе обсуждения Хоссе представил Риббентропу доклад, где утверждалось, что «политического единства» в лагере союзников по вопросу будущего Германии накануне встречи «большой тройки» нет и «при изве-

стных обстоятельствах возможно использовать имеющиеся разногласия». Он предложил подкрепить мирный зондаж публичным заявлением Гитлера, содержащим три основных тезиса, обращенные к Западу. Во-первых, Германия «вновь вернется в будущую Лигу Наций», во-вторых, отказывается от «односторонних действий» и возвращается к «международному сотрудничеству» и, наконец, она торжественно обязуется «присоединиться к мировому порядку, который будет установлен западными державами». Предложение о публичном выступлении Гитлер отклонил. Однако Хессе и другим эмиссарам было поручено в устной форме изложить эти тезисы официальным представителям западных держав.

Рекомендовалось обращать внимание представителей Запада на высокий официальный характер «мирного зондажа» — его осуществление через дипломатические каналы. Наконец, если в ходе переговоров возникнут затруднения, Берлин предписывал своим эмиссарам вновь обратиться к жупелу «советской угрозы».

«Настаивание на требовании отставки национал-социалистского правительства, — подчеркивалось в утвержденной Гитлером инструкции, — может привести к тому, что Германия в одностороннем порядке перейдет на русскую сторону или вообще попадет в коммунистические руки».

Запугивание «советской угрозой», по существу, составляло саму суть «мирного зондажа» гитлеровцев. Чтобы подкрепить действия своих эмиссаров, 17 февраля Риббентроп встретился с приехавшим в Берлин членом шведской королевской фамилии, руководителем шведского Красного Креста графом Фольке Бернадоттом.

Бернадотт, женатый на американке, был знаком со многими видными представителями политических и деловых кругов США и Великобритании. Двухчасовая «беседа» превратилась в монолог Риббентропа, который пытался в нужном ему виде изобразить советскую внешнюю политику. Запугивая шведа, Риббентроп заврался до того, что объявил: если Германия проиграет войну, то не позднее, чем через шесть месяцев Стокгольм будет разбомблен советской авиацией, а королевская семья расстреляна большевиками...

Антисоветчина понадобилась Риббентропу, чтобы «доверительно» сообщить Бернадотту о своей «послед-

ней приватной попытке» договориться с Западом. Он вновь повторил мирные предложения гитлеровцев: англо-американцы прекращают наступление и бомбардировки объектов внутри Германии, то есть фактически на западном фронте устанавливается перемирие, в Германии сохраняется нацистская диктатура во главе с Гитлером.

Бернадотт никак не реагировал на предложение Риббентропа. По существу, он отказался выступить в качестве посредника между англо-американцами и гитлеровским правительством. И это не случайно. Весной 1945 г., когда росли международное влияние и военная мощь СССР, усиливалось освободительное и демократическое движение во всем мире, правительства западных держав предпочитали не вступать в переговоры с официальными представителями правительства рейха, тем более министерства иностранных дел.

Сокрушительным ударом по нацистским планам официального сепаратного сговора с Западом на антисоветской основе явились решения Крымской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, опубликованные 12 февраля 1945 г.

«Мы... выиграли первую великую победу за дело мира, и, говоря «мы», я имею в виду всех нас, все цивилизованное человечество, — писал ее участник, специальный помощник президента США Г. Гопкинс.— Русские доказали, что они могут быть мудрыми и дальновидными, и у президента, как и у всех нас, не было никакого сомнения, что мы можем жить с ними и сотрудничать в мире до самого далекого будущего, которое мог только вообразить любой из нас».

На Крымской конференции главы трех делегаций договорились о порядке принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Они наметили начала согласованной политики в отношении ее, в основу которых положены принципы демократизации и демилитаризации. Было решено, что Германия будет оккупирована войсками победителей и над нею будет установлен контроль трех союзных держав. Целью оккупации и союзнического контроля объявлялось «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир». Со-

юзные державы заявили о своей готовности разоружить и распустить все германские вооруженные силы, ликвидировать генеральный штаб, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех военных преступников справедливому и быстрому наказанию; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, культурной и экономической жизни немецкого народа, а также принять совместно и другие меры, которые могли бы оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всех народов. Участники конференции торжественно заявляли, что в их цели не входит уничтожение германского народа. Но они подтвердили, что «только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций».

На заседании 5 февраля 1945 г. И. В. Сталин, учитывая стремление реакционных кругов в США и Великобритании к сговору с гитлеровским правительством и сохранению его в будущем, поставил перед Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем принципиальный вопрос: «...Оставят союзники или нет правительство Гитлера, если оно безоговорочно капитулирует? Одно исключает другое».

У. Черчилль был вынужден заявить: если «с предложением о капитуляции выступят Гитлер или Гиммлер... союзники ответят им, что они будут вести с ними переговоры как с военными преступниками».

После Крымской конференции попытки гитлеровцев вступить в официальные переговоры с западными державами быстро зашли в тупик.

Первым в Берлине был получен ответ из Ватикана. Гитлеровский представитель при папском престоле Эрнст Вейцзекер и сотрудники его миссии уже давно имели тесные контакты с представителями союзников. Когда в конце 1944 г. Ватикан посетил епископ Нью-Йорка будущий кардинал Спеллман, Вейцзекер через немецких пасторов вручил ему для передачи президенту США памятную записку. В ней содержался призыв не допустить «встречи всех союзников в Берлине» и с этой целью провести оккупацию Германии лишь силами аме-

риканских и английских войск. Затем Вейцекеру удалось провести ряд доверительных бесед с бывшим американским послом в Берлине Х. Вильсоном и шефом Управления стратегических служб США генералом Donovanом. Гитлеровский эмиссар ставил при этом вопрос о «сокращении сроков войны» политическими средствами. Что касается американских собеседников, то они, и это весьма примечательно, подняли вопрос о возможном расчленении Германии после войны на ряд «самостоятельных образований».

Получив «меморандум Риббентропа», Вейцекер без промедления довел его содержание до сведения представителей западных держав в Ватикане. Ответ был обескураживающим: переговоры невозможны без персональных изменений в правительстве Германии. Риббентроп на запрос Вейцекера ответил: «О персональных переменах не может быть и речи», «только национал-социализм может спасти Германию и Европу».

Не лучше обстояло дело с «меморандумом Риббентропа» и в Швейцарии. Фон Шмиден сообщил в Берлин, что, как стало ему известно, абсолютно необходимой предпосылкой, переговоров с Западом является «твердое обещание СС приостановить осуществление программы уничтожения духовных лиц, евреев и оппозиционеров».

Чем очевиднее становилось, что Советский Союз выйдет из войны не ослабленным, а еще более могучим и политически влиятельным, тем шире открывались двери британского посольства для эмиссаров фашистской Германии. Так, в сентябре 1944 г. в Мадриде с секретной миссией побывал и встретился с сотрудниками Хора Папен, видная политическая фигура в фашистской Германии. Он занимал последовательно посты вице-канцлера, посла в Австрии и Турции и заслужил за оборотистость при выполнении дипломатических поручений прозвище «сатана в цилиндре». Папен зондировал возможность заключения сепаратного мира при условии сохранения за фашистской Германией границ 1939 г., то есть признания аннексии Австрии, Чехословакии, Польши, части Советской Литвы.

Сотрудники британского посольства в Мадриде были не прочь вступить в переговоры и с Мелльхаузенем, взяв за основу «меморандум Риббентропа».

В Берлине была получена телеграмма от германского посла в Мадриде. В ней говорилось: «Условием каких бы

то ни было переговоров о мире является то, чтобы фюрер ограничил себя функциями главы государства и передал руководство правительством господину Х». Хор как бы подсказывал нацистам и монополистическим кругам Германии: стоит отодвинуть Гитлера в тень — и возникнет возможность для ведения мирных переговоров с западными странами. Однако это были расчеты без хозяина. Официальные контакты с правительством третьего рейха в сложившейся ситуации были для Лондона невозможны. Еще до Ялтинской конференции Хора отозвали с его поста. Поверенный в делах Англии в Мадриде получил распоряжение сообщить Мелльхаузену, что «английская сторона не доверяет ему» и отказывается вступать с ним в какие-либо переговоры.

Последняя попытка гитлеровцев вдохнуть жизнь в «меморандум Риббентропа» имела место уже после Крымской конференции. 17 февраля Хессе через Копенгаген отправился в Стокгольм с поручением использовать для налаживания контактов с западными державами шведских банкиров Маркуса и Якоба Валленбергов. С их незадолго до того скончавшимся отцом, главой банкирского дома, Хессе познакомился еще в Берлине через члена наблюдательного совета Дрезденского банка Герберта Тутмана.

20 февраля в помещении банка Энскильда Хессе встретился с Якобом Валленбергом. Выяснилось, что последний четыре месяца назад имел беседу с Ф. Рузвельтом и за несколько недель до этого с У. Черчиллем. Поэтому позиция западных держав ему была хорошо известна. Валленберг заявил, что, хотя серьезно озабочен судьбой деловых интересов своего банка в Германии и вследствие этого желал бы, чтобы «Германия была сохранена», он не берется выступать посредником между гитлеровским правительством и руководителями западных держав, ибо абсолютно твердо уверен: «западные державы держатся вместе с Россией и кажется полностью исключенной возможность отделить их от нее». Заявление Валленберга, доносил в Берлин Хессе, «является недвусмысленным отказом на его предложение выступить посредником с Западом».

Провал дипломатической акции, связанной с «меморандумом Риббентропа», произвел самое гнетущее впечатление в Берлине. «Мирный зондаж Риббентропа окончательно рассыпался в прах. Он получил полный

отказ как со стороны англичан, так и со стороны американцев», — был вынужден записать в своем дневнике Геббельс. Отказ западных держав вступать в переговоры с представителями Вильгельмштрассе имел своим последствием окончательную деградацию фашистского министерства иностранных дел и его шефа.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАСЛЕДНИК ЧЕРЧИЛЛЯ

Однажды Черчилль, расчувствовавшись (иногда это было ему свойственно), сказал Идену: «Мы будем работать вместе на всем протяжении этой войны». А поскольку он уже стар (старше Идена на 23 года), продолжал премьер, он не повторит ошибку Ллойд Джорджа и не останется на своем посту после того, как война закончится. Преемником же его будет Иден. Как известно, не повторить ошибку Ллойд Джорджа Черчилль смог только потому, что избиратели провалили его партию на выборах, а от дел он ушел лишь через 15 лет. Но в октябре 1940 года никто этого еще не знал, и посулы Черчилля лили бальзам на душу его собеседника.

Деятельность Антони Идена, активного участника конференций стран антигитлеровской коалиции, занимавшего в разное время посты министра иностранных дел и премьер-министра Англии, во многом определяла политику не только периода войны, но и высвечивала далеко идущие перспективы.

В воспоминаниях современников, исследовании В. Г. Трухановского, он представляется следующим образом.

После того, как Иден заменил Галифакса и стал членом военного кабинета, его роль в правительстве возросла, но самостоятельности и независимости прибавилось не так уж много. Министр иностранных дел зачастую был, по существу, советником премьера по внешнеполитическим проблемам.

В целом, это соответствует действительному распределению ролей между министром иностранных дел и премьер-министром. Сам Черчилль в своих военных мемуарах, вероятно, даже неумышленно, содействовал

созданию впечатления о том, что Иден играл очень несамостоятельную роль при нем. В действительности дело было сложнее. Английская публицистка и историк Элизабет Баркер в книге «Черчилль и Иден во время войны», вышедшей в 1978 году, на основании детального изучения государственных и частных архивов, предприняла, на наш взгляд, обоснованную попытку уточнить отношения между двумя деятелями, уточнить в пользу Идена.

Иден не мог всегда и неизменно отвечать «да» на соображения Черчилля, касающиеся внешней политики Англии.

Конечно, для возражений Иден выбирал подходящее время, условия и даже настроение шефа. При этом свои возражения он облекал в максимально вежливую, часто условную форму. И агрессивному и упрямому премьер-министру часто приходилось учитывать соображения Идена. Ведь было абсолютно ясно, что за его спиной стоит Форин оффис.

Официальный историк английской внешней политики периода войны Л. Вудворд писал, что «Иден был в состоянии балансировать и часто корректировать быстрый черчиллевский подход к событиям и такие же скорые заключения».

По мнению Вудворда, Иден был «реалистом, по своему темпераменту склонным рассуждать с учетом отдаленных последствий и конечных соображений».

«В военное время,— писал Иден,— дипломатия и стратегия — близнецы». Роль внешней политики в таких условиях очень значительна. Она содействует увеличению сил страны, приобретая союзников и обеспечивая необходимые отношения с ними. Однако успех внешней политики зависит отнюдь не от искусства дипломатов (хотя этот фактор тоже нельзя игнорировать), а от той экономической, военной и политической силы, на которую дипломатия соответствующей страны опирается.

В начале января 1941 года комитет обороны (орган английского правительства) принял решение о создании Балканского фронта. Необходимо было обеспечить, во-первых, политическую сторону этого решения, то есть организацию блока или союза Балканских стран под эгидой Англии, а во-вторых, военное решение проблемы — отправку в Грецию английских войск. Для этой

цели в феврале на Ближний Восток были срочно направлены Антони Иден и начальник генерального штаба генерал Джон Дилл.

С большим трудом добрались они до цели воздушным путем. Из-за плохой погоды приходилось задерживаться то в Гибралтаре, то на Мальте. Иден коротал медленно текущие часы ожидания, читая «Войну и мир». Когда, наконец, приземлились в Каире, на аэродроме узнали, что генерал Уэйвелл уже начал отбирать войска для Греции.

Черчилль, склонный к экстравагантности, перед отлетом вручил Идену запечатанный конверт, который надлежало вскрыть за пределами Англии. Нового там ничего не было. Министр иностранных дел получил разрешение принимать на месте любые решения с последующим их одобрением кабинетом.

Иден развернул лихорадочную дипломатическую активность, но с ограниченным успехом. Греки, воевавшие уже с итальянцами и ожидавшие немецкого вторжения, сразу же согласились принять английские войска, и генералы быстро согласовали детали оперативного характера. Однако турецкое правительство не откликнулось на призывы Лондона и заявило, что будет воевать лишь в том случае, если на Турцию нападут. Югославские руководители маневрировали в надежде договориться с Германией. Немногие тогда верили в то, что Англия устоит, — отсюда и трудность миссии Идена — Дилла.

7 марта первые английские войска прибыли в Грецию, а через месяц Германия нанесла удар по Югославии и Греции. Англичанам пришлось эвакуироваться — это был второй, масштабом поменьше, Дюнкерк.

Положение Англии вновь осложнилось. К провалу планов, связанных с Балканами, прибавился мятеж прогерманских элементов в Ираке, временно захвативших там власть, и успешное наступление немцев и итальянцев против Египта. Теперь для английского правительства стало еще более важно заручиться помощью со стороны США и Советского Союза.

К началу июня 1940 года, пишет Девид Дилкс, создалась ситуация, «в которой английская дипломатия могла сделать сравнительно немного, покуда она не подкрепит свои позиции приобретением союзников». Кадоган был более категоричен в своих суждениях: «Наша военная слабость и сенсационная неспособность наших

командиров, — писал он, — совершенно подрезали дипломатию».

Англии необходим был союзник, способный противостоять многочисленным отборным германским дивизиям. Таким союзником мог стать только Советский Союз — никого другого в Европе не было. Совсем недавно английское правительство отвергло предложение СССР о союзе и даже пыталось напасть на него вместе с Финляндией. Едва ли можно было после этого рассчитывать на то, что удастся быстро нормализовать отношения с Советским Союзом, доведенные до крайне плохого состояния по вине английской стороны.

Трудности на пути улучшения англо-советских отношений усугублялись тем, что в британских правящих кругах в связи с этим шла острая борьба. Здравомыслящие люди, вроде Черчилля и Идена, хотя и отрицательно относились к СССР, но понимали, что спасение Англии — лишь в союзе с ним. Махровые антисоветчики-мюнхенцы возражали, не будучи способными понять ситуацию и подняться над крайним антисоветизмом. Однако развитие событий быстро укрепляло позиции сторонников совместных с СССР действий.

В мае 1940 года (после захвата немцами Дании и Норвегии и их успехов во Франции) английское правительство сделало некоторые шаги для нормализации отношений с Москвой. Туда был направлен послом лейборист Стаффорд Криппс, которому предстояло попытаться заключить с Советским правительством далеко идущие экономические и политические соглашения. Конечной целью этих усилий должно быть вовлечение СССР в войну с Германией.

В начале 1941 года у английского правительства появились данные, свидетельствующие о возможности нападения Гитлера на Советский Союз. Это породило новые надежды на ослабление германской угрозы Британским островам. На этот раз уже не было (как в начале 1940 года) желания объединиться с Германией в антисоветском походе. Теперь английских политиков обуревали опасения, как бы СССР не пошел на крупные уступки Германии и тем самым не помешал возникновению войны между ними.

Они не сидели сложа руки. Черчилль, Иден, Кадоган — все они упорно предупреждали советское правительство, что Германия вскоре нападет на СССР. Иден

и Кадоган говорили об этом полпреду СССР в Лондоне, а Черчилль писал И. В. Сталину. Разумеется, эти предупреждения были направлены на то, чтобы Москва имела возможность подготовиться и не капитулировала в последнюю минуту перед Гитлером. Характер предупреждений был таков, что советские руководители должны были понять: в случае войны Англия не займет в отношении СССР враждебную позицию. Это было и выражение расположения тогдашнего английского правительства к советскому правительству, и прозаичный намек на готовность сотрудничать, и психологический шаг к будущему союзу.

Советские руководители прекрасно знали, что война между Германией и СССР всегда была желанной для британских кругов, а теперь она — чуть ли не единственное средство спасения для Англии. Трудно было в этих условиях поверить в «доброжелательность» Лондона. Да и сам Черчилль понимал это. По поводу телеграммы Криппса он писал: «Советское правительство прекрасно знает о грозящей ему опасности, а также о том, что мы нуждаемся в его помощи».

Поэтому, когда 22 июня 1941 года Германия вероломно напала на Советский Союз, Черчиллю не потребовалось ни собирать кабинет, ни спрашивать мнение палаты общин о том, какую занять позицию. Решение об этом было принято давно. Еще 10 июля Иден заявил советскому представителю: «В случае русско-германской войны мы сделаем все, что в наших силах, чтобы атаковать с воздуха оккупированные немцами территории на Западе». Через три дня, после консультации с премьер-министром, Иден вновь встретился с советским послом и сообщил ему: «Если немцы нападут на СССР, мы готовы послать миссию в Россию, представляющую три рода вооруженных сил... Мы также срочно рассмотрим экономические нужды России».

22 июня, как обычно по воскресеньям, Черчилль был в Чекерсе. С пятницы он пребывал в состоянии крайнего возбуждения, которое передавалось находившимся здесь же Идену, Криппсу, Вайнанту и лорду Бивербруку — министру снабжения и близкому к Черчиллю человеку. Когда поступило сообщение о нападении Германии на СССР, напряжение спало. Премьер сказал, что вечером выступит по радио, и принялся готовить речь.

В выступлении по радио Черчилль заявил, что в этой

войне Англия будет на стороне СССР, и объяснил, чем это вызвано: если Германии удастся победить Советский Союз, Гитлер «отзовет с Востока главные силы своей армии и авиации и бросит их на наш остров... Его вторжение в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Англию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов... Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам». Никакого иного разумного выбора у английского правительства не было. Оно стояло тогда перед дилеммой: или союз с СССР, или страшное поражение в войне с Германией и Италией.

Необходимость сотрудничества с СССР вынудила Черчилля на время преодолеть ненависть к Советскому государству, но не покончить с ней. Премьер-министр считал уместным заявить тогда же, что, если бы нужда заставила его искать союза с самым дьяволом, он пошел бы на это. Подобный морально-психологический настрой правящих кругов не мог не наложить глубокий отпечаток на союзные отношения между Англией и СССР во второй мировой войне.

При подготовке своей речи Черчилль не пользовался помощью Идена. Более того, он отправил его в Лондон, поручив встретиться с полпредом СССР и уведомить его о позиции английского правительства. Не была заранее показана эта речь и Кадогану. Черчилль опасался, как бы они не предложили смягчить его выступление. Смягчение могло касаться не тех пассажей, где упоминался коммунизм, а заявления о том, что Англия окажет поддержку Советскому Союзу. Иден никогда не любил категоричных формулировок.

В ноябре 1941 года Черчилль опять, уже более определенно, заговорил о том, что он считает Идена своим преемником. В присутствии министра информации Брендана Бракена, а затем еще двух деятелей консервативной партии Черчилль сказал, что если с ним что-либо произойдет, бразды правления примет Иден. Постепенно люди привыкли к мысли, что Иден является официальным наследником кресла английского премьера.

Ноябрь и начало декабря министр иностранных дел посвятил подготовке поездки в Москву. Велись долгие разговоры с Черчиллем и начальником штабов о том,

что можно посулить советскому правительству. Хотели пообещать ряд эскадрилий на южный участок фронта, а затем передумали: уславливались о дополнительных поставках танков и самолетов, но вскоре и это отпало. «Обсуждал военный аспект своей миссии в Москву, — пишет Иден. — Выглядит мрачно».

В конце концов кабинет одобрил меморандум, который Иден должен был вручить Сталину, чтобы «рассеять имеющиеся у него определенные подозрения». К их числу Иден относил предположение советского правительства, что «мы хотим исключить Россию из англо-американской схемы послевоенного урегулирования, что, устанавливая мир, мы будем игнорировать интересы России» и т. д. В общем то был, по существу, перечень нелояльных замыслов Англии в отношении СССР. Рассеять эти «подозрения» Иден намеревался предложением подписать в Москве «совместную англо-американскую декларацию, провозглашающую наше взаимное согласие сотрудничать не только при установлении мирного урегулирования, но и при поддержании его». Кроме того, намечалось обсудить с Советским правительством вопросы послевоенной реконструкции и ряд других.

В декларации, которую составил Иден, не содержалось никаких конкретных обязательств. Отсутствие английской помощи Советскому Союзу маскировалось в ней обтекаемыми и неопределенными дипломатическими фразами. Даже Кадоган отнесся критически к этому замыслу. В своем дневнике он назвал проект англо-русской декларации «таким же жидким, как кофе в ресторане».

Отъезд приближался, и 4 декабря Кадоган записал: «Обсуждал поездку в Россию. Дело выглядит так, что мы не сможем предложить русским даже военную технику вместо дивизий. Антони Идену все это крайне не нравится (и справедливо), но он согласился ехать». Группа Идена выехала из Лондона 7 декабря. Министра сопровождали непременно Кадоган, личный секретарь Идена Оливер Гарви и Фрэнк Робертс, сотрудник департамента Форин оффис, в ведение которого входят отношения с СССР.

В те военные годы трудным было путешествие из Лондона в Москву. Иден отправился Северным морским путем. Поездом следовали в Шотландию, а оттуда на крейсере — в Мурманск. Утром 8 декабря группа прибы-

ла на военно-морскую базу Инвергордон, и здесь Иден узнал от Черчилля (позвонившего из Лондона), что японцы напали на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор в Тихом океане. Это означало вступление США в войну. «Я не мог скрыть облегчения», — вспоминает Иден об этом телефонном разговоре. Черчилль сообщил, что едет в США, чтобы обсудить с Рузвельтом меры, соответствующие событиям.

12 декабря крейсер «Кент» доставил группу Идена в Мурманск. Это был прифронтовой город, ведущий трудную боевую жизнь. Местные советские органы предложили Идену выбор: лететь самолетом, что было не очень надежно из-за плохой погоды, или ехать поездом. В военных условиях поездка по железной дороге до Москвы должна была занять 60 часов. Иден выбрал поезд. Вероятно, на него подействовал рассказ сопровождавшего группу Ная о том, что в английском министерстве авиации существует секретное правило: если сотрудник этого министерства должен прибыть в определенное место к определенному времени, он должен ехать поездом.

В Москве группа Идена была размещена в отеле «Националь». Гостиница понравилась, ибо, как нашли Иден и Кадоган, она очень похожа на «Бориваж» в Женеве, где всегда останавливалась английская делегация, приезжая на заседания Лиги Наций. Англичане осматривали Москву (Москву фронтовую декабря 1941 года), побывали в Мосторге, с интересом отметили продажу елочных игрушек и были удивлены, что москвичи в таких условиях бойко покупали книги. Затем Иден и Кадоган попросили отвезти их на Поклонную гору, где Наполеон в 1812 году ожидал так и не появившуюся делегацию от Москвы. Оба англичанина были огорчены тем, что из-за тумана не смогли увидеть, как выглядит столица с Поклонной горы.

Переговоры между советскими руководителями и Иденом были трудными. Предложенный англичанами проект декларации (иногда ее называют соглашением) не мог ввести в заблуждение их партнеров. Взамен подсовываемого «жидкого кофе» советское правительство предложило заключить конкретный договор о союзе и взаимной военной помощи между Советским Союзом и Англией в войне против Германии. Кроме того, предлагалось заключить второй договор, призванный создать

«взаимопонимание между Советским Союзом и Англией в отношении решения послевоенных проблем». Иден никак не был готов вести конкретный разговор на эти темы и тем более подписывать конкретные обязательства.

Наиболее острые споры вызвал вопрос о границах Советского Союза. Идена спросили, обязуется ли Англия при послевоенном мирном урегулировании поддержать советское правительство в том, чтобы границы СССР были призваны по состоянию на 22 июня 1941 года. Переговоры показали, что вопрос был поставлен правильно и своевременно. Иден ответил, что не может дать такого обязательства.

Галифаксу в Вашингтон он телеграфировал: «Я использовал Атлантическую хартию в качестве аргумента против требования Сталина». Это многозначительная фраза. Она означает ни много ни мало, что Черчилль и Рузвельт сформулировали хартию так, чтобы она была направлена не только против врагов антигитлеровской коалиции, но и в известной степени против СССР. Во всяком случае, так ее толковал Иден. Сталин на это ему возразил: «Я думал, что Атлантическая хартия направлена против тех, кто пытается установить свою мировую гегемонию. А сейчас дело выглядит так, что Атлантическая хартия направлена против СССР». Иден пытался изворачиваться, но ему был задан вопрос: «Почему же восстановление наших границ вступает в конфликт с Атлантической хартией?» Иден был вынужден ответить: «Я никогда не говорил этого». Явная неправда, что подтверждается и упомянутой выше телеграммой Галифаксу.

Сталин заявил Идену в этой связи: «Все, о чем мы просим, — это восстановить нашу страну в ее прошлых границах. Мы должны иметь их по соображениям нашей безопасности... Я должен отметить, что если вы уклоняетесь от этого, то это выглядит так, как если бы вы создали возможность расчленения Советского Союза. Я удивлен и поражен тем, что правительство Черчилля занимает такую позицию. Это практически та же позиция, которую занимало правительство Чемберлена». Иден отговаривался тем, что без согласования с правительством США и правительствами доминионов он не может пойти навстречу пожеланиям СССР. Это тоже была отговорка. Такие вопросы английское правительство

могло при желании решать и решало самостоятельно.

Оказавшись в трудном положении в ходе бесед с советскими руководителями, Иден решил пойти на хитрость. По дороге в гостиницу он договорился с Кадоганом и другими членами делегации, что, зайдя в номер Идена, они будут в сильных выражениях высказывать свое возмущение позицией советских представителей и пригрозят отказом от переговоров. Расчет строился на том, что в гостинице есть устройства для подслушивания и возмущение англичан тут же дойдет по назначению. Как сообщает Кадоган, все охотно согласилось участвовать в этом спектакле и очень старались. Но, поскольку ни Кадоган, ни Иден ни словом не упоминают о результатах представления, нужно думать, что желаемого действия оно не вызвало.

Переговоры Идена в Москве не принесли результатов, на которые рассчитывала английская сторона. Скорее даже наоборот. В то же время советские руководители теперь знали, какова позиция правительства Черчилля по ряду важных проблем.

Позиция Советского Союза, которая определилась в ходе переговоров с Иденом в декабре 1941 года, последовательно проводилась на протяжении всей войны. Дэвид Дилкс отмечает в этой связи: «Замечательно, что уже на данном этапе, после отчаянного шестимесячного кризиса, когда немецкие армии находились у ворот Москвы, русские так точно сформулировали свою политику и так уверенно ее проводили».

В тот день, когда Иден уезжал из Москвы, Черчилль прибыл в Вашингтон для совещания с Рузвельтом. Переговоры были вполне успешны, и премьер-министр остался ими очень доволен. Для Англии было важно, что США согласились считать Германию врагом номер один, а Японию — врагом номер два. Это означало, что европейский театр военных действий будет пользоваться приоритетом. А в остальном, как заметил Иден, встреча двух лидеров «обещала массу джема для завтрашнего дня и очень немного — для сегодняшнего».

8 января 1942 года Черчилль телеграфировал Идену из Вашингтона по поводу его переговоров в Москве: «Никто не может предвидеть, какое будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя не будут истоще-

ны и представят собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи». Очень емкая формулировка! Она все еще содержит надежду на то, что Англия и США вдвоем установят послевоенный мир, и расчет на максимальное ослабление СССР к выгоде английского и американского империализма. А раз это выгодно, то такого ослабления и следует добиваться любыми средствами. Этот стратегический расчет присутствует в английской политике на протяжении всех военных лет.

Конец 1941 года и начало 1942 года ознаменовались одним из крупнейших событий второй мировой войны. Битва под Москвой закончилась разгромом наступавших германских армий и переходом Красной Армии в контрнаступление. Немцы были отброшены от Москвы. А для США и Англии, как заметил американский историк Роберт Шервуд, это была «зима катастроф». На Тихом океане и в Азии они несли тяжелые поражения в боях против Японии. Потерю крупнейшей военно-морской крепости Сингапур Черчилль считал не только большим несчастьем, но и позором для английских вооруженных сил. Первые девять месяцев 1942 года, по оценке Дилкса, «были самым тяжелым временем» для внешней политики Англии «по причине создания собственного бессилия, пораженного систематическими военными неудачами и вызванной ими дипломатической слабостью».

Провал расчетов на поражение СССР в войне и совершенно неожиданные неудачи Англии и США на тихоокеанском театре вызвали в Лондоне очень неприятные мысли относительно будущего. Обстоятельства вынуждали английское правительство пересматривать свои важнейшие концепции. Советско-германский фронт был главным театром второй мировой войны, и это радикально меняло взгляды английского кабинета на роль СССР в войне и, следовательно, на его будущую роль в послевоенном мире. А что, если не оправдаются расчеты на максимальное ослабление СССР в борьбе с фашизмом и он закончит войну триумфальными победами? В Москве Иден обнаружил не только полную уверенность в разгроме Германии, но и готовность в будущем сыграть свою роль в войне на Дальнем Востоке.

На случай такого оборота событий надлежало принять меры, и немедленно.

Иден вернулся из Москвы с убеждением, что Советский Союз полон решимости продолжать борьбу. Поэтому уже в январе 1942 года он подготовил меморандум для членов кабинета, в котором сформулировал изменения, касающиеся политики Англии в отношении СССР. «Если предположить, что Германия потерпит поражение,— писал Иден,— и германская военная мощь будет уничтожена, а Франция, по крайней мере на протяжении длительного времени, останется слабой страной, то не окажется противовеса России в Европе... Положение России на европейском континенте станет неуязвимым. Престиж России так возрастет, что установление коммунистических правительств в большинстве европейских стран будет очень облегчено...»

Эта еще далекая тогда перспектива была кошмаром для Идена и его коллег, кошмаром, от которого они не могли отделаться на протяжении всех военных лет. Рассматривая позицию советского правительства относительно границ СССР, Иден писал: «Представляется неизбежным, что, если Гитлер будет свергнут, русские вооруженные силы закончат войну, значительно глубже проникнув в Европу, чем в момент ее начала в 1941 году. Поэтому благоразумно было бы связать советское правительство соглашениями, заключив их как можно скорее». В меморандуме отмечалось, что американское правительство на данном этапе не разделяет это убеждение и «становится все более терпимым в отношении советских требований по мере развития советских побед» на фронте. Иден знал, что у советского правительства есть подозрения, и подозрения обоснованные, насчет того, что Англия и США собираются после войны утвердить гегемонию над миром. Поэтому он предлагал «воздержаться от любых действий, которые могли бы усилить уже существующие у советского правительства подозрения, что мы собираемся установить англо-американский мир, при котором интересы России будут нарушены или игнорированы». Поскольку в случае победы СССР в войне советское правительство не согласится на границы иные, чем границы 1941 года, Иден считал целесообразным принять его требование о придании границ 1941 года и оформить это договором.

Меморандум Идена является очень важным доку-

ментом. Он формулировал английскую политику в отношении СССР на многие годы вперед. В основе этой политики лежало стремление всеми возможными средствами устранить Советский Союз от участия в решении европейских дел, то есть лишить его плодов победы в войне. В то же время меморандум свидетельствует о полном единстве взглядов Идена и Черчилля на отношения с СССР.

Биографы Идена любят цитировать телеграмму Рузвельта Черчиллю, в которой президент сообщал, что провел с Иденом три вечера, что «Антони великолепный парень» и что они приходят к согласию по 95 % обсуждаемых вопросов. Не приходится удивляться, что Рузвельту нравились мягкие, приятные манеры Идена, его широкие познания в области международных отношений. Однако что касается их полного взаимопонимания, то была лишь обычная вежливость.

Документы свидетельствуют о серьезных расхождениях между позициями президента США и министра иностранных дел Англии. Рузвельт развивал идею о том, что послевоенным миром должны управлять четыре державы — США, Англия, СССР и Китай. Иден возражал. Лучше обойтись без Китая, поскольку он не является великой державой (а главное, думалось Идену, потому, что он станет в силу своей зависимости от США плясать под американскую, а не под английскую дудку). Из слов гостя у хозяев вышло впечатление, что Лондон «будет упорно цепляться за свои владения на Ближнем Востоке». Когда Рузвельт заметил, что Англия могла бы сделать хороший жест, отказавшись от своей колонии Гонконг, Идену изменила его обычная сдержанность. Пока не слышно, ответил он, что Соединенные Штаты собираются делать подобные жесты за счет своих интересов.

Что касается Советского Союза, то Иден, не скупясь, делился с Рузвельтом своими антисоветскими соображениями и эмоциями. С СССР будет трудно иметь дело в будущем, сказал он. Следовательно, было бы неосмотрительно рассчитывать на его конструктивное участие в большой четверке, управляющей миром, то есть после победы судьбы всего человечества должны вершить Англия и США.

Чем ближе к концу войны, тем острее становились противоречия между западными союзниками. В феврале

1944 года Черчилль в письме к Идену перечислил «серьезные вопросы», по которым «могут возникнуть затруднения в США»: нефть, долларовые балансы, судоходство, политика в отношении Франции, Италии, Испании, Балкан и т. д. Внушительный перечень столкновения интересов двух империалистических держав, составленный компетентным человеком!

Противоречия между участниками антисоветской коалиции отодвигались на второй план под давлением главной задачи — обеспечить победу над Германией, Италией, Японией и их союзниками. Этому были посвящены многие конференции «большой тройки», на которых наряду с главами правительств присутствовали министры иностранных дел, а также аналогичные самостоятельные встречи министров.

Использование в интересах Англии союзных отношений с США и СССР было, пожалуй, главной, но далеко не единственной задачей возглавляемого Иденом ведомства. Война приобрела глобальный размах, а английские интересы присутствовали во всех уголках земного шара. Много сил и выдержки требовали от Идена отношения с генералом де Голлем, возглавлявшим Комитет сражающейся Франции и не желавшим идти на такое сотрудничество с Лондоном, которое ущемляло бы французские интересы. Война на Тихом океане и в Азии, хотя и являлась прежде всего американской заботой, ставила многочисленные проблемы и перед Форин оффис. В Лондоне были собраны многие эмигрантские правительства стран, временно захваченных Германией. Форин оффис их опекал, надеясь, что после победы они станут ядром подлежащих восстановлению реакционных режимов в соответствующих странах. Быстро менялась обстановка в Латинской Америке, и нужно было следить, чтобы английские интересы не терпели там большого ущерба.

Задач было много, они постоянно усложнялись, а решать их становилось труднее и труднее. В связи с возрастанием военных усилий СССР и США, влияние Англии в антигитлеровской коалиции все более и более уменьшалось, хотя этот процесс и маскировался шумной, показательной активностью Лондона.

Идену приходилось очень много ездить. В годы войны самолет стал основным средством передвижения. Несовершенство машин тех лет, зачастую трудные погодные условия, окружные далекие пути (война пере-

крыла прямые маршруты) — все это представляло тяжелую физическую нагрузку для не слишком крепкого здоровья Идена. Были и опасные моменты во время этих многочисленных поездок.

Однажды Черчилль и Иден возвращались в Англию через Северную Африку и Гибралтар. Германская разведка знала об этом и в аэропорту Лиссабона устроила наблюдение. Обычно немцы не трогали самолеты, совершавшие рейсы между Лиссабоном и Лондоном. Но на этот раз их агенты заметили, что в самолет сел плотный сутулый человек с огромной сигарой в зубах. Как только самолет поднялся, его немедленно сбили. Погибли все 13 пассажиров, и в их числе англичанин Чинколс, очень похожий внешне на Черчилля. Тем самым внимание германской агентуры было отвлечено от самолета, на котором Черчилль и Иден благополучно добрались до Лондона.

В Лондоне Иден жил в военные годы в самом здании Форин оффис. Поскольку Черчилль еще в начале войны пристрастился работать по ночам, он потребовал, чтобы в министерстве было оборудовано жилье для Галифакса, так как хотел всегда иметь под рукой министра иностранных дел. Теперь на верхнем этаже министерства в квартире из четырех комнат обитал Антони Иден. Его кабинет был оборудован многими телефонами, действующими по принципу прямого провода к премьер-министру и начальникам штабов (с приспособлением, исключавшим подслушивание). Беатрис старалась украсить казенную квартиру при помощи картин и живых цветов.

Правда, Идены не часто проводили время в семейном кругу. Министр много ездил, а его жена, полная энергии и не знающая усталости, с головой погрузилась в общественную работу по обслуживанию вооруженных сил. Она организовала передвижной чайный кантин (чайную) и переезжала с ним из одного военного лагеря в другой, в основном на юге Англии. Беатрис была храброй женщиной и переносила военные тяготы весело и жизнерадостно, с неизменным чувством юмора.

Время от времени выдавался свободный уикенд, и они проводили его в небольшом загородном доме Биндертонхауз, вблизи Чичестера. Этот дом Беатрис разыскала по объявлению. Кабинет хозяина был обставлен старинной мебелью. Стены закрывали полки с красиво

переплетенными книгами, среди которых выделялась коллекция томов о Персии. Были здесь и роскошные издания: подарки индийского князя Ага Хана — очень богатого человека. Среди картин (а Иден их очень любил и всегда по возможности собирал) висела дюжина акварелей, написанных его отцом, и пейзаж, принадлежащий кисти самого Антони,— окрестности Арля во Франции.

Трудно было в хозяине Биндертона узнать всегда подтянутого, одетого со строгим изяществом министра. Здесь Иден преображался. Приезжая в свой загородный дом, он сразу же переодевался в старые широкие фланелевые брюки и изрядно поношенную спортивную куртку. В таком виде работал в саду, гулял, принимал гостей. Садоводство всю жизнь оставалось любимым занятием Идена. В этой области он считался знатоком.

Идены любили принимать гостей. Их бывало обычно немного.

В конце войны Идена постигло двойное личное горе. Старший сын Симон, служивший сержантом в авиации, погиб в Бирме; его самолет врезался в гору. Лорд Моран 20 июля 1945 года записал в своем дневнике: «Премьер-министр пригласил меня пообедать с ним и с супругами Иден. Он предупредил, что Антони только что получил телеграмму, сообщавшую ему, что его сын, которого считали пропавшим без вести, найден мертвым у обломков своего самолета. Во время ужина об этом не было сказано ни слова. Они беседовали почти до полуночи так, как будто бы ничего не произошло. Я сомневаюсь, смог бы я вести себя с таким спокойным достоинством сразу же после того, как узнал бы, что мой Джон убит».

В июне 1945 года скончалась мать Идена Сибил, жившая последние годы в небольшом домике в парке ранее утраченного фамильного имения Виндлистоун Холл. Это была для него большая потеря — леди Иден всегда гордилась своим сыном и очень верила в его звезду.

А звезда Антони Идена между тем продолжала подниматься. Черчилль к нему благоволил, считал своим близким соратником и помощником. Когда весной 1944 года Иден заболел, Черчилль сказал ему: «Вы моя правая рука; мы должны позаботиться о вас». Historики утверждали, что у них «были особые отношения доверия и восхищения друг другом», несмотря на разницу в воз-

расте. Как свидетельствует Черчилль, они одинаково думали по многим вопросам, «даже без предварительной консультации». Биографы Идена уверяют, что он позволял себе иногда спорить с Черчиллем, отстаивать свои взгляды, и шеф порой соглашался с ним. Но, безусловно, в этом содружестве Иден играл подчиненную роль. Да иначе и быть не могло, учитывая огромную разницу в интеллекте и темпераменте этих двух государственных деятелей. «Иден был Пятницей при Черчилле», — пишет Барденс.

В июне 1942 года Черчилль, отправляясь в свою очередную поездку в США, послал королю Георгу VI письмо, в котором говорилось: «На случай моей смерти в поездке, которую я собираюсь предпринять, я пользуюсь милостивым позволением вашего величества посоветовать, чтобы вы поручили формирование нового правительства министру иностранных дел Антони Идену. По моему мнению, он является выдающимся министром из самой крупной партии в палате общин и в национальном правительстве, которое я имею честь возглавлять, и, я уверен, окажется способным вести дела вашего величества с решимостью, опытностью, и способностями, необходимыми в это ужасное время».

Это беспрецедентный случай в английской истории. Так официально было установлено, что Иден должен сделаться преемником Черчилля как премьер-министра и лидера консервативной партии. Таким образом, он стал вторым человеком в правительстве и в консервативной партии. Нет сомнений, что «завещание» Черчилля свидетельствовало о его глубоком доверии и расположении к Идену.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ПО ОБОИМ СТОРОНАМ ФРОНТА

Служба в Генеральном штабе никогда не была легкой, тем более в военное время. Главное место в ней занимали сбор и оценка разведывательных данных и текущей обстановки на фронтах, разработка вытекающих отсюда практических предложений и распоряжений.

И. В. Сталин установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. Например, заместителю начальника Генштаба полагалось находиться при исполнении своих обязанностей по 17—18 часов в сутки. На отдых ему отводилось время с 5—6 часов утра до 12 дня.

Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки.

Все материалы, требовавшие решения Верховного, заранее сортировались и раскладывались по трем разноцветным папкам. В красную папку попадали документы первостепенной важности, докладывавшиеся в первую очередь. Синяя папка предназначалась для бумаг второй очереди, обычно в нее шли различного рода просьбы. Содержимое же зеленой папки составляли представления к званиям и наградам, предложения и приказы о перемещениях и назначениях должностных лиц.

Документы из красной папки докладывались обязательно полностью и тут же получали ход. Из синей они извлекались выборочно, но, как правило, ежедневно. Зеленая папка докладывалась только при благоприятной обстановке.

Доклады Генерального штаба в Ставке имели свой строгий порядок. После вызова по телефону штабисты садились в автомашину и отправлялись в Кремль или на «Ближнюю» — кунцевскую дачу Сталина. В левой части кабинета Сталина стоял длинный прямоугольный стол. На нем развешивали карты и по ним докладывали за каждый фронт в отдельности, начиная с того, где в данный момент происходили главные события. Никакими предварительными записями не пользовались, обстановку знали на память и она была отражена на карте.

Сталин слушал доклад прохаживаясь у стола. Изредка подходил к своему письменному столу, стоявшему в глубине кабинета справа, брал две папиросы «Герцогвина Флор», разрывал и набивал табаком трубку. Правее письменного стола на особой подставке белела под стеклом гипсовая посмертная маска В. И. Ленина.

С доклада возвращались в три-четыре часа утра.

Иногда приходилось бывать в Ставке и по два раза на протяжении одних суток.

Установленный Сталиным жесткий порядок работы Генштаба никто не мог изменить. Огромный объем этой работы, ее неотложность делали службу здесь крайне изнурительной.

Работали на износ, наперед зная, что даже за малейшую ошибку будет строго взыскано.

Не каждый мог выдержать такое напряжение. Некоторые из штабистов длительное время впоследствии страдали истощением нервной системы, сердечными заболеваниями. Многие сразу же после войны, не дослужив до возрастного срока, ушли в запас.

Режим военного времени оставался в Генштабе почти неизменным вплоть до смерти Сталина: свой трудовой день заканчивали штабисты в 3—4 часа утра, а к 10—11 часам обязаны были опять являться на службу.

Находилось время и для разговоров об искусстве, особенно, когда дело двигалось к концу войны. Правда сегодня, после опубликования забытых материалов, многое воспринимается иронически.

Уже при первом знакомстве с Ворошиловым (вспоминает С. М. Штеменко) по пути в Крым я имел возможность убедиться, что это очень начитанный человек, любящий и понимающий литературу и искусство.

В его вагоне оказалась довольно большая и со вкусом подобранная библиотека.

Как только мы исчерпали самые неотложные служебные вопросы и сели за ужин, Климент Ефремович поинтересовался, какие оперы я знаю и люблю.

Мною были названы «Кармен», «Риголетто», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Чио-Чио-сан».

— Эх, батенька, — засмеялся Ворошилов, этого же очень мало.

И начал перечислять названия оперных произведений о которых до того я даже не слышал.

— А кого из композиторов вы предпочитаете? — продолжал наступать Ворошилов.

Ответить на такой вопрос было не легко. Я никогда не считал себя тонким знатоком музыки, хотя относился к ней далеко не безразлично, посещал и оперу и концерты.

Вместе с моим другом Григорием Николаевичем Орлом, будучи еще слушателями Академии бронетанковых войск, мы подкопили денег и приобрели себе патефоны, а затем всю зиму добывали пластинки.

В то время это было трудное дело.

Почти каждое воскресенье поднимались спозаранок и отправлялись с одним из первых трамваев в центр

города, чтобы захватить очередь в каком-нибудь магазине, торговавшем записями оперных арий в исполнении Козловского, Лемешева, Михайлова, Рейзена или пластинками с голосами певцов оперетты Качалова, Лазаревой, Гедройца и других популярных тогда артистов.

Очень нравились нам и романсы, народные песни, а также наша советская песенная музыка.

Рискуя оконфузиться перед К. Е. Ворошиловым, я тем не менее рассказал ему все это без утайки.

Мой собеседник сочувственно улыбнулся и заметил только, что музыка всегда украшает жизнь, делает человека лучше.

«Экзамен» по литературе прошел более успешно.

Я не только ответил на заданные мне вопросы по отечественной классике, но показал и некоторую осведомленность в отношении произведений западноевропейских писателей прошлого и современности.

По вечерам Климент Ефремович просил обычно Китаева читать вслух что-нибудь из Чехова или Гоголя.

Чтение продолжалось час-полтора.

Китаев читал хорошо, и на лице Ворошилова отражалось блаженство.

Обед у Сталина, даже очень большой, всегда проходил без услуг официантов, они только приносили в столовую все необходимое и молча удалялись. На стол заблаговременно выставлялись приборы, хлеб, коньяк, водка, сухие вина, пряности, соль, какие-то травы, овощи и грибы. Колбас, ветчины и иных закусок, как правило, не бывало. Консервов он не терпел.

Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Сталин подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, вслух говорил, ни к кому, однако не обращаясь:

— Ага, суп... А тут уха... Здесь щи... Нальем щей,— и сам наливал, а затем нес тарелку к обеденному столу.

Без всякого приглашения тоже делал каждый из присутствующих, независимо от своего положения.

Наливали себе кто что хотел.

Затем приносили набор вторых блюд, и каждый также сам брал из них то, что больше нравится.

Пили, конечно, мало, по одной-две рюмки.

В первый раз мы с Антоновым не стали пить совсем.

Сталин заметил это и, чуть улыбнувшись, сказал:

— По рюмке можно и генштабистам.

Вместо третьего чаще всего бывал чай. Наливали его из большого, кипящего самовара, стоявшего на том же отдельном столе. Чайник с заваркой подогревался на конфорке.

Разговор во время обеда носил преимущественно деловой характер. Касался тех же вопросов войны, работы промышленности и сельского хозяйства, говорил больше Сталин, а остальные отвечали на его вопросы.

Только в редких случаях он позволял себе затрагивать какие-то отвлеченные темы.

Из встреч с дипломатами...

Мне лично в тот раз довелось видеть премьер-министра Великобритании лишь однажды. Случилось это вечером, когда мы с генералом А. И. Антоновым явились на обычный доклад в Ставку. Еще в приемной нас предупредили, что у Сталина Черчилль и что Верховный распорядился, чтобы мы заходили, как только прибудем.

Черчилль со Сталиным сидели в креслах друг против друга и оба нещадно дымили: один — толстой сигарой, другой — неизменной трубкой. За письменным столом расположился переводчик.

Сталин представил нас и сказал, что господин Черчилль хочет послушать доклад об обстановке на фронтах. Антонов сделал такой доклад, но с некоторыми отступлениями от порядка, принятого в Ставке. В данном случае фронты представлялись последовательно с севера на юг и обстановка на них излагалась по так называемому сокращенному варианту. Черчилль подошел к столу, внимательно посмотрел разложенные на нем карты и задал только один вопрос: сколько войск у немцев против Эйзенхауэра. Алексей Иннокентьевич ответил.

После этого нас отпустили, но мы остались в соседней комнате в надежде, что Черчилль скоро уедет и нам удастся доложить на подпись Верховному некоторые неотложные документы. Минут через двадцать такая возможность действительно представилась.

Перед нашим уходом Сталин вызвал Поскребышева и распорядился:

— Виски и сигары, которые подарил мне Черчилль, отдайте военным. — Затем, обращаясь к нам, добавил: —

Попробуйте, наверно, это — неплохо.

Когда мы садились в машину, ящик с виски и коробка сигар находились уже там.

В канун Нового 1945 года, за несколько часов до полуночи, А. И. Антонов объявил:

— Только что звонил Поскребышев и передал, чтобы мы приехали на «Ближнюю» к половине двенадцатого без карт и документов.

На мой вопрос, что бы это значило, Алексей Иннокентьевич ответил шутливо:

— Может быть, вас приглашают встретить Новый год? Неплохо бы...

В 23 часа вдвоем с Антоновым, как обычно, на его машине мы выехали, продолжая теряться в догадках о цели вызова. Ежедневные наши поездки на доклад к Верховному были, как правило, не в этот час, а на праздники нас никогда не приглашали. За годы войны мы и слово-то это забыли.

На даче у Сталина мы застали еще нескольких военных — А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Я. Н. Федоренко, А. В. Хрулева. Потом подъехал С. М. Буденный. Как выяснилось, нас действительно пригласили на встречу Нового года, о чем свидетельствовал накрытый стол.

За несколько минут до двенадцати все вместе прибыли члены Политбюро и с ними некоторые наркомы. Я запомнил только Б. Л. Ванникова и В. А. Малышева. А всего собралось человек двадцать пять мужчин и одна единственная женщина — жена присутствовавшего здесь же Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Сталин занял обычное место в торце стола. С правой руки, как всегда, стоял графин с чистой водой. Никаких официантов не было, и каждый брал себе на тарелку то, что ему хотелось. С ударом часов Верховный Главкомандующий произнес краткое слово в честь советского народа, сделавшего все возможное для разгрома гитлеровской армии и приблизившего час нашей победы. Он провозгласил здравицу в честь Советских Вооруженных Сил и поздравил нас всех:

— С Новым годом, товарищи!

Мы взаимно поздравили друг друга и выпили за победоносное окончание войны в наступающем 1945 го-

ду. Некоторая скованность, чувствовавшаяся вначале, вскоре исчезла. Разговор стал общим. Хозяин не соблюдал строго ритуала: после нескольких тостов поднялся из-за стола, закурил трубку и вступил в беседу с кем-то из гостей. Остальные не преминули воспользоваться свободой, разбились на группы, послышался смех, голоса стали громкими.

С. М. Буденный внес из прихожей баян, привезенный с собой, сел на жесткий стул и растянул мехи. Играл он мастерски. Преимущественно русские народные песни, вальсы и польки. Как всякий истый баянист, склонялся ухом к инструменту. Заметно было, что это любимое его развлечение.

К Семену Михайловичу подсел К. Е. Ворошилов. Потом подошли и многие другие.

Когда Буденный устал играть, Сталин завел патефон. Пластинки выбирал сам. Гости пытались танцевать, но дама была одна, и с танцами ничего не получилось. Тогда хозяин дома извлек из стопки пластинок «Барыню». С. М. Буденный не усидел — пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по коленям и голенищам сапог. Все от души аплодировали ему.

Гвоздем музыкальной программы были записи военных песен в исполнении ансамбля профессора А. В. Александрова. Эти песни все мы знали и дружно стали подпевать.

Возвращались из Кунцева уже около трех часов ночи. Первая за время войны встреча Нового года не в служебной обстановке породила раздумья. По всему чувствовался недалекий конец войны. Дышалось уже легче, хотя мы-то знали, что в самое ближайшее время начнется новое грандиозное наступление, впереди еще не одно тяжелое сражение.

Алексей Иннокентьевич вдруг предложил не возвращаться, как всегда, на службу, а поехать ночевать домой. Новый год начинался как-то совсем по-мирному. И праздничный прием у Верховного Главнокомандующего, и ночевка дома — все это было вопреки режиму, установившемуся в генштабе во время войны.

Но облик Москвы все еще был военным. Мы ехали по темным, пустынным улицам, мимо замороженных домов с плотно зашторенными окнами. Лишь кое-где из-за стекол пробивались робкие лучики, комендантские пат-

рули и дежурные бойцы ПВО уже не так строго взыскивали за подобные нарушения.

Словом, все в эту ночь напоминало, что война приближается к финишу.

Начало апреля 1945 года. Вслед за провалом дипломатических акций гитлеровцев, связанных с «меморандумом Риббентропа» и «миссией Вольфа», очевидный крах постиг и переговоры Гимmlера с представителями международных сионистских организаций. Гитлеровская камарилья, засевшая в подземелье имперской канцелярии, все более убеждалась, что у нее нет более возможностей влиять на обстановку не только военными, но и дипломатическими средствами.

Какой же вывод сделали из этого в Берлине? «Новая» военно-дипломатическая стратегия гитлеровцев была сформулирована и утверждена на совещании фашистского руководства 6 апреля 1945 года. «Надо просто продержаться. На Востоке можно еще по крайней мере два месяца оказывать русским сопротивление, — заявил Гитлер. — За это время дело дойдет до разрыва коалиции между русскими и англосаксами. Кто из них раньше обратится ко мне, с тем я и заключу союз против другого». Конечно, последняя фраза была сказана лишь для красного словца. Весь накопленный к тому времени политический опыт убеждал гитлеровцев в том, что Советский Союз неизменно верен своим союзническим обязательствам и ни на какие сепаратные сделки с фашистской Германией не пойдет. В то же время немецко-фашистская верхушка до последних дней не теряла надежды, что при определенных условиях в правящих кругах США и Великобритании возобладают антисоветские тенденции и Вашингтон и Лондон пойдут на сохранение фашистской Германии и даже ее «использование» в конфронтации с Советским Союзом. Именно в эту сторону, как мы увидим, и были нацелены военные и дипломатические усилия Берлина.

В основу дипломатических планов в последние дни существования преступного гитлеровского рейха легла бредовая идея «фюрера»: как только войска Красной Армии встретятся на территории Германии с войсками США и Великобритании, а не исключено, даже и раньше, произойдет взрыв противоречий в антигитлеровской коалиции и между ее участниками начнутся военные действия.

Гипертрофически преувеличивая разногласия и противоречия внутри антигитлеровской коалиции, нацистская верхушка явно принимала желаемое за действительное. В начале апреля 1945 года Гитлер и его окружение проводили ночи напролет в подземелье имперской канцелярии, обсуждая всевозможные варианты «поворота событий». «Речь шла о беседах, — пишет западногерманский исследователь Ю. Торвальд, — где каждое высказывание союзного государственного деятеля, каждая заметка союзной газеты, каждый малейший признак напряженности между англо-американцами и Советским Союзом обсуждались и интерпретировались с неестественностью горячечного бреда, где надежда одних разжигала надежду других и иллюзии одного пробуждали в других новые иллюзии». Гитлер повесил у себя в кабинете огромный портрет прусского короля Фридриха II, а Геббельс подарил ему книгу английского историка Карлейля о Семилетней войне. Излюбленной темой бесед в подземелье имперской канцелярии стало «чудесное завершение» Фридрихом Семилетней войны после того, как неожиданная смерть российской императрицы Елизаветы расстроила воевавшую против него коалицию.

Известие о смерти президента США Ф. Рузвельта — она последовала 12 апреля 1945 года — гитлеровцы восприняли как подтверждение реальности своих внешнеполитических планов. Они явно рассчитывали на то, что с уходом Рузвельта внутри правящих кругов США произойдет быстрая перестановка сил в пользу реакционных антисоветских элементов и это откроет Германии путь к дипломатическим переговорам с Вашингтоном и Лондоном.

«Узнав о смерти Рузвельта, Геббельс пришел в экстаз. Он немедленно по личному проводу связался с Гитлером: «Мой фюрер! Я поздравляю вас. Рузвельт умер. На звездах написано, что вторая половина апреля станет для нас поворотным пунктом. Сегодня пятница, 13 апреля. Это и есть поворотный пункт».

Последующие три дня в подземелье царило радостное оживление.

«Шампанское льется рекой, — писал очевидец событий, — газеты ликуют. Гитлер принимает со всех сторон бесконечные поздравления». На все лады варьировалась тема: смерть Рузвельта приведет к изменению позиции

Запада в отношении третьего рейха и лично Гитлера.

Однако и на этот раз гитлеровцы просчитались. Они явно переоценивали разногласия среди союзников и не видели того, что цементировало и придавало крепость антигитлеровской коалиции,— неуклонную волю свободлюбивых народов, в том числе народов США и Великобритании, покончить с германским фашизмом.

«Я ГОТОВ ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ С САМИМ ДЬЯВОЛОМ»

«Рауль часто повторял, что ради спасения человеческой жизни готов вести переговоры с самим дьяволом»,— вспоминал Пер Ангер, друг и коллега Рауля Валленберга.

Жизнь и смерть Рауля Валленберга были загадочны.

Согласно советским документам, он был арестован сотрудниками СМЕРШ и умер 17 июля 1947 года в Лубянской тюрьме.

Однако многие выражали сомнение в правдивости этих документов, как и в том, что Валленберг вообще умер...

Раулем мать назвала сына в честь безвременно скончавшегося отца.

Весной 1912 года в стокгольмской больнице умер тяжело больной 23-летний офицер шведского королевского флота Рауль Оскар Валленберг. Он был близкий родственник Якоба и Маркуса Валленбергов — шведских Рокфеллеров. Семья Валленберга и сегодня одна из богатейших семей Швеции.

У молодого флотского лейтенанта Валленберга был рак.

Рауль Оскар Валленберг не увидел сына. Он скончался за три месяца до его рождения. В воскресенье 4 августа 1912 года Рауль Густав Валленберг появился на свет.

Когда ему исполнилось 6 лет, мать снова вышла замуж. Отчимом Рауля стал Фредерик фон Дардель, директор Каролинской клиники. Вскоре у него появилась сестра Нина и брат Ги. Рауль фактически оказался

единственным наследником династии Валленбергов. Особой заботой мальчика окружил его дед Густав Валленберг, известный дипломат, посол Швеции в Китае, Японии и Турции. В 1937 году Густав Валленберг скоропостижно скончался в Стамбуле.

Рауль закончил гимназию в Стокгольме, служил в армии, а затем отправился путешествовать по свету. Дед хотел сделать из него самостоятельного человека. После посещения Парижа отправился изучать архитектуру в Америку, в небольшой городок в штате Мичиган. Таково было желание деда. «Мой внук не будет учиться в университете для снобов», — сказал тогда старый Густав. Рауль согласился с ним.

Диплом о высшем образовании он получил в 1935 году. После учебы — это был период экономической депрессии — Рауль безуспешно пытался найти работу в Швеции. Наконец ему удалось устроиться в одну торговую фирму, которая направила его своим представителем в Южную Африку. Но эта работа пришлась молодому человеку не по вкусу. Как истый Валленберг, он не мог терпеть одного — неудачи. Когда старый Густав пригласил его в Ниццу, где отдыхал, Рауль с радостью согласился. По просьбе деда молодого Валленберга взял к себе друг семьи, еврей из Голландии, владелец банка в Хайфе (тогда богатый порт Средиземного моря). В Хайфе Рауль впервые столкнулся с еврейским вопросом...

Раулю исполнилось 24 года, и день рождения он приехал отпраздновать в Стокгольм. Его сестра Нина Лагергрэн описывает Рауля как веселого, остроумного молодого человека, обожавшего общество, красивых девушек, долгие, до рассвета, беседы за бокалом вина.

В начале 1941 года фашисты оккупировали одну за одной европейские страны. В Стокгольме Рауль Валленберг познакомился с торговцем из Венгрии Кальманом Лауэром, совладельцем «Среднеевропейского торгово-акционерного общества». Тому пришлось забросить свои дела в Венгрии, ибо по национальности Лауэр был еврей. Рауль помог другу, стал вместо него ездить в Венгрию, во Францию, Швейцарию...

Но одного не знал тогда Рауль. Он и не подозревал, что богатые и влиятельные родственники — Якоб и Маркус Валленберги — скупали у нацистской Германии золото и акции, конфискованные у евреев. Эти потряс-

шие шведов сведения приведены в книге «Бизнес любой ценой», которая недавно вышла в свет в Стокгольме.

Ее авторы — два голландских публициста — потратили 10 лет, чтобы в архивах 7 стран собрать материалы о связи семейства Валленбергов с гитлеровской Германией. Авторы книги утверждают, что о связях родственников Рауля стало известно разведчику Дональду Маклину и Киму Филби, которые передали эту информацию в СССР. Возможно, полагают они, это и навело русских на мысль арестовать Рауля Валленберга в январе 1945 года.

«Будапештская одиссея» Рауля Валленберга началась 9 июля 1944 года.

«Валленберг, — вспоминает Пер Ангер, — прибыл в шведскую миссию с необычным для дипломата багажом: два рюкзака, спальный мешок, плащ и револьвер. Но эта экипировка оказалась весьма полезной в последующие месяцы. «Револьвер придает мне мужества, — сказал Рауль в свойственной для него шуточной манере. — Надеюсь, что он мне все-таки не понадобится. Итак, готов приступить к работе».

В чем же заключалась «особая миссия» 31-летнего шведского бизнесмена, которому на некоторое время пришлось стать дипломатом? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться к событиям весны 1944 года.

Чем хуже шли дела у германского рейха на Восточном фронте, тем больше росло недоверие к сателлиту. Венгрия собиралась выйти из войны. Через доверенных лиц она осуществляла контакты в Стамбуле и Стокгольме с представителями западных держав — членов антигитлеровской коалиции. Об этом стало известно немецкой разведке. Вот почему 19 марта 1944 года на улицах Будапешта появились немецкие солдаты и танки.

Накануне адмирал Миклош Хорти побывал у Гитлера в замке Клессхайн под Зальцбургом, где выслушал упреки в том, что венгерские войска ведут себя пассивно на Восточном фронте. Фюрер обвинил Хорти и в том, что венгерские власти лишне мягки в отношении евреев...

После этой встречи был приведен в действие план оккупации Венгрии под условным наименованием «Операция Маргарита».

Ход операции оправдал прогноз Вальтера фон Брау-

хича. Как-то на вопрос, сколько дней ему понадобится для захвата Венгрии, фельдмаршал ответил:

— Двадцать четыре часа.

— А если будет оказано сопротивление?

— Двенадцать!

— ?!

— Не надо произносить речей...

Венгрия капитулировала не сопротивляясь. Премьеру Каллаи пришлось укрыться в турецком посольстве, а министр внутренних дел Карстер-Фишер был арестован. Послом с особыми полномочиями в Венгрии стал штандартенфюрер СС Эдмунд Веезенмайер. Для решения «еврейского вопроса» в Будапешт прибыл Адольф Эйхман. В имперском управлении безопасности он возглавлял «подотдел по делам евреев».

«В 6 часов утра 19 марта 1944 года, — вспоминает Пер Ангре, — меня разбудил телефонный звонок главы миссии Даниэльссона. Он сообщил, что немцы входят в Будапешт, и предложил немедленно прибыть в здание миссии. Вторжение ставило перед нами много новых сложных задач. Немцы полагали, что венгерские власти не могут «надлежащим» образом решить «еврейский вопрос», и рассматривали 800 тысяч венгерских евреев, 200 тысяч из которых проживали в столице, как «опасную пятую колонну за спиной германской армии». С первых дней начались массовые аресты».

Роль шведской миссии в «еврейском вопросе» требует некоторых пояснений. В январе 1943 года в Будапеште был создан еврейский комитет «Ваадах». В его задачу входило оказание помощи еврейским беженцам из Польши и Словакии. Один из руководителей комитета Р. Кастнер вступил в контакт с А. Эйханом, чтобы выяснить возможность выкупа депортированных евреев. В принципе, немцы шли на переговоры о выкупе, но просили большую сумму. В конце концов, сообщает Ангер, немцы выразили готовность освободить миллион евреев в обмен на обязательство американцев и англичан поставить Германии 10 тысяч грузовиков. Но союзники на сделку не пошли.

«Дальнейшие контакты с Эйхманом, — вспоминает П. Ангер, — стали невозможны после того, как в июне 1943 года замнаркома по иностранным делам Вышинский сообщил американскому посольству в Москве, что советское правительство не считает желательным, чтобы

с немцами велись какие-либо переговоры по еврейскому вопросу. Теперь все надежды связывались с нейтральными странами».

После оккупации Венгрии были введены новые правила для евреев. «Я никогда не забуду,— пишет П. Ангер,— тот день, когда эти правила вступили в силу и можно было видеть венгерских евреев с желтой звездой на одежде». В течение весны и лета 1944 года в сельских районах Венгрии были уничтожены все евреи. Только с 15 мая по 7 июля в концлагеря было отправлено около 600 тысяч лиц еврейской национальности. Потрясенный геноцидом, король Швеции Густав обратился 30 июня 1944 года к Хорти с призывом спасти тех, кого еще можно было спасти. 12 июля последовал ответ. Хорти обещал сделать все, чтобы «принципы гуманизма и справедливости были соблюдены».

Из записной книжки (1944 г.)

12 июля. Рауль получает статус дипломата и соответственно дипломатический иммунитет. С Пером Ангером они наносят визит барону Рубино-Циши из министерства иностранных дел Венгрии.

19 июля. Рауль впервые встречается с оберштурмбанфюрером СС Адольфом Эйхманом.

Валленберг под руководством главы миссии развернул активную деятельность, которая финансировалась в основном Управлением по делам военных беженцев США. В миссии был создан новый отдел во главе с Валленбергом. По инициативе Рауля в различных концах города были созданы конторы. Их сотрудники — около 400 человек, в основном евреи,— после настойчивых переговоров Валленберга с венгерскими властями могли не носить желтую звезду на одежде и имели право свободно перемещаться по стране. Был введен защитный паспорт, снабженный личной подписью главы шведской миссии. Обладатель паспорта и его имущество находились под защитой шведской миссии вплоть до отъезда в Швецию.

Но все попытки переправить людей в Швецию заканчивались неудачей. Однако венгерское правительство обещало не депортировать обладателей паспортов. Им было разрешено жить в домах, получивших название «свенскхюсен» (шведские дома), которые миссия арендовала в Пеште. По примеру Валленберга действовали

миссии других стран — швейцарская, испанская, португальская.

Из записной книжки (1944 г.)

20 августа. Рауль встречается с Дженнаро Веролино — помощником папского нунция в Будапеште, который вместе со шведами участвует в спасении евреев. (Ныне Дженнаро Веролино — кардинал в Ватикане).

24 августа. Встреча с Нандором Батишфальви — одним из высоких чиновников жандармерии. Валленберг пытается оказать на него давление и предлагает: «Если вы поможете нам, мы поможем вам после войны, когда вас будут преследовать как военных преступников». (Батишфальви удавалось спасать людей из так называемых «колонн смерти», а также буквально снимать с перонов подготовленных к депортации и переправлять их в шведские дома. После войны Батишфальви уехал в Швейцарию и благодаря рекомендации шведских властей получил вид на жительство).

Красная армия стояла у венгерской границы. В августе 1944-го капитулировала Румыния. Тем временем Хорти в очередной раз поменял главу правительства. Премьером назначили генерала Лакатоша. Не намереваясь пока порывать с немцами, указывает П. Ангер, Хорти еще, очевидно, надеялся, что русских удастся как-то задержать и что Венгрия будет оккупирована западными державами. Немцев же больше беспокоило критическое положение на фронте, нежели перестановки в венгерском правительстве.

Из записной книжки (1944 г.)

13 сентября. Валленбергу удалось добиться аудиенции у адмирала Хорти.

21 сентября. Очередная встреча с представителями гестапо.

«С приходом правительства Лакатоша, — вспоминает П. Ангер, — положение еврейского населения несколько улучшилось. Немцы даже пошли на то, чтобы Венгрия сама решала «еврейский вопрос». Покинул страну А. Эйхман, люди постепенно стали освобождаться из лагерей для интернированных. В этот период сотрудники отдела Валленберга вздохнули свободнее. Да и сам Рауль всерьез рассчитывал на то, что в бли-

жайшее время отдел будет упразднен и он с чувством выполненного долга вернется домой. Этому, однако, не суждено было сбыться...»

Замыслы Хорти о выходе из войны не прошли незамеченными. 13 октября Гитлер отдал секретный приказ произвести в Будапеште государственный переворот. На следующий день в венгерскую столицу прибыл генерал СС Эрих фон Дембах-Земевски, за 11 дней до этого потопивший в крови Варшавское восстание. Теперь ему предстояло подготовить операцию «Панцерфауст», предусматривавшую снятие Хорти. В Будапешт приехал и Обрест Отто Скорцени — доверенное лицо фюрера. Почувствовав опасность, Хорти решил форсировать события. 15 октября в 10.45 состоялось заседание Совета министров. Был зачитан ультиматум немцев, оставлявших за собой право контролировать перемещения венгерских войск. Хорти объявил, что настало время разорвать отношения с Третьим рейхом.

В 13.00 по будапештскому радио, как обычно, передали прогноз погоды. Настала очередь хроники дня. Но ее венгры так и не услышали. «Я находился по служебным делам на вокзале, — пишет Ангер, — когда по радио неожиданно объявили, что Венгрия заключила перемирие с русскими. (Еще в сентябре Хорти направил делегацию в Москву для обсуждения условий перемирия). По пути с вокзала на улицах уже можно было видеть немецкие патрули и группы вооруженных до зубов венгерских нацистов».

Из записной книжки (1944 г.)

15 октября. Хаос. Фашисты штурмуют «шведские дома». Валленберг предпринимает отчаянные попытки, чтобы убедить их соблюдать неприкосновенность граждан со шведскими паспортами. На дамском велосипеде Рауль колесит по Будапешту, чтобы приободрить коллег.

На 6.00 16 октября был назначен штурм дворца Хорти. За 10 минут до штурма во дворец прибыл посол Веезенмайер, предложивший Хорти перебраться в «более надежное место». Вечером того же дня Хорти сложил с себя полномочия и передал власть Ференцу Салашу. Самого адмирала препроводили в замок Шлоссхиршберг в Баварии, где он находился до прихода американцев.

Из записной книжки (1944 г.)

26 октября. Валленберг встречается с баронессой Элизабет Кемени, супругой министра иностранных дел Венгрии. Он прибегает к уже проверенной тактике: «Если новые власти будут уважать защитные паспорта, мы им поможем после войны». (Разговор Элизабет с супругом не пропал даром). Министр спас от смерти тысячи людей.

7 ноября. У Рауля появилась крестница. Ее мать работала в шведской миссии, где врач и предложил принять роды. Пока подготавливали инструмент, из кабинета вышел Валленберг. Узнав, в чем дело, он предложил переехать к нему на квартиру. Ночью родилась девочка, которую с благословения Валленберга называли Иванны Мария Ева Вандор.

«С приходом к власти Салаши в стране,— пишет П. Ангер,— установилась мрачная атмосфера террора: аресты, обыски. Тела расстрелянных евреев салашисты сбрасывали прямо в Дунай. В Будапеште снова объявился А. Эйхман со своей командой. В венгерской столице создается гетто. «Шведские дома», включенные в состав гетто, метят желтыми звездами, но они продолжают находиться под защитой миссии.

Из записной книжки (1944 г.)

4 декабря. Валленберг провел три встречи и важный телефонный разговор. В стране царит хаос.

«В этот день Рауль пригласил Эйхмана на обед, но забыл об этом и вспомнил о своем приглашении лишь после полудня,— пишет П. Ангер.— Он не успевал все организовать, и поэтому его друзья Ларс Берг и Ете Карлсон предложили устроить обед у них дома, где был хороший повар и запас продуктов. После обеда Валленберг подвел Эйхмана к окну и показал отблески огня над Будапештом. Это были отсветы пожаров. «Почему вы не сдаетесь? — спросил Валленберг.— Вы же видите, конец близок!»

Эйхман, согласно воспоминаниям Ларса Берга, ответил так:

«Допускаю, что вы правы, господин Валленберг. Я не очень-то верил в нацизм. Знаю, что приятной жизни скоро конец и мне не будут привозить женщин из Парижа. Но я сделаю все возможное, чтобы противодействовать вам. И дипломатический паспорт не поможет, если

я сочту необходимым убраться вас. Несчастье может случиться и с дипломатом из нейтралов».

Из записной книжки (1944 г.)

11 декабря. Неделю спустя после встречи с Эйхманом в автомобиль шведской миссии на полной скорости врезался грузовик. Благодаря случайному стечению обстоятельств Валленберга в машине не было. За рулем грузовика сидел немецкий шофер.

Приближалось Рождество. За день до него П. Ангре и Р. Валленберг были вызваны в венгерский МИД, где их принял исполняющий обязанности министра Вашконди. Сам министр, как и все правительство, покинул столицу перед приходом Красной Армии. Вашконди сообщил, что в связи с ухудшением обстановки на фронте принято решение о том, что все учреждения, в том числе и шведская миссия, должны быть эвакуированы из Будапешта.

Однако шведы заявили, что они остаются.

Утром 24 декабря салашисты под предлогом защиты миссии ворвались в здание, фактически арестовав всех сотрудников. Некоторых увезли с собой.

Из записной книжки (1944 г.)

29 декабря. Последняя запись: «10.00 Лечи» (Повидимому, фамилия какого-то венгра).

П. Ангре с Л. Бергом поехали в Буду, где на улице Ури было резервное убежище для сотрудников миссии — неприметный двухэтажный домик. В этом доме за забаррикадированными дверями они и провели рождественскую ночь. Туда же приехал Рауль Валленберг, который постоянно находится в Пеште, где были его конторы...

«Последний раз,— пишет Ангер,— я видел Рауля 10 января 1945 года. Он зашел на минутку, и я попытался уговорить его остановиться в Буде и прекратить деятельность. Но об этом он и слышать не хотел. Вокруг падали бомбы, а мы отправились в штаб войск СС, где я хотел добиться каких-нибудь гарантий безопасности для сотрудников миссии. Дорога была завалена телами убитых, трупами лошадей, поваленными деревьями и обломками зданий. «Не страшно?» — спросил я у Рауля. «Бывает жутковато,— ответил он.— Но у меня нет выбора. Я не могу вернуться в Стокгольм без сознания

того, что сделал все от меня зависящее, чтобы спасти людей». 12 января советские войска ворвались на улицы Пешты. Немецкие части, взорвав мосты через Дунай, держали оборону в Буде.

Представители шведской и швейцарской миссий встретились с командованием германских войск и венгерским комендантом Хинди, пытаясь убедить их капитулировать. Ответ был отрицательный. Позже выяснилось, что немецкое командование направило Гитлеру секретную телеграмму. Фюрер заявил, что «город должен держаться до последнего». Только 30 января 1945 года в помещении шведской миссии появились советские солдаты.

Но вернемся к Валленбергу. Он остался в Пеште, где проживали 100 тысяч евреев и размещалось большинство контор, подчинявшихся отделу Валленберга. «Советские войска, — пишет Ангер, — приблизились к Пешту 13 января, но немцы сопротивлялись на высотах Буды, и русским долго не удавалось сломить их сопротивление. Все это время у нас не было никаких контактов с Раулем. Когда же в апреле нас отправили домой, в Швецию, мы думали, что он уже там. Но Рауль в Стокгольм не приезжал».

В середине января 1945 года Рауль пересек линию фронта, чтобы переговорить с русскими о том, как обеспечить безопасность гетто. Через три дня он возвратился в сопровождении капитана Красной Армии и двух рядовых. Одному из сотрудников миссии Рауль сказал: «Не понимаю, я их гость или пленник»...

Что же такое СМЕРШ?

ОГПУ еще в середине 20 годов ввело в практику похищение и убийство «предателей», нашедших прибежище в зарубежных странах. В 1936 году для этой цели в НКВД было создано «управление специальных заданий», которое сами чекисты окрестили «управлением мокрых дел». На его счету ликвидация многих троцкистов, и, наконец, самого Л. Д. Троцкого в 1940 году.

В начале войны в 1941 году этот орган был преобразован в 4-ое или «партизанское» управление с задачей организации шпионажа, диверсий и партизанских операций в немецком тылу. Позднее появился СМЕРШ — организация, созданная Сталиным по решению Государственного комитета обороны в начале 1943 года.

СМЕРШ — сокращение от слов «смерть шпионам»,

в его функции входили контрразведка, обезвреживание шпионов и контрпропаганда.

Согласно немецким архивным документам, именно СМЕРШ организовал убийство гауляйтера В. Кубе в Минске и губернатора О. Бауэра во Львове.

Руководитель разведки при верховном командовании немецкой армии Р. Гелен должным образом оценил эффективность новой организации. Его донесения 1943 и 1944 годов полны предупреждений о «террористических динамитчиках и убийцах» СМЕРША.

В июле 1943 года агенты Гелена сумели добыть секретное учебное пособие для сотрудников СМЕРШа, которое было специально для фюрера переведено на немецкий язык. Гитлер с большим интересом изучил этот документ.

После войны СМЕРШ был упразднен. В НКВД было создано специальное бюро номер 1, в функции которого входила организация диверсий и убийств на территории других государств.

Именно со СМЕРШем пришлось встретиться Валленбергу в Будапеште.

Встреча была роковой.

Подполковник в отставке Я. Валах утверждал: «Я был последним, кто видел Валленберга в Будапеште».

«В последнее время в печати много пишут о судьбе Рауля Валленберга. В частности, обнародованы обнаруженные в архивах документы 151-й стрелковой дивизии и 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта, в которых говорится об аресте советскими солдатами шведского дипломата. Но, к сожалению, в донесении политотдела 151-й стрелковой дивизии допущены неточности. Никто в тот момент Валленберга не «арестовывал», не «задерживал» и не «охранял». Я — свидетель тех событий.

Январь 1945 года. Наша 151-я стрелковая дивизия вела тяжелые уличные бои в Будапеште, продвигалась по самому центру восточной части венгерской столицы — Пешту — и далее к Дунаю. В один из тех дней, 14 января, и произошла моя встреча с Р. Валленбергом.

Командир одного из полков дивизии доложил, что к нему пробрались два человека, назвавшиеся сотрудниками шведского посольства в Будапеште. Они просили связать их с советским командованием. Командир дивизи-

зии поручил мне, а я был тогда старшим инструктором политотдела, прибыть в штаб полка.

Со мной отправились офицер связи того полка, без которого трудно было бы в лабиринте улиц и переулков найти сам штаб, и два солдата-автоматчика. Преодолевая простреливаемые места, мы наконец прибыли в штаб, который находился в известном будапештском парке «Варошлигет», в подвале водолечебницы. Здесь я и увидел высокого стройного мужчину Рауля Валленберга, первого секретаря шведского посольства и уполномоченного Международного Красного Креста. Своего спутника, невысокого роста рыжеволосого венгра, он представил как шофера — Вильмоша Лангфельда. Валленберг очень оживился, когда узнал, что я говорю по-немецки.

От офицеров полка я узнал, что Валленберг и его спутник неожиданно появились на улице, где рвались снаряды и мины, где все простреливалось гитлеровскими автоматчиками, засевшими на верхних этажах домов. В руках Валленберг держал маленький шведский флаг.

Валленберг повторил мне свою просьбу — связать его с советским военным командованием, как он выразился, «достаточно высокого ранга». Вспоминаю, что он рассказал мне о его такой же попытке накануне, но офицер и солдаты, к которым обратился, видимо, его не поняли. Все дело ограничилось тем, что у него отобрали легковой автомобиль и отпустили. И вот уже вшестером мы отправились в штаб дивизии. Там были командир дивизии генерал-майор Д. Подшивайлов, начальник штаба полковник Н. Рогаткин, начальник политотдела полковник Я. Дмитренко, начальник отдела контрразведки майор И. Кислица. Я переводил. Валленберг подробно рассказывал о своей миссии в Будапеште, о том, как удалось спасти тысячи венгерских евреев, обреченных гитлеровцами на полное физическое уничтожение. Он рассказал также и о будапештском гетто, даже показал на плане города точное его местонахождение.

Беседа с Валленбергом длилась долго. Мы много раз переспрашивали его, почему он не выехал из Будапешта, когда приблизился фронт, почему так рисковал своей жизнью. Ответ его был один: он выполнял свой долг. Валленберг с беспокойством говорил о том, что, когда начались бои в Будапеште, он уже не мог продолжать свое дело — спасти узников гетто. Поэтому теперь

так настойчиво ищет контактов с военным командованием, чтобы обсудить, что же делать дальше, как спасти обреченных людей. Затем по его же просьбе из штаба дивизии был послан «наверх» запрос. Я не знаю, с кем связывался начальник штаба дивизии — со штабом 7-й гвардейской армии или со штабом 18-го гвардейского стрелкового корпуса, который был промежуточным звеном между дивизией и армией...

Остаток ночи я провел с Валленбергом и его шофером почти безотлучно. Мы предложили обоим отдохнуть, поспать. На командном пункте дивизии — а это была многокомнатная квартира — мы отвели им отдельную комнату. Но оба они почти не спали. Да и есть не стали, только выпили с нами чай.

Помню, что в руках у Валленберга был объемистый портфель. Он пояснил, что в нем важные документы, которые готов передать советскому военному командованию.

Утром, это было в 10—11 часов, к нам прибыли на двух автомобилях «виллис» офицеры, как мы полагали, из штаба 7-й гвардейской армии. Их было четыре человека, старший — полковник. Он уединился с начальником штаба, а затем поручил мне передать Валленбергу, что его могут доставить к командованию фронта, как он об этом просит. Валленберг обрадовался.

Потом Валленберга и его шофера пригласили сесть в автомобили. Помню, что их усадили не вместе, а порознь, каждого в отдельный «виллис». Рауль Валленберг тепло попрощался с нами.

Еще одна подробность. Перед отъездом тот полковник предупредил всех нас, что мы никому не должны говорить о Валленберге. Тогда мы не придали этому особого значения. И только через много лет узнали, куда отвезли шведского дипломата и как распорядились его судьбой».

И все же близкие Валленбергу люди сомневались в его гибели в 1947 году. Представители «Общества Рауля Валленберга» — Пер Ангер, Нина Лагерген и Ги фон Дардель приезжали в 1989 году в Москву для знакомства с документами, которые были предоставлены им КГБ СССР.

Но загадка так и осталась загадкой...

НАЧАЛО АТОМНОГО ВЕКА

Завершение одной войны ознаменовало подготовку ко второй.

Всеволоду Овчинникову события виделись в следующем развитии.

6 июня 1944 года войска союзников высадились на побережье Франции. Но еще до открытия второго фронта в Европе Пентагон учредил так называемую миссию «Алсос» — научную разведку специального назначения. Двигаясь вместе с войсками вторжения, она должна была немедленно приступить к сбору материалов по германскому «урановому проекту», а также разыскать наиболее видных ученых, принимавших в нем участие, и конфисковать запасы расщепляющихся материалов.

В более широком плане новая разведывательная организация имела цель перехватить у союзников любые сведения как об атомной программе, так и о других перспективных видах оружия, которые разрабатывались в гитлеровской Германии, и прежде всего не допустить, чтобы эти материалы попали в руки Советского Союза.

Во главе миссии «Алсос» был поставлен полковник Паш. Это назначение, связанное с выездом в Европу, должно было оторвать его от дела Оппенгеймера и разрядить нежелательную для Гровса конфликтную ситуацию в Лос-Аламосе.

Поскольку миссии «Алсос» предстояло действовать в зоне военных операций, при подборе ее научного руководителя в Пентагоне решили застраховаться от возможных неожиданностей. Назначенный на этот пост голландский физик Сэмюэл Гоудсмит был достаточно эрудирован в области ядерной физики, однако не состоял в штате сотрудников Манхэттенского проекта, не работал в Лос-Аламосе.

После того как Энрико Ферми впервые осуществил в Чикаго цепную ядерную реакцию, американцы уже не сомневались, что создание атомной бомбы практически возможно. Им также казалось, что немцы продвинулись в этом направлении гораздо дальше, ибо развернули свои исследования на два года раньше их.

Словом, о германском «урановом проекте» в Соединенных Штатах знали мало, да и это немного часто истолковывали в пользу противника.

Что имел в виду Гитлер, постоянно хвастая новым секретным оружием? Даже если у немцев еще нет атомной бомбы, в Германии, по всей вероятности, действуют урановые котлы, благодаря которым она может располагать значительными количествами радиоактивных материалов. Что, если нацисты вздумают найти им боевое применение, использовать эти ядовитые вещества против сил вторжения? Вот почему накануне открытия второго фронта в американских войсках были созданы специальные подразделения, оснащенные счетчиками Гейгера.

Недостаток информации об «урановом проекте» в Пентагоне относили на счет нацистской системы секретности. На самом же деле это было лишь следствием незначительных масштабов работ.

24 августа 1944 года на улицах Парижа ликовали возбужденные толпы. Подняв восстание против гитлеровских оккупантов, жители французской столицы освободили город и теперь готовились встретить французские войска.

Первым в Париж должен был вступить французский генерал Леклерк со своей 2-й бронетанковой дивизией. Вместе с ее авангардной колонной в город ворвался джип с американскими офицерами, не имевшими отношения ни к одной из строевых частей. У каждого из них за отворотом тужурки был приколот потайной значок: белая буква альфа, пронзенная красной молнией. Это была передовая группа миссии «Алсос» во главе с полковником Пашем. Еще не доехав до Триумфальной арки, где происходила церемония встречи, джип свернул в сторону. То и дело сверяясь по карте, Паш направлял водителя к зданиям Коллеж де Франс.

Список ученых, которых миссия «Алсос» должна была разыскать в освобожденном Париже, начинался с имени Фредерика Жолио-Кюри. Требовалось узнать: не участвовал ли французский физик в германском «урановом проекте», не имеет ли он каких-либо сведений об этих секретных работах и, наконец, нельзя ли переманить его в США.

Найти лабораторию Жолио-Кюри не представляло труда. Несколько вооруженных людей, весьма мало похожих на профессоров и студентов, шумно обсуждали там события дня.

— Господин Жолио-Кюри? Он ушел отсюда накану-

не восстания и вот-вот должен вернуться.

Пока наводили справки по телефону, один из сотрудников миссии «Алсос» подошел к полковнику Пашу и с недоуменным видом зашептал ему на ухо:

— Здесь говорят, будто Жолио-Кюри действительно изобрел какую-то новую бомбу и что сегодня об этом знает весь Париж.

Оказалось, что всемирно известный физик занимался секретным оружием совсем другого рода. Его лаборатория в Коллеж де Франс служила подпольным арсеналом. Там мастерили самодельные гранаты и мины для отрядов Сопротивления.

— Наши американские друзья интересуются бомбами, которые мы тут делали при немцах, — пояснил молодой француз подошедшему Жолио-Кюри.

— Мы хотели спросить, — уточнил Паш, — заставляли ли вас нацисты заниматься во время оккупации теми же исследованиями, которые вы начинали здесь с Халбаном и Коварски...

Этого вопроса было достаточно, чтобы Жолио-Кюри понял, с кем имеет дело.

— Три дня назад, — улыбнулся он, — когда я бросал в немецкие танки бутылки с горючей смесью собственного изготовления, у меня, помнится, вертелась мысль: подумать только, до чего я дошел! Ведь в Америке, наверное, мои коллеги тем временем делают атомную бомбу!

Жолио-Кюри рассказал о своей деятельности за минувшие годы. Вскоре после оккупации Парижа в его лабораторию явились два немецких физика: Шуман и Дибнер. Сначала они пытались лестью склонить Жолио-Кюри к сотрудничеству, потом принялись угрожать ему. Немцы требовали сообщить, где спрятана вывезенная из Франции тяжелая вода. Француз сумел ввести их в заблуждение, сказав, что она была погружена на английское судно, подорвавшееся на mine.

Поначалу Шуман намеревался вывезти в Германию циклотрон и другое оборудование, но потом было решено использовать его на месте, прислав в Коллеж де Франс немецких физиков. Их группу возглавлял Вольфганг Гентнер, весьма далекий от симпатий к фашизму. В Париж его послали лишь потому, что до войны он работал в США вместе с изобретателем циклотрона Лоуренсом и считался лучшим специалистом в данной области.

Гентнер догадывался об участии Жолио-Кюри в движении Сопротивления и как мог оберегал его от гестапо. Несмотря на это, нацисты дважды подвергали французского физика арестам и допросам.

Тем не менее оккупанты оставили Жолио-Кюри работать в Коллеж де Франс, где он занимался проблемой, весьма далекой от военного дела: применением меченых атомов в биологии. Но научная работа была в немалой степени прикрытием. Под носом у немцев в Коллеж де Франс мастерили радиостанции и боевое снаряжение.

После своего рассказа Жолио-Кюри стал сам задавать вопросы. И благожелательное начало беседы сменилось взаимной настороженностью. Американцев всполошила осведомленность французского физика в вопросах, имеющих отношение к Манхэттенскому проекту. Полковнику Пашу и его спутникам было трудно понять, что это объяснялось высокой компетентностью Жолио-Кюри в данной области науки.

Но еще больше встревожило их явно отрицательное отношение французского физика к попыткам Соединенных Штатов закрепить за собой монополию на атомное оружие. Жолио-Кюри без обиняков осудил посягательства Вашингтона на интересы союзников и заявил, что при первой же возможности изложит свои взгляды на сей счет генералу де Голлю.

15 ноября 1944 года американские войска овладели Страсбургом. Операция эта несколько раз откладывалась, и полковник Паш, находившийся в передовых частях, все больше нервничал. На основе отрывочных сведений, собранных в Париже, миссия «Алсос» пришла к выводу, что значительная часть работ, связанных с германским «урановым проектом», велась в Страсбургском университете.

Группа сотрудников миссии «Алсос» во главе с Пашем проникла в город вместе с американскими танками. Найти немецких физиков оказалось нелегко. Их лаборатория занимала больничный флигель, а одетый в белые халаты научный персонал выдавал себя за медиков. Ведущих германских физиков среди захваченных ученых не оказалось. Да и допросы их дали не так уж много. Удалось, правда, установить, что Физический институт Общества кайзера Вильгельма эвакуирован из Берлина. Пока сотрудники миссии «Алсос» пытались установить его новое местоположение, Гоудсмит наткнулся на каби-

нет Вайцзеккера. Главные документы были, судя по всему, вывезены, но чутье криминалиста-любителя привлекло внимание Гоудсмита к папке черновых записей и беглых заметок. Две ночи он, не разгибаясь, просидел над этими бумагами. А потом пришел к полковнику Пашу и торжественным тоном заявил, что миссия «Алсос», на его взгляд, уже выполнила свою задачу.

— Что же вы там нашли? Секрет германской атомной бомбы? — осведомился Паш.

— Не иронизируйте, а садитесь писать срочный доклад то ли Гровсу, то ли Стимсону, то ли самому президенту. Пишите, что сегодня в Страсбурге мы доподлинно установили: у нацистской Германии нет и до конца войны не будет атомной бомбы.

— Какие же у вас есть основания для столь категорического вывода?

— Не будь я сам физиком, не знай я действующих лиц, я бы не смог расшифровать эти заметки. В этой папке сохранилась деловая, можно сказать, интимная переписка ведущих немецких физиков. Этот недоступный для посторонних язык намеков, на котором ученые общались друг с другом, представляет собой бесценный документальный материал. Мне трудно объяснить вам, как я пришел к своим выводам. Можно сказать, что немцы всегда смотрели на атомную бомбу как на взрывающийся атомный котел и потому избрали не самый легкий и удачный путь к цели. Но для нас сейчас важно другое. Хотя нацистское руководство давно знало о возможности создать атомное оружие, вплоть до настоящего времени, то есть до конца 1944 года, германские ядерные исследования так и не вышли из лабораторной стадии. Раз у немцев нет атомной бомбы, значит, нам не придется пускаться в ход свою. А коли так — нашу работу здесь можно считать законченной.

— Что касается миссии «Алсос», то она просто вступает в новый этап, — возразил Паш. — Очень хорошо, что немцы не довели дело до конца. Но вы сами как-то говорили, что сделали они не так-то уж мало. Нам надо позаботиться, чтобы все это не попало в чужие руки.

— Вы имеете в виду русских?

— Прежде всего, разумеется, их, но не их одних. Раз уж Соединенным Штатам удалось первыми создать такое оружие, они должны оставаться единственным его обладателем. И пусть весь мир воочию увидит силу

этого оружия, а стало быть, мощь Соединенных Штатов...

В те дни, когда Паш и Гоудсмит рапортовали о находке в Страсбурге, у генерала Гровса возникли новые хлопоты с Жолио-Кюри. При первой же встрече с сотрудниками миссии «Алсос» французский физик прекрасно понял ее подспудную цель: закрепить американскую монополию на атомное оружие, перехватив у союзников результаты германских исследований в данной области. Жолио-Кюри сумел вступить в контакт с де Голлем и по его вызову прибыл в Лондон. Между генералом и физиком состоялась обстоятельная беседа о проблемах атомной энергии и положении Франции в этой области.

Жолио-Кюри напомнил де Голлю, что перед оккупацией Парижа Халбан и Коварски вместе с запасом тяжелой воды вывезли в Англию научные материалы относительно открытий, которые они уже запатентовали как собственность Франции.

Все это по поручению Жолио-Кюри было передано англичанам в обмен на обещание должным образом обеспечить французские интересы в области использования атомной энергии.

Когда американцы впоследствии навязали англичанам в Квебеке соглашение, запрещающее передачу какой-либо информации по атомной проблеме третьим странам, они тем самым перечеркнули прежнюю англо-французскую договоренность.

Случилось так, что почти одновременно с Жолио-Кюри в Лондон приехал Халбан, который после отъезда из Франции сначала принимал участие в английской программе «Тьюб эллойс», а затем вместе с английскими учеными пересек Атлантику и стал сотрудником Манхэттенского проекта. Пентагон просил британское военное министерство под любым предлогом помешать Халбану увидеться с Жолио-Кюри. Но просьба об организации такой встречи поступила от самого де Голля, и, зная строптивый нрав генерала, Черчилль не решился чинить какие-либо помехи.

«Пробив брешь в американо-английских отношениях, основанных на Квебекских соглашениях, Жолио-Кюри принялся активно ее расширять,— писал потом Гровс.— Он дал понять, что если Франция не будет допущена к американо-английской программе по атом-

ной энергии, ей ничего не останется, как ориентироваться на Россию».

13 июня 1944 года, ровно через неделю после того, как войска союзников высадились во Франции, гитлеровцы впервые применили против Англии самолеты-снаряды. Новое секретное оружие, которым Гитлер многократно хвастал, было обозначено буквой «Фау» от немецкого слова «фергельтунгсваффе», что значит «оружие возмездия».

После поражения под Сталинградом нацистской верхушке оставалось уповать лишь на чудо, способное вернуть Германии стратегическую инициативу. Таким чудооружием могла бы стать атомная бомба. Но осуществление «уранового проекта» Вернера Гейзенберга требовало времени и ресурсов. А руководство рейха не располагало ни тем, ни другим.

Иначе обстояло дело с проектом Пенемюнде, научным руководителем которого был Вернер фон Браун. На месте одноименного рыбацкого поселка на острове Узедом в Балтийском море был создан ракетный полигон. Дела там продвинулись гораздо дальше, чем у участников «уранового проекта».

Во время совещания у рейхсминистра Шпеера, когда Гейзенберг ответил, что для создания атомной бомбы потребуются не месяцы, а годы, в Пенемюнде уже приступали к массовому производству самолетов-снарядов «Фау-1». А в октябре 1942 года были осуществлены первые запуски баллистических ракет «Фау-2».

К тому же, в отличие от «уранового проекта», связанного с ядерной физикой, а стало быть, с ненавистными нацистам именами Эйнштейна и Бора, проект Пенемюнде опирался на успехи аэродинамики, а значит, на покровительство Геринга. Ведь «Фау-1» и «Фау-2» предназначались для выполнения тех же оперативных задач, с которыми не смогла справиться военная авиация. Поэтому, оказавшись перед выбором — Вернер фон Браун или Вернер Гейзенберг, — как Гитлер, так и Геринг предпочли фон Брауна.

Ракетный полигон в Пенемюнде привлек к себе внимание британской разведки. Данные аэрофотосъемки были дополнены сведениями, поступившими от французского движения Сопротивления. Участница подпольной группы «Альянс» 23-летняя Жанна Русо сообщила, что на острове Узедом испытываются снаряды, способ-

ные подниматься до стратосферы и затем поражать цели, удаленные на 450 километров. По ее словам, с осени 1943 года планировалось начать обстрел Англии этими снарядами, для чего в Северной Франции строится 108 пусковых платформ. Применение нового оружия возложено на 155-й зенитный полк полковника Вахтеля, где Жанна работала переводчицей.

Донесение группы «Альянс» было подтверждено данными радиоразведки. Перехватив переговоры двух радиолокационных рот, наблюдавших за опытными запусками в Пенемюнде, англичане установили, что скорость самолета-снаряда составляет около 600 километров в час.

7 июня 1943 года — в первые дни битвы на Курской дуге — военный руководитель проекта Пенемюнде генерал Вальтер Дорнбергер и научный руководитель проекта Вернер фон Браун были приглашены на доклад к Гитлеру. После этого ракетная программа была объявлена первоочередной для вермахта.

В ночь на 18 августа 600 английских бомбардировщиков совершили налет на Пенемюнде. Наибольший ущерб был нанесен поселку технического персонала. Под бомбами погибли более 600 иностранных рабочих. Тем же летом англичане нанесли другой, более ощутимый удар по германской ракетной программе. Они подвергли бомбардировке заводы фирмы «Цепелин» в Фридрихсхафене, где с начала 1943 года было развернуто производство баллистических ракет «Фау-2». Наконец в сочельник 24 декабря 1943 года 1.300 английских и американских самолетов забросали фугасными бомбами пусковые платформы, построенные немцами вдоль Ла-Манша.

В результате всех этих ударов гитлеровцам пришлось вновь и вновь откладывать сроки применения нового оружия и в конце концов пустить его в ход поспешно, так и не устранив многие неполадки.

В общей сложности нацисты выпустили по Англии 11.300 самолетов-снарядов. Примерно 20 процентов из них взорвались при старте, 25 процентов были сбиты истребителями, столько же — зенитной артиллерией и только 30 процентов долетели до английской земли (причем из этих 3.200 самолетов-снарядов 2.400 попали в район Большого Лондона). Значительная часть «Фау-1» взорвалась в густонаселенных кварталах. Этим

оружием было убито 5.500 и ранено 16.000 лондонцев.

7 сентября 1944 года гитлеровцы пустили в ход баллистические ракеты «Фау-2». До конца войны было запущено 10.800 таких ракет, причем примерно половина из них взорвалась при старте или упала в море. Жертвами «Фау-2» стало 13.000 мирных жителей.

Однако никакого чуда «оружие возмездия» не совершило. Пустить его в ход внезапно не удалось. Союзники не только знали о проекте Пенемюнде, но и активно препятствовали его осуществлению. Главное же, ни «Фау-1», ни «Фау-2» не имели систем наведения. Они не были оружием поля боя, не годились для применения против войск противника. Лишь восьмимиллионный город на Темзе мог служить для них достаточно крупной мишенью.

Гитлер не решился использовать «Фау-1» и «Фау-2» для обстрела английских портов, служивших базами вторжения во Францию. Он требовал сосредоточить удары только по Лондону, целиком делая ставку не на военный, а на психологический эффект «оружия возмездия».

В конце 1944 года, когда стало ясно, что «оружие возмездия» не в состоянии поставить Англию на колени, Вернер фон Браун предложил нанести неожиданный удар по главным городам Соединенных Штатов. Идея состояла в том, чтобы обстрелять Вашингтон и Нью-Йорк межконтинентальными двухступенчатыми ракетами А-9/А-10. Японцы же одновременно запустили бы со всплывших подводных лодок несколько «Фау-1» по Сан-Франциско и Лос-Анджелесу.

Баллистическая ракета А-9/А-10, над которой в Пенемюнде шли лихорадочные работы, должна была за 35 минут пролететь 5 тысяч километров над Атлантикой и, израсходовав 70 тонн горючего, доставить к цели всего-навсего одну тонну взрывчатки (то есть такой же боезаряд, что и у «Фау-1»).

Поскольку при столь значительной разрушительной силе психологический эффект особенно зависел от точности попадания, предлагалось наводить ракеты при помощи радиосигналов, причем не с базы запуска, а непосредственно из района цели. Для этого германская агентура должна была установить специальные радиомаяки на крышах американских небоскребов и в нужный момент привести их в действие.

Гитлер ухватился за это предложение. Нацистская верхушка рассчитывала, что, если бы, скажем, удалось взорвать самый высокий в Нью-Йорке небоскреб «Эм райр стейт билдинг», да еще предварительно сообщить, что это произойдет в определенный день и час, в городе бы началась паника. А серия таких ударов повергла бы американского обывателя в состояние такого шока, что Соединенные Штаты вышли бы из войны и антигитлеровская коалиция оказалась бы расколотой.

В ночь на 30 ноября 1944 года неподалеку от восточного побережья США всплыла германская подводная лодка с бортовым номером <У-1230>. Она оставила на поверхности надувную шлюпку с двумя людьми и снова ушла на глубину. Около получаса агенты германской разведки гребли к окутанному мглой берегу. После высадки они уничтожили лодку, взяли сумки со снаряжением и разошлись в разные стороны. Так началась операция «Эльстер», подготовленная отделом диверсий Главного управления имперской безопасности (РСХА).

Первый из диверсантов имел документы на имя Джека Миллера. В действительности это был агент РСХА Эрих Гимпель. По специальности радиоинженер, он с 1935 года занимался шпионажем в Англии и США, был резидентом РСХА в Перу. Второй диверсант значился в удостоверении личности как Эдвард Грин. В действительности это был американец немецкого происхождения Уильям Колпаг, завербованный германским консулом в Бостоне. Колпаг окончил Массачусетский технологический институт, а потом военно-морское училище. После выполнения нескольких шпионских заданий Колпаг через Аргентину и Португалию был переправлен в Германию.

Перед операцией «Эльстер» Миллер и Колпаг прошли подготовку в одной из секретных лабораторий концерна «Сименс». Там их обучали новым методам наведения ракет на цель с помощью радиосигналов.

Диверсайты порознь благополучно добрались до Нью-Йорка. Но на этом их везение кончилось. Колпаг разыскал кое-кого из своих знакомых, чтобы устроиться на работу в нужных ему высотных зданиях. Ему показалось, что американца по имени Том Уорренс можно завербовать себе в пособники. Этот антифашистски настроенный ветеран войны сделал вид, будто согласен выполнять поручения Колпага. Но тут же сообщил Фе-

деральному бюро расследований, что его пытается завербовать нацистский агент, затевающий какую-то диверсию.

К заявлению Уорренса в ФБР отнеслись весьма иронически.

— Видно, парня контузило в Европе, вот ему и мерещатся на каждом шагу немецкие шпионы! — ухмылялся сержант, оформлявший протокол.

Трудно было представить, что на завершающем этапе войны, когда неминуемый разгром гитлеровского рейха был очевиден, нацистам могло прийти в голову планировать какие-то диверсии на противоположном берегу Атлантики.

Уорренс все-таки настоял, чтобы Колпага арестовали. И тот на первом же допросе выдал себя и Гимпеля. Правда, местонахождения своего напарника он не знал. Каждый из агентов должен был действовать независимо, опираясь на американцев немецкого происхождения. Чтобы отыскать Гимпеля, ФБР пришлось поднять на ноги всю нью-йоркскую полицию, подключить к этой крупнейшей за военные годы облаве тысячи своих агентов.

А Гимпель между тем поселился в отеле «Пенсильвания» и уже послал в Берлин шифровку о том, что ему удалось поступить в экскурсионное бюро на верхнем этаже небоскреба «Эмпайр стейт билдинг». Он прожил в Нью-Йорке четыре недели.

Подошло рождество. Город готовился к праздникам. Нигде не было ни светомаскировки, ни других примет войны. Магазины бойко торговали подарками. В оживленной уличной толпе никто не мог подозревать о диверсии, которую готовили против нью-йоркцев в далеком Пенемюнде.

Сотрудники ФБР долго выпрашивали у Колпага особые приметы и характер поведения его напарника. Арестованный вспомнил, что Гимпель имел обыкновенные держать монеты не в кошельке, а в верхнем наружном кармане пиджака, куда американцы обычно вставляют платок.

В канун рождества к газетному киоску на Таймс-сквер подошел хорошо одетый мужчина. Не вынимая сигары изо рта, он попросил иллюстрированный журнал и, получив сдачу, сунул монеты в верхний наружный карман пиджака. Заранее проинструктированный владе-

лец киоска тут же подал сигнал агентам ФБР.

Об аресте Колпага и Гимпеля доложили президенту Рузвельту. Он велел предать их военному суду по обвинению в шпионско-диверсионной деятельности.

25 апреля 1945 года войска 1-го Белорусского фронта соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, завершив таким образом полное окружение Берлина. В этот же день войска 1-го Украинского фронта и союзные англо-американские войска ударом с востока и запада рассекли немецкий фронт и соединились в центре Германии, в районе Оттрау.

25 апреля — в тот же самый день, когда вокруг гитлеровской столицы замкнулось железное кольцо, в день исторической встречи советских и американских войск на Эльбе — в Сан-Франциско открылась конференция Объединенных Наций для подготовки устава всеобщей международной организации по поддержанию мира и безопасности. К ее участникам обратился по радио из Вашингтона президент США Трумэн: «Современная война с ее всевозрастающей жестокостью и разрушениями, если ей не воспрепятствовать, в конце концов сокрушит всю цивилизацию... Если мы не хотим погибнуть вместе в войне, мы должны научиться жить вместе в мире».

В таких выражениях приветствовал представителей 46 государств новый хозяин Белого дома, ставший за две недели до этого президентом США после внезапной кончины Рузвельта.

В том, что открытие конференции Объединенных Наций совпало со встречей советских и американских войск на Эльбе, миллионы людей видели тогда добрый знак. Это совпадение казалось залогом того, что, сплотившись в борьбе против общего врага, участники антигитлеровской коалиции смогут плодотворно сотрудничать и в послевоенном мире.

Но богатый событиями и совпадениями день 25 апреля 1945 года ознаменовался еще одной встречей, имевшей совсем иные последствия.

В то самое время, когда делегаты конференции Объединенных Наций слушали по радио запись речи Трумэна, сам он надолго уединился в Овальном кабинете Белого дома с двумя собеседниками. Военный министр Стимсон впервые привел тогда к новому президенту

начальника Манхэттенского проекта генерала Гровса.

— Через четыре месяца, — начал Стимсон, — мы, по всей вероятности, завершим создание самого мощного оружия, какое когда-либо знало человечество. С помощью одной такой бомбы можно разом уничтожить целый город. Хотя это оружие создавалось совместно с англичанами, Соединенные Штаты единолично контролируют сейчас ресурсы и мощности, необходимые для его производства, и никакая другая страна не сможет добиться этого в течение ряда ближайших лет.

Проект, подчиненный лишь президенту через военного министра, финансируется из особого фонда, не подотчетного конгрессу. Даже государственный департамент вплоть до Ялтинской конференции не знал о работах над атомным оружием.

Гровс рассказал о научном центре в Лос-Аламосе, где вместе с американцами трудятся всемирно известные физики, бежавшие из оккупированных Гитлером стран, а также английские и французские ученые, начинавшие атомные исследования самостоятельно.

Генерал доложил президенту, что гигантские секретные предприятия по разделению изотопов урана и производству плутония в Ок-Ридже и Хенфорде к началу августа должны произвести достаточное количество атомной взрывчатки для трех бомб: одной урановой и двух плутониевых.

Для экспериментального взрыва Гровс рекомендовал использовать плутониевую бомбу. Он считал, что для дальнейшего совершенствования нового оружия крайне важно применить в боевых условиях оба типа атомных бомб. Урана же будет в наличии лишь на один боезаряд...

На завершающей части доклада начальнику Манхэттенского проекта показалось, что Трумэн то ли не вслушивается в его слова, то ли не понимает их смысла. В том, что собеседники втолковывали новоиспеченному президенту, действительно было много совершенно неизвестных ему понятий. Но Трумэн сразу же уловил суть дела, и именно поэтому глубоко погрузился в собственные мысли.

Ведь хозяином Белого дома внезапно стал недавний сенатор от штата Миссури, который летом 1941 года так сформулировал свое представление о роли США во второй мировой войне: «Если мы увидим, что выигрыва-

ет Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Став президентом США в момент, когда капитуляция гитлеровского рейха стала вопросом уже не месяцев, а дней, Трумэн оказался перед мучительной дилеммой. С одной стороны, ему не терпелось, «осадить русских», проявить жесткость в вопросах послевоенного устройства в Европе. Но, с другой стороны, он опасался, как бы это не толкнуло Советский Союз к отказу от обещания, данного на Ялтинской конференции,— вступить в войну против Японии через три месяца после победы над Германией.

Трумэн сознавал, что, если Красная Армия с ее боевым опытом не присоединится к союзникам на Дальнем Востоке, вторжение на Японские острова обойдется Соединенным Штатам куда дороже, чем высадка в Северной Франции.

Вот почему слова Стимсона и Гровса произвели на Трумэна прямо-таки ошеломляющее впечатление. Он почувствовал себя азартным игроком, которому на руки вдруг пришел козырный туз. Сомнения разрешились сами собой.

Курс действий четко определился. Сначала на практике показать, что Соединенные Штаты стали единственным в мире обладателем нового оружия небывалой силы. А потом опираясь на атомную монополию, шантажировать Советский Союз, заставить его подчиниться американскому диктату.

Готовясь к встрече с советской делегацией в Потсдаме, Трумэн доверительно сказал одному из помощников:

— Если она взорвется, а я думаю, что так оно и будет, у меня наверняка появится дубина на этих парней! Но... Не получилось.

ВОЕННЫЕ ЛЕГЕНДЫ

«ВО ИМЯ ВСЕХ НЕМЦЕВ...»

Надвигалась война. А уходили журналисты на войну еще до ... войны.

Вспоминает известный писатель Константин Симонов:

«На финскую войну я не попал: ту осень и зиму тяжело болел, а потом, когда уже товарищи мои уехали на войну, были организованы курсы при Академии имени Фрунзе — двухмесячные, — похоже, для того, чтобы подготовить своего рода второй эшелон корреспондентов, несколько образовать нас в военном отношении. Предполагалось, что война может оказаться еще более длительной и что мы после окончания этих курсов тоже подем на фронт.

Нам преподавали главным образом военные дисциплины — тактику, топографию, были и занятия, связанные с обучением владению оружием. В общем было намерение нас несколько образовать в военном смысле, и мы, надо сказать, эти два месяца довольно основательно занимались и кое-что получили. Занятия на курсах закончились числа десятого марта или двенадцатого, а тринадцатого кончилась война с Финляндией, и мы никуда не поехали.

Но идея поосновательнее подготовить некоторых писателей, журналистов для выполнения обязанностей военных корреспондентов на надвигавшейся войне с фашизмом — а в том, что эта война надвигается, никто не сомневался — эта идея продолжала витать в воздухе. И осенью сорокового года, по инициативе Всеволода Витальевича Вишневого ПУР организовал годовичные на этот период курсы военных корреспондентов при научно-политической академии.

На этих курсах мы занимались с сентября сорокового

года по июнь сорок первого. Сначала занимались по вечерам в здании академии, изучали опять-таки тактику, топографию, главным образом, немножко получили некоторые представления об оперативном искусстве, были лекции и по родам войск. В мае или конце апреля выехали на полтора месяца в лагерь — в Кубинку. Мы были своего рода писательской разведкой, разделенной на взводы, нам дали командиров, и мы занимались в поле, был ряд занятий на местности, тактических, топографических знаний, были встречные бои боевых окружений, марши и так далее. В общем, мы втянулись до известной степени в военную службу и, когда вернулись числа 15-го июня, и нам были присвоены звания — кому политические, другим, беспартийным, интендантские, то мы были после этих почти годичных занятий на курсах, конечно, хотя и не военными людьми, но уже людьми, имевшими гораздо большее представление о военном ремесле, о военном искусстве, чем раньше. А кроме того, мы в известной мере научились владеть оружием, что тоже потом, во всяком случае некоторым из нас, пригодилось.

Ну, а 22-го июня началась война, и на нас всех уже были заготовлены предписания, кому-куда, от центральных газет до дивизионных, и 24—25-го июня мы разъехались на фронты».

В годы Великой Отечественной войны в Главном Политическом Управлении РККА был создан отдел (позднее — Управление), который был призван вести пропагандистскую работу среди войск и населения противника, а также среди военнопленных. Помимо политработников были привлечены специалисты-страноведы: историки, экономисты и литературоведы, художники и инженеры, а также журналисты и литераторы, хорошо знавшие немецкий язык и Германию.

Сразу после начала военных действий в отдел начали прибывать захваченные советскими войсками трофеи и среди них — множество немецких газет, документов командования вермахта, личные документы солдат и офицеров. Все это надо было изучить, осмыслить, использовать для пропаганды, чтобы построить ее на конкретном материале и придать, таким образом, советским листовкам и звукопередачам большую убедительность и оперативность.

И тут существенную помощь оказали немецкие писатели-антифашисты, которые после захвата власти нацистами вынуждены были покинуть родину и жили в Советском Союзе в качестве политических эмигрантов.

За два первых года войны Эрих Вайнерт написал так много стихов, столько рассказов, воззваний и обращений, что их анализу стоило бы посвятить специальное исследование. У солдат вермахта собиралась целая коллекция его стихотворений, которую они порой хранили, многим при этом рискуя. Наиболее известными стали стихотворения Эриха Вайнерта «Родина зовет», «Присяга», «Ни одного выстрела более, солдат!», «Ворота в жизнь открыты», «За какую Германию?».

Поэт создал цикл маленьких листовок, «сентиментальных» по тону и глубоких по смыслу, прекрасно учитывающих психологию солдата в окопах. Одна из таких листовок называлась «Подумай о своем ребенке!». Привожу ее текст полностью:

Есть у тебя дитя!
Подумай же о нем!
И пусть твоя душа от боли содрогнется.
...Настойчивей и горше
С каждым днем звучит вопрос:
«Когда отец вернется?»
Есть у тебя дитя!
И как оно грустит!
И ты ему всегда
Ночами снишься.
Что будет с ним
И кто его взрастит,
Коль ты с войны
Живым не возвратишься?
Как радовался сын.
Как улыбалась дочь —
Твоим теплом,
Заботою согреты.
Теперь они вздыхают
День и ночь:
«Скорей вернись, отец!
Но где ты? Где ты?»
Подумай же о них.
Или в конце концов
Придется им потом
Тебя всю жизнь стыдиться:

«Сражался наш отец за подлецов
И кровью должен был
За это поплатиться».
Коль ты взаправду
Любящий отец,
Не можешь причинять
Ты детям боль и горе.
Подумай же о них!
Опомнись наконец!
Коричневой чуме конец настанет вскоре!
Развезан будет в прах
Фашистский гнет.
Свободно наша родина вздохнет.
Так сделай первый шаг!
Ты слышишь стоны эти:
«Вернись живым, отец!»
К тебе зывают дети!

Солдаты, несомненно, задумывались над такими стихами. Об этом говорит тот факт, что в карманах убитых, среди их бумаг и писем находились и эти листовки.

В качестве еще одного примера мастерства Эриха Вайнерта как автора политических памфлетов, мне хотелось бы привести листовку, в которой поэт обличает Адольфа Гитлера, развенчивает его и обвиняет в гибели миллионов людей, сложивших головы на чужих землях, вдали от родины. Стихотворение так и называется «Я обвиняю!». В нем слышится голос одного из павших в бою, солдата, выступившего от имени тех, кто уже не вернется домой:

Мой крик не заглушит рев канонад.
От имени мертвых немецких солдат,
Которые в затхлых могилах лежат,
Которым домой не вернуться назад,
Я обвиняю
Злейшего изверга и подлеца,
Имя которого ГИТЛЕР!
Убийца,
Разбойник,
Насильник и вор —
На родину нашу навлек он позор!
Предал ее!
Запятнал ее честь.
И всех злодеяний его не счесть.

Ублюдок, выродок и шут,
На смерть наметил он нам маршрут.
Руки его
По локоть в крови.
Я ОБВИНЯЮ ГИТЛЕРА!
Он опорочил нашу страну.
Он развязал мировую войну.
Я обвиняю его!
Итак, о чем тут еще разговор?
Ему приговор.
И требую лишь одного:
Во имя всех немцев —
УБЕЙТЕ ЕГО!

На обороте листовки был помещен рисунок — немецкий солдат на поле боя кричит истступленно: «Я обвиняю Гитлера!» Полной уверенности в том, что такой лобовой удар по Гитлеру повлияет на солдат вермахта, разумеется, не было. Имелась, однако, надежда, что в умах думающих и колеблющихся он может посеять сомнение, дать пищу для размышлений, заставить потускнеть ореол, который окружал имя фюрера. Капля, как говорится, камень точит. А перед нами был отнюдь не камень.

Проза поэта была такой же доходчивой и страстной, как и стихи его, — она подкупала своим доверительным тоном, ясностью мысли и аргументов, умением «войти в положение», как бы побывать самому в шкуре солдата, взглянуть на ситуацию его глазами. Листовка, на мой взгляд, заслуживает того, чтобы привести ее полностью в переводе на русский язык:

К СОЛДАТАМ ОКРУЖЕННЫХ ДИВИЗИЙ

«Я нахожусь перед вами в блиндаже у русских. Я такой же немец, как и вы. Но я не военнопленный. Я — свободный немец и могу говорить то, что думаю. А вы этого сделать не можете. Рядом со мной сидят несколько бывших солдат вермахта: им война настолько надоела, что они добровольно сдались в плен к русским. И лишь сейчас, когда им представилась возможность говорить со своим соотечественником совершенно свободно, непринужденно, им стало ясно: гитлеровская война — грязное и дурное дело. И тот, кто выберется из нее целым и невредимым, должен будет благодарить бога.

Теперь, осознав совершенно отчетливо, что война, затеянная Гитлером, будет наверняка проиграна, они

вновь загрустили и задают себе естественный вопрос: что же будет теперь с Германией?

Да, этот вопрос волнует всех нас до крайности. Вы боитесь, что повторится 1918 год. А возможно, будет еще хуже? Все это может произойти только в том случае, если наш народ позволит событиям и дальше развиваться так, как сейчас.

Почему нам было так плохо в 1918 году? Потому что сам народ не взял в свои руки власть и позволил управлять собой тем же, кто тогда развязал войну и наживался на ней.

Те же самые враги народа и теперь наживаются на его страданиях. Им понадобилась эта война, чтобы грабить не только Германию, но и всю Европу. Они и сегодня льют кровь нашего народа. И этих жирных стервятников — Круппа, Феглера, Рехлинга и других — Гитлер называет сегодня «фольксгеноссен» (соплеменники, братья).

Я никогда не думал, что наш народ позволит вторично обмануть себя!

Счастье Германии зависит от воли и решимости самого нашего народа раз и навсегда покончить с паразитами и их коричневой охранной гвардией. Как и вы, я хочу вернуться в свободную и чистую Германию, в которой наш народ станет хозяином, когда ни внутренние, ни внешние враги не смогут вмешиваться в наши дела. Однако такую Германию надо еще завоевать. Первый шаг к этому должны сделать вы. Вы должны покончить с нынешней пагубной войной, уже поглотившей миллионы немцев. Но чем дольше вы воюете, тем труднее будет убедить мир, что наш народ не заслуживает того презрения, которое навлек на него Гитлер...

Я часто слышу теперь от наших товарищей, оказавшихся в плену, такой вопрос: «Что может сделать одиночка? Они каждого, кто выступит против, поставят к стенке!»

Да, черт возьми! Но таких одиночек насчитываются сотни, они думают точно так же. Тысячу раз они доказали свое мужество и смелость в бою против танков и пушек. Среди них найдутся и такие, которым хватит смелости подать сигнал к совместным действиям, чтобы расправиться со всеми вашими палачами и шпиками. Из котла Сталинграда никто не уйдет живым, если вовремя не сложит оружия! Помощи не ждите! Здесь вы можете

помочь себе сами! А это будет означать: спасти жизнь десяткам тысяч немцев для Германии.

Вы обязаны сделать это во имя нашего народа, ради ваших матерей, жен и детей!»

Наступало Рождество 1942 года — особенно чтимый у немцев праздник. По этому поводу Эрих Вайнерт написал в стихах «письмо жены», якобы отправленное солдату на фронт полевой почтой. Оно напоминало мужу о приближении праздника и обвиняло его в малодушии, в боязни предстать перед полевым судом, намекая на возможность спасти свою жизнь дезертирством и сдачей в плен русским. Стихотворение называлось «Обвинение» и в трогательных, берущих за душу словах напоминало солдатам о традиционном празднике, когда вся семья собирается у нарядной елки, радуясь подаркам, преподнесенным друг другу.

Листовка с этими стихами была издана большим тиражом. На обороте ее был помещен рисунок, изображавший одиноко грустящую женщину, замерзающего в снегу солдата и еловую ветку с горящей свечой.

А к Новому 1943 году были выпущены свежие листовки со стихами Эриха Вайнерта: в одной из них говорилось о судьбе солдата, вернувшегося домой калеккой, в другой — тяжело раненный солдат пишет предсмертное письмо жене, в третьей рассказывается о солдате, решившем сдаться в плен и уверенном, что вернется к семье живым и невредимым, о солдате, уходившем на фронт здоровым и веселым, а вернувшимся к родному пепелищу на костылях:

Торопясь на фронт, уходил солдат...
Целовал детей и жену.
А когда калеккой пришел назад,
Не узнал свою сторону.
Лишь зола кругом, адский дым и чад.
«Где же дети мои, где жена?»
...Торопясь на фронт, уходил солдат.
...Обманула его война.

Вилли Бредель сотрудничал в 1942—1943 гг. в газете для военнопленных и опубликовал на ее страницах много произведений в самых различных жанрах.

Несколько подробнее хочется остановиться на работе в годы войны Альфреда Куреллы — литератора, рево-

люционеру, крупного партийного деятеля. Он был в числе постоянных сотрудников «редакционно-издательского отделения», в дальнейшем — Отдела пропаганды на Германию, участвовал в редактировании множества листовок и в подготовке текстов передач, предназначенных для вещания на переднем крае. Он и сам написал немало хороших листовок, глубоких по содержанию и блестящих по форме. Так, им были написаны изданные летом 1942 года саркастические антигитлеровские стихи «Драгоценная жидкость Майкопа» (о нефти и о пролитой ради нее крови).

Всем работавшим вместе с ним надолго запомнилась листовка, написанная по свежим следам битвы на Волге, где, как известно, из 331 тысячи окруженных солдат 240 тысяч погибло, а 91 тысяча человек сдалась в плен. Об этой крупнейшей катастрофе вермахта надо было рассказать солдатам на всех фронтах.

Был проведен своеобразный «конкурс» среди литераторов на лучший вариант такой листовки, в который включились и немецкие пропагандисты. Победителем оказался Альфред Курелла, его вариант листовки был всеми признан наилучшим. Листовка называлась «Мертвые говорят живым». К солдатам вермахта обращались «тени Сталинграда», те, кто остался навеки лежать в снегах, на подступах к городу, кто был погребен под его развалинами. Вот полный текст этой листовки в русском переводе:

МЕРТВЫЕ ГОВОРЯТ ЖИВЫМ

«Где бы вы ни были, сотоварищи, в доте или блиндаже, на отдыхе или на посту, днем или ночью мы —

ТЕНИ СТАЛИНГРАДА —

следуем за вами по пятам.

Нас было 240 тысяч! 240 тысяч таких же солдат, как и вы. Теперь мы в могиле. Но и здесь нет нам покоя. Бессмысленна была наша смерть. Придайте же ей последний смысл — выслушайте наше предостережение и запомните его:

НЕ ВЕРЬТЕ ТОМУ, ЧЕМУ ВЕРИЛИ МЫ!

Мы в е р и л и, переходя летом 1942 года в наступление: русские настолько ослаблены предыдущими боями, что нас наверняка ждет победа. Но Красная Армия развернула огромные резервы, о существовании которых мы и не предполагали. Каждый километр нашего продвижения был густо полит немецкой кровью. А по-

том погнали назад, и мы понесли еще большие потери.

Не верьте же, если вам говорят теперь, что зимнее наступление русских истощило их силы. Летом 1943 года вам предстоит пережить еще более ужасные неожиданности, чем те, которые пережили мы прошлым летом.

Мы верили, пробиваясь летом 1942 года через донские степи, что если мы, не считаясь ни с чем, напряжем силы, то борьба будет короткой. Но наши усилия затянули войну до ужасной зимы.

Не верьте же, если вам говорят теперь: «Тотальная война — это самая короткая война!» Проигранная война затянется для вас, как и для пострадавшей нашей родины, лишь на новые месяцы, но победы вам все равно не видать.

Мы верили, ожесточенно сражаясь и держась в сталинградском котле, что наша жертва якобы может спасти Восточный фронт. Но, несмотря на наши жертвы, Гитлер потерял все и даже больше того, что было нами завоевано летом 1942 года.

Не верьте же, что новые жертвы, которых требуют от вас, могут спасти Восточный фронт. Поражение Гитлера предопределено, и ваша смерть тут не поможет.

ВЕРЬТЕ ЖЕ ТОМУ, ЧЕМУ НЕ ВЕРИЛИ МЫ!

Мы не верили, когда наши товарищи, попавшие в плен, сообщали, что русские оставили их в живых и хорошо обращаются с ними. Это неверие стоило нам жизни. А наш главнокомандующий генерал-фельдмаршал Паулюс вместе с 23 генералами и 2500 офицерами в последний момент сдался в плен. 90 тысяч наших счастливых товарищей находится сейчас вместе с ними в безопасности в русском плену. Теперь вы слышите призыв с той стороны: «Плен — ваше спасение!»

ВЕРЬТЕ ЭТОМУ, ТОВАРИЩИ!

Мы не верили, когда внутренний голос нашептал нам: «Один Гитлер виноват в этой злосчастной войне! Это он хотел ее, это он хочет нашей смерти!» Наше неверие стоило нам жизни. Но Сталинград изобличил Гитлера как врага Германии, а его стратегия — это невежество и авантюризм, приведшие нас в могилу. И вам внутренний голос говорит: «Освободитесь от Гитлера, и война кончится!»

ВЕРЬТЕ ЭТОМУ ГОЛОСУ,

ТОВАРИЩИ!

Так говорят вам тени Сталинграда».

На лицевой стороне этой листовки был нарисован солдат, который, как призрак, парит в ночном небе над группой солдат вермахта, пробирающихся сквозь проволочное заграждение.

Активное участие в печатной пропаганде среди войск противника принимал и старейший из этих писателей, врач по образованию, Фридрих Вольф. Уже в самом начале войны он написал воззвание «Немецкий солдат! Соотечественник!». Оно было напечатано в виде факсимиле — написанного от руки текста — привычным для старшего поколения немцев готическими знаками. Писатель обращался к уроженцам Рейнской области, откуда он был родом, и советовал им всеми способами уклоняться от участия в войне.

Фридрих Вольф был большим выдумщиком и все время искал новые, оригинальные формы разговора с солдатами вермахта. Им была, например, написана серия небольших драматических сценок, в которых участвовали два солдата — рассудительный Финк и недоверчивый скептик Флидербуш. Они разговаривали языком простолюдинов, пересыпая свою речь идиомами и прибаутками. Обсуждая проблемы мировой политики и ход войны, они приходили к выводам, прямо противоположным тем, какие пыталась внушить солдатам геббельсовская пропаганда. Всего было издано восемь листовок с текстом бесед Финка и Флидербуша, ставших весьма популярными среди солдат вермахта.

Придумки Фридриха Вольфа всегда были интересными, но одна из них оказалась особенно действенной и обрела необычную судьбу. В беседах с военнопленными писатель уловил любопытную деталь: страхась советского огня, многие немецкие солдаты норовили под любым предлогом улизнуть перед боем с передовой в тыл и, симулируя какую-нибудь болезнь, попасть в госпиталь. Врачи подчас выводили таких симулянтов на чистую воду. Солдат это пугало, и они прибегали к более изощренным формам симуляции, не останавливаясь даже перед членовредительством, «самострелом». Об этом, между прочим, говорилось в трофейном документе — секретной директиве начальника санитарной службы одной из пехотных дивизий полковым врачам.

В ней подробно перечислялись приемы, к каким прибегают симулянты, инсценируя разного рода болезни, вплоть до появления на теле язв.

Фридрих Вольф предложил издать этот документ листовкой в виде «Инструкции дивизионного врача», снабдив ее фотокопией подлинной инструкции. Во-первых, солдаты увидели бы из этой инструкции, насколько упал боевой дух в войсках вермахта, а во-вторых, она могла бы быть использована как своего рода «наставление к практическим действиям» тем, кто уже сам подумывал о симуляции болезни, чтобы таким путем сохранить себе жизнь. Инструкция была бы в этих случаях незаменимой «подсказкой» для симулянтов, могла бы научить их, как надо действовать, чтобы обвести вокруг пальца даже и недоверчивых врачей. Будучи сам врачом, Фридрих Вольф расширил перечень приемов, описанных в трофейном документе, включил в него ряд новых хитроумных способов, с помощью которых можно было ввести в заблуждение даже опытного медика.

Заброшенная в распоряжение войск противника, эта листовка наделала много шума, солдаты буквально охотились за ней, досконально изучали ее. Офицеры, попавшие после этого в плен, рассказывали на допросе, что количество больных, поступавших в госпитали, заметно увеличилось. Подтверждение этому было найдено и в новых трофейных документах, оказавшихся в наших руках. В них, между прочим, говорилось и о том, что возросло и число разоблаченных симулянтов, которых тут же предавали военно-полевому суду. В одном из своих бюллетеней, издававшихся для армии, командование вермахта горько жаловалось на примененный прием пропаганды и называло его «аморальным». Но им ли было говорить о морали!

Много интересного может раскрыть изучение поэтического творчества Иоганнеса Р. Бехера в годы войны, его стихотворений, напечатанных во множестве листовок, изданных в 1941—1942 гг.

Иоганнес Бехер избирал для своих стихов-листовок сложные, «ключевые» проблемы, такие, как мнимое «национальное единство» всех немцев, их «братство по крови». Тому пример «Песня об одних и о других», где он убедительно обнажает глубокие противоречия между правящей нацистской кликой и немецким трудовым народом. Поэт не навязчиво, а как бы исподволь заставляя-

ет солдата усомниться в существовании этого «национального единства немцев», в общности его целей с целями Гитлера, Геринга, Геббельса и всей нацистской клики. Вот ее полный текст:

Одни — всю жизнь от пуза жрут,
Довольны и богаты.
Другие словно мухи мрут.
Ну что ж! Они — солдаты.
Одни плотней набьют карман
И кошельки тугие.
Меж тем корежатся от ран
И гибнут те — другие.
Одним бы — все к рукам прибрать,
Всю землю заграбастать.
Другим за это умирать.
«Марш на войну!» — и баста.
В Британию смотался Гесс.
Обратно не вернулся.
И говорят, «попутал бес».
Мол, он... того... свихнулся.
Хотя народ, конечно, сброд
И пушечное мясо —
Кричат солдатам: «Марш, вперед!»
Вы избранная раса!
Для пользы рейха не жалей
Ни сил своих, ни жизни.
Подохнешь средь чужих полей —
Все впрок родной отчизне!»
Одни не ведают нужды
Все есть у них на свете.
Другие стонут: «Пить! Воды!» —
В смердящем лазарете.
Одним — лишь прибыль от войны.
Другим — лишь смерть в России.
Так в чем едины, в чем равны
Одни и те — другие?

В листовке «Оберплутократ лжи» поэт призывал солдат не верить лжи Геббельса о русском плене.

Это стихотворение Бехера также отвечало главным целям пропаганды. Призыв к сдаче в плен был одной из самых важных составных частей всех наших обращений к солдатам вермахта. Однако надо признать, что внушить им эту мысль было делом трудным — немецкие

солдаты испытывали сильнейший ужас перед русским пленом, со страхом думали о том, что их там ждет. Нацистские пропагандисты сумели запугать солдат, утверждая, что русские «вообще не берут в плен», а расстреливают каждого после короткого допроса. В массе своей солдаты вермахта долго верили этому и относились к призывам о сдаче недоверчиво. «Раз Иван зовет нас в плен,— рассуждали они,— значит, ему это выгодно. Но то, что выгодно врагу, не может быть выгодно мне».

«Как дать отпуск самому себе?» — эта листовка, написанная Иоганнесом Бехером, напоминала солдатам об отмене Гитлером отпусков и указывала выход из этого положения: «Перейди линию фронта, и ты уйдешь в отпуск до конца войны, предъявив листовку как пропуск».

Надежду остаться живым и увидеть свою семью внушала солдатам вермахта и листовка «Ободрение», написанная Иоганнесом Бехером. И в ней поэт напоминает, что наиболее верный путь домой лежит через русский плен. Листовка возвращала солдату надежду.

В среде военнопленных солдат, офицеров, а затем и генералов начала получать поддержку идея образования единого фронта всех немцев, стремящихся к выходу Германии из войны.

На конференции немцев-антифашистов, находящихся в СССР,— как военнопленных, так и эмигрантов,— которая работала 12 и 13 июля 1943 г. в Красногорском лагере под Москвой, был создан национальный центр антифашистской борьбы против гитлеровского режима — Национальный комитет «Свободная Германия». Несколько позже был создан с той же целью Союз немецких офицеров, признавших платформу Национального комитета.

И в этом движении немецкие писатели и поэты играли весьма активную роль. Об их популярности в массе военнопленных и о доверии к ним говорит тот факт, что президентом Национального комитета «Свободная Германия» был единодушно избран Эрих Вайнерт, а среди членов комитета оказались Иоганнес Бехер, Вилли Бредель, Фридрих Вольф, Густав фон Вангенгейм.

Немецкие писатели и поэты сосредоточили свои силы на агитационно-пропагандистской работе, проводив-

шейся от имени Национального комитета «Свободная Германия», и с этого времени стали принимать уже меньшее участие в разработке агитационных документов, выпускавшихся политорганами РККА.

СЫН «ОТЦА НАРОДОВ»

К 1941 году в СССР насчитывалось 64 города и района с корнем «Сталин». Уже в 1925 году Царицын стал Сталинградом.

Паровоз «ИС» — Иосиф Сталин, танк «ИС», сотни заводов, фабрик, колхозов, шахт, каналов имени Сталина.

По улицам Москвы бегали черные «ЗИСы» — автомашины завода имени Сталина.

На карте появились горные пики Сталина, залив его имени.

Возникли привычные словосочетания: сталинские соколы, сталинские пятилетки, сталинская Конституция, сталинский план преобразования природы, сталинская дружба народов.

Повсюду висели лозунги: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство», «Партии Ленина-Сталина — слава!», «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед, к победе коммунизма».

Сталин был «живым Богом» — всемогущим и всезнающим.

Мудрый, проницательный, дальновидный...

Созвездий и месяца
Солнце светлей,
Но, Сталин, твой разум
И солнца светлей!

Но был ли счастлив мудрый Сталин?

Были ли у него проблемы?

В СССР царил культ личности Сталина. А для самого Сталина своеобразным культом стало его одиночество, затворничество в кремлевском кабинете. Этот могущественный человек не мог найти эмоционального контакта даже с самыми близкими людьми.

Была у «Отца народов» личная тайна, разгадать которую едва ли удастся. Эта тайна связана со старшим сыном Сталина — Яковом Джугашвили.

Яков Джугашвили родился в 1907 году, рано остался без матери. Первая жена Сталина — Екатерина Сванидзе умерла, когда сыну было восемь месяцев. Воспитывали Якова родственники матери. Подросток, переехал в Кремлевскую квартиру отца, с которым сразу же возникли напряженные отношения.

Учился в Институте инженеров транспорта.

Женился на Юлии Исаковне Мельцер, родившейся в Одессе в семье служащего и домохозяйки.

Существует много версий и домыслов, касающихся взаимоотношений Сталина со своим старшим сыном. Некоторые из них поистине можно назвать чудовищными... Например: между Яковом Джугашвили и женой Сталина — Надеждой Аллилуевой существовала любовная связь, и именно за это Сталин ненавидел старшего своего сына и желал ему смерти.

Секретарь Сталина — Борис Бажанов, бежавший на Запад, решительно опровергал эти домыслы.

Другая разновидность сплетен касается семьи самого Якова Джугашвили.

Например: жена Якова четырежды была замужем и, кроме того, являлась любовницей начальника личной охраны Сталина генерал-лейтенанта Власика.

Скорее всего, эти домыслы не имеют под собой реальной основы.

В партию Яков вступил поздно — незадолго перед началом войны. С чем это связано? Возможно, это было своеобразным вызовом, протестом... Серго Берия, сын ближайшего соратника Сталина — Лаврентия Берия, вспоминал: «Яша был цельный человек, который никогда ни перед кем не двурушничал. Внешне был очень сдержанный и медлительный».

Противоположность Василию. Возможно, это от матери перешло. В Грузии, в горах живут ратинцы. Считается, что мужчины там — рыцари, но несколько медлительны. Когда Яков медлил с какими-то решениями, Сталин иногда шутя называл его «ратинцем»:

Яков дружил с сыном Троцкого — Сергеем Седовым. В 1938 году Сергей, который был далек от политики и отказался выехать с отцом за границу, был арестован и вскоре погиб.

В своем очерке «Иосиф Сталин. Опыт характеристики» Троцкий обращается к описанию кремлевского быта, касается семейной жизни Сталина.

«Я никогда не бывал на квартире у Сталина». Но французский писатель Анри Барбюс, написавший незадолго до своей смерти две биографии Иисуса Христа и Иосифа Сталина, дал тщательное описание маленького кремлевского дома, во втором этаже которого находится скромная квартира диктатора. Барбюса дополнил бывший секретарь Сталина Бажанов, бежавший за границу.

У дверей квартиры постоянно стоит часовая. В маленькой передней висят солдатская шинель и фуражка хозяина. В трех комнатах и столовой простая мебель. Старший сын Яша от первого брака долгое время спал в столовой на диване, который на ночь превращали в постель...

Завтрак и обед раньше приносили из столовой Совнаркома, но в последние годы, из страха перед отравлением, стали готовить пищу дома. Если хозяин не в духе, а это бывает нередко, за столом все молчат.

«В своей семье,— рассказывает Бажанов,— он держит себя деспотом. Целыми днями он соблюдает у себя высокомерное молчание, не отвечая на вопросы жены или сына».

После завтрака глава семьи усаживается в кресло возле окна и курит трубку. Со времен гражданской войны Сталин всегда носит нечто вроде военной формы, чтобы напомнить о своей связи с армией: высокие сапоги, тужурку и брюки хаки. «Его никогда не видели одетым иначе, за исключением лета, когда он — в белом полотне».

Рассказ идет о передней, о шинели и о сапогах, и мы можем признать свидетельство Барбюса достаточно авторитетным.

Кроме кремлевской квартиры у Сталина есть дача Горки, где некогда жил Ленин и откуда Сталин вытеснил его вдову. В одном из помещений — экран кинематографа. В другой — драгоценный инструмент, который призван удовлетворять музыкальные потребности хозяйина: это пианола. Другая пианола у него на кремлевской квартире. Он, видимо, не может долго жить без искусства. Часы отдыха он проводит за музыкальным ящиком, наслаждаясь мелодиями из «Аиды». В музыке, как и в

политике, он предпочитает послушный аппарат.

В 1903 г., когда Сталину шел 24-й год, он женился на молодой малокультурной грузинке. Брак, по рассказу друга его детства, был счастливым, потому что жена «выросла в священной традиции, обязывающей женщину служить».

Молодая женщина проводила ночи в горячих молитвах, когда ее муж участвовал в тайных собраниях. Молодая женщина умерла в 1907 г. от туберкулеза или от воспаления легких, и ее похоронили по православному обряду. От нее остался мальчик, который лет до 10 находился на попечении родственников в Тифлисе, а затем был доставлен в Кремль. Мы часто находили его в комнате наших сыновей. Нашу квартиру он предпочитал отцовской.

В своих бумагах я нахожу такую запись жены: «Яша — мальчик лет 12, с очень нежным смуглым личиком, на котором привлекают внимание черные глаза с золотистым поблескиванием. Тоненький, скорее миниатюрный, похожий, как я слышала, на свою умершую от туберкулеза мать.

В манерах, в общении очень мягок. Сереже, с которым он был дружен, Яша рассказывал, что отец его тяжело наказывает, бьет за курение. «Но нет, побоями он меня от табака не отучит». «Знаешь, вчера Яша провел всю ночь в коридоре с часовым, — рассказывал мне Сережа. — Сталин его выгнал из квартиры за то, что от него пахло табаком».

Я застал как-то Яшу в комнате мальчиков с папиросой в руке. Он улыбался в нерешительности.

— Продолжай, продолжай, — сказал я ему успокоительно.

— Папа мой сумасшедший, — сказал он убежденно. — Сам курит, а мне не позволяет.

Нельзя не передать здесь другой эпизод, рассказанный мне Бухариним, видимо, в 1924 г., когда, сближаясь со Сталиным, он сохранял еще очень дружественное отношение со мной.

«Только что вернулся от Кобы, — говорил он мне. — Знаете, чем он занимается? Берет из кровати своего годовалого мальчика, набирает полон рот дыму из трубки и пускает ребенка в лицо...

— Да что вы за вздор говорите! — прервал я рассказчика.

— Ей-богу, правда! Ей-богу, чистая правда,— поспешно возразил Бухарин с отличавшей его ребячливостью.— Младенец захлебывается-заливается: ничего, мол, крепче будет...

Бухарин передразнил грузинское произношение Сталина.

— Да ведь это же дикое варварство!

— Вы Кобы не знаете: он уж такой особенный...

Мягкому Бухарину первобытность Сталина, видимо, слегка импонировала. Нельзя не согласиться, что отец был действительно «особенным». Он «закалял» младшего сына дымом и, наоборот, отучал старшего сына от дыма при помощи тех педагогических приемов, которые применял некогда к нему самому сапожник Виссарион...

Эмиль Людвиг, опасавшийся встретить в Кремле надменного диктатора, на самом деле встретил человека, которому он, по собственным словам, готов был бы «доверить своих детей». Не слишком ли поспешно? Лучше бы почтенному писателю этого не делать...

Любопытные нюансы: Троцкий в своей квартире разрешал Яше то, что категорически запрещал отец, в данном случае — курить.

Хотя курение для двенадцатилетнего хрупкого мальчика, мать которого умерла от туберкулеза, занятие вредное и опасное.

Сын Сталина считал возможным сказать Троцкому: «Папа мой сумасшедший». Не удивительно, что Сталин не особо любил старшего сына. Может, за такие критические замечания в свой адрес? «Отец народов» не любил своего старшего сына. Именно за неуважение к отцу, а не за связь с молодой женой.

Яков не уважал великого Сталина, которого боготворили.

Ты знамя победы. Ты символ свободы.

Ты к счастью народы ведешь.

Живи же, учитель наш, долгие годы,

Тебя прославляют в песнях народы,

Великий отец наш и вождь.

Н. С. Хрущев позднее вспоминал: «У Сталина был старший сын Яша от первой жены, грузинки. Он работал инженером. Я совсем не знал его. Когда я начал приходить к Сталину домой, Яша бывал там лишь изредка. Он с женой и маленькой дочерью жил отдельно. В тех

немногих случаях, когда он все-таки приходил на домашние обеды Сталина, он всегда приходил один, никогда не брал с собой жену и дочь».

Антисемитизм Сталина широко известен, он не мог простить сыну женитьбу на Юлии Мельцер. Не желал видеть и внучку — Галину.

Довоенный период жизни сына вождя протекал спокойно и незаметно для большинства советских граждан. По рекомендации Кирова поступил в МИИТ, защитил диплом. Затем, теперь уже по совету отца, стал слушателем Артиллерийской академии имени Дзержинского. Окончил в мае 1941-го, а в июне уже был на фронте в качестве командира батареи.

16 июля у деревни Лиозно Витебской области попал в окружение. После сильной бомбежки — ураганный артобстрел. Контуженный, Яков Джугашвили вместе со многими другими солдатами и офицерами дивизии попал в плен.

Из допроса Якова Джугашвили капитаном абвера Вальтером Рейшле:

— При Вас не обнаружено никаких документов. Каким образом стало известно, что Вы — сын Сталина.

— Меня выдали военнослужащие моей части.

— Хотите ли Вы, чтобы отцу сообщили по радио, что Вы находитесь в плену, не ранены и чувствуете себя хорошо?

— Нет, нет, прошу Вас, не делайте этого...

Как известно, по приказу Сталина, попавшие в немецкий плен бойцы и командиры Красной Армии автоматически приравнивались к врагам народа. Ни хрущевская оттепель, ни последующие перемены в руководстве режимом не отменили обязательный вопрос в анкете о нахождении в плену или на оккупированной территории.

Бывший пленный до конца своих дней был для Родины предателем и потенциальным вражеским агентом.

Вместе с Яковым в плену содержался бельгийский король Леопольд, после войны он написал письмо Сталину, в котором рассказал о гибели сына. По сравнению с Яковым, король Леопольд находился в привилегированных условиях. Немцы оставили его в живых.

Довольно долго немецкое командование не оставляло попыток использовать факт пленения Якова Джугашвили в пропагандистских целях. Яков Джугашвили содер-

жался под надзором в ведомстве Геббельса, и лишь в начале 1942 года его, как обыкновенного пленного, отправили в офицерский лагерь «Хаммельбург XIII Б». Затем последовал перевод в лагерь «ХС» под Любеком, неудачная попытка побега через подкоп из барака и очередной перевод — в концлагерь Заксенхаузен. 14 апреля 1943 года Яков Джугашвили при попытке к бегству из особого блока «А» был застрелен.

Как считалось долгое время, фотографии повисшего на проволоке тела Якова обошли многие газеты мира. Однако, некоторые свидетельства бывших узников и охранников концлагеря позволили взглянуть на его гибель иначе. Согласно этим свидетельствам, после отказа Сталина обменять своего сына на фельдмаршала Паулюса, гитлеровцы решили отомстить, запечатлев на киноплёнке мучительную казнь Якова, с тем, чтобы передать эту плёнку отцу. Зная об уготованной ему участи, Яков бросился на электрические заграждения, сорвав тем самым замысел своих мучителей. Пуля охранника настигла его фактически уже после смерти.

А король Леопольд писал Сталину, что Якова расстреляли во внутреннем дворе тюрьмы, перед самым подходом советских войск.

Расстреляли вместе с Тельманом.

Нельзя исключать возможности, что делались попытки организовать побег старшего лейтенанта Якова Джугашвили.

Сталин был обеспокоен тем, что немцы могут сломать волю Якова и использовать его против авторитета отца.

Сталин хотел обезопасить себя. Возможно, больше смерти боялся Яков освобождения и встречи с отцом.

Лаврентий Берия 5 марта 1945 года положил на стол Сталина документ:

Государственный Комитет Оборона
товарищу Сталину И. В.

В конце января с. г. Первым Белорусским фронтом была освобождена из немецкого лагеря группа югославских офицеров.

Среди освобожденных — генерал югославской жандармерии Стефанович, который рассказал следующее.

В лагере «Х-С» г. Любек содержался старший лейтенант Джугашвили Яков, а также сын бывшего премьер-министра Франции Леона Блюма — капитан Роберт Блюм и другие.

Джугашвили и Блюм содержались в одной камере. Стефанович раз 15 заходил к Джугашвили, предлагал материальную помощь, но тот отказывался, вел себя независимо и гордо.

Не вставал перед немецкими офицерами, подвергаясь за это карцеру.

Газетные сплетни немцев обо мне — ложь, — говорил Джугашвили. Был уверен в победе СССР.

Написал мне свой адрес в Москве: ул. Грановского, дом 3, кв. 84.

Кого волновала судьба Якова?

Многих!

Сергей Кузьмин — сотрудник Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний фашистов писал:

«Никогда не забуду, что для проведения массовых расстрелов советских военнопленных в Заксенхаузене использовалось особое помещение, замаскированное под кабинет врача, в котором стояли приспособления для измерения роста. Заключение вставал, чтобы измерить рост, а его убивали выстрелом в затылок через отверстие, находившееся позади.

В этом лагере мне довелось найти следы человека, с которым я познакомился еще задолго до войны и о трагической гибели которого в немецких застенках уже знал.

...Летом 1930 года я отдыхал в доме отдыха «Форос» на берегу Черного моря в Крыму. Там меня познакомили с Яковым Джугашвили, сыном И. В. Сталина, и Андреем Свердловым, сыном Я. М. Свердлова. Яша был немногословен, чрезвычайно скромный, любил играть на бильярде и играл хорошо, редкий шар не влетал в лузу. Он метко стрелял, почти каждый подбитый чирок был его добычей. Одевался Яша очень просто — рубашка, брюки, истоптанные темного цвета чувяки. Большую часть дня мы проводили на пляже — купались и загорали на берегу моря.

Прошли годы, и во время войны я узнал, что в первые ее месяцы Яша Джугашвили попал в плен к гитлеровцам. Я понимал, на какие муки обрекли его фашисты. И вот в моих руках документы, рассказывающие о героической гибели этого славного человека.

Помню, что в нашем следственном материале по этому лагерю имелись также дела Ларго Кабальеро,

социалиста, руководителя испанского республиканского правительства, и советского генерала Семена Акимовича Ткаченко, казненного в феврале 1945 года.

Благодаря нашему корреспонденту в США Ионе Андронову, которому это стоило больших усилий, мы получили после долгих переговоров и консультаций с госдепартаментом США дело № Т-176, захваченное американцами вместе с другими материалами лагеря, вывезенными фашистами при эвакуации. Из него следовало, что Джугашвили держался до конца как коммунист, советский патриот. Погиб он смертью героя, когда ему было 35 лет. Это случилось 14 апреля 1943 года.

Старший лейтенант Яков Джугашвили попал в фашистский плен 16 июля 1941 года во время жестокого боя на белорусской земле, под Витебском, куда внезапно прорвались гитлеровцы.

Ушел он на фронт спустя двое суток после начала войны вместе со всеми выпускниками академии имени Ф. Э. Дзержинского, которую окончил.

Фашисты держали его в разных лагерях, принуждая к сотрудничеству с ними, но ничто не могло сломить его волю. Наконец, Якова перевели в Заксенхаузен и поместили в специальный барак на территории особого блока «А», полностью изолированного от остальной части лагеря.

14 апреля 1943 года, как гласит рапорт СС, Яков Джугашвили будто бы взбунтовался, отказался вечером зайти в барак и двинулся прямо через «полосу смерти», перед проволочным ограждением, а на окрик охранников ответил: «Стреляйте!» Затем он якобы сам бросился на проволоку с электрическим током, после чего эсэсовец-охранник Кондрат Харфиш в присутствии начальника караула эсэсовца Крала Юнглинга застрелил Якова Джугашвили.

В заключении о смерти батальонный медик дивизии «Мертвая голова» сообщал: «14 апреля 1943 года, когда я осмотрел данного пленного, я констатировал смерть от выстрела в голову. Входное пулевое отверстие расположено примерно в 4 сантиметрах ниже уха сразу же под скуловой дугой. Смерть должна была наступить немедленно после этого выстрела. Очевидная причина смерти: разрушение нижней части мозга».

Материалы о жизни и гибели Якова Джугашвили

были собраны Аннели Сергеевной Володиной — хранителем музея Московского института инженеров транспорта, в котором учился в свое время сын Сталина. Посмертная награда Якову Джугашвили, вручаемая его родственникам, была единственным завершением трагической судьбы солдата вне зависимости от того, кому он приходится сыном.

Однако судьба ордена оказалась столь же непростой.

А. С. Володина отправила в Президиум Верховного Совета письмо с просьбой сообщить номер и дату Указа о награждении Якова. Ответа не последовало.

Анелли Сергеевна представляет собой тот редкий и странный тип наших соотечественников, которые убеждены в том, что все вокруг — от хранителя музея до Генерального секретаря ЦК КПСС — обязаны жить исключительно по закону.

Поскольку Георгадзе без всякой причины не ответил на ее вежливое и предельно деловое письмо, она отправилась в приемную Президиума Верховного совета лично. «Дежурная сотрудница приемной прямо при мне позвонила в наградной отдел. По мере того, как дежурная слушала то, что ей отвечали, лицо ее постепенно вытягивалось».

«На ваше письмо никакого ответа не будет,— сухо сказала она наконец Володиной.— Если хотите, обращайтесь в Верховный Совет Грузии».

Володина прекрасно понимала, что ордена в стране выдает отнюдь не Верховный Совет Грузии.

Георгадзе объявил о награде по поручению Леонида Брежнева. НО... Указ о награждении Брежнев, по всей видимости, подписывать раздумал. Георгадзе был этим чрезвычайно подавлен, поскольку в глазах своих соотечественников теперь выглядел человеком, мягко говоря, не информированным. Следующее свое письмо Володина отправила уже первому заму Леонида Ильича В. Кузнецову: был все-таки Указ или не был? И почему сотрудницы секретариата, в нарушение установленного порядка работы с письмами и заявлениями, отсылают ее в Грузию?

Отвечал Анелли Сергеевне заместитель заведующего наградным отделом ПВС Ракушин. Он объяснил, что Указ пока не подписан, поскольку «его время еще не пришло». Товарищ Ракушин объяснил Анелли Сергеевне, что безответственных распространителей нелепых

слухов и домыслов легко могут наказать — от увольнения с работы до серьезной проверки умственных способностей в психиатрической больнице.

Однако Володина — фронтовик, ветеран войны — не испугалась, потому что ясно видела идиотизм ситуации, была уверена в собственной правоте. Правда, обращаться оставалось только к Господу Богу, которого в Кремле вышестоящие инстанции не признавали.

Ответ был прежним, а отвечал уже знакомый человек, почти родной — все тот же товарищ Ракушин.

«Вам же все объяснили, а вы опять свое! — сердился он. — Прекратите заниматься этой личностью, иначе все это плохо кончится!»

За спиной Анелли Сергеевны стоял всего лишь совет ветеранов родного МИИТа, но ее не уволили, не посадили и не упрятали, хотя грозили еще не раз.

Наступил 1985 год. К 40-летию Победы орденами Отечественной войны было решено наградить всех оставшихся в живых ветеранов. По совету Володиной, дочь Якова — Галина Джугашвили — написала в Министерство обороны. На этот раз инстанции реагировали иначе, вскоре ей позвонили из военкомата: просили явиться за орденом.

Прямо в их присутствии в военкомате заполнили орденскую книжку, поставив и номер, и дату таинственного Указа. Указ ПВС СССР имел номер 6461-IX и дату — 28 октября 1977 года. Орден был передан дочерью Якова Джугашвили на хранение в музей МИИТа.

Об этом узнали в Грузии. К Володиной приезжала целая делегация генералов грузинской национальности уговаривать отдать орден в Тбилиси — Яков Джугашвили в республике был очень популярен, обещали большие деньги... Не отдала.

И все же оставался непроясненным последний вопрос. Для завершения экспозиции, по всем музейным правилам, требовалась копия Указа о награждении. Но тайна оставалась неподвластной времени, на письменные просьбы Володиной отвечали уклончиво — посылали подальше, в другие инстанции.

Прошли первые самые демократические выборы, в новый Верховный Совет. За ними вторые самые демократические — в Государственную Думу. Именно туда, в аппарат Думы, направила Володина свой последний запрос. И вот какой получила ответ.

«На Ваш запрос № 238/03 от 1 июня 1994 г. сообщаем, что Указ Президиума Верховного Совета СССР № 6461-Х1 от 28 октября 1977 года имеет гриф «секретно». Ксерокопированию и использованию в экспозиции музея не подлежит. Зав. архивом Государственной Думы Л. В. Стабровская».

Смерть молчаливого Якова Джугашвили осталась загадкой...

Михаил Геловани — актер, исполнявший роль Сталина в советских фильмах, вспоминал о том, как диктатор принял известие о гибели старшего сына. Было это на банкете.

«Застолье было сумрачным. Получилось что-то вроде тризны. В тот день Берия принес Сталину личное дело Якова Джугашвили. По грузинскому обычаю, Сталин оросил кусок черного хлеба несколькими каплями красного вина и съел его в память о сыне. Геловани поразило, как тщательно и аппетитно Сталин поглощал цыпленка табака, разгрызая каждую косточку и запивая еду небольшими глотками киндзмараули.

В конце этого позднего ужина Сталин, любивший говорить о себе в третьем лице, произнес тост: «Предлагаю последний раз в году выпить за вождя народов товарища Сталина».

О судьбе Якова Джугашвили существует много легенд. По одной версии, он умер в конце 1944 г. от сыпного тифа в лагере.

Утверждали также, что Якова из лагеря Дахау освободили американцы и затем где-то спрятали.

И, наконец, самая сенсационная версия говорит, что немцы летом 1944 г. привезли его в один из лагерей, расположенных в Италии, откуда ему удалось совершить побег. А потом было так. Однажды ночью кто-то постучал в дверь дома Джовани Лиесси, жившего вместе с матерью и сестрами.

Джовани воевал в партизанском отряде против фашистов, и он знал, что стоит у дверей Яков, русский офицер, которого в партизанской бригаде называли «капитаном Монти». Молодой симпатичный человек с печальными большими глазами понравился сестре Джовани — Паоле. Она влюбилась в капитана, и он ответил ей на любовь.

6 февраля 1945 г. Яков с двумя партизанами пошли в разведку. Неожиданно их окружили. Капитан крик-

нул: «Нам отсюда не выбраться. Мы подорвем себя гранатами — они нас живыми не возьмут!»

От капитана Монти Паола родила сына Джорджо. Вскоре после этого события она посетила советского консула в Венеции. Там ей сказали: «Если вы хотите отказаться от ребенка, вам не придется ни о чем беспокоиться». Но Паола отказалась от помощи. Позже она вышла замуж за Ренато Дзамбона, усыновившего сына советского офицера.

Джорджо — прямо-таки вылитый отец, как утверждают хорошо знавшие Монти бывшие партизаны. Но был ли «капитан Монти» действительно Яковом Джугашвили, сыном Сталина? Жители итальянской деревни Рефрентоло с гордостью говорят: «Да, был»...

Сталин любил тайны и умел их хранить.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Любая бюрократия обожает охранять тайну своей деятельности, но тройне ее любит та часть бюрократии, которая действительно причастна к некоторым государственным секретам. В мире, где существует политическая напряженность, на каких-то этапах не обойтись без соблюдения дипломатических тайн. В мире, где противостоят друг другу две сверхдержавы и время от времени вспыхивают региональные войны, не обойтись без военных и экономических тайн. В этом мире не обойтись без разведки и контрразведки. Но, спрашивается, сколько времени тайна будет оставаться тайной — 100, 200, 1000 лет?

Наиболее могущественные ведомства: МИД, Министерство обороны, МБД, КГБ и другие имеют собственные, или, как говорят, отраслевые архивы, к тайнам которых допущен очень узкий круг своих людей. Из них выращиваются жрецы-апологеты, которые восхваляют и оправдывают любые действия «своего» ведомства. Но все это не идет ни в какое сравнение с той таинственностью, которой окутаны партийные архивы. Известный советский драматург, член КПСС Михаил Шатров, чьи произведения о революции и В. И. Ленине столь широко

известны, сейчас с горечью констатирует: «Я никогда не был допущен ни в один архив». А вот травим жрецами от историкопартийной науки он был, и причем совсем недавно.

Около 50 % всех архивных документов скрыто от народа, общественности, ученых за всеми этими многочисленными завесами.

В крупнейшем государственном архиве — ЦГАОР СССР — до снятия «ограниченного доступа» было закрыто более 50 % всех фондов. В другом крупнейшем архиве — ЦГАНХ СССР — одна треть. А это далеко не самые «секретные» из всех «секретных» наших архивов.

Изменилось ли что-нибудь к лучшему? Кое-что конечно, изменилось. Со скрипом, но все так же в тайне и на ведомственном уровне снимаются документы с «ограниченного доступа». Открыты некоторые фонды (но, к сожалению, в очень незначительном количестве) НКВД 30-х годов. Открыт так называемый «Пражский архив», созданный белой эмиграцией перед второй мировой войной и переданный в 1948 году в дар нашему правительству от правительства Чехословакии. Этот архив никогда не содержал никаких политических и государственных тайн, во всяком случае, для зарубежных исследователей. Идут разговоры о частичном раскрытии актов Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Уму непостижимо, почему они засекречены? Может быть, по тем соображениям, что обнаружение сведений об уничтожении еврейского, русского, украинского, белорусского населения может сыграть на руку международному сионизму? Открыт ряд других фондов. Но общего движения в сторону большей демократизации деятельности архивов пока не чувствуется.

Есть у нас хранилища, которые окутаны такой страшной тайной, что о ней и сказать-то нельзя. Есть касты жрецов, допущенных в святах святых и призванных дозировать правду, переписывать и улучшать историю.

Гитлер был подражателем. Он заимствовал идеи государственного устройства и институтов культуры у своего более талантливого предшественника — у Наполеона. А тот, создавая мировую империю, решил сосредоточить в Париже архивы всех покоренных государств. То же самое пытались сделать и фашисты, грабившие на

оккупированных территориях не только музеи, но и библиотеки и архивы. Так в их руки попал Смоленский партийный архив. Когда война перекинулась на территорию Германии, в руки союзников стали попадать как документы из канцелярий рейха, так и документы, вывезенные с оккупированных территорий. Американцы, в частности, вывезли к себе часть германских архивов. К ним же попал и Смоленский партийный архив. Он до сих пор хранится у них.

Возвращаясь к проблеме советских архивов, отметим, что, несмотря на то, что в большинстве советских библиотек к настоящему времени почти упразднены спецхраны, в архивах эта работа еще даже толком и не начиналась. Все так же огромное количество документов обозначается грифом «ДСП». Все так же сохраняют все свои «права» на архивные документы наиболее могущественные ведомства. События показывают, что вся архивная система во главе с Главархивом СССР по каким-то странным причинам почти никак не реагирует на запросы меняющегося исторического самосознания народа. По его инициативе не появилось ни одной существенной публикации документов, проливающей свет на темные пятна истории. Все, что в этом отношении сейчас делается, делается помимо, а иногда и вопреки Главархиву СССР.

Почему же все это происходит? По трем главным причинам: нет законодательства, регулирующего деятельность государственных архивов во всей ее полноте, в том числе и в области пользования архивными документами: все в больших масштабах расширяется ведомственное право на архивные документы; система архивов и управления ими сейчас построена так, что они, по существу, являются придатками административно-бюрократической системы, предназначенной обслуживать ее интересы и нужды.

Нетрудно вспомнить книги, фильмы, песни, воспевавшие подвиги и учившие презирать слабых духом. На них воспитывались миллионы. Милосердие и здравый смысл изгонялись из страны мальчишей-кибальчишей, не было там места и пленным красноармейцам. Да и откуда им взяться, ведь «от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее». Зловещие слова «лучше смерть на поле боя, чем жизнь в плену врага» заучивались как святая заповедь со школьной скамьи. «Когда

страна прикажет стать героем, у нас героем становится любой». Мог ли кто-нибудь тогда возразить: «Несчастлива та страна, которая нуждается в героях?»

Об «изменниках Родины» не хотели упоминать в мемуарах и доблестные маршалы и генералы, без усталости прославлявшие подвиг советского солдата. Недалеко ушли и историки.

Пленные могли оказаться только у «трусливых буржуинов».

На Нюрнбергском процессе 1945—1946 годов всех бывших военнопленных представлял единственный свидетель — Евгений Кивелиш, затем бесследно исчезнувший. В СССР отказались полностью печатать документы Нюрнберга; вместо сорока двух томов, вышедших на Западе, публиковались семитомные купюры, в которых места для «врагов народа», естественно, не нашлось.

Тайна вокруг этой темы давно не дает покоя тем, кто хотел бы знать истинную цену Победы. Верная служанка двора — цензура, скроившая историю войны в духе указаний вождя народов, бдительно пресекала поиски правды. Не смогла она помешать лишь солженицынскому «ГУЛАГу».

По-разному сложились их судьбы. Около 3 300 000 человек погибло, 930 000 до конца войны находились в рейхе (в том числе 750 000 в качестве рабочей силы), свыше миллиона получили свободу (часть из них оказалась во власовской армии). Власть же, пославшая их на фронт, оказалась ко всем без исключения беспощадной, и свыше полумиллиона репатриированных солдат и офицеров без суда и следствия были отправлены в заблаговременно подготовленные спецлагеря НКВД (по приказу ГКО от 27 декабря 1941 г.). Над невернувшимися, живыми и мертвыми, сталинское проклятие висит и поныне.

Под влиянием хрущевской «оттепели» некоторые запреты были сняты, но все свелось к селекции: героев отделили от массы «предателей». Те, кто создавал партизаны в лагерях, организовывал побег и заговоры, сражался в партизанских отрядах, удостоились моральной реабилитации. Заслужил прощения и шолоховский Андрей Соколов, выпивший на глазах у изумленных немцев три стакана водки залпом, без закуски, и доказавший тем самым силу русского характера.

Ныне успешно похоронены все прежние мифы совет-

ской истории, в том числе военного периода. Разоблачены сталинские преступления; общество от здравниц перешло к покаянию.

Вожди могли удариться в панику. Их солдаты такого права не имели, у них было другое право — в роковой час пустить себе пулю в лоб.

В том же духе действовала и дипломатия. Пленные? Нет у нас никаких пленных, есть только дезертиры, — не смущаясь, лгали зарубежным представителям Молотов, Вышинский и безупречно выполнявшие их инструкции послы в Болгарии, Великобритании, США, Турции, Швеции. Вместо того, чтобы бить во все колокола, Наркомат иностранных дел, как от докучливых посетителей, отмахивался от проявлявших участие к советским военнопленным Международного Красного Креста (МКК), американского госдепартамента, британского Форин Офиса и других.

Голод, эпидемии, случаи людоедства — об этом постоянно сообщалось в ставку Гитлера. Доходило до того, что пленные, которым перепадала какая-то пища от немцев, умирали от несварения желудка, настолько был ослаблен их организм.

«На наших плечах горы трупов», — писал с Восточного фронта своей жене Г. Мольтке. Никакие сцены, описанные Эмилем Золя в связи с печально известной катастрофой французской армии под Седаном и Мецем в 1870 году, при всем их кошмаре не могли сравниться с Киевом и Вязьмой. И не только с ними. Несравнимо обращение фашистов с советскими пленными и пленными французами, англичанами, американцами. Последние были накормлены, одеты, имели крышу над головой. Международный Красный Крест располагал их точными списками, постоянно проверял лагеря.

Евреи, коммунисты и комиссары, согласно специальным приказам, уничтожались на месте или отправлялись в концлагеря. Причем эти несвойственные для себя функции пришлось взять вермахту после споров между военными и СС были поручены советские военнопленные (специальный отдел возглавлял Г. Рейнике — «маленький Кейтель», как его называли). Остальных пленных предполагалось убрать подальше от линии фронта, разместить в гулагах, сталагах, использовать на различных работах, но в рейх не пускать — таково было поначалу категорическое условие Гитлера, не желавшего

«осквернения» немецкой земли «недочеловеками», «дикарями», «азиатами». «И при татарах, и при Петре, и при Сталине русские были обречены на рабство», — рассуждал фюрер. Немецким войскам настойчиво внушалась мысль не жалеть советских военнопленных, не церемониться с ними.

Нацистское руководство не сомневалось в быстрой победе над СССР, но оно никак не ожидало, что в его руках будет такая масса советских солдат и офицеров. «Раньше мы требовали брать пленных, а теперь не знаем, что мы с ними со всеми станем делать?» — недоумевал фюрер. Его первоначальный план включал 790 000 пленных и 18 лагерей для них. Гитлер даже не требовал сообщать ему, сколько их, в каких условиях находятся. До января 1942 года вермахт не вел списков попавших в плен, бежавших, погибших. Москва не настаивала, а Красный Крест не имел права настаивать. Фашистские стратеги рассуждали просто: «Чем больше их умрет, тем лучше».

Сталин и его окружение заявили о своем интересе к находящимся в фашистской неволе только тогда, когда война близилась к завершению, союзники начали операции в Европе и участь Германии была предрешена. От слов «предатели, дезертиры, мерзавцы» они стали воздерживаться. Замена нашлась: «советские граждане, подлежащие репатриации». Нет, не потому что руководство СССР сменило гнев на милость, ему просто понадобилась английская и американская поддержка, чтобы расправиться затем с нарушителями присяги. Сталин дождался своего часа и теперь, как и в былые времена «охоты на ведьм», хотел показать всем, своим и чужим, что он никогда ничего не забывает и не прощает. Очередная кампания против «врагов народа» началась.

Самым удобным моментом для этого генералиссимус посчитал встречу «большой тройки» в Ялте в феврале 1945 года. В подписанном главами государств — СССР, США, Великобритании — совместном заявлении для прессы, по настоянию Сталина, включался следующий пункт: «Мы обязуемся оказывать всестороннюю помощь, совместимую с требованиями ведения военных операций, в целях обеспечения быстрой репатриации всех военнопленных и гражданских лиц».

Рузвельт и Черчилль прекрасно понимали, что ожидает «советских граждан» после возвращения на родину,

но какой был им смысл поднимать вопрос о правах человека, ссориться со Сталиным? В повестке дня значились вопросы поважнее: будущее Германии, границы в Европе, Польша... А пленные могут только помешать. Генералиссимус хочет их наказать, пусть накажет.

Все претензии советской стороны удовлетворялись без помех. Проверить лагеря? Пожалуйста. Выдать пленных? О'кей. Некоторые сложности возникли лишь с выходцами из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, а также русскими и украинскими эмигрантами. На конференции в Потсдаме (июль — август 1945 года) Сталин, срочно вернувший им советское гражданство (небывалый случай, обычно его отбирали), потребовал от Рузвельта и Черчилля не мешать их «возвращению». Хотят те возвратиться или нет — значения не имело.

В памятных записках советской делегации все сведения о пленных, взятых союзниками, отличались поразительной точностью: какая армия взяла, сколько и даже фамилии. Сподручные Берии, конечно, основательно поработали.

Все требования СССР были так же четко выполнены, как и изложены. Примером может служить обсуждение вопроса о лагере в Чизенатико. Приведу наиболее важный фрагмент:

АЛЕКСАНДЕР (британский фельдмаршал). Я хочу, чтобы всем присутствующим здесь было известно, что я всегда предоставлял русским представителям в Италии полную свободу передвижения, а также любую возможность видеть то, что они хотят. И я считаю, так поступать целесообразно, потому что в тех случаях, когда в наших руках оказывается большое количество русских солдат, советы ответственных русских представителей могут оказаться нам очень полезными. Я думаю, что, если генералиссимус согласен, я буду поступать в том же духе, как я делал до сих пор.

СТАЛИН. Мы обязаны в этих случаях по договору оказывать друг другу помощь и не мешать гражданам возвращаться на родину и, наоборот, помогать им возвращаться домой.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Если ваш представитель пришлет генерала или сам придет в ставку по этому вопросу, будет сделано все необходимое.

СТАЛИН. Хорошо. Я считаю вопрос исчерпанным.

Итак, советские военнопленные из одних лагерей передавались в другие.

Но и после освобождения, если кому-то из них удалось выжить, плен так и оставался тяжелым крестом их судьбы. Чего не скажешь об освобожденных из лагерей американцах, англичанах, французах.

Александр Довженко написал 26 августа 1945 года в своем дневнике: «Не могу только простить генералу Макартуру, который, подписывая на «Миссисипи» капитуляцию Японии, подвел с собой к большому историческому столу двух своих генералов, побывавших в плену. Ох, и влетит ему от Трумэна! Поступить вот так! Какой всесветный позор! Пленных, вместо того, чтобы разжаловать, проверить в концлагере и проработать так, чтобы знали до четвертого колена, как попадать в плен! Вместо того, чтобы узнать путем серьезных исследований, не являлись ли они случайно японскими шпионами, не помогали ли японскому фашизму, этих вот подозрительных пленных так сразу пригласить к столу как победителей, товарищи, что же это такое! Не понимаю и не понимаю еще, почему это так взволновало меня! Почему мне стало завидно?.. И чего-то жаль. И радостно, что есть на свете гордые люди, все помыслы которых направлены на жизнь и на доверие к человеку. Черт побери, какие же хорошие вещи бывают на свете!»

История, в том числе и история Великой Отечественной войны переписывается. Возвращаются добрые имена. «Мрамор» некоторых извоений дает трещину.

Военная биография Л. И. Брежнева в описании Роя Медведева выглядит следующим образом:

«Если судить по книге «Малая земля», Брежнев в первый же день войны обратился с просьбой отправить его на фронт: «В тот же день просьба моя была удовлетворена: меня направили в распоряжение штаба Южного фронта». Однако по другим данным Брежнев в первые недели войны находился в Днепропетровске, помогая эвакуации населения и предприятий из западных областей Украины. В распоряжение штаба Южного фронта Брежнев был направлен в середине июля 1941 года. Вскоре он назначается заместителем начальника политуправления этого фронта. Военная обстановка быстро менялась, однако в первые месяцы войны Южный фронт оборонялся успешно и стойко и его войска отходили на восток с боями медленнее, чем на других фронтах. Это

объяснялось отчасти и тем, что против Южного фронта действовали, в основном, подразделения румынской армии, немецких дивизий здесь было немного. Только к концу июля войска Южного фронта отошли за Днестр, а в конце августа за Днепр и затем далее. За участие в Барвенковско-Лозовской операции Л. И. Брежнев в 1942 году был награжден своим первым орденом — орденом Красного Знамени. Осенью того же года он был направлен на Кавказ и назначен заместителем начальника политуправления Черноморской группы войск Закавказского фронта. Зимой немецкое наступление на Северном Кавказе удалось наконец остановить, не позволив танковым армиям врага прорваться к Грозному и Баку.

Весной 1943 года Л. И. Брежнев был назначен начальником политотдела 18-й армии. В это время в армии изменялись воинские звания и вводились погоны. Звание бригадного комиссара было упразднено. Некоторые из бригадных комиссаров получили звание генерал-майора, другие — полковника. Полковником стал и Л. И. Брежнев».

Если судить по официальной биографии Брежнева, то можно сделать вывод, что начальник политотдела весьма был вторым человеком в армии. Это не так. Главным политическим руководителем и в составе армии, и в составе фронта был член Военного совета, который утверждался непосредственно в ЦК ВКП(б) и считался главным представителем партии в военном руководстве. Он принимал обязательное участие в разработке оперативных планов и иногда получал наименование «первый член Военного совета». Политотделы армии имели другие обязанности. Они руководили работой партийных и комсомольских организаций, агитационно-пропагандистской работой, армейской печатью, подготовкой наградных документов и др. Под руководством политотделов проводились партийные и комсомольские собрания в частях армии, прием в партию. Нередко Брежнев лично вручал партийные билеты принятым в партию солдатам и офицерам.

Среди политработников Красной Армии Л. И. Брежнев не особенно выделялся. По свидетельству Д. А. Волкогонова, полковой комиссар ПУРККА Верхорубов, проверяя политработу в 18-й армии, отметив верность Брежнева партии Ленина — Сталина, все же записал

в составленной им характеристике: «Черновой работы чурается. Военные знания т. Брежнева — весьма слабые. Многие вопросы решает как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково равно. Склонен иметь любимчиков».

Подобного рода характеристики мешали, по-видимому, быстрому продвижению Брежнева по службе. Лишь в конце 1944 года он был назначен начальником политуправления 4-го Украинского фронта, который вел военные действия уже на территории Чехословакии. Не слишком обильными были и его награды. Кроме ордена Красного Знамени, о котором уже говорилось, в оставшиеся годы войны Брежнев получил еще один орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Богдана Хмельницкого и орден Отечественной войны. Это, конечно, немало, но другие молодые генералы имели больше наград, что больно задевало самолюбие Леонида Ильича.

Но вернемся к судьбе 18-й армии и книге «Малая земля».

Как известно из истории Великой Отечественной войны, при подготовке Краснодарской наступательной операции командование Северо-Кавказского фронта решило провести важную отвлекающую операцию. В ночь на 4 февраля и затем 5—9 февраля Черноморский флот высадил южнее Новороссийска, в районе Мысхако, 15 тысяч бойцов с артиллерией и танками. Десант на Мысхако был только демонстративным. Но из-за шторма и ошибок флота высадить основной десант не удалось, тогда как демонстративный десант под командованием майора Ц. Л. Кувтова сумел закрепиться на участке в четыре километра по фронту и два с половиной километра в глубину. Этот участок и получил позднее название «Малой земли». Демонстративный десант превратился, таким образом, в основной. Первоначальная группа десанта формировалась за счет добровольцев с кораблей и частей Новороссийской военно-морской базы. Для расширения плацдарма до тридцати квадратных километров командование фронта решило укрепить действовавшие на нем части четырьмя стрелковыми бригадами 18-й армии и несколькими партизанскими отрядами. Руководство десантом взяла на себя оперативная группа 18-й армии во главе с генерал-майором А. А. Гречко. Попытки немцев сбросить десант

в море были отбиты. На «Малой земле» наши войска создали крепкую оборону и сумели сохранить плацдарм до начала так называемой Новороссийско-Таманской наступательной операции в сентябре 1943 г.

В масштабе Отечественной войны оборонительные бои на «Малой земле» были одной из многих тысяч подобных операций, имевших к тому же вспомогательный характер. Ни в планировании, ни в проведении этой операции начальник политотдела Л. Брежнев не принимал никакого участия. Однако в официальной биографии Брежнева говорится, что Брежнев «часто бывал здесь (то есть на «Малой земле»), причем, как правило, в моменты, когда обстановка становилась особенно сложной, а бои достигали высокого накала... «В трудные дни Л. И. Брежнев делил с малоземельцами все горести и радости, тяготы и опасности фронтовых будней. Его оптимизм, бьющая ключом энергия и бодрость заставляли бойцов подтягиваться, расправлять плечи. Десантники знали его в лицо... В шуме и грохоте боя не раз слышали его спокойный голос».

В действительности в течение всех 225 дней боев на «Малой земле» и штаб армии, и ее политотдел находились на «Большой земле» в относительной безопасности. Как можно судить и по небольшой книжке «воспоминаний» Брежнева «Малая земля», он прибывал на плацдарм два раза, один раз с бригадой ЦК партии, другой — для вручения партийных билетов и наград солдатам и офицерам. В большой документальной повести Георгия Соколова «Малая земля», автор которой, как говорится в предисловии, все «семь долгих месяцев находился в гуще боев на «Малой земле», мы можем найти всего два упоминания о Брежневе — «худом полковнике с большими черными бровями». Разумеется, даже и редкие поездки на «Малую землю» были сопряжены с немалой опасностью. Как рассказывал еще в 1958 году бывший военный корреспондент С. А. Борзенко: «Однажды сейнер, на котором плыл Брежнев, напоролся на мину, полковника выбросило в море, и там его в бессознательном состоянии подобрали матросы».

В последующие годы даже этот эпизод стал претерпевать весьма странные метаморфозы. В публикациях о боях на «Малой земле» исчез вначале тот факт, что Брежнева подобрали и подняли на сейнер в «бессознательном» состоянии. Однако еще позже появились пуб-

ликация, где можно было прочесть, что Брежнев не только сам выбрался из трудной ситуации, но и помог подняться на борт сейнера несколькими ослабевшим матросам. Фальсификация и раздувание роли Брежнева в Отечественной войне проводилась настолько грубо и бесцеремонно, что даже в книгу маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» ее редактор по совету выше должен был вписать фразу с упоминанием Брежнева, хотя о полковнике Брежнев Жуков ничего не знал в годы войны.

Конечно, когда идет война, все ее участники, хотя и в разной степени, подвергают свою жизнь опасности. В опасные переделки попадал иногда и Л. И. Брежнев. Однажды рядом с ним был убит стрелок. В декабре 1943 года во время контратаки противника группа немецких войск прорвалась к Киевскому шоссе, и в отражении этой атаки пришлось принять участие работникам политотдела. Гораздо позднее описывалось это от имени Брежнева так: «Не теряя драгоценных секунд, я бросился к пулемету. Весь мир для меня сузился тогда до узкой полоски земли, по которой бежали фашисты. Не помню как долго все длилось. Только одна мысль владела всем существом: «остановить».

Свидетелей этого подвига так и не нашлось, тем не менее на предполагаемом месте этого короткого боя через 35 лет было решено водрузить огромный монумент. Его возвели на окраине села Ставище Коростышевского района Житомирской области. На монументе надпись: «Здесь в ночь с 11 на 12 декабря 1943 года начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев вел пулеметный огонь, отражая атаку противника». При открытии монумента в никому ранее неизвестное село прибыли генералы и ответственные работники области и республики. Вокруг монумента выросла гора цветов. Потом все это было заснято на огромные цветные фотографии, позднее их преподнесли самому Брежневу.

Уже в Карпатах рядом с 18-й армией сражался Чехословацкий корпус под командованием генерала Людвика Свободы. Между советскими и чехословацкими офицерами состоялось несколько дружеских встреч, тогда-то и познакомились Брежнев и Свобода.

Не раз встречался Брежнев и с будущим диссидентом — подполковником, а затем и полковником П. Г. Григоренко, начальником штаба одной из дивизий

18-ой армии. В своих мемуарах Григоренко, вспоминая об этих встречах, не слишком лестно отзывается о Брежневе, хотя на его воспоминаниях, несомненно, лежит печать субъективизма: «Все, кто поближе его знал, воспринимали его как недалекого простачка. За глаза его называли — Леня, Ленечка, наш политводитель. Думаю, что подобное отношение к нему сохранилось и в послевоенной жизни... Был единственный случай, когда Брежнев при мне был близко к переднему краю (3 км). Говорю это не в осуждение Брежнева. В конце концов, и в армии, как и вообще в жизни, каждый имеет свои обязанности. От Брежнева по его должности не требовалось бывать не только на переднем крае, но и на командном пункте армии... Место начальника политотдела во втором эшелоне армии, там, где перевозятся партдокументы. Выезжать же в войска для встречи с коммунистами и вообще с личным составом следовало лишь тогда, когда люди не ведут боя. В бою начполитотдела армии может только мешать».

В любом случае Брежневу повезло — за всю войну он не получил ни одного ранения. В конце ноября 1944 года ему присвоено звание генерал-майора. Вскоре он был назначен начальником политуправления 4-го Украинского фронта. Вместе с войсками 1-го Украинского фронта 4-й Украинский участвовал в завершающей войну Пражской операции 1945 года. Здесь в Праге и встретил генерал-майор Брежнев конец войны.

По окончании войны началось сокращение армии и демобилизация старших возрастов и части офицеров, в том числе и политработников. Брежнев, однако, был оставлен в армии еще на год. На базе 4-го Украинского фронта был образован Прикарпатский военный округ, в котором Л. И. Брежнев становится начальником политуправления. Армия продолжала сокращаться. Немало военных командиров и политработников перешли на гражданскую и партийную работу. Судьба крупных политработников решалась совместно Политуправлением Советской Армии и ЦК ВКП(б). В августе 1946 года Л. И. Брежнев был направлен в распоряжение ЦК КП(б) Украины.

Труднее было тем, кто первым принял за себя бой, они же были первыми и забыты. Еще одно имя возвращает нам Владимир Путко.

Государственный Комитет Обороны отметил своим специальным приказом, что командный состав частей Западного фронта проникнут эвакуационными настроениями и легко относится к вопросу об отходе войск от Смоленска и сдаче его врагу. Подобные настроения среди командного состава Государственный Комитет Обороны считает преступлением, граничащим с прямой изменой Родине...

Государственный Комитет Обороны приказал пресечь железной рукой подобные настроения, порочащие знамя Красной Армии...

Итак, еще один документ, до последнего времени хранившийся за семью печатями. Еще одно свидетельство полного неведения Верховного командования о положении на фронте, о настроении советских воинов.

Сейчас можно только догадываться, что пережили, ознакомившись с этим приказом, командиры. Практически их называли изменниками Родины. А они в это время воевали, дрались насмерть, совершали подвиг такой же, как и герои Бреста. С той лишь разницей, что на подступах к Смоленску и в Смоленске все происходило в гораздо больших масштабах. Сравните: брестский гарнизон насчитывал около трех с половиной тысяч человек. А на подступах к Смоленску, в районе Могилева, в окружении оказались три стрелковые дивизии 61-го корпуса под командованием генерала Ф. А. Бакунина да еще около десяти тысяч бойцов народного ополчения! Дрались до последнего патрона. И держались примерно столько же. Но вот ведь как получилось: о Бресте теперь у нас знает каждый школьник, а Могилевская эпопея предана забвению. Даже в энциклопедии «Великая Отечественная война», изданной в 1985 году, сказано достаточно глухо: «Советские войска и отряды народного ополчения героически обороняли Могилев в ходе начавшегося Смоленского сражения, но вынуждены были оставить город 26 июля». Только-то! Видно, и сегодня кто-то не позволяет напоминать, что в 1941 году целые соединения Красной Армии попадали в котлы. Почему? Из-за бездарного руководства Верховного командования. Из-за страха и лжи, на которых в ту пору все держалось.

Вот сообщение Советского Информбюро об итогах первой недели войны: «Отрезанные нашими войсками от своих баз и пехоты, находясь под непрерывным огнем нашей авиации, мотомехчасти противника оказались в исключительно тяжелом положении. За семь дней боев они потеряли 2500 танков, около 1500 самолетов, более 30 тысяч пленными. Наступательный дух немецкой армии подорван...». И это на седьмой день войны?

А вот что записал тогда же, 29 июня, в своем дневнике начальник германского генштаба Гальдер: «Русские сопротивляются отчаянно, но действия их носят разрозненный характер и потому малоэффективны». И вывод: есть возможность овладеть Могилевом с ходу! Что же происходило в то время в самом городе? Спешно эвакуировались заводы, отправлялись на восток эшелоны с детьми. Десятки тысяч жителей под бомбежками и обстрелом дальнобойных орудий сооружали оборонительный обвод радиусом 25 километров. Формировались отряды народного ополчения.

4 июля три немецкие танковые дивизии вышли к Днепру южнее Могилева. С севера город охватили два немецких танковых корпуса. С запада на город наступали войска 7-го армейского корпуса.

До 12 июля непрерывные тяжелые бои шли на всей линии фронта 61-го стрелкового корпуса. Силы были неравными, но все попытки взять Могилев лобовым ударом разбивались о стойкую оборону! Здесь дралась 172-я стрелковая дивизия генерала Михаила Тимофеевича Романова. Умело маневрируя силами, комдив даже организовал несколько контратак, хотя не было у него ни танков, ни авиации.

В те дни в расположение дивизии прибыла группа военных корреспондентов. Среди них были Константин Симонов и Алексей Сурков. Командир 388-го стрелкового полка Семен Федорович Кутепов провел их по траншеям переднего края. Впереди простиралось поле, изрытое воронками, загроможденное искореженными немецкими танками. За день до прибытия корреспондентов здесь подбили 39 вражеских танков. Кутепов стал прообразом симоновского героя Серпилина. А вот настоящей фамилии героя Могилевской обороны вы и сегодня не найдете в энциклопедии «Великая Отечественная война»! Не упоминаются в ней ни комкор Бакунин, ни комдив Романов.

Вернемся к событиям июля 1941 года. Немцы, обойдя Могилев с севера и юга, замкнули кольцо в Чаусах. Продолжая наступление, они продвинулись далеко на восток и уже 16 июля захватили Смоленск. А Могилев, изрытый траншеями, перегороженный баррикадами и противотанковыми надолбами, превратился в неприступную крепость! Оказавшись в тылу врага, сковывал крупную группировку наступавших войск. Это приводило в бешенство немецкое командование. И тогда против Могилева бросили еще две дивизии...

В окрестностях города отчаянно сражались разрозненные остатки наших частей. Красноармейцы цеплялись за каждую пядь земли, помышляя только об одном: чтобы подбросили им боеприпасы. В архиве Министерства обороны СССР сохранилось донесение комкора Бакунина: «Вторые сутки веду упорные бои с превосходящими силами противника. Снаряды кончаются. Прошу сообщить, когда будут доставлены снаряды»... Просил помочь боеприпасами и находящийся в Могилеве генерал Романов. Тем временем в Могилев стягивались уцелевшие подразделения, оказавшиеся отрезанными от своих.

С каждым днем, с каждым часом положение окруженных становилось все более отчаянным. Их ряды редели. В дивизионный госпиталь все прибывали и прибывали раненые. Эвакуировать их было невозможно. Врачам и сестрам, как могли, помогали местные жители. На исходе были бинты, медикаменты, главное, боеприпасы. Кольцо вокруг Могилева сжималось. А 22 и 23 июля немцы ворвались в пригород, 24 июля рукопашные бои все еще шли на окраинах. Прикрываясь группой пленных красноармейцев, гитлеровцы пошли в атаку. В жестоком рукопашном бою удалось отбить пленных. В ночь на 25 июля один из немецких танков прорвался в город...

А сводки Информбюро лживо сообщали о том, что наши войска под Смоленском разгромили еще две немецкие дивизии. Описывались и боевые эпизоды, создающие весьма обнадеживающее представление о положении на фронте. В «Известиях» был опубликован снимок: поле, загроможденное разбитыми и обгорелыми немецкими танками. Тут же и корреспонденция К. Симонова. В ней рассказывалось о том, как успешно отражают атаки врага воины Н-ского подразделения. Но всего за

десять дней, прошедших после посещения корреспондентами позиций 388-го полка Кутепова, обстановка там коренным образом изменилась!.. Генерал Романов понимал, что все возможности обороны города исчерпаны.

Судьба поставила Романова командиром над окруженными войсками, когда не было надежды на помощь и надвигалась развязка. Комдив не знал, сколько в полках людей. Какими огневыми средствами они располагают. Проводной связи с полками уже не было. В госпитале скопилось до четырех тысяч раненых! За их судьбу он тоже был в ответе... Не перед Верховным командованием — перед самим собой...

В армии приказ командира обсуждению не подлежит. Но в сложившейся чрезвычайной обстановке генерал Романов все же решил посоветоваться с командирами и комиссарами полков, начальниками служб.

— В трудный час хочу знать ваше мнение,— сказал Романов.— Положение наших войск трагическое. Остается одно — с боем выходить из окружения...

Все понимали, что это значит. С голыми руками идти на врага, многократно превосходящего и численностью и вооружением? И даже, если кому-то чудом удастся прорваться, что дальше? Пробиваться к своим — более двухсот километров по тылам врага?

Но другого выхода не было. И все поддержали решение.

Вот выдержки из боевого приказа командира 172-й дивизии от 26 июля 1941 года:

1. Противник окружает нас с запада, севера и юга пехотными частями 7-го армейского корпуса, с востока действует дивизия СС «Райх».

2. 27 июля с наступлением темноты всем частям и штабам оставить Могилев и начать пробиваться из окружения:

а) Частям, действующим на левом берегу Днепра, под общим командованием командира 747-го стрелкового полка Щеглова, прорываться в северном направлении; пункты прорыва на местности назначить командиру полка. По прорыву кольца окружения повернуть на восток в направлении лесов, что восточнее Могилева, и двигаться до соединения со своими частями.

б) Частям, обороняющимся на правом берегу р. Днепр под общим командованием командира 388-го стрелкового полка Кутепова, прорываться из окружения

в юго-западном направлении вдоль Бобруйского шоссе и далее в лес в районе Дашовка в тыл врага. В дальнейшем, следуя в южном направлении вдоль р. Днепр, переправиться на его левый берег и после этого двигаться в восточном направлении до соединения со своими частями.

И еще один пункт приказа, на котором для полной правды надо остановиться подробнее: «...Раненых, не способных следовать самостоятельно с войсками, оставить в городе». Да, раненых генерал вынужден был оставить фашистам. Четыре тысячи воинов, проливших кровь на поле боя! Воевавших честно, но теперь беспомощных, обреченных на страдания. Их комдив отдавал врагу. Но как было поступить иначе? Всем, кто был еще способен держать оружие, предстояло идти в последний бой. И каждый, будь он рядовым или генералом, должен был действовать в последнем бою как боец пехоты — винтовкой, гранатой, штыком. Наверное, Романов понимал, как воспримут его приказ раненые. Никакими доводами их не убедить, что иного выхода нет. Содеянное они наверняка расценили однозначно: их предали. Единственное, чем комдив мог помочь несчастным, — это оставить в госпитале несколько медиков, разумеется, добровольцев. И такие нашлись! Три врача — В. П. Кузнецов, А. И. Паршин, Ф. И. Пашанин — согласились разделить участь раненых...

И еще одна подробность, необходимая для полноты правды. При выходе войск из города нужно было оставить группу прикрытия, чтобы хоть на короткое время задержать фашистов. Были в ней и раненые, кое-как добравшиеся из госпиталя, пожелавшие умереть не в плену, а в бою. Подразделение смертников? Можно сказать так. Но разве не были смертниками те, кто пошел на прорыв почти с голыми руками? В среднем на бойца приходилось по... три патрона...

В дождливую ночь на 27 июля оставшиеся подразделения 172-й дивизии двинулись колоннами по параллельным улицам. Впереди шел комдив М. Т. Романов.

Бой начался внезапно на юго-западной окраине Могилева. При первом же столкновении с противником наши бойцы бросились в рукопашную.

Вскоре вступила в бой и группа прикрытия, занимавшая позиции за баррикадами в центре города. Руководил ею майор Катюшин — начальник оперативного

отдела штаба 172-й дивизии. Несколько раз немецкие автоматчики бросались на баррикады. Бойцы Катюшина уничтожали их из винтовок. Были и штыковые схватки. Тогда подошли немецкие танки. Немногие вышли живыми из боя, который так и не вошел в историю Великой Отечественной войны.

Погиб полковник Кутепов. Тяжело раненному генералу Романову удалось с группой бойцов прорваться в Тишовский лес. 28 июля крестьянин Асмоловский обнаружил в бане генерала. Его нательная сорочка была изорвана на бинты. Он лежал, прикрытый простреленным мундиром с большими звездами в петлицах. Раненого перенесли в хату, переодели в гражданскую одежду. Пуля пробила левую лопатку и застряла в груди. Вскоре, однако, по доносу предателя в село прибыли немцы. Семью Асмоловских расстреляли, дом сожгли, генерала увезли. Из Могилевского лагеря военнопленных Романов сумел бежать. А позднее из захваченных у фашистов документов стало известно, что его снова схватили, пытали и повесили в городе Борисове...

Прошли через муки и врачи В. П. Кузнецов, А. И. Паршин и Ф. И. Пашанин. Врачей казнили на городской площади, согнав к виселице жителей города.

Работая в архиве музея Вооруженных Сил СССР, я поразился, как мало сохранилось документов и экспонатов, позволяющих сегодня восстановить в деталях события обороны Могилева! Впрочем, могло ли быть иначе? В то время меньше всего думали о сохранении документов для истории. Наоборот, документы жгли, закапывали. Живые свидетели событий погибали в бою, в фашистских застенках и лагерях — немецких, а затем и в наших. А как же? В анкетах каждого, кто вышел к своим, стояло: «Окруженец». У органов госбезопасности они всегда были на подозрении. И все же есть живые участники тех событий!

На многие размышления наводит судьба Михаила Тимофеевича Романова. Он не был оклеветан и репрессирован, как многие военачальники в те годы. Чаша его миновала. Но то, что происходило в стране и в самой Красной Армии, не могло не отразиться на нем. Сохранилась любопытная заметка Константина Симонова, написанная в послевоенные годы: «Читая личные дела полковника Кутепова, командира 172-й дивизии генерала Романова, да и некоторых других военачальников».

чальников, превосходным образом проявивших себя в самые тяжелые дни 1941 года, я иногда испытывал чувство недоумения: почему многие из этих людей так медленно, по сравнению с другими, продвигались перед войной по служебной лестнице? Задним числом, с точки зрения всего совершенного ими на войне, мне даже начинало казаться, что в их медленном предвоенном продвижении было что-то неправильное. Но потом, поразмыслив, я пришел к обратному выводу, это медленное продвижение с полным и всесторонним освоением, или, как говорят военные, «отработкой каждой ступеньки», как раз и было правильным... И такой нормой и закономерностью оно и было до 1936 года. А перестало быть лишь начиная с 1937 года. И это привело в первый период войны к тяжелым последствиям. Когда в 1936—1937 годах было изъято из армии большинство высшего и половина старшего командного состава, за этим неизбежно последовало характерное для тех лет массовое перепрыгивание через одну, две, а то и три важнейшие ступени военной лестницы...

Надо ли еще раз повторять, что не будь у нас 1937—1938 годов, то в армии с первых дней войны на своих местах оказалось бы куда больше таких людей, как командир полка Кутепов или командир дивизии Романов».

Вот и получается, что избежавший репрессий М. Т. Романов все же стал жертвой сталинщины.

Сейчас мы учимся говорить правду. Под белыми пятнами часто зияют провалы. Становятся известными подлинные герои, развенчиваются псевдогерои. Предаются гласности скрывающиеся в архивах документы, вроде приказа № 066, приведенного вначале.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агафонов С. Кто подталкивал Рузвельта к войне с Японией? // Известия, 1992, 13 февраля.
- Ачильдиев Л. Идол. // Юность. 1989, № 10.
- Бакуменко М. Сокровища в огне войны. Мн., 1990.
- Беднарц К. Разрушение стереотипа. // Огонек. 1989, № 36.
- Безыменский Л. Как сэр Стаффорд Крипс, Ким Филби и Рудольф Гесе Иосифа Сталина напугали. // Новое время. 1992, № 25.
- Безыменский Л. 108 фотографий из архива гестапо. // Новое время. 1993, № 17.
- Беттельхайм Б. Индивидуальное и массовое поведение в крайних ситуациях. // Дружба народов. 1992, № 11—12.
- Боженков В. Почему не поверили доктору Зорге? // Аргументы и факты. 1989, № 18.
- Бовин А. В августе 39. // Известия. 1989, 16 августа.
- Бовкун Е. Сомнительные обстоятельства. // Известия. 1989, 26 августа.
- Большт Г. Последние дни Гитлера. Мн., 1993.
- Была ли «зимняя война» неизбежной. // За рубежом. 1989, № 48.
- Васильчикова М. Берлинский дневник. // Наше наследие. 1991, № 3.
- Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., Прогресс. 1967.
- Вновь о договоре 1939 г. // Известия. 1989, 28 декабря.
- Волков Ф. Д. Тайное становится явным. М., 1989.
- Вторая мировая война. Истоки и выводы. // Правда. 1989, 11 августа.
- Вторая мировая война. М., 1989.
- Вуколов Н. Валленберг в Будапеште. // Эхо планеты. 1990, № 20.

Геббельс И. Последние записи. Смоленск, Русич. 1993.

Грановский А. У истории нет вариантов. // Лит. газета. 1989, 26 апреля.

Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, Русич. 1993.

Заворотный С., Новиков А. Пакт. // Комсомольская правда. 1990, 23 января.

Зубко М. Дивизия замерзла в финских снегах. // Известия. 1992, 2 июня.

Иванов В. Призрак рейхсляйтера Бормана. Ростов-на-Дону. 1989.

Ито П. 6 августа 1945 года: Хиросима обвиняет. М., 1984.

Канун и начало войны. Лениздат. 1991.

Коренюк Н. «Пленные нам не нужны». // Смена. 1990, № 2.

Кто же умер в Шпандау? // Комсомольская правда. 1987, 1 ноября.

Кубеев М. Валькирия по имени Ева. // Эхо планеты. 1993, № 7.

Лавров В. Дипломатические зигзаги.

Лазарев Л. «Читаю мемуары разных лет?» // Юность. 1989, № 10.

Лакер У. С кем вы, мастера статистики? // Новое время. 1993, № 4.

Лакер Уолтер. Наставники Гитлера. // Иностранная литература. 1991, № 5.

Лебедева Н. С. Суд над фашизмом и агрессией. М., 1985.

Лейко О. Ю. Камикадзе. // Вопросы истории. 1989, № 3.

Леонов Н., Ямпольский В. Нападение не было внезапным. // Правда. 1991, № 155.

Локальные войны XX века. Роль СССР. // Отечественная история. 1992, № 4.

Луи де Ионг. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958.

Майский И. М. Воспоминания Советского Посла. М., Наука. 1965.

Майский И. М. Кто помогал Гитлеру? М., 1962.

Матвеев В. От Балтики до Черного моря. // Известия. 1989, 18 августа.

Мельников Д., Черная Л. Преступник № 1. М., 1982.

Монтегю И. Человек, которого не было. М., Воениздат. 1960.

На пороге второй мировой войны. Беседа А. Криволапова со Стивенсом Хауртом. // Известия. 1989, 23 августа.

Нацистский режим и его фюрер. // Новости. 1981.

Носков А. Незнаменитая война. // Красная Звезда. 1989, 30 ноября.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1, 2. М., 1955.

Нюрнбергский процесс. Т. 4. М., 1961.

Овсяный И. 1939: последние недели мира. М., 1981.

Овчинников Вс. Горячий пепел. М., 1984.

Овчинников Вс. Триумф, приведший к трагедии. // Правда. 1991, 7 декабря.

Орлов А., Тюшкевич С. Пакт 1934 года: альтернативы не было. // Лит. газета. 1988, 26 октября.

Орлов А. И. СССР — Германия: август 1939 — июнь 1941. М., 1991.

Ортенберг Д. И. Это останется навсегда. М., 1981.

От Мюнхена до Токийского залива. М., 1992.

Петров В. Была такая война. // Аргументы и факты. 1988, № 39.

Пещерский В. Московское досье «Красной капеллы» // Новое время. 1994, № 12.

Полторацк А. И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965.

Присяжный А. Маршруты барона Меннергейма. // Эхо планеты. 1991, № 28.

Прокопенко А. Искусствоведы от СС. Сенсации особого архива. // Совершенно секретно. 1991, № 11.

Путко А. Оскорбленные секретным приказом. // Огонек. 1990, № 25.

Розанов Г. Л. Уже не секретно. М., 1981.

Рощин А. В довоенном Наркоминделе. // Международная жизнь. 1991, № 11.

Руденко Б. Секретный орден. // Совершенно секретно. 1994, № 11.

Сдвижников И. Ю. Японские смертники времен второй мировой войны. // Преподавание истории в школе. 1993, № 1.

Селезнев К. К штыку приравняв перо. // Иностранная литература. 1976, № 5.

Семиряга М. И. Незнаменитая война. // Огонек. 1989, № 22.

Симонов В. Тени на камнях. // Лит. газета. 1985, 7 августа.

Симонов К. Работаю в «Красной Звезде». // Звезда. 1992, 7 ноября.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. // Знамя. 1988, № 5.

События 1939 г.— взгляд с полувековой детекции. А. Яковлев отвечает на вопросы «Правды». // Правда. 1989, 18 августа.

Соколов В. Наркоминдел Вячеслав Молотов. // Международная жизнь. 1991, № 3.

Соколов В. Наркоминдел Максим Литвинов. // Международная жизнь. 1991, № 4.

СССР — Германия: 1939—1941. Сборник документов. Нью-Йорк. 1989.

Сталин, Рузвельт, Черчилль, де Голль. Мн., 1991.

Суворов В. День «М». Черкассы, 1994.

Трухановский В. Г. Антони Иден. М., 1983.

У порога войны. // Комсомольская правда. 1988, 24 августа.

Фромм Э. Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии. М., 1992.

Хлебников Г. Не только Ева Браун. // Эхо планеты. 1993, № 33.

Хрущев Н. С. Воспоминания. // Огонек. 1989, № 30. Чекисты. М., 1970.

Чернявский В. Рихард Зорге: агент, которого не стали обменивать. // Новое время. 1991, № 6.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1975.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1967.

Якушевский П. А. Противоречивый договор. // Аргументы и факты. 1989, № 32.

Яровой А. Ф. Ставка Гитлера. М., Прометей. 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об этой книге и ее авторе</i>	<i>3</i>
«Неизвестные войны»	
Советско-финская война. Количество жертв	7
Участие Японии во 2-й мировой войне	24
Тайны военной разведки	
Немецкая «пятая колонна» в Европе	48
Воображаемая «пятая колонна»	66
Дело «Красной капеллы»	77
Кто вы, доктор Зорге?	97
Человек, которого не было	110
Тайны третьего рейха	
Антибольшевизм Гитлера	134
Сокровища третьего рейха	147
Тайники третьего рейха	159
Индустрия уничтожения	171
Преступления медиков	199
«Я, мама, жить хочу...»	221
В советском плену	228
Заговор 20 июля 1944 года	235
Я Генрих Гиммлер...	249
Берлинская операция	257
Сколько раз хоронили Гитлера	263
Фюрер и женщины	273
Казнь нацистских преступников	281
Тайны военной дипломатии	
Пакт Молотова-Риббентропа	293
Полет Гесса	320
Поездка в Тегеран	335
Второй фронт	345
Дуэль двух дипломатий	363

Политический наследник Черчилля	378
Будни и праздники по обе стороны фронта . . .	394
«Я готов вести переговоры с самим дьяволом» . . .	403
Начало атомного века	416

Военные легенды

«Во имя всех немцев...»	430
Сын «отца народов»	443
Судьбы людские	455

Массово-политическое издание

РАТКИН СЕМЕН ИЛЬИЧ

ТАЙНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Факты, документы, версии

Ответственный за выпуск *Л. М. Шейко*
Редактор *П. А. Кочеткова*

Сдано в набор 18.04.95. Подписано в печать 3.07.95. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,83. Тираж 20 000 экз. Заказ 1985.

Фирма «Современная литература». Лицензия ЛВ № 971. 220132, Минск, ул. М. Богдановича, 55—351.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21—102.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

ТАЙНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Семен Раткин

ОСНОВУ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ
СОСТАВИЛИ ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ, ОТКРЫВАЮЩИЕ
ИСТИННУЮ ПОДОПЛЕКУ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ И
НЕИЗВЕСТНЫЕ ЛИЦА ИЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ, СТОЯЩИХ ЗА
ЭТИМИ СОБЫТИЯМИ

